

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН»
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОМИ И ПЕРМСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

*Труды Института языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН. Выпуск 77*

*Ответственный редактор
кандидат филологических наук А.Г. Мусанов*

Сыктывкар, 2019

УДК 811.511.132
ББК 81.2(=660/+665)
А43

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОМИ И ПЕРМСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. Сыктывкар, 2019. 228 с. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

ISBN 978-5-906394-51-4

В сборнике статей представлены научные результаты исследований сотрудников сектора языка ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, полученные в ходе выполнения научно-исследовательской темы «Пермские языки в евразийском контексте: статика и динамика». Выявлены тенденции развития фонетической и грамматической систем пермских языков, получены новые данные о формировании лексического состава коми и удмуртского языков в разные исторические периоды. Статьи написаны на материале пермских языков (коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского) и их диалектов.

Коллективный сборник предназначен ученым-языковедам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, студентам-филологам и всем тем, кто интересуется вопросами коми и пермского языкознания.

УДК 811.511.132
ББК 81.2(=660/+665)

Редакционный совет

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), Д.В. Милохин (отв. секретарь), Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, П.П. Котов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, А.М. Мацук, А.Г. Мусанов, П.Ю. Павлов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабаев

Редакционная коллегия

А.Г. Мусанов (отв. редактор), С.А. Сажина (зам. отв. редактора),
Е.Н. Федосеева (отв. секретарь)

Рецензенты

кандидат филологических наук, доцент Р.П. Попова
(Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина)
кандидат филологических наук Т.В. Якубив
(Коми республиканский институт развития образования)

ISBN 978-5-906394-51-4

© Коллектив авторов, 2019
© Институт языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник научных статей посвящен основным проблемам и перспективам развития пермских языков, анализу общих и отличительных явлений коми, коми-пермяцкого и удмуртского языков с учетом исторических контактов с тюркскими, прибалтийско-финскими, волжско-финскими и русским языками.

Ранее достигнутые результаты сравнительно-исторического изучения группы языков, локализованных на территории Республики Коми, Пермского края и Удмуртии, главным образом связаны с выделением взаимных лексических заимствований между окружающими родственными и неродственными языками. Актуальность современных исследований обусловлена значительной неравномерностью в изучении взаимоотношений пермских языков. Одной из основных проблем, рассматриваемых в рамках заявленной темы, являются уточнение состояния исторических трансформаций в фонетике, лексике, грамматике и синтаксисе коми, коми-пермяцкого и удмуртского языков и выявление синхронности разнородных эволюционных этапов с различными периодами межъязыковых контактов. Новизна проведенных исследований заключается в комплексной интеграции сравнительно-исторического и ареально-контактологического изучения пермских языков.

Проблематика статей сборника разнообразна, что объясняется различием научных интересов сотрудников сектора, актуальностью исследования коми, коми-пермяцкого и удмуртского языков на разных уровнях языковой системы, недостаточной изученностью ареальных контактов и исторических связей современных пермских языков с северно-русскими диалектами и другими финно-угорскими языками.

Исследование фонетики коми и удмуртского языков издавна привлекало внимание как отечественных, так и зарубежных пермистов. Одной из наиболее трудноразрешимых и дискуссионных вопросов в пермистике до сих пор остается реконструкция системы вокализма. Авторское видение решения данной проблемы представлено в статье В.В. Понарядова «Вокализм второго слога в пермском праязыке». В соответствии с методологией сравнительно-исторической компаративистики ученым описаны правила диахронического преобразования пермской прасистемы в языках-потомках, установлены позиционные условия, предопределившие расщепление рефлексов.

В статье Г.В. Пуноговой «Качественно-количественные характеристики гласных в коми языке (в сопоставлении с русским языком)» выявлена локализация формантных значений гласных на артикуляционной плоскости в типологически разносистемных коми и русском языках, описана степень их фонетических сходств или различий.

Большое внимание в сборнике уделено изучению лексического состава пермских и других языков. Общеизвестно, что лексика является наиболее подверженным контактным трансформациям уровнем языковой системы. Именно лексическими заимствованиями опосредствована большая часть других контактно обусловленных изменений – фонологических и морфологических. Исследованию лексики коми-зырянского языка, номинирующей процесс выпадения снежных осадков, и выявлению различных видов семантической мотивации наименований, используемых как в безлично-предикативных конструкциях, так и в составе двучленных предикативных единиц, посвящена статья Е.А. Айбабиной «Наименования процесса выпадения снега в коми языке». В статье А.Г. Мусанова «Заселение верхней Печоры по топонимическим данным» выявлены основные направления миграционных потоков: южное (юго-восточное), представленное гидронимами финно-пермского происхождения, и западное (юго-западное), связанное с перемещением населения с территорий бассейнов рек Вычегды, Сысолы, Выми, Мезени. Работа А.Н. Ракина «Метеорологическая лексика удмуртского языка» представляет собой структурно-словообразовательный анализ метеорологической лексики удмуртского языка. На богатом эмпирическом материале проанализирована композиционная составляющая метеонимов, выделены и детально описаны их основные типы. Некоторые лексические расхождения коми-пермяцкого и коми-зырянского языков, причины их возникновения рассматриваются в статье Е.Н. Федосеевой «О некоторых коми-зырянско-коми-пермяцких лексических расхождениях». Вопросам изучения одного из основных разделов эмотивной лексики коми языка – пейоративов, как лексем, так и пейоративных значений существительных, возникших на основе вторичной номинации, посвящена работа Е.А. Цыпанова «Опыт исследования пейоративной лексики коми языка: отонимические образования». В статье детально рассмотрена группа пейоративных единиц, исторически сформировавшаяся в коми устной речи на основе различных этнонимов и личных имён коми населения.

Исследование морфологии и синтаксиса пермских языков традиционно разрабатывается сотрудниками сектора языка на основе анализа диалектных данных. Морфологический строй коми и удмуртского языков характеризуется максимальной устойчивостью, чрезвычайно медленной изменяемостью в отличие от синтаксиса, крайне подверженного для непосредственных внешних, социально обусловленных воздействий. Транс-

формации, которые происходили и происходят в морфологии, обусловлены внутренними тенденциями грамматического развития.

Статья В.М. Лудыковой «Частнооценочные прилагательные в высказываниях коми языка» содержит анализ оценочных прилагательных коми языка с точки зрения их семантической, функциональной и структурной специфики. Исследованию морфологической структуры и особенностей функционирования различных разрядов местоимений в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка посвящена статья С.А. Сажинной «Местоимение в языке кировских пермяков». В работе Г.А. Некрасовой «Конкуренция пролативных суффиксов в коми языке: опыт корпусного исследования» изучены пролативные суффиксы в современном коми языке, выявлены их соотношения при выражении пространственных и непространственных значений, определены основные тенденции развития вариативности и семантических изменений. В статье О.И. Некрасовой «Коми-пермяцкие деепричастия: формы, значения, функции» анализируются конвербы, определяются их опорные формы, особенности выражения таксисных отношений между финитной формой и деепричастием, рассматриваются неопределенные и определенные деепричастия, односубъектные и разносубъектные конструкции, синтаксические функции, трансформации в другие части речи. Анализу коммуникем в коми языке, их функционально-семантическому описанию посвящена статья Н.И. Гуляевой «Коммуникемы в коми языке: функционально-семантический аспект». В работе Э.Н. Поповой «Общее особенное в синтаксисе разговорной речи коми и пермских русских говоров» в сопоставительном плане анализируются специфические синтаксические конструкции, характерные для коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, и аналогичные им конструкции пермских русских говоров; выявлены черты типологического сходства коми и русских диалектных конструкций, предпринята попытка объяснить природу их происхождения в разносистемных языках.

НАИМЕНОВАНИЯ ПРОЦЕССА ВЫПАДЕНИЯ СНЕГА В КОМИ ЯЗЫКЕ

Е.А. Айбабина

0. Метеорологическая лексика коми языка до последнего времени являлась объектом, главным образом, этимологических изысканий, результаты которых зафиксированы в ряде этимологических словарей (КЭСК, UEW). Материал коми языка рассматривается также в небольшом разделе в работе Райи Бартенс (Bartens: 17–20). В настоящее время продолжается изучение происхождения метеонимов, в частности, многочисленных названий снега в коми диалектах. С различных точек зрения исследованы исконный фонд и заимствованный компонент метеорологической лексики коми языка, наименования атмосферных явлений, осадков, ветров в пермских языках (Ракин 2016; Федюнева, Айбабина 2016; Айбабина 2017а, 2017б).

Поскольку значение лексем, репрезентирующих в языке природные явления, связано с несколькими типами референта, помимо субстанции, с процессом или состоянием (Кондратенко 2000: 18), в рамках изучения метеолексики необходимо также исследование соответствующих глаголов, так как именно глаголами передается значение процесса.

В составе семантического поля «снег» в коми языке, так же, как в некоторых других языках, выделяется три группы семантем, обозначающих снег как разновидность осадков, снежный покров и процесс выпадения снега (Кондратенко 2000: 22). Применительно к коми языку исследована диалектная лексика, обозначающая различные виды падающего снега (Айбабина 2017б). Наименования процесса выпадения снега еще не являлись объектом исследования.

1. Среди глаголов, обозначающих процесс выпадения снежных осадков, встречаются лексические единицы, обладающие метеорологическим значением независимо от существительного, указывающего на субстанцию. Поэтому эти глаголы могут употребляться самостоятельно, в частности, в безличных предложениях. Метеорологические глаголы образованы от наименований различных видов снежных осадков.

1.1 Прежде всего, это глагол (и его фонетические варианты), содержащий корневую часть *лым-*, представляющую собой общее (родовое) наименование снега в коми языке: *лымъёвни* вв. (Вольд.), *лымъёони* вв. (Бог.), *лымъёоны* вым. иж., *лымъявны* лл. (Об.) нв. скр., *лымъялни* вв. (Крч.), *лымъялны* вс. лл. печ. сс. ‘идти, падать (о снеге)’.

Примеры: *как тепысь и шапка лымъялӧ* лл. (Лет.) ‘снег падает хлопьями (букв. падает снег с варежку и шапку)’; *сентяб улын вед нин лымъялэ* иж. ‘в сентябре уже идёт снег’ (СДКЯ 2012: 870; СДКЯ 2014: 348).

Глагол *лымъявны* (и его фонетические варианты) может употребляться в сочетании с наименованиями разновидностей снежных осадков. При этом видовое наименование снега имеет форму инструментала: *катшапанолӧн лымъялӧ* вым. (Кони), *катшашидӧсӧн лымъялӧ* лл. (Об.) ‘падает крупа’ (СДКЯ 2012: 646, 647).

1.2. Следующая группа глаголов содержит в корневой части названия снега с дождем, слякоти: *сьлякӧть* – *сьлякӧтялны* лл. (Лет.), *шляк* лл. (Пор. Пр.) – *шлякалны* лл. (Пр.), *шлякитны* сс. (Меж. Чухл.), *шлякиши* вс. (Кб.) – *шлякишаалны* вс. (Кб.), *шлякӧть* вс. (Гр.) лл. нв. – *шлякӧтитны* сс. (Плз. Чухл.), *шлякӧтявны* лл. (Об.), *шлякӧтялны* лл. (Лет. Пр.), *шлякыш* вс. (М.) лл. (Лет. Пор.) сс. – *шлякышавны* лл. (Об.), *шлякшалны* вс. лл. (Лет. Пор. Чтв.), *шляч* вым. уд. – *шлячитни* вв., *шлячитны* сс. (Кур. Пж.), *шлячкыны* иж. ‘слякотить *обл.*, идти слякоти, держаться слякотной погоде’ (СДКЯ 2014: 466, 779, 780).

Примеры: *видз муй дыра нин сьлякӧтялӧ* лл. (Лет.) ‘смотри как долго уже слякоть’; *талун шлякшалӧ* лл. (Лет.) ‘сегодня на дворе слякоть’ (СДКЯ 2014: 466, 779).

Некоторые глаголы рассматриваемой группы могут употребляться с подлежащим: *шляча шлячке* иж. ‘идёт мокрый снег’ (СДКЯ 2014: 780).

1.3. Помимо рассмотренных выше наименований снега с дождем, мокрого снега коми языком заимствованы из русских народных говоров лексические единицы *слӧт* вв. вым. (Весл. Кони) лл. нв. скр. сс. уд., *слӧта* иж. лл. (Зан.) печ. (Пч.) сс. и распространенный повсеместно, за исключением верхнесыольского диалекта, глагол *слӧтитны* / *слӧтитни*, обозначающий процесс выпадения данной разновидности осадков.

Пример: *слӧтитӧ, сӧник сора лым усьӧ* печ. (Пч.) ‘идёт снег с дождем’ (СДКЯ 2014: 395).

1.4. Еще несколько глаголов содержит корневую часть *бус-*: *бускыны* вс. (Гр.) ‘идти мелкому снегу’, *бусйыны* вс. (Крв.) ‘выюжить’, сс. (Ыб) ‘припорошить’. Ср.: *бусков* скр. (Зел.) ‘морось, изморось’, ‘мелкий снег’ (СДКЯ 2012: 124).

1.5. Зафиксирован также глагол, имеющий корневую морфему *вӧльд-*: *вӧльдъявни* вв. / *вӧльдъялни* вв. (Воч) ‘припорошить снежком; выпасть по-

роше'. Ср.: *вõльд* вв. (Бог. Крч.) вым. иж. печ. 'свежевыпавший снег, пороша' (СДКЯ 2012: 264). В литературном языке с этим же значением функционирует глагол *сибусавны*. Ср. *сибус* 'изморось', 'пороша'.

Примеры: *асысыяныыс кутіс вõльдъявны, асысыяныс заводітис сибу-савны* 'с утра начало порошить' (КРК 2000: 121, 589)

2. Для обозначения процесса выпадения всех разновидностей снежных осадков в составе двучленных предикативных конструкций наиболее употребительным является глагол *усьны / усьні* повс. 'падать'.

Примеры: *катишананоо усьõ* вым. (Кони) 'падает крупа', *слõt усьõ* вым. (Весл. Кони), *шлякиша усьõ* вс. (Кб.), *улис лым усьõ* вым. (Кони) 'падает мокрый снег'; *гырысь кока лым усьõ* уд. (Пучк.), *ота кока лым усьõ* уд. (Косл.) 'идёт снег хлопьями', *толун усьõма нальпак* уд. 'сегодня выпала пороша' (СДКЯ 2012: 646, 971; СДКЯ 2014: 395, 654, 779; УД: 198, 215).

Используются также распространенные повсеместно глаголы *мунны / мунні, локны / локні / лакны* 'идти'.

Примеры: *бусков мунõ* скр. (Зел.) 'идет мелкий снег'; *лымйыс кõч лаптõн локтõ* уд. (Крив.) 'идёт снег хлопьями' (ПСД: 194; УД: 198, 215); *шыдõсõн лымйыс локтõ* уд. (Остр.) 'падает крупа (букв. идет снег крупной)' (СДКЯ 2014: 819). В литературном языке зафиксирована также лексема *локталыштны* со значением 'падать (о незначительных атмосферных осадках)': *лым локталыштõ* 'снег порошит' (КРК: 356).

3. Целый ряд глаголов используется для характеристики процесса выпадения конкретных видов снежных осадков.

3.1. Идти, падать (о мелком снеге).

В коми языке зафиксированы следующие наименования мелкого сухого снега: *бусков* скр. (Зел.), *киж* лл. (Об.), *кижа* вв. вс. лл. печ. скр. сс., *китиша* вым. (Кони) иж. уд. (Гл. Черн.), *китиша пызõй* уд., *пакта* вв. (Пом.) печ. (Медв.), *тиж* лл. (Об.), *тижа* лл. скр., *тишавер* уд. (СДКЯ 2012: 124, 662, 672; СДКЯ 2014: 57, 527, 598; ЛЛД 164).

В составе двучленных предикативных конструкций с наименованиями рассматриваемого вида осадков, помимо глаголов *усьны* 'падать' и *мунны / локны* 'идти', используется также распространенный повсеместно в различных фонетических вариантах глагол *киссьыны*, в семантическую структуру которого входят значения 'литься', 'сыпаться', 'падать, валиться': *китиша киссьõ* уд. (Черн.) 'падает мелкий сухой снег' (СДКЯ 2012: 672).

3.2. Падать (о снежной крупе).

Крупа (*снег в виде мелких шаровидных зёрнышек*) имеет в диалектах коми языка следующие наименования: *гõрõк* уд., *катишананоо* вым. (Кони) иж., *катишасин бугиль* вв. (Вольд.), *катишашыдõс* лл. (Об.) нв. печ. (Аб. У.-И.) скр. сс., *катишашыдэс* вв., *крупа* уд., *панано* иж., *ракашыдõс* печ. (Пч.), *шыдõс* уд. (СДКЯ 2012: 360, 646, 647, 753; СДКЯ 2014: 65, 277, 819).

В составе предикативного сочетания, так же, как и с названиями мелкого сухого снега, используется глагол *киссьыны*: *катишананоо киссьё* вым. (Кони) ‘падает крупа’ (СДКЯ 2012: 646). В удорском диалекте значение ‘падать (о снеге, крупе)’ имеет также глагол *шавгыны* (СДКЯ 2014: 750). В литературном коми языке в семантическую структуру рассматриваемой лексемы входят также значения ‘сыпаться; осыпаться (напр., о листе, о крупе)’, ‘рассеяться (о тумане)’ (КРК: 723).

3.3. Идти, падать редкими хлопьями.

В диалектах коми языка процесс выпадения редких хлопьев снега передается, главным образом, с помощью предикативных сочетаний, в состав которых входят глаголы, содержащие в своей семантической структуре указание на плавное, медленное движение: *паллявны* уд., *пальгыны* уд., *пальзьёдлыны* уд., *пальзьёдны* уд., *челавны* лл. (Об. Чтв.), *чёлавны* скр., *чёлалні* вв. (Крч.), *чёлалны* лл. (Пр. Сл.), *чёлоони* вв. (Бог.). (СДКЯ 2014: 59, 60, 692, 727).

Примеры: *лым паллялӧ* уд. ‘идёт снег редкими хлопьями’; *кӧч лаптӧн пальзьёдлас лым* ‘снег падает крупными хлопьями (букв. заячьими лапами)’; *лым чирьяс чёлалабӧны* ‘падают снежинки’; *лым чёлалӧ* ‘сыплет снег’ (СДКЯ 2014: 59, 60; КРК: 947).

В семантической структуре глагола *паллявны* уд. (Косл. Крив.) помимо значения ‘идти, падать редкими хлопьями’, зафиксирован также лексикосемантический вариант ‘плавню снижаться, спускаться’. Глаголы *пальгыны* уд., *пальзьёдны* уд. имеют значение ‘медленно идти (о чем-л. широко, большем)’. У полисемантического глагола *чёлалны* лл. (Пр. Сл.) в лузско-летском диалекте отмечено также значение ‘летать, планировать (о белке-летяге)’ (СДКЯ 2014: 60, 727).

Следует отметить, что глагол *пальзьёдлыны* может употребляться и самостоятельно, т. е. в беслично-предикативных конструкциях: *талун пальзьёдлас* уд. (верх. Ваш.) ‘сегодня падают первые легкие снежинки’ (СДКЯ 2014: 60).

В среднесысольском диалекте (Пж.) значение ‘летать, падать редкими снежинками’ имеет также глагол *кӧвкйӧдлыны* (СДКЯ 2012: 723).

В литературном коми языке для обозначения процесса выпадения снега в виде отдельных снежинок употребляются глаголы *лэбавны* ‘летать’, *гартчыны* ‘кружиться’.

Примеры: *лым чирьяс лэбалӧны* ‘снежинки летают’; *талун лым лэбаліс, тӧлысь мысти лымъялас* примета ‘сегодня снежинки летали – через месяц снег выпадет’; *сынӧдын гартчисны гырысь лым чирьяс* ‘в воздухе кружились крупные снежинки’ (КРК: 372; РКС: 375).

3.4. Валишь (о снеге).

Процесс обильного выпадения снега обозначается в диалектах коми

языка при помощи достаточно большого количества глаголов: *боткыны* вс. (Кб.), *валитні* вв., *валитны* вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд., *кундыны-усьны* вс. (Гр.), *пургыны-лэсьыны* лл. (Зан.), *рапкыны* иж., *саклявны* нв., *сапитны* уд. (Гл.), *сапкины* вв. (Крч.), *сапкыны* вс. вым. иж. нв. печ. (Пч.) скр. сс. уд., *сіпкыны* лл. (Зан. Об.), *сёпильтні* вв. (Млд. Ст.), *сыпкыны* лл. (Зан.), *сэпильтні* вв. (Вольд. Воч. Нивш. Укл.), *шапсьыны* вс. вым. сс., *шлопкыны-лымъялны* лл. (Пр.), *шляпкёды* лл. (Пор.), *шляпкыны* лл. (Пор. Чтв.) сс., *инапкыны* лл. (Об.), *инапёды-лымъялны* лл. (Пр.). В литературном языке с этим значением употребляется еще глагол *шняпкыны*.

Примеры: *ойбыд боткёма лым* вс. (Кб.) ‘ всю ночь, оказывается, валил снег’; *ульём лым валитё недёладнёя* лл. (Пор.) ‘вовсю валил мокрый снег’; *лымйыс тоон бура валитіс-уси* вым. (Онеж.) ‘сегодня навалило много снегу’; *лымыс кундё-усё* вс. (Гр.) ‘снег валил сплошной массой’; *пургё-лэсьё бара лымйыс* лл. (Зан.) ‘опять валил снег’; *лымйыс вынаа кудз рапке* иж. ‘вот как обильно валил снег’; *сапкё лым усьё* вым. (Кони, Онеж.) ‘валил снег’; *сапкыны пондіс лым* печ. (Пч.) ‘повалил снег’; *лымйыс сіпкё-усё* лл. (Зан.) ‘снег валил хлопьями’; *сёпильтэ лымйис усе* вв. (Ст.), *лымйыс шапсьё-усё* вым. (Кони) ‘валил снег’; *шляпкё-усё лым* лл. (Зан.) ‘валил густой снег’; *шняпкё, ва лым петё* лл. (Пр.) ‘валил мокрый снег’, *асывсянь сёпильтис лым* ‘с утра валил снег’; *войбыд шняпкёма лым* ‘ всю ночь валил снег’ (СДКЯ 2012: 88, 151, 767, 981; СДКЯ 2014: 235, 279, 339, 384, 415, 755, 773, 784; РКС: 67; КРК: 737).

Значительная часть приведенных наименований мотивирована указанием на большое количество выпадающего снега. Так, глаголы *сапкыны* вс. (Крв.) лл. (Зан.) скр., *сыпкыны* скр. (Вылг.), помимо значения ‘валить (о снеге)’, имеют значение ‘навалить, много наложить, много насыпать чего-л.’ Глагол *сіпкыны* в присыктивкарском диалекте имеет значение ‘хватать, нахапать что-л. в большом количестве; копить’ (СДКЯ 2014: 339, 384, 457). Глагол *сёпильтні* / *сэпильтні* в верхневыхегодском диалекте имеет также значение ‘высыпать (о густых всходах; о сыпи)’. Глагол *шапсьыны* в вымском и среднесысольском диалектах имеет также значение ‘пениться, быть покрытым густой пеной’ (СДКЯ 2014: 415, 483, 755).

В семантической структуре глаголов *инапкыны* лл. (Об.) (лит. *шняпкыны*), *шляпкыны* вым. лл. сс., помимо значения ‘валить, навалить (о снеге)’, отмечены также лексико-семантические варианты, содержащие указание на характерный звук, сопровождающий действие: *инапкыны* ‘тяжело шмякнуть *прост.*, шлёпнуть’; тяжело шмякать *прост.*, шлёпать’, *шляпкыны* ‘шлёпнуть; хлопнуть’ (СДКЯ 2014: 773, 782).

Среди глаголов, называющих процесс обильного выпадения снега, зафиксированы парные глаголы: *кундыны-усьны* вс. (Гр.), *пургыны-лэсьыны* лл. (Зан.), *шлопкыны-лымъялны* лл. (Пр.), *инапёды-лымъялны* лл. (Пр.) (СДКЯ 2012: 767; СДКЯ 2014: 235, 776, 782).

Первый компонент лексической единицы *кундыны-усьны* вс. (Гр.), лексема *кундыны*, имеет в своей смысловой структуре значение ‘завалить, заваливать’, второй компонент, глагол *усьны* ‘падать’, указывает на движение сверху вниз (СДКЯ 2012: 767; СДКЯ 2014: 669).

В структуре значений компонентов лексической единицы *пургыны-лэсьыны* лл. (Зан.) содержатся антонимичные семы. Одно из значений глагола *пургыны* ‘подниматься клубами, валить (напр., о дыме)’ (СДКЯ 2014: 235), второй компонент, *лэсьыны*, имея значение ‘спускаться, спуститься’, указывает на движение сверху вниз (СДКЯ 2012: 878).

Указание на интенсивность действия, имеющего результатом обильное проявление, обеспечивают компоненты *шнапöдны*, *шлопкыны* лексических единиц *шнапöдны-лымъялны* лл. (Пр.) ‘густо валить (о снеге)’, *шлопкыны-лымъялны* лл. (Пр.) ‘валить хлопьями’. Ср. тж. *шнапöдны-тэчны* лл. (Лет.) ‘много наложить, накладывать’, *шлопкыны-сёйны* сс. ‘есть с большим аппетитом’, *шлопкыны-сылны* лл. (Гур.) ‘сильно таять’ (СДКЯ 2014: 782, 776–777). Следует отметить, что глагол *шлопкыны* в верхнесыольском, вымском, лузско-летском диалектах имеет значение ‘хлопнуть, хлопать; шлепнуть, шлёпать’ (СДКЯ 2014: 776).

4. Проанализированный материал дает возможность сделать вывод, что процесс выпадения снега обозначается в коми диалектах при помощи довольно большого количества глаголов, обладающих различными видами семантической мотивации наименования, используемых как в беслично-предикативных конструкциях, так и в составе двучленных предикативных единиц.

Некоторые наименования представляют собой конструкции, состоящие из звукоподражательного глагола в препозиции и основного глагола. В качестве основного глагола в таких конструкциях выступают глаголы *лымъявны* ‘идти (о снеге)’, *усьны* ‘падать’.

Собственно метеорологические глаголы, содержащие за счет корневой морфемы указание на субстанцию (разновидность снежных осадков), представлены в незначительном количестве.

Сокращения

Диалекты коми языка: вв. – верхневычегодский, вс. – верхнесыольский, вым. – вымский, иж. – ижемский, лл. – лузско-летский, нв. – нижневычегодский, печ. – печорский, скр. – присыктывкарский, сс. – среднесыольский, уд. – удорский.

Населенные пункты: Аб. – д. Абар, Бог. – с. Богородск, Ваш. – бассейн Вашки, Весл. – с. Весляна, Вольд. – с. Вольдино, Выльг. – с. Выльгорт (Сыктывдинский р-н), Гл. – с. Глоново, Гр. – с. Грива, Гур. – с. Гурьевка, Зан. – с. Занулье, Зел. – с. Зеленец, Кб. – с. Кобра, Косл. – с. Кослан,

Крв. – д. Карвуджем, Крив. – д. Кривое, Крч. – с. Керчомья, Кур. – с. Кура-
тово, Лет. – с. Летка, М. – д. Мырпонаыб, Медв. – д. Медвежская, Меж. –
с. Межадор, Млд. – с. Мыёлдино, Нивш. – с. Нившера, Об. – с. Объячево,
Онеж. – д. Онежье, Остр. – д. Острово, Пж. – с. Пажга, Плз. – с. Палауз,
Пом. – с. Помоздино, Пор. – д. Поруб, Пр. – с. Прокопьевка, Пч. – с. Под-
черье, Пучк. – с. Большая Пучкома, Разг. – д. Разгорт, Сл. – с. Слудка,
Ст. – с. Сторожевск, У.-И. – с. Усть-Илыч, Укл. – с. Усть-Кулом, Черн. –
с. Чернутьево, Чтв. – с. Читаево, Чухл. – с. Чухлэм.

Литература и источники

Айбабина 2017а – *Айбабина Е.А.* Названия сосулук в коми языке // *Linguistica Uralica*. LIII. 2017. 2. С. 130–133.

Айбабина 2017б – *Айбабина Е.А.* Снег с отцом и с матерью и со всей
родней // *Пермистика 16: Диалекты и история пермских языков во взаимо-*
действии с другими языками. Сыктывкар, 2017. С. 16–23.

Кондратенко М. М. Лексика народной метеорологии. Опыт сравни-
тельного анализа славянских и немецких наименований природных явле-
ний. München, 2000.

КРК – *Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И.* Коми-роч
кывчукöр. Сыктывкар, 2000.

КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь
коми языка. Сыктывкар, 1999.

ЛЛД – *Жилина Т.И.* Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.

ПСД – *Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г.* Присыктывкарский диалект и
коми литературный язык. М., 1971.

Ракин А. Н. Исконный фонд метеорологической лексики коми языка
(структурно-словообразовательный анализ). Вестник угроведения. 2016.
№ 2 (25). С. 58–64.

РКС – *Безносилова Л.М., Забоева Н.К., Коснырева Р.И.* Русско-коми
словарь / Под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар, 2003.

СДКЯ 2012 – *Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Косны-*
рева Р.И. Словарь диалектов коми языка В 2-х томах. Сыктывкар, 2012.
Т. 1 (А-О).

СДКЯ 2014 – *Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Косны-*
рева Р.И. Словарь диалектов коми языка В 2-х томах. Сыктывкар, 2014.
Т. 2 (Ö-Я).

УД – *Сорвачёва В.А., Безносилова Л.М.* Удорский диалект коми языка.
М., 1990.

Федюнева Г.В., Айбабина Е.А. О происхождении некоторых названий
снега в коми языке // *Ежегодник финно-угорских исследований.* 2016. Т. 10.
Вып. 4. № 4. С. 7–19.

Bartens R. Suomalais-ugrialaisten kielten meteorologisista ja muita luonnonolosuhteita merkitsevistä ilmauksista // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 86. Helsinki, 1995. P. 17–20.

UEW – Uralisches etymomologisches Wörterbuch. Bp.: Akadémiai Kiadó, 1986–1989.

КОММУНИКЕМЫ В КОМИ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.И. Гуляева

В настоящее время коммуникемы являются объектом исследования многих лингвистов. Данные специфические синтаксические конструкции, отличные от грамматических моделей классических предложений, выполняющие речерегулятивные функции и выражающие различные модально-прагматические значения, получают различные дефиниции в трудах исследователей. Вследствие этого в современной лингвистике существует множество названий данных коммуникативных единиц: слова-предложения (ГРЯ), коммуникативы (Киприянов 1975, Андреева 2006, Шаронов 1996), предложенческие коммуникаты (Сиротинина 1980), метакоммуникативные сигналы слушающего (Чхетиани 1987), нечленимые предложения (Грамматика 1980), фразеосхема (Шмелев 1960), логические фразоиды (Теньер 1988), сентенсоиды (Прибыток 1992), коммуникемы (Меликян 1999) и др. В данной работе используется термин коммуникема, который, на наш взгляд, более точно отражает сущность исследуемых единиц.

Основополагающей проблемой в описании коммуникем являются их языковой статус и место в системе языка. Некоторые исследователи данные единицы относят к отдельному классу слов, в частности, В.Ф. Киприянов (Киприянов 1983), Е.А. Земская (Земская 1987), Э.А. Столярова (Столярова 1972) и др. Так, В.Ф. Киприянов в своей работе утверждает, что коммуникативы – это лексико-грамматический класс слов, категориальная совокупность признаков которых явно отграничивает их от всех других частей речи и в то же время ставит их в один ряд с ними единой системы частей речи (Киприянов 1983: 92).

В.С. Федосеева рассматривает данные конструкции как неполные предложения (Федосеева 1950).

В «Грамматике русского языка» 1954 г. данные конструкции именованы «слова-предложения» и рассмотрены как синтаксически нерасчлененный тип простого односоставного предложения (ГРЯ: 79).

В.В. Виноградов квалифицирует коммуникемы как вид «одночленных предложений», «...функция которых сводится к простому утверждению или отрицанию, выражению согласия или к общей экспрессивно-модальной оценке предшествующего высказывания. Это предложения, основу которых составляют утвердительные или отрицательные слова *да* и *нет*, модально окрашенные слова и частицы (типа: *разве? едва ли! может быть! конечно! вероятно!* и т.п.), междометия и слова, близкие к междометиям» (Виноградов 1954: 15). Далее исследователь пишет, что предложения данного вида нередко очень экспрессивные, выражают модальную квалификацию сообщения и иногда содержат побуждение к какому-нибудь действию, следовательно, они также выражают синтаксическую категорию модальности. «К этим предложениям, синтаксически нерасчлененным, совершенно неприменима психологистическая схема подстановки сочетающихся представлений в роли субъекта и предиката. Поэтому модальные слова-предложения всегда рассматривались как особый тип предложений (а в субъективно-идеалистических психологических теориях – как «эквиваленты предложения»), не имеющих и не способных иметь в своем составе никаких членов предложения – главных или второстепенных. И все же они имеют модальные значения. Предложения этого типа употребляются преимущественно в диалогической речи, в ответных и вопросительных репликах собеседников. Они могут, как отголоски внутреннего диалога, употребляться и в монологической речи, при подтверждении уже высказанного, при возражении самому себе и в других подобных случаях» (Виноградов 1954: 15). «Такого рода нерасчлененные экспрессивные однословные предложения, естественно, не обрастают другими словами или членами, так как формы синтаксической связи здесь не имеют для себя даже морфологической опоры. По отношению к таким предложениям вообще неприменимо понятие «члены предложения» (Виноградов 1954: 22).

Г.В. Валимова называет данные единицы «релятивами» и отмечает: «под релятивами понимают речевые коммуникативные единицы ситуативного характера, служащие реакцией на восприятие каких-либо явлений, но выраженные не с помощью номинативных значений слов». Подчеркивая их отличие от предложений, исследователь пишет, что релятивы могут передавать отношение только говорящего, только его поведение, они не понятны, синтаксически не членимы, не имеют парадигмы форм, их соотносительность со временем ситуативна, но не синтаксична (Валимова 1967: 133–134).

Согласно Г.Ф. Гавриловой и Е.К. Кожиной, применение термина «предложение» по отношению к данным структурам недостаточно корректно. Это самостоятельные единицы синтаксиса, особый тип высказываний, независимый от системы предложений (Гаврилова, Кожина 2002: 57).

В «Русской грамматике» 1980 г. коммуникемы рассматриваются как особый класс нечлененых предложений. В ней же отмечается, что категориальным признаком данных синтаксических конструкций является свойство аграмматизма, которое и обуславливает их синтаксическую нерасчлененность (РГ: 383).

По В.Ю. Меликяну, коммуникема – это синтаксическая единица, обладающая устойчивостью, воспроизводимостью, идиоматичностью, специфическим характером отношений между компонентами и выполняющая в речи коммуникативную функцию (Меликян 2004). Исследователь предлагает следующее, на наш взгляд, достаточно исчерпывающее определение: «Коммуникема – это коммуникативная непредикативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов, грамматически нечленяемая, характеризующаяся наличием модусной пропозиции, нерасчлененно выражающая определенное непонятливое смысловое содержание (т.е. не равное суждению), не воспроизводящая структурных схем предложения и не являющаяся их регулярной реализацией, лексически непроницаемая и нераспространяемая, по особым правилам сочетающаяся с другими высказываниями в тексте и выполняющая в тексте реактивную, волюнтаристическую, эмоционально-оценочную, эстетическую функции. В отличие от других нечлененых предложений коммуникема лишена номинативной функции и полностью идиоматична» (Меликян 2004: 72).

В.Н. Шаронов определяет коммуникему как лаконичную единицу речевой идиоматики, выражающую речевую интенцию говорящего и ментально-эмоциональное отношение говорящего лица к предмету речи или ситуации. Основным признаком коммуникемы автор называет самостоятельную позицию в речи, устойчивость, фиксированность его ментально-эмоциональной окраски (Шаронов 1996: 90–95).

По мнению А.И. Смирницкого, значение коммуникем «не осмысливается, не анализируется, но непосредственно выражается, не будучи, так сказать, пропущенным через мышление, здесь существенно то, чтобы это было какое-то переживание» (Смирницкий 1955: 89).

Согласно Г.А. Золотовой, коммуникемы не содержат сообщения, а выражают эмоционально-волевую или ментальную, осознанную или автоматическую реакцию говорящего (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 389–400).

Учитывая вышеизложенное, мы можем утверждать, что коммуникема – это коммуникативно-синтаксическая единица, характеризующаяся семантической и синтаксической нерасчлененностью, интенциональной заданностью, экспрессивно-эмоциональной окрашенностью, основными функциями которой являются выражение коммуникативных намерений (интенций) коммуниканта, его эмоциональной реакции на факты лингвистического и экстралингвистического характера, его отношения к действи-

тельности, побуждения, различных этикетных моментов, вопроса, утверждения или отрицания. Данные конструкции выполняют речерегулирующие функции и предполагают соответствующую реакцию со стороны адресата. Они не способны самостоятельно передавать пропозициональную информацию, вследствие этого всегда имеют тесную связь с контекстом или кон- ситуацией.

Коммуникемы в коми языке, впрочем, как и в других языках, чаще всего встречаются в разговорной речи, возникают как спонтанная реакция на какое-либо явление, высказывание и т.д. Они «выработаны языком как более экономные, более краткие и более эмоциональные формы выражения отношения говорящего к объективному миру. Возможно, структурно-семантическая нерасчлененность коммуникем тем и объясняется, что основной их функцией является выражение большего содержания меньшими средствами» (Меликян 2004: 71). Данные единицы представляют собой значимую составляющую коммуникации и реализовывают своеобразную функциональную нагрузку, которая состоит: «в восполнении отсутствующих (недостающих) звеньев коммуникации; в придании речевому акту большей экспрессивности по сравнению с членимым высказыванием, которое оно замещает; в линейном и временном сокращении речевого акта благодаря замещению членимого, достаточно длинного в силу своей семантической, морфологической и синтаксической расчлененности высказывания или нескольких высказываний одной краткой репликой» (Меликян 2004: 71).

Как отмечалось выше, при речевой реализации коммуникем отсутствует время для предварительного обдумывания, вследствие этого появляются клишированные, автоматически воспроизводимые структуры в виде готовых шаблонов (формул), возникающих в речи в условиях неоднократно повторяющихся коммуникативных ситуаций, «что обеспечивает оперативное реагирование на речевую или актуальную экстралингвистическую ситуацию» (Андреева 2006: 68), напр.:

Педӧр синсӧ сувтӧдӧма, зэв скӧр, быдсӧн тӧралӧ.

– *Сӧ морӧн лыйӧм!.. Некод тӧ ме ордӧдз энӧ волӧ!* (Сажин 1987: 80) ‘Федор глаза вытарасил, очень злой, весь дрожит. – Застреленный сотней чертей!.. Никто из вас ко мне не приходил!’ (при выражении негодования).

Васька (кутӧ Митрейӧс). Мый нӧ тайӧ, Митрей? Поп-дякыс мый танӧ вӧчӧны?.. Со чом вӧчӧмабсь, вугыр-шатињяс чургӧдӧмабсь. Сӧ дивӧйд! (Савин 1982: 190) ‘Васька (держит Митрея). Что же это, Митрей? Что здесь поп с дяком делают?.. Вот шалаш сделали, удочки закинули. Вот чудеса! (букв. Сто чудес!)’ (при выражении удивления).

В большинстве коммуникем проявляется национальная специфика, поэтому они трудно воспринимаемы для носителей других языков. Это свя-

зано с тем, что образное мышление различных народов часто оказывается специфичным и «дает иногда весьма неожиданные для представителей другого народа сопоставления и метафорические представления» (Копыленко, Попова 1989: 148): *Сё мат!* ‘Сто бед (мук)!’ – употребляется при выражении досады (Плесовский 1986: 132); *Кёч вый оз ков?!* ‘Не слишком ли много хочешь, (букв. не хочешь ли заячьего масла)?!’ – раздражение в ответ на невыполнимые требования (Плесовский 1986: 74).

Коммуникемы широко распространены в коми языке и выполняют различные речевые задания. Они могут целенаправленно воздействовать на собеседника и выступать в качестве инициирующей реплики, а также представлять ответную реплику-реакцию. Данные синтаксические единицы «содержат в себе информационный заряд в виде сведений как об общей тональности общения, взаимоотношениях собеседников, так и о конкретных намерениях слушающего» (Андреева 2006: 69).

На основе семантического содержания и функциональной специфики в коми языке нами выявлены следующие виды коммуникем: эмоционально-оценочные, этикетные, вопросительные, контактоустанавливающие, побудительные и утверждения / отрицания.

1. **Эмоционально-оценочные коммуникемы** являются наиболее употребительными в коми языке. Ф.В. Плесовский отмечал, что в разговорной речи у коми часто воспроизводятся многие выражения с эмоционально-экспрессивным характером. Эти выражения, устоявшиеся в процессе исторического развития языка, характеризуют отношение говорящих к происходящим событиям, к поступкам людей: удовольствие или неудовольствие, радость, горе, печаль, удивление и т.д. Все эти чувства выражаются весьма многообразно (Плесовский 1986: 8–9). Семантика коммуникем данного вида – непосредственная экспрессивно-оценивающая реакция на что-либо увиденное или услышанное, на определенную речевую ситуацию, а также и отображение эмоционального состояния адресанта.

В коми языке коммуникемы данного вида можно разделить на три группы:

а) коммуникемы, транслирующие положительную оценку (радость, восторг, удивление и т.д.):

– *Попвасев! Саша!*

– *Люда! Гичева! Али синмёй пёръясьё?*

– *О, еймёй! Кымын во ми тэкёд эг аддзысьлөй?* (Напалков 2006: 41)
‘Попвасев! Саша! – Люда! Гичева! Или я ошибаюсь? – О, господи! Сколько же лет мы с тобой не виделись’ (радость).

Яр Опонь нюмпырысь пасясис, топыдджыка сюйис юрас шапкасё да выль кётиа кокъяснас некымынысь тапнитис джоджө:

– *Ок! Со кутшөм мичаёсь ми... А кутшөм кокниёсь да шоныдось!*

Көтө йөкты усьтөдз (Вурдов 2008: 30) ‘Натянув плотнее на голову шапку, Яр Опонь с улыбкой оделся и несколько раз притопнул, любуясь новой парой обуви (новыми котами). – Ох! Вот какие мы красивые... А какие легкие и теплые! Хотя до упаду танцуй’ (восторг).

– *Сё дивё! Ог төд, мый и шуны* (Вурдов 2008: 32) ‘Чудо! Не знаю, что и сказать’ (удивление).

б) коммуникемы, выражающие отрицательную оценку (печаль, гнев, страх, раздражение, разочарование и т.д.):

– *Сё морё тай! Мый өнi вöчны? – Чипан Миш шылькнитiс-лэдзис кыз чуньяс костöдыс пашкыр юрсисö, паськыд ки пыдöснас тупкис сарöга, бритчöм чужöмсö* (Ульянов 2007: 30) ‘Сто чертей! Что же теперь делать? – Чипан Миш погладил толстыми пальцами свои густые волосы, закрыл широкими ладонями свое шершавое побритое лицо’ (раздражение).

Өнё. Пазöда ставсö!

Анна. О, енмöй-господьöй! (Шахов 1985: 313) ‘Андрей. Все разломаю! Анна. О, господи!’ (страх).

– *Ок-ма! Мыйта добраыс вошö вöрын!* (Торопов 1988: 49) ‘Эх! Сколько добра в лесу пропадает!’ (сожаление).

в) коммуникемы нейтральной оценки:

– *Таня звöнитлiс. Тэнад ставыс бур? – неуна падъялыштöмөн юасис Роман.*

– *Да, ен сыкöд* (Макарова 2006: 22) ‘Звонила Таня. У тебя все хорошо? – спрашивал, слегка смущаясь, Роман. – Да, слава богу (букв. Бог с ним)’.

Одна и та же коммуникема в различных ситуациях может выражать абсолютно несхожие оценки, напр.:

Нывбаба шöйöвошöмөн чöв олiс, сумка да сетка киясыс лётмунiсны.

– *О, господи! Веня!.. – шуис медбöрти* (Шахов 1985: 61) ‘Женщина растерянно молчала, нагруженные сумками руки опустились. – Господи! Веня!.. – наконец сказала она’ (удивление).

Ульяна. О, господи! Ог и майшась! Мися, узьö нин, буракö ки ни кок, а то... (Юшков 1983: 43) ‘Ульяна. О, господи! Я и не беспокоюсь! Думаю, спит он уже крепко, а вот...’ (раздражение).

– *Мый нö тэ, Иван?.. Иванушко? Кытчö без пöльзу юртö сюян? О, господьöй! Эстиöм ва вылö?* (Федоров 1987: 204) ‘Что же ты Иван?.. Иванушка? Куда же ты голову зря суешь? О, господи! В такую воду?’ (страх).

В коми языке одними из наиболее частотных являются коммуникемы, образованные от вокативных имен существительных, «Господи!», «Господьöй да енмöй!» и т.д. В процессе десемантизации данные конструкции приобрели функцию выражения эмоций и эмоционально-оценочного отношения к происходящему. Также справедливо считается, что многие эмоционально-оценочные коммуникемы ранее являлись фразеологизмами,

но впоследствии из-за частого употребления в определенных ситуациях они перешли во вторичные междометия, восклицания, выражающие эмоциональные реакции.

2. **Этикетные коммуникемы** представляют собой различные речевые формулы, функционирующие в разговорной речи и служащие для установления, поддержания, прерывания контакта, выражающие доброжелательное отношение к адресату и создающие благоприятную тональность общения. Согласно Н.И. Формановской, единицы речевого этикета ярко «личностны» («межличностны»): в них всегда присутствует (имплицитно или эксплицитно) я говорящего и ты / Вы адресата (Формановская 1982: 43). По мнению В.Ю. Меликяна, в этикетных коммуникемах представлен целый набор факторов: «персональность общения», ситуативная обусловленность, значительная культурная составляющая, опора на общий фонд знаний (пресуппозиции), принадлежность преимущественно к устно-разговорной форме речи, антропоцентричность, местоименность речи, синтаксическая простота, неполнота, спонтанность, повторы, ассоциативность связей, эмоционально-экспрессивная и модально-императивная насыщенность, непринужденность, языковая экономия, стереотипность (устойчивость, стандартизированность) и т.д.» (Меликян 2012: 57). Данные факторы позволяют, затратив минимум усилий, достичь нужного коммуникативного результата.

Все этикетные коммуникемы, функционирующие в коми языке, по характеру выражаемого значения делятся на пять групп:

1) приветствия: *чолӧм, видза оланнӧд, оланнӧд-выланнӧд, чолӧм-здорово* ‘здравствуй, здравствуйте’:

– *Чолӧм, бабӧ.*

– *Чолӧм!* (Вурдов 2008: 12) ‘Привет, бабушка – Привет!’.

– *Видза оланнӧд!* – *шыасис менам ёрт* (Нефёдова 2008: 57) ‘Здравствуйте! – поздоровался мой друг’.

– *Олан-вылан!*..

– *Здравствуй*, – *веськодя шуышитӧс Тамара* (Горчаков 2007: 35) ‘Здравствуй!.. – Здравствуй, – равнодушно ответила Тамара’.

В коми языке широко распространены формулы приветствия, употребление которых зависит от времени суток:

Орччӧн олысь видзаасис:

– *Бур асьв!* (Югова 2008: 59) ‘Сосед поздоровался: – Доброе утро!’

– *Бур лун, Владимир Петрович* (Шахов 1980: 7) ‘Добрый день, Владимир Петрович!’.

– *Бур рыт, Лиза тӧйт!* (Чугаев 2006: 58) ‘Добрый вечер, тетя Лиза!’.

2) прощания: *аддзысылтӧдз, досвиданье* ‘до свидания’, *видза коляннӧд* ‘до свидания’, *став бурсӧ* ‘всего доброго’:

– *Аддысылытöдз*, Виктор Алексеевич... (Шахов 1980: 107) ‘До свидания, Виктор Алексеевич...’.

– *Досвиданье*, ыджыд мам (Шахов 1985: 354) ‘До свидания, бабушка’.

– *Видза колянныд*, а менам могыс абу вöлөм секретарныд дорö. *Извинитöй* (Шахов 1980: 71) ‘До свидания, а мне, оказывается, нужен не ваш секретарь. Извините’.

3) благодарности: *аттьö* и *пасибö* ‘спасибо’:

– *Тöрам. Олöй, олöй!*

– *Аттьö* (Юшков 1983: 147) ‘Поместимся. Живите, живите. – Спасибо’.
Поздравляйта. И мед ставыс артмас тiян лючки-бура.

– *Пасибö. Думайта артмас* (Напалков 2006: 57) ‘Поздравляю. И пусть все у вас получится – Спасибо. Думаю, получится’.

При этом первое может быть усилено прилагательным *ыджыд* ‘большое’, а второе – числительным *сё* ‘сто’:

– *Бабö, ыджыд аттьö* чöскыд сёйöдысь (Вурдов 2008: 31) ‘Бабушка, огромное спасибо за вкусный обед’.

– *А сё пасибö жö öд!* (Юшков 1983: 11) ‘Огромное спасибо (букв. сто раз спасибо)!’

В качестве ответа на благодарность обычно выступают *нинöмысь* ‘не за что’, *бур вылö* ‘пожалуйста, букв. на благо’, заимствованное из русского языка *пöжалуйста* ‘пожалуйста’:

– *Аттьö тэд, Данилö, отсöгысь.*

– *Бур вылö* (Горчаков 2012: 55) ‘Спасибо тебе, Данила, за помощь. – Пожалуйста’.

4) извинения: *извинит*, *прöстит* ‘извини’, *прöща кора* ‘прошу прощения’, *энö дивитöй* ‘не осуждайте’:

– *Прöститöй менö!.. Эбöсöй быри...* (Савин 1982: 159) ‘Простите меня!.. Сил не осталось...’.

– *Извинитöй, Павел Егорович. Попов танi...* (Шахов 1985: 25) ‘Извините, Павел Егорович. Попов здесь...’.

– *Прöща кора*, Егорий дядь. *Ме тетрадьсыд лыддьышитi!* – *серам пырыс шуалис Пима* (Власов 2007: 47) ‘Прошу прощения, дядя Егор. Я заглянул в твою тетрадь – сквозь смех сказал Фима’.

– *Но, тэдтö кö тай, позьö на овны! А ме гöснеч эг вай некодлы. Энö дивитöй!* (Юшков 1983: 37) ‘Ну, если так, то еще можно жить! А я даже гостинцы никому не принес. Простите!’.

5) благопожелания:

а) работающим людям традиционно желают: *Мырсян-пессян!* ‘Честь труду! букв. работаешь-трудишься’, *Удж да мог!* ‘Честь труду! букв. работа и цель’, *Енсянь отсöг!* ‘бог в помощь’:

– *Бур удж, пиук! Енсянь отсѳ!* – *видзаасис Ёпѳнь* (Вурдов 2008: 28)
‘– Хорошей работы, сынок! Бог в помощь!– поздоровался Афанасий’.

б) людям, принимающим пищу: *Нянь да сов!* ‘Приятного аппетита! букв. хлеб да соль’, *Чай да сакар!* ‘Приятного аппетита! букв. чай да сахар!’.

в) при расставании в зависимости от ситуации употребляются следующие благопожелания: *Став бурсѳ!* ‘Всего доброго!’, *Бур туй!* ‘Счастливого пути!’, *Бура узыны* ‘Хорошо поспать!’ и т.д.:

– *Шуда ветлѳм! Лун и вой кутам виччысьны*, – *горзѳ йѳз чукѳр* (Федоров 1987: 233) ‘Счастливой поездки! День и ночь будем вас ждать, – из толпы кричали люди’.

– *Бура узыны, Октябрина!* (Шахов 1985: 59) ‘Хорошо поспать, Октябрина!’.

– *Бур вой, бабушка* (Михеева 2007: 66) ‘Доброй ночи, бабушка’.

3. **Вопросительные коммуникемы** в качестве самостоятельных единиц выделены в «Русской грамматике» 1980 г. и определены как «относительно независимые высказывания, непосредственно не опирающиеся на грамматические образцы простого предложения», которые служат для «выражения общего вопроса, ответа на него: *А?; Что?; Ну и что? – Ничего; Как?; Ну как?; А что?; Да?; Неужели?; Разве?; Действительно?; Правда? – Правда; Что такое?; Ах так?; Вот как?; Как же так?; А вот так и др.*» (РГ: 420). Данные синтаксические конструкции «всегда выражают запрос информации по вполне конкретному поводу: в связи с прозвучавшим высказыванием собеседника» (Колокольцева 2001: 111). И.И. Прибыток отмечает, что их основная сфера функционирования реплики-реакции, в то же время они встречаются и в репликах-стимулах (Прибыток 1992: 88). По верному замечанию исследователей, помимо собственно вопросов, коммуникемы данного вида могут выражать вопрос-переспрос, вопрос-пояснение, вопрос-подтверждение и т.д. (Краснов 2005, Гуляева 2012, 2013, 2014).

Анализируемые единицы широко распространены в коми языке. Употребительны вопросительные коммуникемы, целью которых является запрос информации – собственно вопросы, обычно они местоименные:

– *Мукѳдыс тай вермѳны*, – *вочааліс Васька*.

– *Кѳдї? Видзѳдла ас синмѳн* (Торопов 1988: 164) ‘Другие же могут, – возразил Васька. – Кто? Посмотрю своими глазами’.

– *Ректам, со тай тиамъяйс*.

– *Кѳні?* – *эз аддзы Васька* (Юшков 1988: 54) ‘Выгрузим, вон же лабаз. – Где? – не видел Васька’.

В разговорной речи часто встречаются удостоверительные вопросы-уточнения:

Нива. Котыртам уборочно-транспортной отряд, сэтчѳ ѳтувтчасны витнан звеноыс. Техника эм, механизаторьяс аддзысясны жѳ, а начальник...

Федя. *Абу?* (Дьяконов 1990: 267) ‘Нива. Соберем уборочно-транспортный отряд, туда войдут все пять звеньев. Техника есть, механизаторы тоже найдутся, а начальник... – Федя. Нет?’.

Вопросы-переспросы:

Губернатор. *Кёсьян-ё эськё тэ лоны губернаторшаён, Матреша?*

Матреша. *Ог.*

Губернатор. *О-он? Мыйла нё?* (Дьяконов 1990: 212) ‘Губернатор. Желает ли ты стать губернаторшей, Матреша? – Матреша. Нет. – Губернатор. Не-ет? Почему же?’.

Люба. *Коля!*

Куручкин. *А?* (Дьяконов 1990:109) ‘Люба: Коля! – Куручкин: А?’.

Вопросы-подтверждения:

– *Гашкё, Суворовыд воис да? Ёбёдитис? Да?* (Дьяконов 1990: 226) ‘Может быть, Суворов прибыл? Обидел? Да?’.

– *Сідзкё, вот кыдз сернитчам: тэ ёні отсыштан мамыдлы, а нёль час кезлё локтан школад. Бур?* (Огнев 1993: 9) ‘Значит, вот как договоримся: ты сейчас поможешь своей маме, а к четырем часам придешь в школу. Хорошо?’.

Вопросы-сомнения:

Марпа (бокё). *Висьтавны абу-а?.. (Пеклалы гусёён). Гришасянь письмо тэныд эм.*

Пекла (повзигмоз). *Чё-ёв?.. Съёлёмиёрёй... (Синьяссё чышкё)* (Савин 1982: 16) ‘Марфа (в сторону). Рассказать – нет?.. (Фекле тихонько): Письмо от Гриши тебе есть. – Фекла (испуганно). Неужели?’.

Шутемов. *Ме прёстой морт, Андрей Яковлевич, сиктын олысь, видз-му уджалысь...*

Ёньё. *Неужели?* (Шахов 1985: 287) ‘Шутемов. Я простой человек, Андрей Яковлевич, сельский житель, крестьянин... – Андрей. Неужели?’.

Вопросительные коммуникемы в коми языке могут функционировать в пре- и постпозиции:

– *Мем чайтсьё. Ме медводдзаён на нимта тэно тадзисё...*

– *Збыль?.. Аттё либё тэныд...* (Торопов 1988: 137) ‘Мне кажется, я первый тебя так называю... – Правда?.. Спасибо тогда тебе...’.

Муравьев. *Бурёсны тьянёс. Вёськыда кё висьтавны, мудзи нин. Ёд тэ бёр воин, медым бурасыны.*

Ольга. *Эг.*

Муравьев. *Эн? А мыйла нё эськё?* (Дьяконов 1990: 119) ‘Муравьев. Помирить вас. Если прямо сказать, то я уже устал. Ведь ты вернулась, чтобы помириться. – Ольга. Нет. – Муравьев. Нет? А отчего же?’.

– *Эз кё вёв сійё, дерт, вёлі эськё бурджык, но шулывлёны тай: «И бурыс нё оз овлы лёктёгыс». Сідз?* (Изыуров 1954: 80) ‘Если бы этого не

было, конечно, было бы лучше, но говорят же: «И хорошего, мол, не бывает без плохого» Так?».

Как видно из приведенных примеров, функционируя в препозиции, вопросительные коммуникемы обычно представляют собой вопрос-уточнение или вопрос-переспрос, а в постпозиции – вопрос-подтверждение.

4. **Контактоустанавливающие коммуникемы** являются важным средством установления контакта, поддержания его в нужной тональности соответственно ситуации общения. В коми языке контактоустанавливающую функцию реализовывают и другие виды коммуникем: этикетные, некоторые коммуникемы волеизъявления, но основной формой привлечения внимания со стороны коммуниканта являются обращения, «изолированные обращения-призывы» (РГ: 383). Некоторые лингвисты квалифицируют их как вокативные предложения, которые состоят из имени существительного и выражают побуждение, призыв, несогласие, упрек и т.д. (Розенталь, Теленкова 1976, Шахматов 2007, Галкина-Федорук 2009). В коми языкознании данные конструкции рассматривались также в качестве вокативных предложений (СКЯ, КЯЭ). С.В. Андреева справедливо рассматривает их в составе коммуникативов (коммуникем). Согласно исследователю, выбор одной из нескольких возможных форм обращения к одному и тому же лицу «информирует» об интерперсональных отношениях коммуникантов. Очевидно, что они могут ярко проявлять отношение говорящего к собеседнику, т.е. выполнять речерегулирующую функцию (Андреева 2006: 46). По мнению В.И. Карасика, обращения выражают регулятивное, индексальное и эмоциональное содержание (Карасик 1992: 120). Данный вид коммуникем представляет собой такие обращения, в которых кроме названия (имени) адресата речи, выражаются дополнительные оттенки мысли и чувства. Они «произносятся с особой интонацией, вызывающей сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли может быть выражен упрек, сожаление, укор, негодование» (Шахматов 2001: 86). В данных синтаксических единицах оттенки того или иного чувства в разговорной речи передаются интонацией, а в письменной речи поясняются предыдущим или последующим предложением.

Коммуникемы-обращения широко распространены и в коми языке:

Уськӧдчис Опонь. Горбӧдис:

– **Яков!** *Мый нӧ лоин?! (Титов 1987: 193) ‘Кинулся Афанасий. Закричал: – Яков! Что с тобой случилось?’.*

Юля (видана) Мамӧ! (Юшков 1983: 183) ‘Юля (ругая) Мама!’

Во многих случаях название адресата повторяется дважды, что еще более усиливает экспрессивность и эмотивность:

– **Алеша! Алеша!** – *Алексей Федорович кылӧс вывті тӧдса да мелі, но ёна повзьӧм гӧлӧс, восьтіс синъяссӧ (Шахов 1980: 58) ‘Алеша! Алеша!*

– Алесей Федорович услышал такой знакомый и нежный, но сильно испуганный голос, открыл глаза’.

– **Гриш, Гриш!** – *долыда шуис Васьö, ёрт вылö мелia видзöдiс*. – *Кутам овны, кутам!* (Габов 1987: 323) ‘Гриша, Гриша! – глядя нежно на друга, радостно сказал Вася. – Будем жить, будем!’.

5. **Побудительные коммуникемы** служат сигналами намерений (интенций) адресанта и имплицитно выражают его волеизъявления. С их помощью коммуникант добивается нужного ему действия от адресата, принимая на себя директивную роль. В коми языке коммуникемы данного типа можно разделить на две группы:

а) коммуникемы, выражающие категорическое побуждение (приказ, команда, требование, разрешение, запрет и др.):

– **Внимание!** *Снимайтa, – аппаратын точмунiс, нывбаба веськöдчис* (Торопов 1988: 288) ‘Внимание! Снимаю, – в аппарате щелкнуло, женщина выпрямилась’ (требование сосредоточить внимание на чем-либо).

Юрий горöдiс:

– **Нoko!** *Лэдзчысьöй пыжсьыс!..* (Шахов 1985: 118) ‘Юрий крикнул: Ну-ка! Отцепитесь от лодки!..’.

– *Весиг пöрысь бабаяс ставныс видз вылö петiсны, а тэ, колхозлөн, кыдзи шуасы, ветеран, век честнöя, бура уджавлiн, а талун со дезертируйтaн...*

– **Но-но!** – *югнитiс синьяснас Прокопий да ещö ёнджыка горöдiс*. – *Тэ, вокö, тöд, кутиöм кывъясьöн шыблаян!* (Матвеев 1954: 188) ‘Даже пожилые женщины все на сенокос вышли, а ты, колхозник, как говорится, ветеран. Всегда честно, хорошо работал, а сегодня вот дезертировал... – Но-но! – сверкнул глазами Прокопий и еще громче закричал. – Ты, брат, знай, какими словами кидаешься!’ (требование к прекращению каких-либо действий, предостережение против чего-либо, обычно с угрозой ответного действия).

б) коммуникемы, выражающие смягченное побуждение (просьба, мольба, упрашивание, совет и др.):

Вывтi окота лои узьны, но полис кымöмысь, та вöсна, кымынкö минут куйлыштöм бöрын, сiйö кызмырдöн чеччис, лэдзчысис пу дiнö да кумысь помя мый вынсьыс горöдiс:

– **Ау!..Ау!.. Ау-у-у!!!** (Рочев 1983: 137) ‘Сильно захотелось спать, но он боялся замерзнуть, поэтому полежав несколько минут, он с усилием поднялся, прислонился к дереву и три раза подряд изо всех сил закричал: Ау!.. Ау!.. Ау-у-у!!!’ (подача голоса, с требованием ответа, оклик людей, не видящих друг друга).

– **Алло!** – *шыасис тöдтöм гөлöс* (Савин 1987: 31) ‘Алло! – произнес незнакомый голос’ (приглашение к контакту, демонстрирует готовность адресанта к разговору).

Побудительные коммуникемы также употребляются в обращении к животным:

Симон пузис.

– *Буско, ус!.. – понйыслы горöдiс сiйö* (Рочев 1983: 146) ‘Симон вышел из себя. – Буско, фас! – закричал он собаке’ (команда собаке, соответствующая по значению словам хватай! кусай!).

Сеня бергöдчис яглань, кутiс чуксавны понсö:

– *Сьта! Вьюн, сьта! Лок татчö! – Сенялön горзöмыс шызьöдiс ягысь чöв-лөнсьö* (Титов 1987: 212) ‘Сеня повернулся к лесу, начал подзывать собаку: Ко мне! Вьюн, ко мне! Иди сюда! – Сенин крик нарушил безмолвие леса’.

6. Коммуникемы утверждения/отрицания употребляются в диалогической речи для выражения отношения коммуниканта к услышанному. Данные синтаксические единицы «формируют речевые акты согласия / несогласия и маркируют конечный перлокутивный эффект, который может оказаться как успешным, так и неуспешным. Различного рода модификации коммуникативов выражают различные дополнительные оттенки и коннотации значений согласия / несогласия» (Бо 2015: 8).

а) коммуникемы утверждения являются прямым положительным ответом на заданный вопрос, предложение, просьбу либо выражают согласие с чем-либо, подтверждение чего-либо. Согласно О.В. Озаровскому, согласие – это констатация тождества...трех точек зрения разных (обычно двух) субъектов речи относительно какого-либо явления действительности (Озаровский 1974: 70). По справедливому замечанию А.А. Сотниковой, к согласию часто присоединяется оценочное отношение, и оно пересекается с подтверждением (Сотникова 1987: 58).

В коми языке согласие выражается преимущественно утвердительным словом *да*, а также другими словами со значением утверждения *дерт*, *тöдöмысь* ‘конечно’, *правильнö* ‘правильно’, *ладнö* ‘ладно’, *бур* ‘хорошо’, *вернö* ‘верно’ и др., напр.:

Альберт. Тайö мый, ультиматум?

Юля. Да (Юшков 1983: 177) ‘Альберт. Это что, ультиматум? – Юля. Да’.

– *Аддза, этиша на ветлöмыд. Вежавидзысь.*

– *Дерт!* (Шахов 1985: 175) ‘Вижу, мало еще поездил. Стеснительный. – Конечно!’.

– *Öтарсянь кö, тайö и бур – вынаджык бать-мамсяньыд вынаджыкöсь лöйны и пияныс, – гöгöрвоа жö ме тайöс.*

– *Сiдзи...* (Торопов 1988: 30) ‘С одной стороны, это и хорошо – у более крепких родителей будут более крепкие дети, – это я тоже понимаю. – Так...’.

– *Вот. Сідзкё, менам висьталём серти и лоё.*

– *Ладнё. Тунасьны огё кутёй* (Шахов 1985: 131) ‘Вот. Значит, будет так, как сказал я. – Ладно. Гадать не будем’.

Габё. Гёлёваас позьё бёрыны Морохинёс, Сидор Сергеевичёс!

Унаён. Бур!.. Шань мортыс!.. (Савин 1982: 141) ‘Габё. Головой мож-но выбрать Морохина, Сидора Сергеевича! – Многие. Хорошо!..Хороший человек!..’

Лиза. Сёмын ёдйё, но?

Вячеслав. Но (Юшков 1983: 21) ‘Лиза. Ты только быстрее, но? – Вячеслав. Но’.

Габё. Тэ пыдди вьлэ гёлёваёс бёрыны, мёдлы эсйё медальсё сетны!..

Унаён. Вернё!.. (Савин 1982: 141) ‘Габё. Вместо тебя нового голову выбрать, другому эту медаль отдать!.. – Многие. Верно!..’.

– *Мый кётъ и единоличник, гашкё, аски жё лоан ми кодь.*

– *Во, во!* – *Пыста Иван сёёлмсяньыс кутчысис Сергей кйё да кыкысь кымын чорыда пыркнитіс* (Фёдоров 1987: 199) ‘Ну, хоть и единоличник, может, уже завтра станешь как мы. – Вот, вот! – от всего сердца вцепился за руку и два раза крепко потряхнул Сергея Пыста Иван’.

б) коммуникемы отрицания являются прямым отрицательным ответом на заданный вопрос либо выражают несогласие с чем-либо, отрицание чего-либо. Они также могут выражать возражение, опровержение, недовольства, неодобрение и т.д. Согласно Г.Е. Крейдлину, данные единицы «характеризуются разной степенью частоты встречаемости в текстах и разной степенью невежливости, обычно сопряженной с вызовом или откровенной грубостью» (Крейдлин 2006: 285). В коми языке несогласие выражается отрицательными словами *абу* ‘нет’, *абу тадз, абу сідз* ‘не так’, *нинём* ‘ничего’, *ёдвакё* ‘едва ли’, напр.:

Альбина (нетё.) Юля? (сетё кисё)

Альбина. Абу. (здоровайтчё) (Юшков 1983: 148) ‘Альбина (выходит). Юля? (подает руку). – Альбина. Нет (здоровается)’.

– *Мый керан, Гафар Макарович. Вовыс эсйём вёлі. Нянь вьлё лоис сетны Мишкаёс, – мёдіс дорйысьны Степан.*

– *Абу, абу сідз, – куньыштліс синъяссё Бикмедов* (СКЯ: 169) ‘Что поде-лаешь, Гафар Макарович. Год такой был. За хлеб пришлось отдать Мишку, – начал оправдываться Степан – Нет, не так, – зажмурил глаза Бикмедов’.

– *Ой, мый тэкёд, Надюш? – пыр жё казяліс Анна тьёт. – Бёрдін? Синъясёд гырдоёс.*

– *Нинём, – вочавидзис ныв* (СКЯ: 170) ‘Ой, что с тобой, Надюша? – сразу же заметила тетя Анна. – Плакала? Глаза красные. – Ничего, – отвела девушка’.

Гижысь. Анна? Катерина? Ёльксандра?

Ярö. *Абу* (Юшков 1983: 248) ‘Писатель. Анна? Катерина? Александра? Ярö. Нет’.

– *Аски локтанныд?*

– *Öдвакö* (СКЯ: 170) ‘Завтра приедете – Едва ли’.

Выражения несогласия может быть с ироническим подтекстом:

Валерьян. Сідзкö юала и муна. Петан он эськö ме сайö?

Лиза. Эг на йöймы! (Юшков 1983: 35) ‘Валерьян. Значит, спрошу и уйду. Выйдешь или нет за меня? – Лиза. Еще с ума не сошла’.

Таким образом, коммуникемы в коми языке широко употребительны и отличаются функционально-семантическим разнообразием. Они выступают в качестве важнейшего связующего компонента в речи коммуникантов, способствуют достижению ими установленных целей, улучшению процесса общения, выражают субъективное отношение адресанта к реалиям окружающей действительности, его чувства, волеизъявления и эмоции.

Литература и источники

Бо Л. Русские экспрессивные синтаксические конструкции как коммуникативные единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015.

Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в русском языке. Ростов-на-Дону, 1967.

Виноградов В.В. некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопросы языкознания. 1954. № 1. С. 3–29.

Власов А. Динозавр колык // Войвыв кодзув. 2007. № 7. С. 42–48.

Вурдов А. Лэч туй // Войвыв кодзув. 2008. № 9. С. 21–45.

Габов И.Н. Машö // Ытва дырйи. Сыктывкар, 1987. С. 292–325.

Гаврилова Г.Ф., Кожина Е.К. Коммуникативы в системе синтаксиса: коммуникативы и предложения // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного. Ростов-на-Дону, 2002. С. 54–57.

Галкина-Федорук Е.М., Горишкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. Синтаксис. 2-е изд. М., 2009.

Горчаков Г.Д. Орöдöм олöм // Войвыв кодзув. 2007. № 12. С. 29–47.

Горчаков Г.Д. Кöдзыд пöльöс кыйöм // Войвыв кодзув. 2012. № 1. С. 40–55.

Гуляева Н.И. Вопросительные предложения в коми литературном языке: семантика, функции и структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2013.

Гуляева Н.И. Контактустанавливающие вопросительные предложения вербальной идентификации в коми языке // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания. Сыктывкар, 2012. С. 41–44. (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 69).

Гуляева Н.И. Переспросы в коми языке // Художественный опыт литературы финно-угорских народов: общее и особенное. Сыктывкар, 2014. С. 250–254.

Дьяконов Н.М. Свадьба приданной. Сыктывкар, 1990.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.

Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Изъюров И.В. Моряклён трубка // Коми писателяслён рассказяс. Сыктывкар, 1954. 42–50 л.б.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.

Киприянов В.Ф. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. М., 1983.

Киприянов В.Ф. Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1975. № 3. С. 79–87.

Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, 2001.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии // Воронеж, 1989.

Краснов В.А. Коммуникемы со значением волеизъявления в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

Крейдлин Г.Е. Эмфатические ответные реплики в диалоге // Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы. М., 2006. Вып. 4. С. 283–294.

КЯЭ – Коми язык. Энциклопедия. М., 1998.

Макарова Е. Джынъя шуд // Войвыв кодзув. 2006. № 9. С. 13–24.

Матвеев А. Ётчуд асыводзын // Коми писателяслён рассказяс. Сыктывкар, 1954. 185–191 л.б.

Меликян В.Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь. Ростов-на-Дону, 1999.

Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения. Ростов-на-Дону, 2004.

Меликян В.Ю. Этикетные коммуникемы в системе русского языка // Русский язык за рубежом. 2012. № 6. С. 57–62.

Михеева Т. Идёртём Катя // Войвыв кодзув. 2007. № 11. С. 60–68.

Напалков В. Утка туй // Войвыв кодзув. 2006. № 3. С. 38–60.

Нефёдова Ю. Вёт // Войвыв кодзув. 2008. № 9. С. 56–57.

Огнев Л. С. Сиктса учитель // Дзирья ёшинь дорын: Висьтъяс, повесть. Сыктывкар, 1993. 3–74 л.б.

Озаровский О.В. Способы выражения согласия-несогласия в современном русском языке // Русский язык в национальной школе, 1974. № 6. С. 61–67.

Плесовский Ф.В. Коми кывтэчасъяс (Коми фразеологизмы). Сыктывкар, 1986.

Прибыток И.И. Английские сентенсоиды. Структура. Семантика. Прагматика. Сферы функционирования. Саратов, 1992.

ГРЯ – Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1. М., 1954.

РГ – Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Рочев Я.М. Кык друг. Сыктывкар, 1983.

Савин В. А. Вабергач. Сыктывкар, 1982.

Савин В.А. Луча // Ытва дырйи. Сыктывкар, 1987. С. 15–37.

Сажин И.И. Ён тыш // Ытва дырйи. Сыктывкар, 1987. С. 80–110.

Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. М., 1980.

СКЯ – Современный коми язык. Ч. 2. Синтаксис. Сыктывкар, 1967.

Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 79–89.

Сотникова А.А. Диалог и условия реализации в нём семантико-коммуникативной категории согласия-несогласия // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия История. Языкознание. Литературоведение. 1987. Вып. 4. № 23. С. 76–82.

Столярова Э.А. Распределение и функционирование грамматических классов слов в русской разговорной речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1972.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Титов И.П. Кык час мысти // Ытва дырйи. Сыктывкар, 1987. С. 189–193.

Торопов И. Г. Ме верма, батьё. Сыктывкар, 1988.

Ульянов А. Кытш бёрся кытш // Войвыв кодзув. 2007. № 2. С. 24–43.

Федосеева В.С. Функционально-синтаксическое использование слова да и его эквивалентов // Русский язык в школе. 1950. № 1. С. 16–22.

Фёдоров Г.А. Ытва дырйи // Ытва дырйи. Сыктывкар, 1987. С. 195–206.

Фёдоров Г.А. Шуштём кад // Ытва дырйи. Сыктывкар, 1987. С. 229–254.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982.

Чугаев Н. Дивёнад тай он тырмы! // Войвыв кодзув. 2006. № 10. С. 53–59.

Чхетиани Т.Д. Специализированные метакоммуникативные сигналы поддержания речевого контакта // Прагматические и текстовые харак-

теристики предикативных и коммуникативных единиц. Краснодар, 1987. С. 20–26.

Шаронов В.Н. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1996. № 2. С. 89–111.

Шахов Б.Ф. Визув паныд: Кык повесть. Сыктывкар, 1980.

Шахов П.Ф. Мыйла олам. Сыктывкар, 1985.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001.

Шмелёв Д.Н. О связанных синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.

Югова Т. Кӧні ме? // Войвыв кодзув. 2008. № 9. С. 58–59.

Юшков Г.А. Кыськӧ тай эмӧсь. Сыктывкар, 1983.

Юшков Г.А. Рӧдвуж пас. Сыктывкар, 1988.

ЧАСТНООЦЕНОЧНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ КОМИ ЯЗЫКА

В.М. Лудыкова

Имена прилагательные выражают объективные, реально существующие признаки предмета вне отношения к нему субъекта, и субъективные признаки, представленные с точки зрения говорящего, оценивающего субъекта. Объективным является признак, существующий в реальной действительности, безотносительно к говорящему субъекту, делающий предмет тем, «что он есть», мыслится как заключенное в предмете, представляющее собой нечто «внутреннее» (и, как таковое, способное являться вовне во взаимоотношениях предметов») (ТФГ: 15). Субъективным является признак, выражающий не собственный признак предмета, а отношение, точку зрения говорящего субъекта. Субъективные прилагательные, имеющие оценочное значение, занимают значительное место в системе этой части речи, являются необходимыми для выполнения различных коммуникативных задач.

К субъективным оценкам относятся общеоценочные и частнооценочные типы (Арутюнова 1998: 183, 194; Вольф 2002). Соответственно имена прилагательные делятся на общеоценочные и частнооценочные. Выделение общеоценочных и частнооценочных прилагательных актуально и для коми языка. К прилагательным общей оценки в коми языке относятся прилагательные *бур* ‘хороший’ – *лёк* ‘плохой’. Давая общую оценку предмету, субъект должен хорошо знать различные свойства, качества предмета, он должен эксплицитно или имплицитно мотивировать свою оценку, «прилагательные типа *хороший* / *плохой* выражают (противоположные) оценки в чистом виде, за их употреблением стоит знание отношений вещей, но выражаются или непосредственно только реакции субъекта на какие-то свойства объекта. Это «только» и составляет специфическую особенность семантики прилагательных типа *хороший* / *плохой*» (ТФГ: 21). При общей оценке присутствует субъективный аспект, соотнесение субъекта оценки системой ценностей, ценностных представлений, имеющихся у него. Общая оценка дается по совокупности различных признаков, к примеру, *бур*

керка ‘хороший дом’; в этом сочетании имеется в виду и то, что он теплый и крыша не протекает, и крепкий, и удобный для проживания, светлый, большой, расположен в удобном месте и т.п. В конкретном высказывании из общего объема оценки выделяются те качества, свойства, черты предмета, которые важны для данной ситуации, для данного времени.

В коми языке более обширными и разнообразными являются частно-оценочные прилагательные, которые оценивают объект по какому-либо одному основанию. Такие прилагательные оценивают лишь одно качество предмета, дают «оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения» (Арутюнова 2002: 198). Определяющую роль при оценке играет наблюдающий субъект. Оценка является субъективной, она зависит от собственных вкусов, культуры, привычек, знаний о мире, о социуме, об отношениях между людьми и т.п. говорящего лица. Оценка связана с ощущениями коммуниканта, с тем, что ему «нравится / не нравится». Поэтому один и тот же объект может оцениваться разными субъектами по-разному. Частнооценочное значение имеют качественные прилагательные. К ним, напр., относятся вкусовые прилагательные: *чӧскыд* ‘вкусный’, *чӧскыдтӧм* ‘невкусный’. Они способны давать оценки также и различным запахам: *Керкаын сэтшӧм чӧскыд пӧсь нянь дукӧн ӧвтӧ, весиг оз эскыссы* (Торопов 1980: 14) ‘В доме пахнет таким вкусным хлебом, даже не верится’; *Ок кужӧ (чой) чӧскыд няньтӧ вӧчны, медтыкӧ добраыд вӧлі* (Торопов 1980: 14) ‘Ох умеет (сестра) вкусный хлеб выпекать, было бы из чего’; *Сэтӧр йывъясӧн заваритӧма, чӧскыд кӧр разалӧ пуркйысь руыскӧд* (Торопов 1980: 5) ‘Смородина заварена, вкусный запах разносится с клубящимся паром’; *Сынӧдыс сэтшӧм чӧскыд, мый окута лапавны и лапавны морбс тырнад* (Торопов 1995: 24) ‘Воздух такой свежий (букв. вкусный), что хочется дышать и дышать полной грудью’.

Прилагательные могут выражать и интеллектуальную оценку. К таким, напр., относятся *сюсь* ‘умный, толковый, понятливый, сметливый, способный’, *йӧй* ‘глупый, бестолковый, безумный’, *вежӧра* ‘умный, толковый, смысленный, понятливый, сообразительный’, *тӧлка* ‘толковый’, *енбиа* ‘талантливый’: *Но сійӧ вӧлӧм сюсьджык меысь* (Васютов 2002: 180) ‘Но он, оказывается, сообразительнее меня’; *Мортыс вӧлі сюсь кыйысь-олысь* (Васютов 2002: 124) ‘Человек (он) был сметливым охотником’; *А сійӧ ӧд меным кажитчис сэки медся сюсьӧн, ёнӧн, тӧлкаӧн* (Васютов 2002: 172) ‘А ведь он казался мне тогда самым умным, сильным толковым’; *Сійӧ сэтшӧм тӧлка, шань морт* (Доронин 1968: 199) ‘Он такой толковый, хороший человек’; *Тӧлка детинка, шогмана зон* (Фёдоров 1979: 128) ‘Толковый юноша, ничего парень’; *Счетовод кыпӧдліс вежӧра видзӧдлассӧ председатель вылӧ* (Лыжуров 1991: 92) ‘Счетовод поднял умный взгляд на председателя’; *Да ми абу жӧ дзик йӧйӧсь, гӧгӧрвовыштам, кодарӧ сынӧны найӧ*

(Фёдоров 1979: 128) ‘Да мы тоже не совсем глупые, понимаем немного, в какую сторону они тянут’.

Частнооценочные прилагательные способны указывать на эстетическую оценку. Такими являются *мича* ‘красивый’, *мисьтõм* ‘некрасивый’. Они оценивают внешние, наблюдаемые признаки лица, одушевленного существа, природные объекты и предметы, созданные руками человека: *Ануш сэтшõм мича* (Васютов 2002: 29) ‘Ануш такая красивая’; *Урлõн тõвся паськõм мичаысь-мича нин* (Коданев 2001: 54) ‘Зимняя одежда белки уже очень красивая’; *Аддзанныд, кутишõм мичаõсь менам сõкõлясыс* (Васютов 2002: 40) ‘Видите, какие красивые мои соколы’; *Гõгõр мисьтõм вуджõррьас* (Фёдоров 1979: 55) ‘Кругом некрасивые тени’.

Среди частнооценочных прилагательных можно также выделить группу прилагательных со значением этической оценки. К ним, к примеру, относятся *дыш* ‘ленивый’, *горш* ‘жадный’, *рам* ‘смирный, кроткий’, *уджач* ‘старательный, трудолюбивый’, *ыкша* ‘высокомерный, заносчивый, чванливый, хвастливый, самолюбивый, щепетильный’, *зиль* ‘старательный, трудолюбивый, прилежный, усердный’, *мудер* ‘хитрый, лукавый’, *авья* ‘скромный, сдержанный, уравновешенный, серьезный, толковый, вежливый, учтивый, приветливый’, *вежлив* ‘вежливый’, *наян* ‘хитрый, лукавый’, *скуп* ‘скупой’, *сõлõма* ‘добрый, сердечный’ и т.п. Все они оценивают лицо по его действиям, поступкам: *Унтер Генъ абу дыш* (Васютов 2002: 98) ‘Унтер Генъ не ленивый’; – *Тэ, Микол, абу вежлив зон. Александр Никодимовичкõд здоровайтчин, а мекõд нõ мый?* (Доронин 1968: 130) – ‘Ты, Микол, парень невежливый. С Александром Никодимовичем поздоровался, а со мной?’; *Тэ менам зиль, уджач, а гõтырыд небыд... миян семьялы сийõ уджõн абу стать* (Доронин 1968: 154) ‘Ты у меня старательный, трудолюбивый, а жена (твоя) ленивая ... по работе не под стать нашей семье’; *Мелі да наян куканьыд кык мамõс нёнялõ* (Доронин 1968: 86) ‘Ласковый и хитрый теленок двух мамок сосет’; *Регыд горш манакьас апыштисны матигõгõрсьыс медбур видз местаяссõ* (Доронин 1968: 7) ‘Вскоре жадные монахи захватили самые хорошие луга в окрестности’; *Сийõ пыр õтигор кылс суседьясынь, и аслас семья пытыкысь, мый Гриш горш, Гриш скõр, Гриш скуп* (Доронин 1968: 156) ‘Он постоянно одно и то же слышал от соседей, и в своей семье, что Гриш жадный, Гриш злой, Гриш скупой’; *Камбалов вõлі шурыд, збой морт* (Фёдоров 1979: 35) ‘Камбалов был проворный, смелый человек’.

При таких именах прилагательных бывают слова-интенсификаторы, подчеркивающие субъективность оценки, вносящие «голос» оценивающего субъекта: *А Трõш Педõр ок мудер да сюсь* (Фёдоров 1979: 144) ‘А Трош Педор ох и лукавый и хитрый’; *Зэв зиль морт, оз и мудз, пõрысь нин эськõ да* (Фёдоров 1979: 36) ‘Очень трудолюбивый человек, и не устает, хотя уже и старый’; *Зэв уджач вõвлі* (Васютов 2002: 240) ‘Очень трудолюбивой была (она)’.

Эстетические и этические нормы образуют группу сублимированных оценок (Арутюнова 1998: 199; Вольф 2002: 27). Эта группа оценок, как подчеркивается в исследованиях, небезразлична к понятию архетипа – нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту. При этом положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность. Эстетическое чувство не может быть удовлетворено стандартом. Высокая эстетическая оценка имплицитно подразумевает уникальность произведения искусства. Между тем положительная этическая оценка в общем случае требует ориентации на этическую норму, соблюдение нравственного кодекса, то есть большего или меньшего количества правил и заповедей. Требование уникальности, таким образом, не является необходимым условием моральности (положительной этической оценки), но оно необходимо предъявляется к произведениям подлинного искусства (Арутюнова 1998: 199).

Среди частнооценочных выделяется также группа рационалистических оценок, связанных с практической деятельностью человека, с практическими интересами, повседневным опытом человека (Арутюнова 1998: 200; Вольф 2002: 27). Основные критерии таких оценок «физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции (в том числе и той, к которой данный предмет предназначен), соответствие установленному стандарту (Арутюнова 1998: 200). В коми языке к прилагательным такой оценки относятся *колана* ‘нужный’, *туяна* ‘подходящий, годный’, *лбсялана* ‘походящий’, *лбсявтѳм* ‘неподходящий, негодный’, *дзоньвидза* ‘здоровый, целый, живой, невредимый’, *дзонь* ‘целый’, *ковтѳм* ‘ненужный’, *здоров* ‘здоровый’, *прамѳй* ‘настоящий’, *правильнѳй* ‘правильный’, *нормальнѳй* ‘нормальный’: *Тэнад гѳтырыд дзоньвидза?* (Васютов 2002: 185) ‘Твоя жена здорова?’; *Но кыдзи командир вѳлі некытчѳ туйтѳм* (Доронин 1968: 81) ‘Но как командир (он) был никуда негодный’; *А со и асланыс налѳн чомныс тыдовтчис. Ен сыкѳд, дзонь на тай сулалѳ пожѳма яг вылас* (Торопов 1995: 231) ‘А вот и их лесная избушка показалась. Бог с ней, целой еще стоит в сосновом бору’; *А Миколыд тѳян прамѳй морт, зря ме сѳйѳс ѳнтай видѳ* (Доронин 1968: 198) ‘А Николай ваш настоящий человек, зря его недавно поругал (я)’.

В лингвистических исследованиях частнооценочные рационалистические оценки в свою очередь подразделяются на: а) утилитарные оценки (полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный); б) нормативные оценки (правильный – неправильный, корректный – некорректный, нормальный – аномальный, ненормальный, стандартный – нестандартный, бракованный, доброкачественный – недоброкачественный); в) теологические оценки (эффективный – неэффективный, целесообразный – нецелесообразный, удачный – неудачный) (Арутюнова 1998: 198–199; Вольф 2002: 27). В коми языке прилагательные утилитарной оценки и теологической

оценки являются заимствованными из русского языка, в эту группу входят такие адъективные слова, как *полезной* ‘полезный’, *вредной* ‘вредный’, *удачной* ‘удачный’, *неудачной* ‘неудачный’.

Частнооценочные прилагательные, как и прилагательные общей оценки, предпочитают предикативную позицию. Синтаксический «пафос» частнооценочных предикатов, – пишет Н.Д. Арутюнова – предопределен не необходимостью в экспликации их содержания (некоторые из них вообще не допускают конкретизации), а аксиологической многогранностью и противоречивостью объекта. Частнооценочные предикаты охотно образуют разные виды конъюнкции: чистую конъюнкцию (*и*-отношения), противительную конъюнкцию (*но*-отношения, *да*-отношения, *реже*; *а*-отношения), уступительную конъюнкцию (*зато*-отношения). Между тем общеоценочные предикаты выражают некоторый итог. Они объемлют аксеологически релевантные признаки. Поэтому для них конъюнкция гораздо менее характерна. Конклюдитивность и семантическая объемность общей оценки аннулирует или ослабляет присоединительную валентность: *Погода хорошая и...*; *Роман хороший и ...*; *Пьеса скверная ...* Если аксеологический предикат употреблен в ограничительном смысле, то *и*- конъюнкция допустима: *Это хорошие (= доброкачественные, съедобные) грибы и даже вкусные*» (Арутюнова 1998: 219).

Все оценочные прилагательные легко сочетаются с различными интенсификаторами. При них усиливается субъективность, подчеркивается роль субъекта оценки: *зэв бур* ‘очень хороший’, *вывтї бур* ‘слишком хороший’, *зэв лёк* ‘очень плохой’, *вывтї лёк* ‘слишком плохой’, *зэв мича* ‘очень красивый’, *вывтї мича* ‘слишком красивый’, *зэв чёскыд* ‘очень вкусный’, *вывтї чёскыд* ‘слишком вкусный’, *зэв чёскыдтѳм* ‘очень невкусный’, *вывтї чёскыдтѳм* ‘слишком невкусный’, *вывтї рам* ‘слишком смиренный’, *зэв рам* ‘очень смиренный’, *лёка мича* ‘довольно красивый’ и т.п. Субъективность оценки, роль говорящего также усиливают и повторы прилагательного: *бурсьыс бур* ‘очень хороший (букв. из хорошего хороший)’, *горшсьыс горш* ‘очень жадный (букв. из жадного жадный)’ и т.п.

Такие прилагательные выполняют в предложении предикативную и атрибутивную функции, во многих случаях при именах существительных являются обязательными (подробно о синтаксических функциях оценочных адъективных слов см. Лудыкова 1999; 1999а; 2001; 2003; 2005; 2006; 2008; 2009; 2009а; 2010; Лудыкова, Федюнева 2003 и др.).

Таким образом, в коми языке получили широкое распространение прилагательные со значением частной оценки, которые являются важными для полноценного выражения конкретных коммуникативных задач говорящего субъекта в реальной речевой ситуации.

Литература и источники

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 2002.
- Васютов Ю.* Шондіа вой. Сыктывкар, 2002.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 2002.
- Доронин П.* Парма съёлöмын. Сыктывкар, 1968.
- Коданев И.* Шувгы, муса пармабй. Сыктывкар, 2001.
- Лудыкова В.М.* Синтаксис имени прилагательного в коми языке: дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2006.
- Лудыкова В.М.* Предикативное прилагательное в коми языке. Сыктывкар, 2005.
- Лудыкова В.М.* Коми кывбердлön грамматика да вежöртас (Грамматика и семантика коми прилагательного). Сыктывкар, 1999.
- Лудыкова 1999а – Лудыкова В.М.* Синтаксис имени прилагательного в коми языке // Пермистика: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 1999. С. 115–121.
- Лудыкова В.М.* Синтаксические способы выражения степеней качества прилагательных в диалектах коми языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001. С. 159–170.
- Лудыкова В.М.* Коми кывбердлön синтаксис (Синтаксис имени прилагательного в коми языке). Сыктывкар, 2003.
- Лудыкова В.М.* Определение в агглютинативных языках (на материале коми языка). Сыктывкар, 2008.
- Лудыкова В.М.* Коми кывйын кывтэчас да прöстöй сёрникузя (Словосочетание и простое предложение в коми языке). Сыктывкар, 2009.
- Лудыкова 2009а – Лудыкова В.М.* Виды подчинительной связи атрибутивного прилагательного в коми языке // Вопросы коми филологии. Сыктывкар, 2009. С. 14–18.
- Лудыкова В.М.* Имя прилагательное в синтаксисе агглютинативных языков: функционально-коммуникативный аспект. Сыктывкар, 2010.
- Лудыкова В.М., Федюнева Г.В.* Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков. Сыктывкар, 2003.
- Лыюров А.* Аттьö тiянлы. Сыктывкар, 1991.
- Торопов В.* Менам вöр-ва. Сыктывкар, 1980.
- Торопов И.* Оштö эн лый кыкысь. Сыктывкар, 1995.
- ТФГ – Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Федоров Г.* Повестьяс. Сыктывкар, 1979.

ЗАСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕЙ ПЕЧОРЫ ПО ТОПОНИМИЧЕСКИМ ДАННЫМ

А.Г. Мусанов

Введение

Топонимы по происхождению мотивированы и в большинстве случаев выражают определенное свойство географических объектов. Однако в процессе функционирования имени собственного внутренняя форма (семантика) слова отступает на второй план и не играет существенной роли. Это объясняется предназначением топонима – быть ориентиром на местности. В силу превалирования функциональной нагрузки теряется оригинальное значение названия, стираются смысловые связи с другими апеллятивами данного языка, в итоге географическое название адаптируется в языке в виде звукового комплекса. Поэтому со сменой языка местного населения у географического названия появляется больше шансов сохраниться и актуализироваться в новой языковой среде. Как правило, наибольшей стабильностью характеризуются наименования крупных и социально значимых объектов: рек, озер, болот, крупных населенных пунктов и др. Данное предназначение особенно актуально в рамках какой-либо микротерритории, где каждое название должно быть оригинальным.

Современная топонимическая система верхней Печоры – результат взаимодействия многих этнических общностей в течение длительного времени, языки и культуры которых имели значительные различия, поэтому она состоит из разновременных и разноязычных элементов, субстратов и, соответственно, разнообразной географической номенклатуры.

По топонимическим данным возможно выделить два основных направления, основных потока в освоении Верхнего Припечорья. Один из них – южный (юго-восточный) – распространяется с Камского (Вишерского) бассейна Пермского края. Он формируется в основном за счёт гидронимии – названий рек. Общеизвестно, что имена водных объектов в силу социальной обусловленности раньше других топонимических классов оказывались вовлеченными в сферу хозяйственно-экономических интересов. Отсюда их

устойчивость, консервативность. Поэтому справедливо отметить, что это обстоятельство дает основание рассматривать относительную древность южного потока. Второе направление – западное (юго-западное), связанное с миграцией коми и русского населения с территорий Вычегодского, Сысольского, Вымского, Мезенского бассейнов, а также с Чердынских земель Пермского края, визуализируется в ойконимии и микротопонимии, в названиях средних и незначительных рек, озер. В основном фиксируются онимы, характерные для других территорий республики и Пермского края, их в количественном отношении больше, чем раритетов. Такой феномен объясняется тем, что в сходных естественно-географических и культурных условиях миропредставления живущего на этой территории народа об окружающем в основных, определяющих чертах одинаковы. Это создает психологическую предпосылку для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве основы номинации на разных участках территории. К примеру, замечено, что природный фактор преобладает в топонимах на ранних этапах развития общества, а установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, указывающих на имя владельца, его социальное положение, статус и т.д.

В топонимической системе Верхнего Припечорья достаточно последовательно отражено то, что целесообразно с точки зрения прагматизма, хозяйственного назначения. В соответствии с этим одни географические объекты имеют названия, другие – нет, напр., на исследуемой территории мало безымянных водоемов (рек, озер, ручьев, прудов), и в то же время огромные лесные массивы не располагают конкретными названиями и т.д.

Гидронимический субстрат Верхнего Припечорья

Печорский бассейн географически локализован на обширных пространствах между Уралом и Тиманом. Верхняя Печора протекает среди хребтов и увалов в предгорье западного склона Урала, характеризуется незначительной развитостью гидрографической сети. Основные ее притоки представлены небольшими речками (не более 12) и многочисленными ручьями. Некоторые из них не имеют наименований. В подавляющем большинстве рассматриваемые гидронимы образованы на основе ландшафтной терминологии. Названия, отражающие жизнедеятельность человека, закреплены в основном за второстепенными по значению и незначительными по размерам гидрообъектами. Вторичные наименования более характерны для болот, небольших речек и ручьев, редки в лимнонимах и практически отсутствуют в названиях рек. Это связано с характером самих называемых объектов и оправдано их ролью в практической деятельности человека. В анализ включены речные названия наиболее значимых гидрообъектов, содержащих этноязыковую информацию.

*Печора** (коми Печера, Печѳра), р.; попытки интерпретации древнего гидронима предпринимались ранее: ср., < летописное название *печера* с самодийскими племенами, где *пэа* (*пэ*) ‘лес, лесной’, *чер* (*чера*) ‘житель, обитатель’, т.е. ‘лесной житель’ (Долгих 1970); др.-рус. *печера* ‘пещера’ (Фасмер 1964–1973); ненец. *пэ* ‘гора, хребет’ и *чер* (*чера*) ‘житель, обитатель’ (Хомич 1976); *печера* «один из самодийских народов, очень близких по языку ненцам» (Туркин 1986: 89; Афанасьев 1996: 123). Принимая во внимание древность названия, его первичный естественный (природный) фактор и характерную для финно-угорских языков двухкомпонентную структурную модель топонимов (реже – однокомпонентные), гидроним представляет сложное название, состоящее из атрибута (определения) и апеллиатива (определяемого), т.е. *Пе* + *чора* (-*чера*), где конечный -а – результат влияния слова *река* в русском языке. Компонент -*чор* (-*чер***) фиксируется в качестве детерминатива и топонима в речных названиях, локализованных на территориях бассейнов рек Вычегда, Луза, Ижма (ср. *Чер/юг*, р., пр. пр. р. Луза; *юг* > коми ю ‘река’, букв. ‘река–приток’; *Чер/ва*, р., пр. пр. р. Яреньга; *ва* < коми *ва* ‘вода, река’; *Чер/вом*, р., приток р. Вычегда, Вольдино и др.***); представлен в коми-пермяцкой (ср. *Чердынъ*, город на севере Пермского края, на правом берегу реки Колва; *Червож*, р. на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края); удмуртской топонимии (ср. *Чур*, р. пр. приток р. Иж Якшур-Бодьинского р-на; *Чура*, р., л. приток

* Река Печора – одна из главных водных артерий Республики Коми; название гидронима является одним из древнейших речных онимов; впервые упоминается в летописной «Повести временных лет» (ПВЛ 10, 13, 167); начало река берет из слияния нескольких истоков с западного склона Северного Урала между горными хребтами Енгиле-сяхль и Печор-я-тальях-сяхль, впадает в Печорскую губу Баренцова моря. Финно-угорские народы, проживающие на территории бассейна, имеют свои оригинальные названия, так у коми – *Печера*, *Печѳра*, *Печѳра/ю*, ю < ср. коми ю ‘река’, ненцы именуют гидроним *Санэро/яха*, *яха* < ср. ненец. *яха* ‘река’, мансийское название – *Песерья*, *я* < ср. манс. *я* ‘река’ (ср. название р. Вишера, лев. пр. Камы – *Пасарья*; оронимы в этом бассейне: *Пасар вата мунин нёл*, гора в верховьях реки; *Пасар вата муниннёл сяхл*, гора; *Пасар вата навыл*, село; *Пасар тальях лох*, *Пасар лох* и др.).

** В апеллиативном употреблении *чер* актуален в диалектах коми языка, ср., вв. скр. сс. *чер*; *кок чер*, вв. вс. вым. иж. лл. нв. уд. *кок чѳр* ‘голень, берцовая кость’ (ССКЗД 408); ср. эст. *säär* ‘голень’, манс. *sar* ‘кисть руки’ (КЭСК 311); в топонимии вв. *чер* ‘приток’ (ССКЗД 408).

*** Ср. речные названия: *Чер/шор*, приток р. Видзью; *Чера/шор*, бассейн реки Яреньга; *Черь-лесная*, р., пр. приток р. Черь-Вычегодская; *Изьва/чер*, р., л. приток р. Ижма; Ухтинский р-н; *Эжва/чер*, р., пр. приток р. Вычегда; Усть-Куломский р-н; *Яг/чер*, р., л. приток р. Черь-Вычегодская и др.

р. Лекма Ярского р-на)*, несмотря на отсутствие в апеллятивном употреблении.

Генетически апеллятив *чер* сопоставим с лексическими данными прибалтийско-финско-саамских языков, ср. карел. *šoara, šuara*, ливв. *šoaru, šuaru*, люд. *suar*, вепс. *sar*, фин. *saara* ‘разветвление, ветвь’ (SKES 937), вепс. *sar, sara* ‘развилина, разветвление (дороги, реки, ручья)’, саам. *suorr, surr* ‘ветвь, развилка’, ‘ответвление реки’; широко распространен на территории Русского Севера особенно в качестве детерминанта в нескольких вариантах -сара, -сора, -сарь, -сур в бассейнах рек Пинеги, Мезени и совсем не фиксируется в верхнем течении Северной Двины и Сухоны. Названия с основой *sara* локализуется в юго-западной части Русского Севера – реки Сара, Сарка, Сарица и т.д. Различные варианты употребления связаны «с существованием различий в языках субстрата (*sara и *soga) и с возможностью усвоения краткого *а в русском языке как о (первоначально) и а» (Матвеев 2001: 276). Кроме того, под воздействием русского языка происходит ряд других фонетических изменений, напр., с > з, ср. Сензора, Явзора, Согзар и т.д., ассимиляции, напр., -сара > -шара, -шера, ср. Кушкушара, Шунушера и т.д. (Матвеев 2001: 277).

Наиболее продуктивна и концентрированно локализована основа в Присвирье, юго-восточной части Обонежья, ср. гидронимы Кондисара, Куйсара, Лепсара, Поисара, Саранжа и т.д. (Муллонен 1988: 28; 1994: 61–62; 2002: 209) и отсутствует в карельском и восточно-финском ареалах.

Первый компонент рассматриваемого гидронима **ne*, возможно, < ненец. *пэ, паэ, пай* ‘камень, скала, гора, хребет’; ср. ненец. название Урала – *Нгарка Пэ* ‘Большой Камень’; Печора – ‘река (приток) Урала’, хотя у ненцев Печора – Санэро/яха, где – яха из ненец. *яха* ‘река’**.

Моттю/я, р., приток р. Печора; < пф.; ср. карел. *tuta*, ливв., люд., вепс. *tuda* ‘ил, тина, грязь’ (SKES 354); ю < коми ю ‘река’;

Унья, р., л. приток р. Печора; < об.-угр.; ср. манс. *ун* ‘большая’, я ‘река’, ‘Большая река’ (Афанасьев 1996: 149);

Волосница, р., л. приток р. Печора; < рус.; ср. рус. *волок, волочок*; *-ица* – суффикс; возможно также < рус. *волость* ‘низшая административная единица в царской России’, появившаяся в начале XV в. Аналогичные онимы встречаются в бассейне р. Мезени со значением ‘край, конец деревни’, на территории Верхнего Прилузья (Мусанов 2006; 110–111); ср. др. рус. *во-лость* – ‘территория», «государство», «власть» (Фасмер 1964: 1);

* В удмуртских гидронимах древнему **o* в современных удмуртских диалектах соответствует гласный у (Кельмаков 1978: 20).

** Ср. аналогичное явление в названиях рек: *Вычегда* – *Эжва* (< коми); *Вашка* – *Ву* (< коми (уд.)), *Сысоло* – *Сыктыв* (< коми), *Летка* < *Ыджыд/ю* (< коми) и др.

Пожег (коми Пожӧг/ю), р., пр. приток р. Печора; < рус.; ср. рус. *пожега*, *пожег* (устар. поджег);

Андюга, р., пр. приток р. Печора; < пф.; ср. фин. *anta*, карел. *antoa*, люд. *ant(t)a*, *andoa*, вепс. *ant(t)a* ‘давать’ (SSA, I, 77); значение основы отражает богатство ресурсов реки; *Андюга Парма*, западная гряда Урала.

Илыч (коми Ылыдз), р., пр. приток р. Печора; фиксируется в топонимической литературе; ср., < коми *ыл*, *ылыс* ‘далёкий, дальний, отдаленный’, *-ыдз* – суффикс, указывающий на нахождение объекта; Ылыдз ‘дальняя, отдалённая река’ (Туркин 1986: 40); < манс. *ольс* ‘тетива’ (метафорическое название), как отмечает исследователь, так манси называли стремительную реку, которая с горы впадает в реку Печора (Ануфриева 1985: 9); геоморфологически река узкая и крайне извилистая, с характерным спокойным течением и низкими болотистыми берегами; < рус. *ольс* ‘болото с зарослями ольхи, частично березы’ – ‘болотная река’, ‘река с болотными берегами’;

Когель (коми Кокыль), р., пр. приток р. Илыч; < коми; ср. коми *кок* (в топонимии) ‘выступ, порог’; < об.-угор.; манс. *когы игль* ‘болотная река’ (Афанасьев 1996: 75);

Палью, р., л. приток р. Илыч; < пф.: ср. фин., карел., люд. *palo* ‘пожар’, ‘выжженное место’, ‘пожог’, вепс. *palo* ‘костер’, ‘сожженная подсека’ (SSA 2: 298); ю < коми ю ‘река’;

Мырт/ю, р., пр. приток р. Илыч; < пф.; ср. кар. *murta*, *murdei*, люд. *turdo*, вепс. *turd* ‘омут, водоворот’; ю < коми ю ‘река’;

Большая Ляга (коми Ыджыд/ляга/эль), р., л. приток р. Илыч; < рус.; ср. рус. *ляга* ‘лог, ложбина’;

Северная Мылва (коми Печӧра Мыл), р., л. приток р. Печора; вытекает из болота Мыл/йыв/куш; < об.-угр.; ср. манс. *мил*, хант. *мыл* ‘глубокий’, манс. *я* ‘река’. *Мылья* ‘глубокая река’ (Туркин 1986: 76); ? < пф.; ср. фин. (диал.) *milla* ‘речной обрыв, песчаный холм, пригорок, песчаная гряда’ (SKES 339–340); < саам. сев. *mielle*, ин. *mielli*, колът, кильд *miell* ‘высокий песчаный обрыв на берегу реки или озера’ (YK 76–77; KKLS 252).

Рас/ю, р., л. приток р. Сев. Мылва; < коми; ср. коми *рас* (*раск-*) ‘роща’; заросли; ‘роща, березняк, сухое место’ (Шах. 18); нв. *рас* ‘береговая роща, смешанный лес в низине’ (Шах. 18); скр. *рас* ‘заболоченное согровое поле вперемежку с мелким кустарником (ПСД 219); ю < коми ю ‘река’;

Тыб/ю, р., л. приток р. Печора; < пф.; ср. фин. *tupas* ‘небольшая кочка, поросшая травой; густой, ветвистый куст; густой лесок’, карел. *tuvas*, *tuvaš*, *tubaš* ‘небольшой густой лесок, кустарник, куст; кочка’, люд. *tubaz*, *tubahikko* ‘куст, кустарник’, вепс. *tupraz*, *topaz*, *tüpäš* ‘кочка’ (ММ: 96); ю < коми ю ‘река’;

Сойва, р., л. приток р. Сев. Мылва; < коми; ср. коми *сой* имеет значение ‘приток, рукав’, *ва* ‘вода, река’. Сойва (букв.) ‘рукав-река’, т. е. ‘рукавная река’ (Туркин 1986: 106);

Ынат, р., пр. приток р. Сев. Мылва; < пф.; ср. фин. *ina* ‘маленький невод без мотни (вид бредня)’, *inata* ‘ловить рыбу маленьким неводом’ (SSA, 1, 226);

Сап/ю, р., л. приток р. Печора; < пф.; ср. фин. *saara*, кар. *šoara*, *šuara*, ливв. *šoari*, *šuari*, люд. *suar*, вепс. *sar* ‘разветвление, ветвь’, вепс. *sara* ‘разветвление’, саам. *suorr*, *surr* ‘ветвь, развилка’, ‘ответвление реки’; ю < коми ю ‘река’;

Матка/эль, р., л. приток р. Сап/ю; < пф.; ср. фин. *matka* ‘путь, дорога; расстояние’, карел. *matka*, ливв. *matku*, люд. *matk*, *matku*, *matke*, вепс. *matk* ‘то же’, саам. *m̧ior^rkie*, *muor^rhkē*, *muot^rke* ‘перешеек, дорога’, *m̧iūt^rkķi* ‘место, по которому проходит путь (перешеек или берег порога)’; эль > коми эль ‘лесной непересыхающий ручей; небольшая лесная речка’;

Маткин/ю, р., пр. приток р. Печора; < пф.; ср. фин. *matka* ‘путь, дорога; расстояние’, карел. *matka*, ливв. *matku*, люд. *matk*, *matku*, *matke*, вепс. *matk* ‘то же’, саам. *m̧ior^rkie*, *muor^rhkē*, *muot^rke* ‘перешеек, дорога’, *m̧iūt^rkķi* ‘место, по которому проходит путь (перешеек или берег порога)’; ю < коми ю ‘река’;

Палью, р., л. приток р. Войвож; < пф.; ср. фин., карел., люд. *palo* ‘пожар’, ‘выжженное место’, ‘пожог’, вепс. *palo* ‘костер’, ‘сожженная подсека’; ю < коми ю ‘река’;

Верхняя Пидж (коми Вылыс Пидз), р., пр. приток р. Печора; < пф.; ср. карел. ливв. *petäj*, *pedäj*, люд. *pedai*, вепс. *pedei*, *pedej*, *pedai* ‘сосна’;

Субстрат прибалтийско-финского происхождения фиксируется и на приграничных территориях, к примеру, в Усть-Куломском районе; ср., *Кук/ю*, р., л. приток р. Нем; < вепс. *kukkaz* ‘холм, горка’, *kuk*, *kukoi* ‘петух’, фин. *kukku* ‘коническая верхушка’, кар. *kukkula*, *kukkura*, *kukkuri*, ливв. *kukkuri* ‘крутая гора; холм; вершина горы или сопки’, саам. *kuk* ‘длинный’; *Пузла*, р., л. приток р. Вычегда; < кар. *puvaš*, *puvaž*, *puvaz*, *puaz* ‘узкий пролив между берегом и островом; более узкий и мелкий рукав реки; углубление под порогом’, фин. *pudas*, саам. *poovces*, *póutás* ‘рукав реки, протока’; *Очпарма*, система длинных, невысоких увалов в южной части Тиманского кряжа (230–250 м); < ср. хант. *оч* ‘нарост на дереве’, мордЭ. *уца* ‘хребет, позвоночник, горб’ (Туркин 1986: 84); < гибридное манс.-коми *Очпарма* ‘девственный лес на узкой, возвышенности’, где *оч* из манс. *осья* ‘узкий’ (Афанасьев 1996: 119); < фин. *otsa* ‘вершина горы, скалы’, вепс. *ос* ‘склон’, люд. *осс*, *оџ*, *оџе*, *оџи* ‘вершина горы, холма’. Местный вариант – итог адаптации, возможно, результат контаминации; ср. *Очью*, р., л. приток р. Нившера; *Дон/нюр*, бол., л. берег р. Куломью, (ср. вторичные названия – *Дон*, н/п, *Дон/ты*, оз., *Дон/вис*, протока/канал); < коми *дон* ‘чистый’ (Туркин 1986: 30); < коми *дон* ‘руда’ (Афанасьев 1995: 58); < пф.; ср. фин. *jänkä*, *jänkkä* ‘большое болото, болотистая долина’, карел. ‘янга’ ‘моховое топкое

болото, поросшее небольшим сосновым лесом’, саам. *jegge* ‘большое болото’, манс. *янз* ‘болото’; появление в коми варианте $\delta < *j$, ср. подобные явления в марийском, юго-западных диалектах удмуртского языка, венгерском, вепском, напр., *joki* > *dogi*, *järvi* > *därv* и т.д.

Аналогичные по происхождению названия фиксируются в Ижмо-Печорском междуречье, к примеру, *Кедва*, р., л. приток р. Ижма, Ухтинский район; *Кедвавом*, с. в Ухтинском районе; коми *вом* ‘рот’, в топонимии ‘устье’; < фин. *keto*, кар. *keto*, *kedo*, ливв., люд. *kedo* ‘заросшая подсека, поляна, залежь’; *Пу́ма*, р., л. приток р. Печора, Усть-Цилемский район; < фин. *pudas*, саам. *pótás* ‘рукав реки, протока’, карел. *puvaš*, *puvaž*, *puvaz*, *puaz* ‘узкий пролив между берегом и островом; более узкий и мелкий рукав реки; углубление под порогом’; *Макса́ра*, р., л. приток р. Нерица; Усть-Цилемский р-н; < фин. *mäki* ‘гора, холм’, *mägi* ‘гора, холм, возвышенность’; *Савоса́ра*, р., л. приток р. Уса; Усть-Цилемский р-н; ср. саам. *savo*, *sävo*, *sava*, *sava* ‘плёс, участок реки со спокойным течением между двумя порогами; озеровидное расширение реки’, фин. *savanto*, *suvanne* ‘плёс’; *са́ра* < фин. *saara*, кар. *šoara*, *šuara*, ливв. *šoari*, *šuari*, люд. *suar*, вепс. *sar* ‘разветвление, ветвь’, вепс. *sara* ‘разветвление’, саам. *suorr*, *surr* ‘ветвь, развилка’, ‘ответвление реки’ и т.д.

Топонимическая система Верхнего Припечорья стратиграфически неоднородна и содержит элементы, восходящие к разным этнолингвистическим источникам. Предпринятые ранее попытки верификации языка происхождения ономастической лексики Припечорья учёными А.И. Туркиным, А.П. Афанасьевым, З.П. Ануфриевой с привлечением данных обско-угорских языков оказались не совсем корректны. Теоретически эта точка зрения применима в силу пограничного контактирования с обско-угорскими языками, но тем не менее новые полевые материалы, интерпретации с учетом комплексных данных позволяют утверждать о незначительном влиянии на топонимическую систему Припечорья обско-угорских языков (Мусанов 2010: 2005: 72–80).

Большинство рассматриваемых субстратных названий имеют аналогичные основы на территории Русского Севера. Исследования последних лет позволяют довольно четко дифференцировать ареал прибалтийско-финского субстрата – от западных административных границ Республики Коми до Припечорья. Некоторые географические названия прибалтийско-финского происхождения совпадают с таковыми саамского происхождения.

Топонимическая система Верхнего Припечорья адстратного происхождения

Названия адстратного происхождения связаны со вторым потоком освоения Верхнего Припечорья* – западным (юго-западным), он распространяется с территорий Вычегодского, Сысольского, Вымского, Мезенского бассейнов, а также с Камского региона и фиксируется в значительной степени в ойконимии и микротопонимии, что свидетельствует о вторичности этого процесса**.

Поздний пласт географических наименований идентифицируется с проникновением на верхнюю Печору и ее притоки коми и русского населения. Оригинальные коми и русские названия четко дифференцируются: в верхнем течении реки преобладает русская по происхождению топонимическая система, она разнотипна и разнообразна: одни наименования более позднего происхождения, другие возникли недавно (ср. *Буровая*, ур.; *5 Буровая*, ур.; *Французский визир*, ур. и др.).

В пределах н/п Якша, Мамыль наблюдается концентрация русских названий, ср. *Гасников болото*, бол.; *Гасников речка*, р.; *Гасников озеро*, оз.; *Гусиное*, бол.; *Круглый гарь*, ур.; *Горевка* (Малая Горевка, Большая Горевка), р.; *Филиново*, ур.; *Крутое*, ур.; *Колотый камень*, ур.; *Выше круга*, ур.; *Кедровка*, р.; *Большой луг*, о.; *Луговая*, р.; *Свахина коса*, ур.; *Кочковатка*, перек.; *Марьин*, перек.; *Мельничный пережат*, перек.; *Мишина присада*, ур.; *Яков россоха*, руч.; *Лотошная*, руч.; *Становая*, руч.; *Верхняя Заголлка*, перек.; *Малая Разбойничья*, р.; *Пожег*, лес. участок; *Хорошевское*, оз.; *Жилищная*, р.; *Прямичный*, руч. и др.

* Рассматриваемая территория совпадает с локализацией одного из десяти диалектов коми языка – печорского, относящегося к числу новых диалектных образований, наряду с верхневычегодским диалектом; распространен по р. Печоре с ее притоком выше пос. Медвежьей до д. Мамыль. На севере граница проходит с ижемским диалектом, на юго-западе – с верхневычегодским, на юге – с одним из говоров русского языка. Впервые печорский диалект был дифференцирован финским ученым Ю.Й. Вихманом в начале XX в., в 1916 г., более 100 лет назад. Он опубликовал несколько сказок, записанных со слов носителей печорского диалекта (из Троицко-Печорска, Савинобора и Щугор). Системное научное исследование диалекта было предпринято в 60-х гг. XX в. сотрудниками Коми филиала АН СССР М.А. Сахаровой, Н.Н. Сельковым, Н.А. Колеговой, Н.И. Лоскутовой, Э.К. Павловой (Сажина 2001; 2003; 2004).

** По историческим данным массовое заселение территории Верхнего Припечорья началось в конце XVII в. Первым зафиксированным населенным пунктом был починок Кузьминский (позднее ставший Печорским погостом, затем – селом Троицко-Печорск). В конце XVIII в. количество населенных пунктов возросло до 13, в которых было 153 двора и проживало свыше тысячи человек. Заселялась представителями разных районов; среди переселенцев были выходцы преимущественно из средней Сысолы и верхней Вычегды (Жеребцов 1994: 221–222).

Такая локализация микротопонимов напрямую связана с направлением освоения территории Верхнего Припечорья. Предположительно, русская колонизация этого края началась в XIII–XIV вв. По топонимическим данным, содержащим русские компоненты, массовое заселение Припечорья в верхнем течении было в основном со стороны Северного (верхнего) Прикамья через систему рек с нескольких возможных направлений: 1) с левого притока Камы Южной Кельтмы на волок к Северной Кельтме, левого притока Вычегды; 2) с Камы по рекам Вишера, Колва, Вишерка через Чусовское озеро по притоку р. Березовка, далее по Немскому волоку на левый приток Вычегды – р. Нем; 3) с Чусовского озера по рекам Березовке, Еловке, Вогулке через Печорский волок к притоку р. Печора – Волосница.

Среди собственно русских наименований выделяются производные, образованные способами аффиксации, юкстапозита, и непроизводные. Во многих случаях наблюдаются характерные для районов вторичного заселения явления – калькированные названия, гибридные (русско-коми, коми-русские) топонимы, вторичные номинации (смежные, разнородные объекты, объединенные общим географическим названием), к примеру, *Ыджыд/порог*, перека́т, ‘большой порог’; *Порог/ёль*, руч., пр. приток р. Печора, ‘лесной ручей у порога’; *Улыс/порог*, перека́т, ‘нижний порог’; *Порог/мышыв/нюр*, бол., ‘болото в задней части порога’; *Порог/мышыв/ёль*, руч., л. приток р. Безволосная, ‘лесной ручей в задней части порога’; *Ичѳт/разбойничья/нюр*, бол., ‘малое разбойничье болото’; *Разбойничий/ёль*, пр. приток р. М. Разбойничья, ‘разбойничий лесной ручей’; *Верхний Пал/нюр*, бол., ‘верхний паленое болото’ и др.; двойные наименования (особенно в условиях массового билингвизма), *Тыб/ю* // рус. *Безволосная*, р., л. приток р. Печора; < ср. фин. *turas* ‘небольшая кочка, поросшая травой; густой, ветвистый куст; густой лесок’, карел. *tuvas, tuvaš, tubaš* ‘небольшой густой лесок, кустарник, куст; кочка’, люд. *tubaz, tubahikko* ‘куст, кустарник’, вепс. *turraz, toraz, tüpäš* ‘кочка’ (ММ: 96); коми ю ‘река’; *Тыб/ю* // рус. *Комсомольск-на-Печоре*, н/п, левобережье р. Печора; *Вѳра/ди/ёль* // рус. *Еловик*, о., л. приток р. Печора, ‘лесной ручей лесного острова’ и др.

Русскому пласту названий предшествует и частично с ним сосуществует страт пермского (коми) происхождения. Это оригинальные по семантике и структуре названия, состоящие из двух- и более компонентов топонимические модели, напр., *Сотчѳм/ёль*, руч, приток р. Дозмѳра, ‘горелый лесной ручей’, *Дозмѳра*, р., пр. приток р. Печора, ‘глухариная речка’, *Ыджыд/дозмера/нюр*, бол., ‘большое глухариное болото’, *Ичѳт/нюр*, бол., ‘маленькое болото’, *Баддя/ёль*, руч., приток р. Дозмѳра, ‘ивовый лесной ручей’, *Баддя/ёль/нюр*, бол., ‘болото ивового лесного ручья’, *Дозмѳра/вож*, руч., приток р. Дозмѳра, ‘глухариный приток’, *Мѳдлапѳл/нюр*, бол., ‘болото на противоположном берегу’, *Паспом/нюр*, бол., ‘болото в конце отмети-

ны', *Айвож/дозмõра*, р., приток р. Дозмõра, 'главный приток глухариной речки', *Няйт/куръёль*, руч., пр. приток р. Печора, 'грязный заливной лесной ручей', *Лун/вож*, руч., пр. приток р. Печора, 'южный приток', *Сюзь/ёль*, руч. пр. приток р. Печора, 'дятловый лесной ручей', *Тыкола/ёль*, руч., л. приток р. Безволосная, 'лесной ручей небольшого озера', *Ыджыд/рытыв/вож*, руч., л. приток р. Безволосная, 'большой западный приток', *Ичõт/рытыв/вож*, руч., л. приток р. Безволосная, 'малый западный приток', *Вой/вож*, р., л. приток р. Безволосная, 'северный приток', *Сюзь/ёль/нюр*, бол., 'болото дятлового лесного ручья', *Мыръя/ёль*, руч., л. приток р. Печора, 'пнистый лесной ручей', *Вõра/di/ёль*, руч., л. приток р. Печора, 'лесной ручей лесного острова', *Сьõд/ты/сотчõм*, ур., 'гарь черного озера', *Шõр/вож*, р. л. приток р. Палью, 'центральный приток', *Шõр/вож/нюр*, бол., 'болото центрального притока', *Сьõд/ёль*, руч., л. приток р. Палью, 'черный ручей', *Сыл/ёль*, руч., л. приток р. Палью, 'талый лесной ручей', *Сыл/ёль/нюр*, бол., 'болото талого лесного ручья' и др.

В целом, топонимическая система Верхнего Припечорья пермского происхождения представляет собой огромный стратиграфический пласт, несмотря на неравномерную локализацию по видам географических объектов. Она малочисленна в названиях значимых гидронимов, тем не менее наименования незначительных топонимических единиц – небольших рек, ручьев, озер, болот и др. – имеют в подавляющем большинстве коми происхождение. Наиболее плотные скопления коми топонимии фиксируются в среднем течении р. Печора (Усть-Илычский бассейн). Языковая принадлежность их прозрачна, поскольку этимонами являются апеллятивы, существующие в современном коми языке.

Заключение

Топонимическая система Верхнего Припечорья представлена различными по языку происхождения названиями, где каждый пласт, оставленный определенным этносом, населявшим этот бассейн в прошлом, был адаптирован предшествующим. В итоге образовалась сложнейшая многоуровневая топонимическая система. По результатам данного исследования, можно выделить несколько стратов и направлений освоения территории верхней Печоры.

Южная (юго-восточная) волна заселения Верхнего Припечорья, устанавливаемая по топонимическим данным, связана с общим процессом распада финно-угорской семьи и формированием финно-пермской языковой общности. В первую очередь, это речные названия, так называемые гидронимические рудименты, которые имеют семантические параллели в финно-пермских языках. Этот пласт незначителен по количеству названий.

Согласно археологическим данным (Бадер 1964; Канивец 1976; Павлов 1996: 2004 и др.) освоение человеком верхней Печоры начинается

с эпохи палеолита: результаты анализа стоянок Медвежья пещера в верховьях реки, Бызовская и Крутая гора в среднем течении сопоставляются с селетоидными культурами Восточной и Центральной Европы (Археология 1997: 692). В период мезолита на печорском побережье появляются временные стоянки бродячих охотников и только в неолите наблюдаются локальные очаги длительного пребывания человека с характерной для Прикамья и Волго-Окского междуречья культурой (Буров 1967: 166). В этот период происходят отделение финно-пермской языковой ветви от общей финно-угорской основы и распространение ее на северо-восток Русской равнины, в Приуралье, включая бассейны рек Печоры и Вычегды. На западе (территории Русского Севера) финно-пермская волна мигрантов сталкивается с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики, происхождение которой связывают с палеоевропейской общностью. Некоторые лингвисты дифференцируют язык этой культуры как субстрат в саамском языке (Керт 2003; Lehtiranta 1989 и др.).

Появление на верхней Печоре оседлого населения археологи относят к эпохе бронзы. Основными занятиями этого населения являлись собирательство, рыболовство и охота.

В эпоху металла Печорский регион заселяется ананьинскими, а позднее гляденовскими племенами, которых археологи считают древнепермскими. В дальнейшем ананьинско-гляденовские особенности стали основой ванвиздинской культуры (Савельева 1971: 139–140).

В целом, археологические сведения не оставляют сомнений относительно того, что географическое пространство верхней Печоры задолго до прихода коми и русского населения было уже в значительной степени освоено предшествующим финно-угорским населением. Естественно, квалифицировать их языки по данным археологии невозможно, тем не менее некоторые археологические факты содержат гипотезы этноязыкового характера. К примеру, анализ содержания этнонима *печера*, известного по средневековым источникам, на основе новых данных. Ранее *летописная пещера* отождествлялась с носителями зауральской культуры (Буров 1967: 178–179). В настоящее время древний этноним идентифицируется с «населением, в археологических культурах которого продолжительное время сохранялись признаки как самодийских, так и финно-угорских народностей» (Мурыгин 2015: 127; 2013: 256). В языковой проекции археологические данные означают, что язык *летописной пещеры*, созданная ею древнейшая топонимическая система могут содержать черты языков и наречий финно-угро-самодийских этносов.

Второй поток (юго-западный) заселения Верхнего Припечорья связан с пермскими (древнекоми) названиями и проявляется в адаптации предшествующей топонимической системы языком древних коми, в оформлении

гидронимов пермско-финского происхождения пермскими детерминантами, напр., *Мыл/ва*, *Сар/ю*, *Мот/ю*, *Мырт/ю* и др.

Выявленные топонимические факты не только дополняют ранее известные сведения о взаимодействии языка коми с родственными языками, но и содержат новые данные о контактах с неродственными этносами, к примеру, в оронимии Привычегодья фиксируются названия тюркского происхождения, ср. *Жежим/парма* (Джеджим/парма), возв., в южной части Тиманского кряжа; занимает пространство большой петли Вычегды между Пожегом и Усть-Куломом, далее уходит на северо-запад, где смыкается с отрогами Очпармы, южнее Тиманского кряжа. Самая высокая возвышенность – Джеджим/парма/чурк (370 м): < коми (диал. (вв. вс. нв. сс.)) чурк ‘резко возвышающееся место, бугор’; *парма* ‘возвышенность, покрытая густым лесом’, ‘ельник на возвышенности’; *джедже* (диал.) ‘коротышка’, ‘невысокий’; ороним происходит от названия реки Джеджим/ю, р., пр. приток р. Вычегда; Усть-Куломский р-н: < коми *Джедже/ю* ‘река-коротышка’ (Афанасьев 1996: 62–63); < коми *джеджим* – имя действия от гл. *джеджны* ‘ходить, шататься, сновать, суетиться’, ср. уд. *джеджны* ‘сновать, суетиться, юлить’ (Туркин 1986: 34–35); впервые название как ойконим упоминается в 1707 г.: деревня Жежемска на берегу реки Вычегда; на картах 1846 г. – Джеджем (Жеребцов 1994: 70); первоначальная форма написания наименования отличается от настоящей; < тюрк.; ср. казах. *кезен* ‘седловина, пониженное место гребня гор, перевал’, кирг. *кезенг* ‘впадина’, ‘горная расщелина’; нельзя исключать, что названия населенного пункта и реки вторичны, образованы от оронима.

Следующий за пермским стратом и частично с ним сосуществующий – русский. Названия русского происхождения разновременны – от позднего средневековья до современности. Русские наименования в основном преобладают в верхнем течении реки. Большинство проанализированных топонимов по происхождению – северно-русские (ср. апеллятивы из северных говоров *лог*, *курья*, *наволок* и др.). В последующие века, ориентировочно до середины XIX в., русская колонизация этого региона интенсивно продолжалась, лишь к концу XIX в. наблюдается спад активности освоения.

Анализ топонимической системы Верхнего Припечорья показал недостаточность эмпирических данных для конкретных выводов этногенетического содержания. Для выполнения подобных задач необходимы дополнительные полевые топонимические материалы Прикамья, Предуралья и др. смежных территорий.

Сокращения

Географические объекты: бол. – болото, д. – деревня, л. – левый, оз. – озеро, о. – остров, пос. – поселок, поч. – починок, пр. – правый, р. – река, рр. – реки, руч. – ручей, с. – село, ур. – урочище, хут. – хутор.

Языки и диалекты: вв. — верхневычегодский (коми-зырянский), вепс. — вепсский, вс. — верхнесысольский (коми-зырянский), вым. — вымский (коми-зырянский), допер. — допермский, дп. — древнепермский, иж. — ижемский (коми-зырянский), казах. — казахский, кар. — карельский, кирг. — киргизский, комиП. — коми-пермяцкий, л. — лузский (коми-зырянский), лат. — латинский, лет. — летский (коми-зырянский), лив. — ливский, ливв. — ливвиковский (карельский), лл. — лузско-летний (коми-зырянский), манс. — мансийский, нв. — нижневычегодский (коми-зырянский), ненец. — ненецкий, общеп. — общепермский, печ. — печорский (коми-зырянский), рус. — русский, с. — сысольский (коми-зырянский), саам. — саамский, скр. — присыктывкарский (коми-зырянский), сс. — среднесысольский (коми-зырянский), уд. — удорский (коми-зырянский), удм. — удмуртский, фин. — финский, хант. — хантыйский, эст. — эстонский.

Литература

Ануфриева З.П. Топонимы угорского происхождения в бассейне Печоры. Сыктывкар, 1985. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 139).

Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997.

Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. Сыктывкар, 1996.

Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Бадер О.Н. Палеолит Урала и заселение Севера. М.: Наука, 1964.

Буров Г.М. Древний Синдор. М., 1967.

Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908.

Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.

Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Сыктывкар, 1994.

Канивец В.И. Палеолит крайнего северо-востока Европы. М.: Наука, 1976.

Кельмаков В.К. К вопросу о «двух о» в праудмуртском языке // Советское финно-угроведение. № 1 (XIV). Таллин, 1978. С. 20–40.

Керт Г. Этногенез саамов // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 43–48.

КЭСК — Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1970.

Лыткин В.И. К этимологии слов угра и югра // Этимология — 1968. М., 1971. С. 197–206.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. Екатеринбург, 2001.

Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

- Муллонен И.И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- ММ – *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Муллонен И.И.* Гидронимия бассейн реки Ояти. Петрозаводск, 1988.
- Мурыгин А.М., Кленов М.В.* Новые археологические исследования комплекса Новый бор III в печорском заполярье // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2015. Вып. 3(23). С. 119–131.
- Мурыгин А.М.* Миграции как способ взаимодействия населения крайнего северо-востока европейской части России в раннем средневековье // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). Томск, 2013. С. 254–258.
- Мусанов А.Г.* Лингвосемантический анализ гидронима Печора // Вестник финно-угорской филологии. Вып. 5 (10). Сыктывкар. 2015. С. 56–62.
- Мусанов А.Г.* Лимнонимы Керчомской низины: языковая интерпретация // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 6 (11). Сыктывкар, 2015. С. 73–79.
- Мусанов А.Г.* Полевые материалы 1998–2010 гг. // Отчет о НИР. Сыктывкар, 2010.
- Мусанов А.Г.* Исследование топонимического субстрата прибалтийско-финского происхождения на территории РК // Вестник УрО РАН «Наука. Общество. Человек». 2008. № 2 (24). С. 31–33.
- Мусанов А.Г.* О распространении субстратной топонимии прибалтийско-финского происхождения на территории Республики Коми: к постановке вопроса // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Петрозаводск, 2007 (а). С. 99–110.
- Мусанов А.Г.* Словарь географических названий Прилузья. Сыктывкар, 2007 (б).
- Мусанов А.Г.* Географические названия Лузско-Летского района Республики Коми. Сыктывкар, 2006.
- Мусанов А.Г.* Обско-угорская топонимия на территории коми (к вопросу о расселении обских угров // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар, 2005. С. 72–80.
- Мусанов А.Г.* Потамонимы Республики Коми // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 2003. С. 68–79.
- Павлов П.Ю.* Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Сыктывкар, 2004. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 467).
- Павлов П.Ю.* Палеолитические памятники северо-востока европейской части России. Сыктывкар, 1996.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. XI–XII. С. 164–165.
- Савельева Э.А.* Пермь Вычегодская. М., 1971.

Сажина С.А. К вопросу о диалектном членении коми языка // Вопросы коми диалектологии. Сыктывкар, 2004. С. 134–142. (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Вып. 65).

Сажина С.А. Выражение множественного числа существительных и прилагательных в коми-зырянских диалектах // *Studia Juvenalia (SJ)*: Сборник работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2003. С. 204–215.

Сажина С.А. История изучения коми-зырянских диалектов // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001. С. 242–247.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.

Хомич Л.В. Проблема этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.

Шах.18 – *Шахов Н.А.* Краткий коми-русский словарь. Устьысольск, 1924.

KKLS – Koltan-jakuolanlapinsanakirja / T.I. Itkonen. Helsinki: Suomealais-Ugrilainen Seura, 1958.

Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // MSFO. 1989.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1978. I–VI.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–2. Helsinki, 1992–1995.

Uotila T.E. Syrjänische Chrestomatie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.

YK – *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki: Suomealais-Ugrilainen Seura, 1989.

КОНКУРЕНЦИЯ ПРОЛАТИВНЫХ СУФФИКСОВ В КОМИ ЯЗЫКЕ: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.А. Некрасова

Пермские языки имеют развитую падежную систему, основную часть которой составляют местные падежи. Формирование большинства из них происходило на основе падежей, унаследованных от финно-угорского праязыка. В период самостоятельного развития языков происходило расширение падежной системы в результате агглютинации послелогов и слияния двух суффиксов (Баталова 1982: 90–121; Тепляшина 1981; Некрасова 1985; 1989; 2000; 2001; Пунегова 2002; Цыпанов 2008: 78–79). Пролатив имеется во всех пермских языках, в коми диалектах функционируют два вариативных суффикса: суффикс со структурой CV (*-mi*) и суффикс со структурой VC, различающийся огласовкой, а также качеством согласного – глухой / звонкий, велярный / палатальный. В большинстве зырянских диалектов представлены оба суффикса, при этом один из них доминирует. Суффикс со структурой VC **распространен в северо-западных зырянских (нижневычегодском, удорском, ижемском, вымском), лузско-летском, коми-пермяцких диалектах, коми-язьвинском наречии; отсутствует в верхнекамском наречии, sporadически представлен в верхнесысольском диалекте.** Суффикс со структурой CV характерен больше для центральных и южных зырянских диалектов, последовательно употребляется в верхнесысольском диалекте и верхнекамском наречии (Баталова 1982: 117–118; Некрасова 2004: 14; Цыпанов 2008; Попова, Сажина 2012: 122–123; Сажина 2012: 192). В вымском и ижемском диалектах суффикс *-mi* содержится только в составе послелогов (Сахарова, Сельков 1976: 44; Жилина 1998: 56). Характер распределения изоглосс суффиксов свидетельствует о сложных процессах длительных преобразований коми диалектов.

Происхождение пролативных суффиксов неоднократно привлекало внимание исследователей. При обсуждении этой проблемы наметились два противоположных мнения. Согласно одному из них, современные прола-

тивные суффиксы являются рефлексамии прапермского пролатива, суффикс которого мог быть продолжением аблативного суффикса **-ta / *-tā* (Beke 1911–12: 271–272; Bartens 2000: 87), или мог образоваться в результате слияния суффиксов аблатива **-tV* и латива **-j* (Vászolyi 1968: 84–85; Csűcs 2005: 189; Кондратьева 2011: 101). В соответствии с другой точкой зрения, современные пролативные суффиксы являются наследием двух разных падежей – просекутива (суффикс *-ōd*) и транзитива (суффикс *-mi*). Суффикс просекутива мог развиваться либо на основе суффикса **-nte*, к которому восходит также суффикс порядковых числительных и сегмент *-nne(k)* в составе прибалтийско-финских лативных словоформ *kunne(k)* ‘куда’, *sinne(k)* ‘там’ (Wichmann 1923–24: 155; Серебренников 1963: 20–21); либо на основе аблативного суффикса **-ta / *-tā* (Основы 1976: 148; Лыткин 1977: 28; Rédei 1988: 382). Суффикс транзитива реконструируется как составной, в его структуре одни исследователи усматривают локативные суффиксы **-t* и **-i* (Wichmann 1923–24: 158–159; Uotila 1933: 99–102; Tauli 1956: 206; Серебренников 1963: 20–21); другие – локативный суффикс **-ttz* и лативный **-j* (Rédei 1968: 172; Основы 1976: 147; Korhonen 1979: 11; Rédei 1988: 383). Ю. Вихманн, вслед за ним Б.А. Серебренников и В.И. Лыткин, отмечали, что прозекутив обозначал движение через что-л. или вдоль чего-л.; транзитив указывал на место протекания действия, отвечая на вопрос где? каким путем? благодаря чему? (Wichmann 1923–24: 155; Серебренников 1963: 20–21; Лыткин 1977: 28). В исследованиях последних лет доминирует идея о едином источнике суффиксов пролатива и развитии вариативных суффиксов в период самостоятельного развития пермских языков. Ш. Чуч для прапермского пролатива реконструирует алломорфы *-ti* и *-V-ti* (*V* изначально относился к основе), последний присоединялся к словам, оканчивавшимся сочетанием согласных (Csűcs 2005: 189). Ссылаясь на работу Т. Уотилы (Uotila 1933: 92), исследователь отмечает, что в коми языке есть многочисленные примеры, в которых прапермский конечный согласный *m* в коми (кроме коми-пермяцкого и коми-язьвинского) озвончился, а конечный гласный, сохранившийся в удмуртском языке, исчез (Csűcs 2005: 189). В связи с этим предположением представляют интерес суффиксы комитатива, функционирующие в коми диалектах с вариативным ауслаутным сегментом, проявляющим параллель с суффиксами пролатива, ср. кз. *-kōd*, кп. уд. *-kōt*, вым. *-kōti*, а также распространенные в среднечепецком диалекте вариативные суффиксы пролатива *-эт' ~ -ыт'u ~ -ыт' ~ -m'u // -ыт': шур-ыт' ~ шур-эт' ~ шур-ыт'u ~ шур-m'u* ‘по реке’ (Карпова 1997: 91).

Не существует и общепринятого синхронного истолкования пролативных суффиксов: они рассматриваются как показатели одного падежа, при этом указывается некоторое различие в их употреблении (Савваитов 1850: 19, 109; Wiedemann 1884: 129; Бубрих 1949: 53; СКЯ: 145; Кузнецов 2012:

134–140), или как показатели двух самостоятельных падежей, что больше характерно для зарубежного финно-угорского языкознания (Wichmann 1923: 152–159; Uotila 1933: 99–102; Lakó 1950: 219–243; Vászolyi 1968: 47–85; Bartens 2000: 107; ÖKK: 89–90). Таким образом, происхождение и грамматический статус пролативных суффиксов остается одним из дискуссионных вопросов в пермском языкознании.

С введением «Корпуса современного коми языка» (далее – ККЯ), включающего более 20 миллионов словоупотреблений, появилась возможность получить более полное представление о функционировании пролатива в современном коми языке. В статье описываются результаты исследования частотности употребления суффиксов, определены их семантические предпочтения. Ввиду того, что в системе ККЯ не предусмотрен поиск по грамматическим параметрам, для сбора данных в графе поиск вводилась словоформа в пролативе. При отборе примеров учитывались наиболее типичные случаи употребления падежа, что позволило определить соотношение суффиксов при выражении пространственных и непространственных значений в современном коми языке.

Конкуренция пролативных суффиксов при выражении пространственных значений

Пространственная семантика падежа совмещает пролативные и локативные значения. Пролативные употребления связаны с выражением траектории движения, объект, перемещаясь от исходного пункта к конечному, последовательно занимает точки ориентира. Согласно типологическим исследованиям, пролатив совмещает значения маршрута, прохода, сцены и обочины (Ганенков 2002: 42). В коми языке пролативные употребления падежа включают значения маршрута, прохода и сцены (Некрасова 2011; Кузнецов 2012: 108).

1.1. Значение маршрута. Пролатив выражает движение, направленное по траектории, которую задает ориентир. Значение реализуется при глаголах, обозначающих движение в одном направлении (глаголы однонаправленного движения): *мунны* ‘идти’, *котёртны* ‘бежать’. Типичным ориентиром в этом случае является путь сообщения (*туй* ‘дорога’, *ордым* ‘тропа’, *ю* ‘река’) (1) – (3).

(1) *Пёттöдыс сёяс да и водзё мунас аслас туйöд* (И. Торопов) ‘Наелся досыта да и пошел дальше по своей дороге’.

(2) *Кузь бöжса, шыльыд гöна вöв надзöникöн рöдтö буса туйтi* (И. Коданев) (ККЯ) ‘Длиннохвостая, гладкошерстная лошадь медленно скачет по пыльной дороге’.

(3) *Оз лэччы гортас мича туйöдыс, а весъталас лежнёвка туйтi* (А. Льюров) ‘Он пойдет домой не по хорошей дороге, а прямо по лежневке (по дороге из насланных бревен)’.

Проанализировав около 2500 предложений из ККЯ, содержащих пролативный компонент, обнаружили, что при выражении значения «маршрут» употребляются оба суффикса, предпочтительным является суффикс -*öd* (табл. 1).

Таблица 1

**Частотность употребления пролативных суффиксов
в значении маршрута движения**

	Суффикс - <i>öd</i>	Суффикс - <i>ti</i>
<i>Пос</i> 'мост'	221	22
<i>Туй</i> 'дорога'	1903	101
<i>Ордым</i> 'тропа'	197	35
<i>Улич(а)</i> 'улица'	128	96
<i>Ю</i> 'река'	90	19
Всего	2237	251

1.2. Значение прохода. В данном случае объект в ходе движения по ориентиру пересекает его границы, ориентир является промежуточным этапом движения (Ганенков 2002: 40). Пролативные словоформы употребляются при глаголах направленного движения (*мунны* 'идти, отправляться, уходить, уезжать, ехать (туда)'; *пырны* 'проходить', *петны* 'выйти'). В качестве типичного ориентира могут выступать проемы, сквозные отверстия (*ödžöc* 'дверь', *öšiny* 'окно', *розь* 'щель'). В этом значении могут употребляться оба суффикса пролатива (4) – (5).

(4) *Восьса ödžöcöd пырис праздничной кумач дөрёма Иван* (П. Доронин) 'Через открытую дверь зашел в праздничной красной рубашке Иван'.

(5) *Недыр мысти ывла ödžösti пырö зонка* (Н. Дьяконов, С. Ермолин) 'Через некоторое время через входную дверь заходит мальчик'.

Согласно выборке примеров, употребление суффикса -*öd* в значении 'проход' более частотно по сравнению с суффиксом -*ti* (табл. 2).

Таблица 2

**Частотность употребления пролативных суффиксов
в значении прохода**

	Суффикс - <i>öd</i>	Суффикс - <i>ti</i>
<i>Ödžöc</i> 'дверь'	554	43
<i>Öšiny</i> 'окно'	875	10
<i>Розь</i> 'щель'	168	22
<i>Труба</i> 'труба'	45	10
<i>Посводз</i> 'коридор'	16	3
<i>Кильчö</i> 'крыльцо'	23	1
Всего	1597	74

1.3. Значение сцены «связано с обозначением ориентира-участка пространства, который не задает строго траекторию движения объекта, а только включает ее в себя, т.е. дает указание на то, где происходит движение» (Ганенков 2002: 40). Пролатив употребляется при глаголах разнонаправленного движения, т.е. при глаголах, обозначающих действие, совершаемое в разных направлениях или регулярно повторяющееся (кз. *ветлӧдлыны* ‘ходить, гулять’, *шӧйтны* ‘бродить’, *келавны* ‘бродить’, кз. *котравны* ‘бегать’, *уявны* ‘плавать’). Типичным ориентиром являются ограниченные участки пространств (6) – (7).

(6) *Кымын во нин пармаӧд ветлӧдла да эг на ылавлы* (И. Белых) ‘Сколько лет уже я хожу по парме и еще ни разу не заблудился’.

(7) *Вын сылӧн вӧлі на, вӧрӧд ветлӧдлыны ыджыд эбӧс эз ков* (И. Изъюров) ‘Силы у него еще были, ходить по лесу много сил не надо’.

(8) *Шӧйта, ветлӧдла съӧд вӧрті, Кынми, мудзи* (Г. Горчаков) ‘Брожу, хожу я по дремучему лесу, Замерз, устал’.

Анализ примеров показывает, что при выражении этого значения употребительны оба суффикса. Как и в предыдущих случаях, суффикс *-ті* количественно уступает суффиксу *-ӧд*, но не в такой степени. Более того, со словами *парма*, *тундра* он более употребителен, чем суффикс *-ӧд* (табл. 3).

Таблица 3

**Частотность употребления пролативных суффиксов
в значении сцены**

	Суффикс <i>-ӧд</i>	Суффикс <i>-ті</i>
<i>Керка</i> ‘дом’	36	29
<i>Сикт</i> ‘село’	100	11
<i>Нюр</i> ‘болото’	61	12
<i>Яг</i> ‘бор’	188	43
<i>Парма</i> ‘тайга’	45	100
<i>Тундра</i> ‘тундра’	35	56
<i>Вӧр</i> ‘лес’	483	313
Всего	892	535

2. Локативное значение. В предложениях с предикативным прилагательным, а также с глаголами состояния пролатив указывает на место проявления признака. В отличие от инессива, пролатив применяется при описании частичного охвата пространства ситуацией. Поэтому пролативные суффиксы принимают существительные, обозначающие части одушевленных и неодушевленных предметов (9) – (11).

(9) *Сергей здук кежлӧ бӧбмыліс, пӧсь вир ыткӧбтіс гожъялӧм чужӧмас, весиг голяӧдыс ньылӧдіс* (В. Безносилов) ‘Сергей ненадолго опешил, горячая кровь хлынула в загорелое лицо, даже шея вспотела’.

(10) *А талун тиолкъялӧ моски кузя райцентрын еджыд кыз кепка, голятыс еджыд кытша лӧз спортивной дӧрӧма* (П. Шахов) ‘А сегодня [он] ходит по мостовым райцентра в белой толстой кепке, в синей спортивной рубашке с белой полоской на воротнике’.

(11) *Лӧнинъясті йиӧн топӧдӧм Эжва пыр на венласис кӧдзыдыскӧд* (И. Липин) ‘Эжва, охваченная льдом в местах с тихим течением, все еще боролась с морозом’.

При выражении значения используются оба пролативных суффикса. Количество примеров с этим значением невелико, поэтому определить количественное соотношение суффиксов пока не представляется возможным.

Конкуренция пролативных суффиксов в непространственных значениях

Согласно типологическим исследованиям, пролатив может развить следующие непространственные значения: точка приложения, инструмент, средство передвижения, обменный эквивалент, тема, причина, координатив, время, посредник, уровень (Ганенков 2002: 47–56). Пролатив коми языка имеет только одно исконное периферийное значение – значение точки приложения. Единичные случаи употребления пролативных суффиксов в других непространственных значениях являются результатом калькирования русских конструкций с предлогом *по* (Некрасова 2011: 47–48).

Значение точки приложения (предмета, на поверхность которого контактно воздействует другой предмет) пролатив может реализовать в двух типах контекстов: при глаголах статического и динамического действия (*кутны* ‘держать’, ‘взять’, *кыскыны* ‘тянуть’, *малавны* ‘гладить’). Контексты сохраняют пространственное осмысление ситуации: воздействие на определенную часть объекта представляется в виде линии или ограниченного участка поверхности.

Согласно нашей выборке примеров, при глаголах статического действия в литературном языке используется только суффикс *-ӧд* (12), в диалектах употребителен и суффикс *-ті* (13).

(12) *Видзӧдӧ, а понъясыд ручтӧ кыскӧны бӧжӧдыс* (фольклор) ‘Смотрит, а собаки лису за хвост тянут’.

(13) вс. *кырымти мӧнӧ кутис* ‘за руку меня держал’ (Попова, Сажина 2012: 123).

При динамических глаголах наблюдается употребление обоих суффиксов. В художественных текстах пролативные суффиксы (14) – (17), а также пролативные послелогои использованы при оформлении сочиненных именных групп (18) – (19).

При динамических глаголах (*малыштны*, *шылькнитны* ‘погладить, провести’, *босьтны* ‘взять’) воздействие на объект представляется в виде линии (14) – (15) или ограниченной части поверхности (16) – (17).

(14) *Оліс-оліс, сёйіс-юіс, велёдчис, сьыліс, купайтчис, лыддъысис, мамыс сійёс юрсійёдыс шылъёдіс* (И. Торопов) ‘Жил-был, ел-пил, учился, пел, купался, читал, мать его по голове гладила’.

(15) *Вердышта туй выв йёзёс, – мамыс меліа шылъкнитіс Воваёс юрситіыс* (Е. Козлова) ‘Покормлю путников, – мать нежно погладила Вову по волосам’.

(16) *Тайё пёрйё ычёт Ленаёс босьтім нин кыкнан кидёдыс, мед кокниджык вёлі сылы восьлавнысё* (И. Белых) ‘В это время мы уже взяли маленькую Лену за обе руки, чтобы ей было легче идти’.

(17) – *Нёшта ёд и соссьё, а ноко разь кабыртё, – босьтіс Аннаёс китіыс Рита* (Е. Козлова) ‘– Еще ведь и отрицает, а ну-ка раскрой кулак, – взяла за руки Анну Рита’.

(18) *Сійё кыкысь воськовтіс крөвятьлань, сувтіс пидзёсчань вылас, надзёнкён шылъкнитіс писё небыд юрси кузяыс, кымёстіыс, чужёмёдыс, зіліс вётлыны на страшнэй лобмтор йывсьыс мөвпъяссё, малышитіс писё туша кузяыс, кокъясёдыс* (М. Игнатов) ‘Он сделал два шага в направлении кровати, встал на колени, медленно провел по мягким волосам сына, по лбу, по лицу, старался отогнать мысли о страшном происшествии, погладил сына по всему туловищу, по ногам’.

(19) *Степан бара малышитіс сійёс юрёдыс, голя кузяыс, мыш вывтіыс* (М. Игнатов) ‘Степан снова погладил ее по голове, шее, по спине’.

При выражении значения точки приложения суффикс *-ті* значительно уступает суффиксу *-ёд* (табл. 4). Единичные примеры с суффиксом *-ті* обнаружены в подкорпусах Переводная литература (7 примеров), Художественная проза (5 примеров), Газетный (2 примера).

Таблица 4

**Частотность употребления пролативных суффиксов
в значении точки приложения**

	Суффикс <i>-ёд</i>	Суффикс <i>-ті</i>
<i>Бёж</i> ‘хвост’	91	–
<i>Гез</i> ‘веревка’	9	–
<i>Голя</i> ‘шея’	76	1
<i>Ки</i> ‘рука’	729	4
<i>Мыш</i> ‘спина’	57	2
<i>Пельном</i> ‘плечо’	22	5
<i>Юрси</i> ‘волосы’	231	2
Всего	1259	14

Статические и динамические глаголы проявляют вариативность управления: глаголы со значением ‘гладить, поглаживать, взять, держать’ допускают пролатив и аккузатив (14) – (20), глаголы со значением ‘ударить’, ‘стучать’ – пролатив и иллатив (20) – (21). Употребление пролатива обнару-

живается в конструкциях с внешним посессором, т.е. в конструкциях с двумя синтаксически независимыми именными группами, соподчиненными предикату (о внешнем посессоре см.: Кибрик 2000; 2003). В конструкциях с пролативом именная группа, выражающая посессора, оформлена аккузативом.

(20) кз. *Дзикöдз лёнис Вёрса, пукалö, юрсö малалö* (фольклор) ‘Совсем притих леший, сидит, по голове гладит’.

(21) *Ванька тапкöдiс Ёгорöс мышкöдыс да ошкис Крестинаöс* (Ю. Васютов) ‘Ванька хлопал Егора по спине и хвалил Кристину’.

(22) *Чолöмасисны кинаныс, тапкöдыштiсны öта-мöдыслы мышкас* (В. Напалков) ‘Обменялись рукопожатием, похлопали друг друга по спине’.

В литературном языке при глаголах со значением ‘ударить’, ‘стучать’ чаще используется иллатив. Анализ выборки примеров, включающей 222 предложения с глаголом *тапкöдны* ‘хлопать’, показал, что при этом глаголе предпочтительней является форма иллатива: 184 примеров в иллативе, 31 – в пролативе.

Рассмотрение частотности употребления пролативных суффиксов показало, что оба суффикса употребляются при выражении пространственных и непространственных значений, предпочтительным является суффикс *-öд*. Значительное превосходство этого суффикса отмечается при выражении значений маршрута, прохода и точки приложения. Такая ситуация объясняется тем, что значение точки приложения является производным от значений маршрута и прохода. Согласно типологическим исследованиям, движение по заданному маршруту осмысливается как воздействие на определенную часть объекта, представляемой в виде линии; воздействие на ограниченный участок поверхности является результатом метафоризации промежуточного этапа (значения проход) (Ганенков 2002: 47). Более активная конкуренция суффиксов проявляется при выражении значения сцены. Представляется, что в локативном значении, скорее всего, предпочтительнее употребление суффикса *-тi* (для уточнения предположения необходимо больший объем выборки примеров). В синхронии этот суффикс не имеет исконных непространственных значений. Единичные употребления суффикса *-тi* в непространственном значении являются результатом смешения употреблений пролативных суффиксов. Для современного коми языка характерны активный процесс смешения пролативных суффиксов и расширение их употребления в непространственных значениях в результате влияния русского языка.

Сокращения

Языки и диалекты: вс. – верхнесысольский диалект (коми-зырянский), вым. – вымский диалект (коми-зырянский), кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, уд. – удорский диалект (коми-зырянский).

Литература

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. М., 1982.

Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.

Ганенков Д.С. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М., 2002. С. 35–56.

Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998.

Карпова Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997.

ККЯ – Корпус коми языка: [Электронный ресурс]. URL: <http://comisorpora.ru> (дата обращения: 15.08.2016 г.).

Кондратьева Н.В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2011.

Кузнецов Н.В. Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). Тарту, 2012.

Лыткин В.И. Историческая морфология коми языка: Учебное пособие. Пермь–Сыктывкар: Изд-во Пермского ун-та, 1977.

Некрасова Г.А. О падежах на *-лань(-)* в коми языке // *Fenno-Ugristica* 12: Труды по финно-угроведению. Тарту: Изд-во ТГУ, 1985. С. 147–154.

Некрасова Г.А. Функциональная модель местных падежей коми языка. Сыктывкар, 1989. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 210).

Некрасова Г.А. Коми кывйын кык вежлӧг формалӧн ӧттшӧтш паныдасьлӧм // Коми слово в грамматике и в словаре. Сыктывкар, 2000. С. 30–41 (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 62).

Некрасова Г.А. К вопросу о статусе вариативных форм эгрессива и инструменталю в диалектах коми-зырянского языка // *Пермистика-8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками*. Сыктывкар, 2001. С. 197–203.

Некрасова Г.А. Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног. Сыктывкар, 2004.

Некрасова Г.А. Семантическая структура пролатива в пермских языках // *Динамические процессы в системах пермских языков*. Сыктывкар, 2011. С. 42–51 (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 68).

Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1976.

ӦКК – Ӧнія коми кыв. Морфология. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000.

Пунегова Г.В. Выражение пространственных отношений падежными формами имени существительного в коми языке // *Пермистика 9: Вопросы*

пермской и финно-угорской филологии. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2002. С. 201–203.

Савваитов П.И. Грамматика зырянского языка. СПб., 1849.

Сажина С.А. Падежная система верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания. Сыктывкар, 2012. С. 189–196.

Сажина С.А. Особенности морфологии верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Филологические исследования-2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. Сыктывкар, 2014. С. 181–185.

Сажина С.А., Попова Р.П. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: СыктГУ, 2014.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Наука, 1963.

СКЯ – Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. Часть 1. Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 1955.

Усачева М.Н. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках // Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / Отв. ред. А.И. Кузнецова М., 2012. С. 142–220.

Цыпанов Е.А. Перым-коми гижӧд кыв. Сыктывкар: Изд-во «Пролог», 1999.

Цыпанов Е.А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар, 2008.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki. 2000. (MSFOu 238).

Beke Ö. A votják és zürjén prolatívusról // NyK 41, 1911–1912 Old. 241–274.

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiado, 2005.

Korhonen M. Entwicklungstendenzen des finnisch-ugrischen Kasussystems // FUF 43, 1979. S. 1–21.

Lakó Gy. Zur Frage des permischen Prosekutivs und Transitivs // MSFOu XCVIII. Helsinki. 1950. S. 219–243.

Rédei K. Szélgjegyzetek Vászolyi Erik «Prolatívusz, tranzitívusz, lokatívusz a zürjénben, a votjákban és a finnugor alapnyelvben» c. cikkéhez // NyK 70. 1968. S. 171–173.

Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages. Description, history and foreign» influences / Denis Sinor, (ed.). Leiden–New York–København–Köln, 1988. S. 351–394.

Tauli V. The Origin of Affixes // FUF 32. 1956. S. 170–225.

Vászolyi E. Prolatívusz, tranzitívusz, lokatívusz a zürjénben, a votjákban és a finnugor alapnyelvben. // NyK 70, 1968. Old. 47–85.

Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki. 1933. (MSFOu LXV).

Wichmann Y. Zur permischen grammatik // FUF XVI, Helsingfors. 1923–24. S. 146–163.

Wiedemann F. J. Grammatik der Syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St. Petersburg, 1884.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ ДЕЕПРИЧАСТИЯ: ФОРМЫ, ЗНАЧЕНИЯ, ФУНКЦИИ

О.И. Некрасова

1.0. В коми-пермяцком языке деепричастия включены в систему глагольных форм вместе с глаголом, инфинитивом и причастием (КПЯ 1962: 280–283; 288–289), они образуются с помощью суффиксов *-икӧ*, *-икРх*, *-ӧмӧн*, *-тӧн* (диал. *-тӧнь*), *-тӧнРх*, *-тӧдз*, *-тӧдзРх*, *-тӧг* и послелогов (при деепричастиях на *-ик*) *кежӧ* ‘к, ко времени’, *коста* ‘во время’. Деепричастия определяются как глагольная форма, сохраняющая ряд глагольных категорий и имеющая некоторые признаки наречий. Из глагольных категорий они обладают категорией вида и залога (*костюмсӧ вурӧттӧдз* ‘до того, как дать шить костюм’, *миссикӧ* ‘умываясь’), сохраняют глагольное управление (*книга лыддӧтікӧ* ‘читаю книгу’). С наречием деепричастия сближает синтаксическая функция в предложении – обстоятельственная (КПЯ 1962: 280). Подобно существительным они присоединяют определенно-притяжательные суффиксы.

Генетически пермские деепричастия связаны с отглагольными именами, ведут от них свое происхождение (КПЯ 1962: 288; Серебренников 1963: 301–308; 1964: 176–177). К прапермским относятся разряды деепричастий, образованных от древних суффиксов инфинитных глагольных форм уральского / финно-угорского происхождения: кп. *-ик*, кз. *-иг*, удм. *-ку*; кп. кз. *-тӧдз*, удм. *-тозь*; кз. кп. *-тӧг*, удм. *-тэк*; к коми – деепричастия с суффиксом – *-ӧмӧн*, к собственно коми-пермяцким – *-тӧн* (Цыпанов 2011а: 292–299). Наиболее полно в пермских языках исследованы деепричастия удмуртского и коми-зырянского языков (В. Алатырев, П.Н. Перевощиков, А.Ф. Шутов, Б.А. Серебренников, Д.-Р. Фокош-Фукс, В.А. Суханова, Д.В. Бубрих, Е.А. Цыпанов, А. Хамари). А.Ф. Шутов рассматривает деепричастные обороты как семантические аналоги придаточных предложений (Шутов 2000), Т.В. Кренделева – как эквиваленты придаточной части

сложноподчиненного предложения времени со значением одновременности / разновременности (Кренделева 2010).

Изучению коми-пермяцких деепричастий более 170 лет. Грамматики Ф. Любимова (1838), Н.А. Рогова (1860), Ф.Й. Видемана (Wiedemann 1884), А. Генеца (Genez 1897) (Некрасова 2014: 168–173) содержат данные об особенностях употребления деепричастий коми-пермяцкого языка, однако описаны они в источниках предельно кратко, зачастую информация о них носит характер попутных замечаний и представляет одну из наиболее неисследованных областей, особенно если говорить о синтаксических характеристиках деепричастий, синтаксисе предложений, осложненных деепричастными и другими оборотами и т.д. Иногда материал подан искаженно. К примеру, Н.А. Рогов (Рогов 1860), который не рассматривает деепричастные обороты и порядок слов в оборотах, говоря о третьем (винительном) падеже в § 135, пишет, что «третий падеж полагается всегда после глаголов, причастий и деепричастий действительных» (с. 107), т.е. указывает на постпозитивное расположение зависимых слов от глагола и глагольных образований, что характерно для причастий и деепричастий русского, а не пермяцкого языка. То же самое касается деепричастий с формой *-тӧн*, отмеченных исследователем, а вслед за ним и Ф.Й. Видеманом (Wiedemann 1884: 176–177), к деепричастиям прошедшего времени.

Особенности распространения деепричастных форм в диалектах коми-пермяцкого языка описаны Р.М. Баталовой в обобщающих трудах (Баталова 1975; 1982). Она отмечает изоглоссы на материале коми-зырянского, коми-язьвинского и коми-пермяцкого наречий: в литературном языке и собственно коми-пермяцком это *-ӧмӧн*, *-тӧдз* (кя. *-тӧдз*), *-тӧг* (кя. *-тӧг*), *-икӧ* / *-икӧ*, в верхнекамском *-икӧн* / *-икын*; *-икӧ* / *-ик* широко употребляются в южных диалектах, малоупотребительны в северных, *-игӧ* / *-иг* характерны для мысовского и верх-лупьинского диалектов, *-ки* / *-ик* — для коми-язьвинского наречия. С образованиями на *-ик* в диалектах встречаются послелог *моз*, *коста*, *дырйа*, *кэжӧ*. В коми-пермяцком языке не зафиксированы деепричастия на *-мӧн* (Баталова 1982: 154). И.И. Майшев при *-ик*-овых формах приводит также послелог *дырни* (вместе с послелогом *коста*). Функцию послелогов исследователь видит в усилении, подчеркивании временного значения отглагольного имени. Отмечена также «заставка» *моз*, происшедшая из сравнительного послелога и придающая имени более определенный оттенок действия: *сьылыкмоз* ‘напевая’ (Майшев 1940: 60). В статье об особенностях зюздинского говора Г.А. Нечаев приводит деепричастные формы на *-игын*, встречающиеся в говоре (Нечаев 1930: 1–27). Р.П. Дмитриева в говорах косинско-камского диалекта отметила формы деепричастий *-икӧ*, *-иг*, *-тӧн*, *-ӧмӧн*, *-тӧдз*, *-тӧг*, ограниченные образования на *-сӧн* (Дмитриева 1998: 16). Л.Г. Пономарева в мысовско-лупьинском диалекте

коми-пермяцкого языка выявила деепричастия с формами на *-игö, -игын, -öмön (-эмэн), -тöдз, -тöг* (Пономарева 2002: 145–148). Е.А. Цыпанов, приводя формы *-ик, -ик кежö, -икö, -тön*, обращает внимание на разряды определенно-притяжательных деепричастий (урчитана ногакывъяс) на *-ик*, образованные с помощью определенно-притяжательных суффиксов илллатива *-икам, -икат, -икас* и т.д. (Цыпанов 1999: 72–75). Ранее их фиксировали в различных источниках, но не выделяли как отдельные разряды деепричастий. Упоминая о схожих деепричастных формах на *-öмön* в коми-зырянском и коми-пермяцком языках, Е.А. Цыпанов также отметил инновационные процессы, произошедшие под влиянием русского языка: образование отрицательных деепричастий на *-öмön* путем присоединения отрицательной приставки / частицы *не: не тэрмасьöмön* ‘неторопливо’. Исследователь зафиксировал также формы деепричастий на *-андор, -андорас*, которые характерны для образований, обозначающих протекающие какое-то время природные явления: *Югдандорас пондiс зэрны* ‘На рассвете начался дождь’ (Цыпанов 1999: 143).

Пеструю картину представляет и обозначение статуса форм: у зарубежных исследователей, как правило, формы отнесены то к Verbaladverb, то к Verbalnomina, у отечественных – то к наречиям, то к отглагольным именам, то к деепричастиям (см.: Цыпанов, Андреева 2010: 102–111; Цыпанов 2011б: 130–145). В современной типологической литературе формы с соответствующим значением относят к конвербам (CONV). Тем не менее происхождение, формы деепричастий и их значения в литературном языке и диалектах в основном выявлены и изучены, чего нельзя сказать о синтаксическом аспекте вопроса о деепричастиях, их функциональной нагрузке.

В немногочисленных источниках, напр., учебниках, грамматиках для школ и училищ, деепричастия и деепричастные обороты кратко рассматриваются в разделах по изучению второстепенных членов предложения как обстоятельства (времени, образа действия, меры и степени), приводятся условия обособления деепричастий и деепричастных оборотов в предложении (напр., Коми-пермяцкöй кыв. VII–IX классез понда учебник. Кудымкар, 1992: 88), затрагиваются вопросы синонимии конструкций. Так, С.Ф. Грибанов (1940) приводит конструкции имён действия с послелогоми, синонимичные деепричастным конструкциям: *уджалiкö, уджавтön – уджалöм дырни, уджалöм коста, уджалöм събрна* ‘работая – во время работы’; *уджавтöдз – уджалöм одзын, уджалöмöдз* ‘до работы, перед работой’; *сёймön – сёйöм мымда* ‘столько, чтобы съесть’ и т.д. (Грибанов 1940: 180–184).

Синтаксису именных форм глагола в пермских языках посвящена монография Г. Стипы (Stipa 1960), где рассмотрены вопросы образования именных форм глагола в пермских языках, их синтаксические функции. Функции деепричастных форм, в том числе собственно коми-пермяцких на

-тӧн, -тӧнь, Г. Стипа определяет как предикат в темпоральном обстоятельном сочетании. У деепричастий на -тӧн, -тӧнь отмечена тождественность с агенсом основного действия, приводятся примеры, где значение деепричастий на -тӧнь приближается к модальному (т.е. образа действия): *Ме ӧтыс дын да мӧдыс дын гӧститтӧнь и ова* 'Я то у одного (сына), то у другого сына в гостях (букв. гостя) живу' (Stipa 1960: 211–213).

О различиях в области синтаксиса деепричастий двух языков кратко упоминается в грамматике коми-пермяцкого языка: «В коми-зырянском деепричастия, образованные посредством суффикса -тӧг, могут создавать особые обороты, не свойственные коми-пермяцкому языку, напр.: *Узис сійӧ некутиӧм вӧтъяс аддзывтӧдг* 'Спала она, не видя никаких снов'; *Ӧні некод тӧдлытӧг позьд пышйыны* 'Теперь, пока никто не знает, можно бежать' (КПЯ 1962: 15–16).

П.Н. Перевощиков, основательно исследовавший деепричастия и деепричастные конструкции удмуртского языка, прибегая к сравнениям и сопоставлениям с явлениями и фактами родственных и неродственных языков, отмечает, что принципы строения деепричастных конструкций в удмуртском и коми языках одинаковы. По значениям и функциям удмуртские деепричастия и образуемые ими конструкции мало чем отличаются от деепричастий и деепричастных конструкций других пермских языков (Перевощиков 1959: 15). Соглашаясь с данным утверждением, мы считаем, что следует учитывать и тот факт, что пермские языки продолжительное время развиваются самостоятельно, следовательно, в них не могли не появиться особенные черты. Так, Е.А. Цыпанов отмечает, что коми-пермяцкий материал по деепричастиям отличается от коми-зырянского, что объясняется как историческими причинами, так и сильным влиянием контактирующего русского языка (Цыпанов 1999: 143).

Что касается синтаксиса предложений коми-пермяцкого языка, осложненных различными оборотами, в том числе деепричастными, то необходимо отметить, что осложненное деепричастным оборотом предложение получило развитие вместе с развитием литературного языка, художественной литературы, ибо, согласно Р.М. Баталовой, в диалектах предложения с деепричастными оборотами встречаются редко, они сконструированы по наиболее простым моделям; поясняющие слова обычно предшествуют деепричастию: *турун керикӧ этӧр ӧктім* 'заготовливая сено (во время заготовки сена), смородину собирали' (Баталова 1990: 172).

Настоящая статья имеет цель обзорно представить формы коми-пермяцких деепричастий, значения и роль деепричастий в предложении (функции). Кратко рассматриваются вопросы порядка слов в деепричастном обороте коми-пермяцкого языка, опорных форм деепричастий, перехода деепричастий в послелогии, наречия, вводные сочетания и т.д.

1.1. Порядок слов в деепричастном обороте. В коми-пермяцком языке, как и в других пермских языках, зависимые слова деепричастного оборота предшествуют главному – деепричастию. Однако встречаются инверсированные конструкции, напр., *И свадьбоушанаыс спориттён óta-мёт ковананыс сідзи бёр гортаныс мунёмась* (ST 1 1985: 140) ‘И участники свадьбы, споря между собой, так обратно домой пошли’; *Дёма кольччис ótaнас, сулавтён туй бокин*, <...> (Шадрин 1997: 56) ‘Дёма остался один, стоя у дороги’; <...> *но эта коста горён серавтён ótaмёд коласын, столовой ладорсянь мыччисисё нывказз* (Фадеев III: 245) ‘<...> но в этот момент, громко смеясь между собой, со стороны столовой показались девушки’. Инверсирование может происходить из-за различных условий, напр., из-за определительного придаточного предложения к члену деепричастной конструкции (слову *карманись*): *Кошишсьтён мёддортём карманись, кёдаын и былись нятьбсь копейка мымда эз адззись, зонка пыркнитіс бус* (Фадеев II: 217) ‘Роясь в вывернутом кармане, в котором действительно и грязной копееки не нашлось, мальчик вытряхнул мусор’.

1.2. Опорные формы деепричастий. Опорными формами деепричастий коми-пермяцкого языка являются:

спрягаемый глагол, напр., – *Гортё локтікат пуэс кузя нёвнат стукёмышты* (Оласё 1990: 264) ‘Идя домой, по деревьям стрелой постукивай’; *Мунтённяя бутылка вина юис* <...> (Оласё 1990: 67) ‘Уходя, бутылку вина выпил <...>’; *Пера-богатырь пёрысьмытёдз абу гётрасьёма* (Оласё 1990: 272) ‘Пера-богатырь до старости не женился’; *Сідз лесуйтёмён и мунёны* (ST 1 1985: 94) ‘Так охотясь и идут’; <...> *вёлсы мырсьытёг вёрзьётас додьсё* (Оласё 1990: 324) ‘лошадь без усилий, не напрягаясь двинула сани’;

инфинитные глагольные формы (инфинитив, причастие, деепричастие), напр., <...> *асьныс пуксисё неылё, весётчикас натодиль кольём лапья кёз увтё* <...> (Фадеев I) ‘сами сели недалеке, под специально оставленную во время расчистки разлапистую ель’; <...> *мыйиськё орёл сой эз жё тийёкты осьтны гортё локтытёдз* (Оласё 1990: 102) ‘ведь почему-то сестра орла не разрешила открывать (коробку) до прихода домой’; *Потласьтёдз висян юрён думайтны мыйкё йылись бытшёма сія эз чайтчы* <...> (Фадеев I) ‘Он был уже не в состоянии нормально думать о чем-то сильно (букв. до раскалывания) болеющей головой’; *Видзчисьтёг зорамём думасянь зонка нельки гажмыштіс* (Фадеев I) ‘От неожиданно появившейся мысли мальчик даже немного повеселел’;

отглагольное существительное – имя действия, напр., *Мыдзтёдз сідз гуддисьём бёрсянь Вова вились бергётчис гатш* <...> (Фадеев I) ‘После такой возни до устали Вова вновь повернулся на спину’; *Сійён даскыным оськёв ылына пидзёсёдз бродитёмён мунём бёрсянь зоночкэлён эти*

öшилс (Фадеев I) ‘*букв. Поэтому после шагания, увязая до колен, на расстоянии около десяти шагов силы оставили мальчика*’;

существительное (редко), напр., <...> *Төдм өтiкö – удж да бöра удж садь быртöдз, и еныс эта понда мянöс жö мыжйис...* (Федосеев I) ‘<...> Знали одно – работу до потери сознания, и бог нас за это и наказал’;

наречия, слова категории состояния, напр., *Гожум миан любитöны быдöнныс. Медгажа оввö ытшикисикö* (КПГ 1980: 32) ‘Лето у нас любят все. Веселее всего бывает во время покоса’; *Синваз петтöдз съöкыт вöли Таисьялö янсöтчыны аслас мечтакöт*, <...> (Фадеев I) ‘До слез (*букв. до выхода слёз*) тяжело было Таисье прощаться со своей мечтой’; *Этö уджсö завид куттöдз кокнита да басöка, дзик орсöмөн, керлiс Таисьялөн мамыс* (Фадеев I) ‘Эту работу до зависти легко и красиво, будто играючи, выполняла мать Таисьи’;

прилагательное, напр., *Муыс бур — съöдмусин сора, гöрикö небыт*, <...> (Канюков I) ‘Земля хороша – с примесью чернозема, при вспашке мякая’; <...> *шоныт гор бердас вель дыр съöрна куйлöм бöрсянь сiя лöм бытшикасътöдз чорыт да кöс* (Фадеев I) ‘из-за того, что долго лежал у теплой печки, он стал до колочести твердым и сухим’.

1.3. В пермских языках, в том числе коми-пермяцком, наблюдается переход деепричастия в другие части речи. К деепричастным формам могут восходить наречия, послелogi, вводные слова и сочетания, междометия.

Адвербиализация. Адвербиализация деепричастия с семантической точки зрения заключается в утрате им временного значения: оно перестает обозначать ситуацию, которая изменяется во времени, и приобретает значение статичного признака. С формальной точки зрения переход деепричастия в наречие характеризуется приобретением признаков, свойственных наречию. Адвербиализация деепричастий наблюдается во всех пермских языках, причем исследователи отмечают определенные трудности, которые встречаются при разграничении деепричастий и наречий вследствие их внутренней близости, гетерогенности деепричастий (деепричастных наречий), общности функции (приглагольное определение) (Федюнева 1995: 99–122; 2000: 25–427; Шибанов 2011: 17; 2011a: 141–145). В коми-пермяцком языке наречные качества более всего демонстрируют деепричастия на *-тöг*, *-тöдз* и *-öмөн*. Вопрос адвербиализации деепричастий требует более глубокого и обширного исследования, приведенные в нашей статье данные носят предварительный характер. В «Коми-пермяцко-русском словаре» (КПРС 1985) некоторые слова с формами на *-тöг*, *-öмөн*, *-тöдз* изначально даются как наречия, напр., *казявтöг* ‘1) незаметно; 2) неожиданно; 3) нечаянно’ (КПРС 1985: 162), *казялöмөн* ‘заметно’ (КПРС 1985: 162); *тэрмасътöг* ‘не торопясь, не спеша, неторопливо’ (КПРС 1985: 502); *полöмөн* ‘1) боязливо, испуганно, со страхом; 2) смущённо, робко’ (КПРС 1985: 355); *пöттöдз*

‘досыта, вдовль; вдосталь, вслась’ (КПРС 1985: 367); *кувтöдз* ‘а) до смерти; насмерть; б) до смерти, крайне, очень’ (КПРС 1985: 198) и т.д. Адвербиализованные деепричастия в предложении могут составлять ряд однородных членов (обстоятельств) с наречиями: *Тэ сійö кыскы клетка пытиксис, но жагöника, берегитöмөн* (Оласö 1990: 128) ‘Ты ее тащи из клетки, но медленно, осторожно’; *И баитö сылö берегитчöмөн, рамыника* (Оласö 1990: 137) ‘И говорит ему осторожно, ласково’.

Адвербиальный характер проявляют такие деепричастия, как *видзчись-тöг* ‘внезапно, неожиданно’, ср. *видзчисьны* ‘ждать, подождать, ожидать’, *орöттöг* ‘постоянно, непрерывно, не прерываясь’, ср. *орöтны* ‘обрывать, оборвать; оторвать’, *вөрöтчытöг* ‘неподвижно (не двигаясь)’; *дугдывтöг*, *дугдытöг* ‘не останавливаясь, не переставая; непрерывно, неуклонно’, ср. *дугдывны*, *дугдыны* ‘прекращать, прекратить, перестать’; *думайттöг* ‘не думая’, *жалейттöг* ‘не жалея’, ‘безжалостно’, ср. *жалейтны* ‘жалеть, пожалеть; чувствовать жалость; 2) жалеть, пожалеть, беречь’, *повтöг* ‘бесстрашно’, ср. *повны* ‘1) бояться, пугаться; 2) смущаться, теряться, робеть’; *тиöктытöг* ‘без спроса’, ‘без принуждения’, ср. *тиöктыны* ‘1) просить, попросить; велеть, приказать; 2) заставлять, заставить, вынудить, принудить; *тиöктытöг* уджавны ‘работать без принуждения’; 3) разрешать, разрешить, позволить’, *шоччисьтöг* ‘не отдыхая, без передышки’, ср. *шоччисьны* ‘отдохнуть, передохнуть’, *шысеттöг* ‘не откликаясь, не отзываясь, не издавая звука’, т.е. тихо, беззвучно, ср. *шы сетны* ‘откликнуться’, *юасьтöг* ‘без расспросов, не спрашивая разрешения, без спроса’, ср. *юасьны* ‘1) [кое о чём] порасспрашивать, порасспросить; 2) [ненадолго] отпрашиваться, отпроситься’ и т.д.

Вместе с тем мотивирующие деепричастия не исчезают из языка, но преимущество в частотности употребления принадлежит наречиям, напр., *жалейттöг: асьö жалейттöг уджавны* ‘работать, не жалея себя’ (КПРС 1985: 139); *Шондйыс жалейттöг козьналіс муыслö ассис югöрресö*, <...> (Канюков I) ‘Солнце не жалея (т.е. щедро) дарило земле свои лучи’; *Кузь годдэз* <...> *жалейттöг мургыльтöмась спина коскасö* <...> (Минин 1997: 106) ‘Годы безжалостно согнули его позвоночник’; *казявтöг: Сроkyс казявтöг* чулалас, и старик мынтöм пондас корны (Оласö 1990: 172) ‘Срок незаметно прошел, и старик стал требовать оплаты’; <...> и бригадир, кыз коммунист, депутат, пöрисьжык ёрт, оз вермы мунны *этишмсö казявтöг* (Канюков I) ‘<...> и бригадир, как коммунист, депутат, старший товарищ, не может пройти, не заметив этого’; *видзчисьтöг: И иньысліс сёян видзчисьтöг* муніс (Канюков I) ‘И ушел, не дожидаясь, пока жена поест’; – *Тэ мый, бытьтö кужан? – ответсö видзчисьтöг* одзань горöтчис <...> (Фадеев I) – Ты что, умеешь что ли? – крикнул, не дожидаясь ответа’; *Од нія не виноватöсь, что погоддяыс видзчисьтöг шонтіс бөр* <...> (Фа-

деев I) ‘Они ведь не виноваты, что неожиданно потеплело (букв. погода потеплела)’.

С переходом деепричастий в наречие может наблюдаться изменение сочетаемости, напр., в коми-зырянском и коми-пермяцком языках встречаются аналогичные сочетания с образованиями на *-тӧг* с адвербиальным управлением – дативом местоимения или существительного при лексемах *казявтӧг* ‘неожиданно’, ‘незаметно’, кз. *виччысьтӧг* ‘неожиданно’: кп. <...> *талун Лӧха, ась кытчӧдз и аслыс казявтӧг, видзсьышитӓ сы вылын синнэзнас невночка дыржык ни <...>* (Фадеев II: 219) ‘сегодня Лӧха, пусть пока и незаметно для себя, подольше задержал на ней свой взгляд’; кз. *Аслыс казявтӧг сійӧ ӧні чабраліс жӧ лаврӧвӧй лист* (Юхнин 1984: 357) ‘Незаметно для себя она сейчас тоже мяла в руках лавровый лист’; кз. *Миро-слава Юрьевна вешитӓ видзӧдлассӧ Мариналань, код вылӧ сійӧс зэв дӧсада босьтӧ, и аслыс виччысьтӧг думнас кутіс кевмысьны: «Енмӧй, тэ кӧ эм, вӧч сідз: <...>!»* (Ануфриева 1989: 37) ‘Мирослава Юрьевна перевела взгляд в сторону Марины, на которую она была раздосадована, и неожиданно для себя мысленно стала молиться: «Боже, если ты есть, сделай так ...<...>»’.

Деепричастия и деепричастные конструкции – вводные сочетания. Вводное слово – это слово (либо словосочетание), которое входит в состав предложения, но не вступает с его членами в синтаксическую связь. Обычно оно дает сведения об источнике сообщения или связи с контекстом, а также выражает отношение к высказыванию (оценку). Деепричастные конструкции могут выступать в качестве вводного элемента предложения, они «вносят вклад не в событийное содержание предложения, а в его модус, обеспечивают выполнение кодекса речевого поведения, <...> используются для экспликации речевого компонента. Такие обороты грамматикализованы и включаются в состав особого класса модальных слов – модальных словосочетаний (фразеологических единиц)» (Шмелева 1984: 64–70; Розенталь 1974: 324), напр., *Не эта увъя я сійӧ аслас жӧ ёрттэс, кӧднакӧт оліс, нимтісӧ старикӧн, кӧть этішӧмыс вылӧ зонка, боксянь видзӧтікӧ, немӧн топ и эз вачкись* (Фадеев III: 242) ‘Не из-за этого ли его свои же товарищи, с которыми он жил, называли стариком, хотя на него, глядя со стороны (т.е. с точки зрения стороннего наблюдателя) совсем не был похож’; – *Ме сета [сюсӧ], ловьяӧсь лоам дак, – шуис Матвей. – Миян, не вомдзалӧмӧн, шогмышитӓ бӧра* (Исаев 1997: 328) ‘Я дам (зерна), если живы будем, – сказал Матвей. – У нас, чтоб не сглазить, снова уродилось’.

Переход деепричастий в послелог. К деепричастию восходит послелог *вотӧдз* ‘до’ (букв. до прихода). В коми-пермяцком языке глагол *воны* ‘прийти’ (в отличие от кз.) вышел из употребления, сохранился только в форме терминативного деепричастия. Вследствие грамматикализации

деепричастия в языке наблюдается конкуренция терминативных форм: деепричастий на *-tödz* и послеложно-именных сочетаний имен действия с послелогом *вотödz*. Как отмечает Г.А. Некрасова, перераспределение функций между падежами и послелогом в пермских языках началось уже в прапермский период. Послелог, предназначенный для уточнения значений падежных форм, становятся основными носителями релятивных функций. <...>. Частичное и полное вытеснение падежа послелогом наблюдается в отдельных коми и удмуртских диалектах. <...> Отмечается тенденция вытеснения терминатива <...> и в коми-пермяцких диалектах: кп. *локтöм вотödz* (Npost) // *локтödz* (CONV) (Некрасова 2005: 159), напр., *Видзчисьыштö уж, терптыштö эшö невnochасö кынтöм вотöдзас* (Фадеев I) ‘Подождите уж, потерпите еще немного до морозов’; *Ачыс фермаыс сын уджалсь отирöн да подаён, кыз бөртіжык юртіс старик, эшö көдзöттöдзас ештöм вуджны деревняö* (Фадеев I) ‘Сама ферма со всеми работниками и скотом, как позднее сообщил старик, еще до заморозков успела перейти в деревню’; *Зонка веритіс: мый бы сэтчин эз вöв, гортö петан вотödz ня Маринакöt не только пантасясö, но и баитчасö öтлаын мунöм йылысь* (Фадеев I) ‘Парень верил: что бы там ни было, до выхода из дому они с Мариной не только встретятся, но и договорятся о совместной поездке’; <...> *Кудым-Ош бöра лöсьöтчö мунны Кама кузя шоньт музö. Туйö петтödz чукöртчасö луд вылö* <...> (Оласö 1990: 256) ‘Кудым Ош вновь собирается идти по Каме в теплые края. До того как выйти в дорогу, собрались на лугу’.

Деепричастия – междометия – коммуникемы (коммуникативы). Междометия по значению могут являться сигналами для людей и животных (КПЯ 1962: 318–319). К междометию – этикетной коммуникеме (формуле) прощания, которая используется с целью завершения контакта, следует отнести слово *адзисьлытödz* ‘до свидания’, напр., *Адзисьлытödz, ёрттэз!* (Федосеев I) ‘До свидания, друзья’. Этикетные коммуникемы обслуживают сферу деятельности субъекта речи с точки зрения морально-этических норм поведения и являются разновидностью коммуникем. Коммуникемы – «коммуникативные непредикативные единицы синтаксиса, представляющие собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимые, характеризующиеся наличием модусной пропозиции, нерасчлененно выражающие определенное непонятное смысловое содержание (т.е. не равное суждению), не воспроизводящие структурных схем предложения и не являющиеся их регулярной реализацией, лексически непроницаемые и нераспространяемые, по особым правилам сочетающиеся с другими высказываниями в тексте и выполняющие в тексте реактивную, волюнтаристическую, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции» (Меликян 2001: 31).

2.0. Деепричастия и деепричастные конструкции со значением одновременности – разновременности в коми-пермяцком языке.

Категория времени у деепричастий относительная. В коми-пермяцком языке деепричастия относительно главного действия обозначают действие одновременное с действием глагола-сказуемого либо разновременное. Деепричастия со значением одновременности представлены формами *-икӧ, -икРх, -ик коста, -икмоз, -ик дырни, -тӧн, -тӧнРх, -ӧмӧнмоз*, каритивами на *-ӧмӧн*; со значением разновременности (главное действие предшествует) представлены формами *-тӧдз, -тӧдзРх, -ик кежӧ*, одновременно-разновременные (т.е. могут указывать на действие, которое предшествовало / не предшествовало главному действию) деепричастия представляют формы *-ӧмӧн, -тӧг*.

Неоднозначную интерпретацию в лингвистической литературе имеет синтаксическая функция деепричастий. В русистике, напр., деепричастия, обладающие существенной синтаксической спецификой, по мнению многих исследователей, в соответствии со своим значением сопутствующего действия выполняют в предложении функцию второстепенного сказуемого, обычно совмещая ее с обстоятельственной функцией. <...> Функция деепричастий – вторичной предикации или предикативно-обстоятельственная зависит от лексического значения деепричастия и общего контекста высказывания (Панова 2010: 339–340). В пермских языках (удмуртском, коми) исследователями применяется определение «второстепенное сказуемое» и «обстоятельство» (Перевощиков 1959: 235; СКЯ 1967: 103; Лудыкова 1993: 83).

2.1. Деепричастия и деепричастные конструкции со значением одновременности.

Деепричастия с формой на *тӧн(Рх)* и деепричастные конструкции.

Деепричастия на *-тӧн(Рх)* являются собственно коми-пермяцкой формой и выступают в значении одновременности с главным действием, напр., *миссьытӧн* ‘умываясь, во время умывания’. В деепричастиях на *-тӧн* сохраняются глагольные категории вида и залога, напр., *Эта дырни ся любуйтчис, кыдз босьталӧны сылсь гӧстинечесӧ нывкаэс, а зонка-оккез мырӧддасьтӧнняныс ӧтамӧд коласын чуть озӧ тышкасьӧ* (Шадрин 1997: 58) ‘В это время он любовался, как девочки забирают у него гостинцы, а мальчики, отнимая друг у друга (букв. отнимаясь), чуть не дерутся’; *мырӧддасьны* – возвр. от *мырӧддыны* ‘отнимать, отнять, отобрать, вырвать’; *Минута кыным бӧртӧ нывкаыс, одззамоз ӧвтчышавтӧн да бергавтӧн, мыччисьліс мӧдӧрсянь ни* (Фадеев II: 221) ‘Примерно через минуту девушка, как и раньше слегка обмахиваясь и оборачиваясь, появилась уже с другой стороны’; *ӧвтчыны* возвр. от *ӧвтны* ‘обмахиваться, отмахиваться от кого-чего-л.’ и *-ышт* – форма уменьшительного вида глагола. Деепричастия с зависимыми словами организуют оборот.

В коми-пермяцком языке функционируют неопределенные и определенные деепричастия: *-тӧн* (в диалектах *-тӧнь*), *-тӧнРх*. Показатели определенных форм (Рх) представляют определенно-притяжательные суффиксы инессива (местного падежа) существительных. Перед Рх последний звук деепричастного суффикса удваивается и смягчается. В табл. 1 приводятся притяжательные формы деепричастий по данным А.С. Кривошековой-Гантман (КППС 1985: 614–615):

Таблица 1

1 л. узытӧнн-ям (Рх1sg.)	1 л. узытӧнн-яным (Рх1Pl.)
2 л. узытӧнн-ят (Рх2sg.)	2 л. узытӧнн-яныт (Рх2Pl.)
3 л. узытӧнн-яс (Рх3sg.)	3 л. узытӧнн-яныс (Рх3Pl.)

Наибольшую активность среди определенных форм демонстрируют деепричастия на *-тӧннят*, *-тӧнняс*, хотя по употребительности среди определенных и неопределенных форм преобладают неопределенные.

В предложении деепричастия на *-тӧн(Рх)* могут быть односубъектными и разносубъектными. У односубъектных деепричастий субъект с глаголом-сказуемым общий, в отличие от разносубъектных, напр., односубъектные: *Перемӧ мунтӧнняс Пера панталас мужиккезӧс* (Оласӧ 1990: 267) 'Идя в Пермь, Пера встретит мужиков'; *А кӧиныс бӧрсиняс горзытӧн воктӧм мужикыс ордӧ* (ST 1 1985: 148) 'А волк, плача, за ними пришел к мужикам'; разносубъектные: – *Кыз нӧ тэ бӧр туйсӧ адззин?* – *Пыртӧнняс воньӧ пӧрчасис да нинкӧмӧ ыбӧсас кольччис. Сы сьӧртӧ и адззи* (Оласӧ 1990: 306) '– Как же ты обратную дорогу нашел? – Заходя (= на входе; когда заходил), поясок развязался и лапоть в двери застрял'; *Мыйыс оз овлы вӧрравтӧнняс*, <...> (Федосеев I) 'Всякое случается на охоте (букв. охотясь-то, когда охотишься)'. В случае разносубъектности на субъект деепричастия может указывать суффикс (Рх), однако разносубъектные деепричастия могут быть и неопределенными, субъект определяется либо в предложении, либо по ближайшему контексту, напр., – *Компасыс миян эм. Меным сійӧ айӧ сетис мунтӧнням* (Баталов II: 136) 'Компас у нас есть. Мне его отец дал, когда я уходил (букв. уходя я)'; *Сенич Фёдор уджавны иньдытӧн кутчис ыксыны улицатыр: «Ачыт мун да уджав»* (Федосеев I) 'Сенич Фёдор, когда его заставляли работать (букв. во время заставления работать), начал кричать на всю улицу: «Сам иди и работай»' (субъект деепричастия по контексту – бригадир); <...> *сэк меным этийӧм жӧ вӧлі, кызд тэныд усьтӧннят* (Оласӧ 1990: 100) 'тогда мне так же [страшно] было, как и во время твоего падения (букв. при падении твоём)'. Неопределенные деепричастия на *-тӧн* могут образовать абсолютные обороты. Субъект в конструкции обычно выражен существительным или местоимением в именительном падеже, наблюдается тенденция употребле-

ния существительного в определенно-притяжательной форме Рх3sg. -ыс: *Большё-визывтё Лолымын ва. Мымда ни сія визывтіс Степаныс овтён?* (Федосеев I) ‘Шумит-течет в Лолыме вода. Сколько ее уже утекло, пока Степан жил (за Степанову жизнь)’; *Гортё локтё шондыс петтён, оз и шоччись <...>* (Федосеев I) ‘Домой приходит под утро (букв. когда солнце всходит), даже не отдыхает’.

В коми-пермяцком языке встречаются конструкции с глаголом движения *ветлётны* ‘ходить’ + CONV-*тён* со значением какого-либо занятия, дела, деятельности. В данной конструкции можно предположить грамматикализацию глагола движения *ветлётны*: *ветлётны* + CONV-*тён* ‘ходить, занимаясь каким-либо видом деятельности’ > ‘заниматься каким-либо видом деятельности в течение времени’, напр., *кортён ветлётны* ‘ходить по миру (букв. прося ходить)’, т.е. заниматься попрошайничеством, попрошайничать, нищенствовать. В «Коми-пермяцко-русском словаре» сочетание переведено как ‘просить подаяния’ (КПРС 1985: 185), О.А. Гагарина относит его к собственно коми-пермяцким фразеологическим единицам, отражающим историческую жизнь народа (Гагарина 1999: 142). В коми-пермяцких текстах удалось зафиксировать сочетания той же модели с другими деепричастиями на -*тён*, напр., в южных диалектах: *Вовёма бабушка, ветвётвём бабितьчйтён* (ST 1 1985: 142) ‘Жила бабушка, занималась акушерством (букв. ходила, занимаясь акушерством, помогая в родах)’; *Мужикыс поннём ветвётны лечитьчйтён и оддён богатсявём* (ST 1 1985: 144) ‘Мужик начал заниматься лечением (букв. ходить, занимаясь лечением) и быстро разбогател’; *Ветлётісё кортён старик да старуха* (Оласё 1990: 229) ‘Побираясь, ходили старик со старухой’. В типологических исследованиях по грамматикализации глаголов движения приводятся примеры грамматикализации глагола *ходить* в иберо-романских, тюркских языках, где «имперфективное значение грамматикализированных конструкций с ХОДИТЬ <...> “выражает длительность привычного или повторного действия”, <...> придает действию “характер постоянного занятия чем-нибудь”, во многих тюркских языках <...> образует “сложные глаголы” со значением “заниматься чем-либо (напр., работой, учебой)”’. Судя по приводимым примерам, речь идет о спектре значений из области дуративности / хабитуальности: ср. башкирские примеры *кереп йөрөй* ‘(он) имеет обыкновение заходить’ (= “заходя ходит”) <...> » (Майсак 2002: 119–123).

Деепричастия на -*тён* могут использоваться в заглавиях, названиях, в таком случае они называют собственно «ситуацию», напр., название рассказов В.И. Канюкова «*Вөр кывтён*» (Иньва, 1995) ‘Когда плыл лес’; «*Мынтісьтён*» (Иньва 1994) ‘Во время оплаты’; рассказов С. Федосеева «*Ягодавтён*» (Ракурс 1992) ‘Во время сбора ягод’, «*Тишакьявтён*» (Бичирок

1993) ‘Во время сбора грибов’; название былички *Тишакъявтӧн чудитчис* (Оласӧ 1990: 313) ‘Почудилось при сборе грибов’ и т.д.

В предложении деепричастия и деепричастные обороты с *-тӧн*, выступая в предикативно-обстоятельственной функции, выражают различные обстоятельственные значения, напр., значение времени: *Дёма казяліс и сійӧ, что посадас велӧтчйтӧн сы синнэс одзын крестьяналӧн оланыс тӧдчӧмӧн мӧдкодъяліс* (Шадрин 1997: 66) ‘Дёма заметил даже то, что во время его обучения в волости на его глазах жизнь крестьян заметно изменилась’; – *Кытишӧм морт дук? – баитӧ мамыс чӑртыслӧ. – Этӧ тэ лэбавтӧннят каттин ас бердат сякӧй дуксӧ* (Оласӧ 1990: 53) ‘Какой человеческий дух? – говорит мать черту. – Это ты, летая, вобрал всевозможные запахи’; значение причины, напр., *Ме, сӑртни корсӧ тӧвбыт сӑйтӧн, аддзан мыйӧ пӧри* (Оласӧ 1990: 23) ‘Посмотри во что я превратился, питаюсь всю зиму ботвой репы’; *А Оша-Мишаӧс, вундӧмподсӧ тӧвбыд сӑйтӧн, витиш кыскӧм, <...>* (Оласӧ 1990: 23) ‘А Оша-Мишу, питавшегося (букв. питаюсь) всю зиму соломой, голод одолел’; *Мыдзис баб юасьтӧнныас, а Лӑгостай сапырнитіс сылісь медкузь баличасӧ, швач вундыитіс да пиас дзебис* (Оласӧ 1990: 89) ‘Устала бабка от расспросов (букв. расспрашивая), а Лёгостай схватил самую длинную её косу, отрезал и за пазуху спрятал’; *Илья Васька, сибирякным, быдса год ветлӧтис Сибирьӧт, бур олансӧ коишйтӧн* (Лихачев 1997: 43) ‘Илья Васька, наш сибиряк, целый год ходил по Сибири, ища хорошую жизнь (= в поисках хорошей жизни)’; значение цели: *Сія дзир сымда и керис – виньдӧм сорӧн да горӧн ньылыитіс ӧмсис сӧдзӧм дуль, горӧн горӧтӧмсис видзсьйтӧн* зубыта курчӧвтіс тырпсӧ (Фадеев I) ‘Он так и сделал – давясь и с шумом проглотил скопившуюся слюну, избегая громкого стона (= стараясь громко не застонать), крепко прикусил губы’; значение образа действия, напр.: *Кӧч кыям казьӧн, асьныс мунӧны казь дынӧ горӧтвйтӧн* (ST 1: 220) ‘Зайца ловим сетью, сами идут к сети крича (с криками)’; *Мунісӧ, мунісӧ кузь туй вылӧт ас коласаныс баиттӧн и локтісӧ лӧз паськыт море берег дорӧ [вокъяс]* (Оласӧ 1990: 155) ‘Шли, шли по длинной дороге (братья), между собой беседуя, и пришли на берег широкого синего моря’; *Заготовительыс горзытӧн телеганас дзурка-вирка мунӧ районӧ <...>* (Федосеев I) ‘Заготовитель, плача, на телеге со скрипом едет в район’. В выражении значения образа действия деепричастия на *-тӧн* синонимичны деепричастиям на *-ӧмӧн*, в предложении могут составлять однородные обстоятельства образа действия: *Видчйтӧн, бобгӧмӧн иньдӧтчисӧ бунт кериссез асланыс деревнялань* (Лихачев 1997: 39) ‘Ругаясь, ворча, направились собиратели бунтов в сторону своей деревни’.

Деепричастие на *-тӧн* или деепричастный оборот в предложении может выступать в качестве уточняющего обстоятельства, выполнять функцию уточнения, напр., *Вӧлісӧ и мӧдік зонкаэз, но сідз, боки мунтӧн* (Ка-

нюков II: 385) ‘Приходили и другие мальчики, но так, мимоходом (букв. проходя мимо)’; *Өні, чунь бердас нійō шōртнас домавтōн, Митя, кыдзкō казавтōг инмис, тыдалō, и дойман местаō* (Фадеев I) ‘Сейчас, привязывая их к пальцам шерстяными нитками, Митя, видимо, как-то неожиданно попал по больному месту’; <...> *тōдвылас сылō усис, кыдз учōтнас, зшō школайн велōтчйтōн, физкультура урок коста, <...>, кинлōнкō лыжа нырыс инмис казавтōг сылō тишōтии эта синкымō* (Фадеев I) ‘ему вспомнилось, как в детстве, еще во время учёбы в школе, на уроке физкультуры носок чьей-то лыжи попал в его глаз’.

Деепричастия с формой на -ик- и деепричастные конструкции.

Деепричастия на -икō (-ик + иллативная непряжательная форма -ō), притяжательные формы -икРх (-икам, -икат, -икас и т.д.) характеризуют главное действие, выраженное спрягаемым глаголом, во временном отношении и отвечают на вопрос «когда совершается главное действие», указывая на одновременность, сопутствование второстепенного и главного действий. В суффиксе -ик сохранился более древний – глухой консонант -к-, в отличие от коми-зырянского языка (-иг) (Цыпанов 1999: 73).

Значения деепричастий на -ик- и -тōн синонимичны. В деепричастиях на -ик- сохраняются глагольные категории вида и залога, напр., <...> *миянлō некытчō туй эз ло, – дуйл петтōдз горōтлис Гришка Пестов Николай воныслō да Феликс Куликовлō вина кисьталікō* (Шадрин 1997: 78) ‘<...> никуда нам дороги не будет, – изо всех сил (букв. так, что брызнули слюни) выкрикнул Гришка Пестов брату Николаю и Феликсу Куликову, разливая вино’: *кисьталікō* от *кисьтавыны* < *кисьтавыны* то же, что *кисьтлыны*; *кисьтлыны* многокр. от *кисьтны* ‘лить, налить’ + видовой суффикс -ав (-ал). Как и глаголы, деепричастия могут образовать оборот с зависимыми словами, напр., – *А вот баитны миянлō талун некōр лоас, – кыкнан кинас уссєсō гардікō висьталіс дядьыс* (Баталов II: 124) ‘А вот поговорить нам сегодня будет некогда, – закручивая усы обеими руками, сказал дядя’.

Показатели определенных форм деепричастий на -ик представляют определенно-притяжательные суффиксы инессива (местного падежа) существительных. В табл. 2 приводятся притяжательные формы деепричастий по данным А.С. Кривошековой-Гантман (КПРС 1985: 614–615):

Таблица 2

Определенные формы деепричастий на -ик- глагола *узьны* ‘спать’

1 л. узик-ам (Px1sg.)	1 л. узик-аным (Px1Pl.)
2 л. узик-ат (Px2sg.)	2 л. узик-аныт (Px2Pl.)
3 л. узик-ас (Px3sg.)	3 л. узик-аныс (Px3Pl.)

Исследование активности употребления неопределенных и определенных форм деепричастий на -ик- показало, что неопределенные деепри-

частия на *-икö* вместе с формами на *-öмön* являются наиболее активной в употреблении деепричастной формой в коми-пермяцком языке, из определенных форм наиболее употребительны деепричастия с *Px3sg -икас*.

Кроме суффиксов, деепричастия от *-ик* могут образоваться при помощи послелогов *моз, коста, дыръя, дырни, кежö* (Баталова 1982: 152; Майшев 1940: 60). Формы, образованные послелогом (*моз, дыръя, дырни*), характерны скорее для диалектов, чем литературного коми-пермяцкого языка. Напр., *-ик коста* – редко встречающаяся в коми-пермяцком языке и диалектах форма деепричастия, представляющая деепричастие на *-ик* с послелогом *коста* ‘между’, имеет значение дополнительного (сопутствующего) одновременного действия, в промежуток которого совершается основное действие («определенный отрезок времени, в течение которого происходит главное действие» (КПЯ 1962: 281)), напр., *Тышкасик коста уськöтисö пызан выльсь пань* (Оласö 1990: 159) ‘Пока боролись, уронили ложку со стола’; *Шоччисик коста писис кыскас конверт, <...>* (Нилогов I) ‘Пока отдыхал, вытащил конверт из-за пазухи’. Деепричастия на *-ик коста* соответствуют коми-зырянским деепричастиям на *-иккості*, но пишутся с послелогом раздельно. О «послеложных» деепричастиях И.И. Майшев отмечает следующее: «*помасик кежö* ‘к окончанию’ (действие должно быть совершено ко времени, выраженному формой), *коста: мунік коста* ‘пока шел’ (часть времени), *дырни: велöтчик дырни* ‘во время’». Функцию послелогов *коста, дырни* исследователь видит в усилении, подчеркивании временного значения отглагольного имени. Отглагольное имя может «иметь после себя заставку *моз*, происшедшую из сравнительного послелога, придающую имени более определенный оттенок действия: *сьыльікмоз* ‘напевая’ (Майшев 1940: 60). Редкость употребления форм с *моз, дырни, дыръя*, отсутствие необходимых примеров употребления подобных деепричастий усложняют возможность определения синтаксических и иных характеристик форм.

В предложении деепричастия на *-ик-* могут быть односубъектными и разносубъектными. У односубъектных определенных и неопределенных деепричастий субъект с глаголом-сказуемым общий, в отличие от разносубъектных, напр., *<...> и Василь, одзас мунікö, киззас видзис öгралан сартассэз* (Шадрин 1997: 67) ‘<...> и Василь, идя впереди, рукой прикрывал тлевшую лучину’; *Но ладнö, кöть пöрысьмикам вежöртчи, сiя абу умöль* (Лихачев 1997: 44) ‘Но хорошо, хоть к старости (букв. старея я) понял, он неплохой’. Разносубъектными могут быть и неопределенные, и определенные деепричастия, на субъект деепричастия может указывать определенно-притяжательный суффикс (*Px*), субъект может определяться в предложении (существительным, местоимением в форме косвенного падежа) или в контексте, может представлять субъект неопределенно-личного, обобщенно-

личного типа, деепричастие может быть образовано также от безличного глагола, напр., <...> и **узылікӧ** сысса буржык шебрас оз ков (Шадрин 1997: 64) ‘<...> и во время сна (букв. спя, когда спишь) одеяла лучше и не нужно’; **Юис-сёйис чожа, а югдікӧ** иньдӧтчис одзлань (Исаев 1997: 317) ‘Быстро поел, а на рассвете (= когда светало), двинулся дальше’; **Ӧмель босьтіс киас льӧмпу клячсӧ и мунӧ. А нюрысь петікӧ** керкуоукись морт сійӧ бӧра нин панталӧ (Оласӧ 1990: 148) ‘Емеля взял в руку черемуховый колышек и идет. А выбираясь из болота (= когда выбирался из болота) человек из домишка его снова встречает’; **Узикам** менам нырысь би сялкӧ (Лыткин 1955: 43) ‘Когда я сплю (букв. спя я), из моего носа пламя вырывается’; **Куйлікас** сы синнэз вӧлӧ усис кытиӧмкӧ гаг <...> (Нилогов II: 337) ‘Лежа он [в траве] (= когда он лежал в траве), на его глаза упал какой-то жук’; **Поннас Иван мунны гортас. Пантасяс сьлӧ мунікас** кытиӧмкӧ керку (КПГ 1980: 66) ‘Встретится ему по пути (букв. идя он) какой-то дом’; **Юис-сёйис чожа, а югдікӧ** иньдӧтчис одзлань (Исаев 1997: 317) ‘Быстро поел-попил, а на рассвете отправился дальше’.

Деепричастия на **-ик-** могут обозначать самостоятельную ситуацию в заглавиях текста, напр., **Бӧрӧш керикӧ** ‘Во время производства кваса’ (название анекдота) (Оласӧ 1990: 229); **Гӧсьтитікӧ** [название рассказа] ‘В гостях (букв. гостя)’ (Баталова 1975: 243); **Туримолялікӧ** [название рассказа] ‘Во время собирания клюквы’ (КПГ 1980: 50); **Ягӧдалікӧ** [название рассказа] ‘При сборе ягод’ (КПГ 1980: 54); **Морошкаалікӧ** [название рассказа] ‘При сборе морошки’ (КПГ 1980: 55).

В предложении деепричастия выполняют предикативно-обстоятельную функцию, выражают различные обстоятельственные значения, напр., значение времени: **Шоччисиканыс зонка висьтасис** Миловцевлӧ **нывкаыс йылісь** (Фадеев I) ‘Пока отдыхали, паренек рассказывал Миловцеву о девушке’; <...> **вичку дынӧт мунікӧ** сія [Дёма] **пуктіс пернапас да иньдӧтчис базарӧ** (Шадрин 1997: 56) ‘Идя мимо церкви, он перекрестился и направился к базару’; **Кӧч кыян капкан пуктікӧ** шуллан, **мед шедӧ ӧддӧнджык кӧч** (ST I 1985: 108) ‘Ставя капкан на зайца, обычно говоришь, чтобы быстрее попался заяц’; **Менам кыкъямыс вӧлісӧ, так новӧйтчикам ӧтпыр эг малинав: а кызд ош пантасяс** (Оласӧ 1990: 330) ‘У меня восемь детей было, так когда беременная была (букв. нося) никогда по малину не ходила в лес: а вдруг медведь встретится’;

значение условия: **Боксянь видзӧтікӧ** нем эз видз думайтны, **что пукалӧ эстӧн зонка сідз, нем керӧмсянь** <...> (Фадеев I) ‘Глядя со стороны, ничего не мешало думать, что паренек сидит просто так, от нечего делать’; <...> **ылісянь видзотікӧ** кажитчис, **что этӧ, шом керан ямаззын керӧны шом** (Канюков I) ‘Глядя со стороны, казалось, что это в угольных ямах добывают уголь’;

значение причины: *Асывяс картинаыс вылӧ дивуйтикӧ зонкалӧн небзис сьӧлӧмыс* (Фадеев I) ‘Любуясь на вид утра (букв.), у парня оттаяло сердце’; *Пемытінас тӳмасикӧ, <...> зонка ӧитіс одзсис векнитик туӳкӧ <...>* (Фадеев III: 249) ‘Торопясь в темноте, мальчик потерял из виду узенькую тропинку’; *И вот Пётр Лологов куимӧт лун ни, партизанныӧӧс коишикӧ, шатласис вӧррезын <...>* (Нилогов II: 336) ‘И вот Пётр Лологов уже третий день, разыскивая партизан, бродил по лесу’;

значение образа / способа действия: *<...> ваын, учӧтик пыж бердын видзикӧ купайтчӧны нӧль нывка, кыйтӧм кузь юрсиаӧсь* (Шадрин 1997: 70) ‘в воде, держась около небольшой лодки, купаются четыре девочки с незаплетенными длинными волосами’; *<...> бригадир, кокнас легӧтикӧ, уськӧтчис Миков вылӧ <...>* (Минин 1997: 120) ‘бригадир, дѣргая ногой, бросился на Миколу’; *И кужӧмӧн вӧввезнас веськӧтлікӧ, Алексей чожа локтіс Дуся дынӧдз* (Канюков I) ‘И умело управляя лошадьми, Алексей быстро доехал до Дуси’.

В предложении деепричастный оборот может быть уточняющим обстоятельством, выполнять функцию уточнения: *Ӧтпыр, заданнӧ вывсынь бертікӧ, Лологовӧс ранитісӧ* (Нилогов II: 359) ‘Однажды, возвращаясь с задания, Лологова ранили’; *Сідз, аскӧттяс баитікӧ да быдкодӧ думасӧ думайтікӧ, Илья локтіс яг дорӧдз* (Минин 1997: 94) ‘Так, разговаривая с собой и думая разные думы, Илья дошел до леса’.

2.2. Деепричастия и деепричастные конструкции со значением одновременности / разновременности.

Деепричастия с формой на -ӧмӧн и деепричастные конструкции (-ӧмӧн, не -ӧмӧн, -ӧмӧнмоз).

Деепричастия на -ӧмӧн подробно исследованы в коми-зырянском языке. В научной грамматике современного коми языка Е.А. Цыпанов относит их к деепричастиям настоящего-прошедшего времени (ӧнія-колян када ногакывъяс) (Цыпанов 2000: 346; 384–387). Как и в коми-зырянском языке, основное значение деепричастий на -ӧмӧн коми-пермяцкого языка – обозначение добавочного действия, протекающего одновременно с главным (КПЯ 1962: 283). Они относятся к неопределенным деепричастиям (не присоединяют Rx). Из неопределенных деепричастий является наиболее активными в употреблении. Для деепричастий на -ӧмӧн наиболее характерны одиночное употребление и односубъектность, так как чаще всего они используются для характеристики основного действия, выполняют в предложении функцию обстоятельства образа действия, легко адвербиализуются: *Сыбӧрын сайласьӧмӧн пыиши* (Оласӧ 1990: 150) ‘Потом, прячась, убежала’; *Но кульыс пӧртчис бабапель юрокӧ да кытчӧкӧ лӧзсис ойзӧмӧн* (Оласӧ 1990: 174) ‘Но бес превратился в головку одуванчика и куда-то улетел, охая’; – *Паздам быдӧннысӧ!.. – видчӧмӧн пондӧсӧ петны*

шоньтжыка олісь мужикес (Лихачев 1997: 23) ‘– Всех раскидаем!.. – ругаясь, стали расходиться живущие побогаче мужики’; *Дзольгёмён, орсёмён локтіс ловзьётан кад – тулыс* (Лихачев 1997: 27) ‘Журча, играючи пришла новая пора – весна’; *Ме каттиси коккет увтын, мед тэ усин да шедін поннэз омё, – лёга шыннёлёмён шыасис бёж* (Оласё 1990: 26) ‘Я путался между ногами, чтобы ты упала и попала собакам в пасть, – зло усмехаясь, ответил хвост’.

В ряде случаев два действия (второстепенное и главное, выраженные деепричастием на *-ёмён* и глаголом) можно интерпретировать не как одновременные, а как следующие друг за другом; действие, выраженное деепричастием, предшествует главному: *Менам эм корабль, – муёдз поклон сетёмён висьталіс Ёмека* (Оласё 1990: 155) ‘Есть у меня корабль, – отвесив (/ отвешивая) земной поклон, сказал Омека’; *Сія пё кыліс, тыдалё, уськётчис ваас. Чеччовтёмён пё, съёкыта уськётчис – нельки ваыс берегас петіс* (Оласё 1990: 310) ‘Он, говорят, услышал, кинулся в воду. Прыгнув, тяжело накинудся – даже вода вышла на берег’; *Боксянь кыйёмён менё вийісё, Лапыт кыздэ увтё менё кундісё* (Оласё 1990: 126) ‘Поймав из-за угла, меня убили. Под раскидистой елью меня похоронили’; *Сія жё кадё ёшыи увтас, ёні вёлісь бёбмытёдз кутём лёгсянь, Гришунь, аслас кучикись петёмён, нарошино каждіс-таліс кок увтас уськётём ёшыи рама, ёткости лёк горіён горётліс: <...>* (Фадеев I) ‘В тот же момент под окном, от уже долго сдерживаемого гнева, Гришуня, выйдя из себя (т.е. сильно рассердившись), нарочно растоптал-разломал уроненную оконную раму, одновременно крикнул дурным голосом: <...>’; *Сюйыштас зонка зусё пидё, нянь трепич тишукыль-тишакыль каттыиштёмён босьтас конувтё и пёлялё-котёртё Кам ордё била* (Оласё 1990: 114) ‘Паренёк спрятал чesалку за пазуху, скомкав скатерть для валяния хлеба, засунул под мышку и понёсся к Каму за огнём’.

Как и в русском языке, где деепричастия совершенного вида являются средством выражения перфектного значения, т.е. обозначают «не само предшествующее действие (оно осуществлено в прошлом), а его результат в настоящем, которое представляется нам уже не как действие, а как состояние, сопровождающее главное действие в качестве признака» (Васева-Кадынкова 1961: 20), деепричастия и конструкции на *-ёмён* коми-пермяцкого языка могут передавать перфектное значение, выражая не сам процесс, действие, а его результат. В коми-зырянском языке Е.А. Цыпанов определяет такое значение как «колян када (помасьтём керём вылё индысь)» (Цыпанов 2000: 386): *Дыр сія сулаліс юрсё ёшётёмён, нельки кокнас эз легёт* (Минин 1997: 120) ‘Долго он стоял, повесив голову, даже ногами не шевелил’; *Томнас дойдлёма пидзёссё, и ёні коксё новйётіс невна лёптёмён* (Минин 1997: 118) ‘В молодости повредил колено, и теперь

ногу таскал немного приподняв'; *Вөрмөсүс <...> чуть не быдсён ваас вёйёмён пондiс уйны* (Баталов II: 131) 'Лось, чуть не полностью погрузившись в воду, начал плыть'; *Пызан дорё гырдыззёён нырыштсьёмён Дима думайтiс ты йылыс* (Баталов II: 134) 'Опершись об стол локтями, Дима думал об этом'; *Таня пукалiс скамейка вылын, киззнас пидзёссесё кутёмён* (Баталов II: 134) 'Таня сидела на скамейке, охватив руками колени'; *Дима юр увтас кизё тэчёмён дыр куйлiс спина вылас и видзётiс вывланё* (Баталов II: 137) 'Дима, сложив руки за голову, долго лежал на спине и смотрел вверх'; *Пуэз, уввезнаныс каттисьёмён, вевсёён-вевсёён куйлiсё отамёд выланыс* (Баталов II: 142) 'Деревья, запутавшись своими ветками, лежали друг на друге'; *И лэбтiсяс небоё орёл, кымөррез сайё саясяс да сэтчинсянь, борддесё жмитёмён, ош вылё кыз татикисяс, — ошлён сымда и овсяс* (Оласё 1990: 97) 'И взлетит в небо орел, скроется за тучами и оттуда, поджав крылья, как налетит на медведя'.

Изредка встречаются предложения с деепричастиями на -ёмён, передающими обстоятельствоное условное значение: <...> *бордёс веськётан, мёдпырся бурён тэнё пантала. Мекёт тёдсасьёмён он вош* (Оласё 1990: 98) '<...> крыло (мне) вылечишь, в следующий раз хорошо тебя приму. Водя со мной знакомство (= если будешь водить со мной знакомство), не пропадёшь'.

Интенсификатор глагольного действия. Как и в коми-зырянском языке (Лудыкова 1986: 12), в коми-пермяцком деепричастия на -ёмён вместе с однокоренным глаголом могут составлять в предложении простое осложненное сказуемое. Деепричастие выполняет функцию интенсификатора, указывая на более интенсивный характер главного действия: *Шондi сотёмён сотё, горшыш накмётё* (Оласё 1990: 73) 'Солнце изо всех сил жарит (букв. жаря жарит), в горле пересохло'; *Да сэтшём норён орсё — поныслён синва петё, а мореыс дюттясьёмён дюттясьё* (Оласё 1990: 46) 'Да так жалобно играет — у собаки слезы текут, а море сильно волнуется (букв. качаясь качается)'; *Пармаыс ружтёмён ружтё, а вырыс шорён котёртё* (Оласё 1990: 257) 'Парма стоном стонет (букв.), а кровь рекой льется'. Во всех уральских языках представлены глагольные конструкции, состоящие из двух или нескольких глагольных компонентов (спрягаемого глагола и отглагольных образований) (Хонти 2013: 109), конструкции глагольной формы и глагола в указанном значении и функции встречаются в других финно-угорских языках, напр., венгерском: *kérve kér* 'умолять' (букв. прося просить); финского: *pyytää pyytämistään* 'тж'.

Каритивные деепричастия на -ёмён. Деепричастия на -ёмён в коми-пермяцком языке участвуют в инновационном процессе образования каритивных деепричастий путем присоединения отрицательной частицы *не* в препозиции. Процесс произошел благодаря длительному взаимодействию

коми-пермяцкого и русского языков. Значение деепричастий синонимично значению исковых каритивных деепричастий на *-тӧг*: *не тэрмасьӧмӧн = тэрмасьтӧг* ‘не торопясь’. Появление каритивных форм на базе деепричастий на *-ӧмӧн* путем присоединения отрицательной частицы *не* ранее зафиксировано в учебнике С.Ф. Грибанова «Коми кыв грамматика» (1940): *Старик не тэрмасьӧмӧн петіс керкуись* ‘Старик неторопливо (не торопясь, ср. кз., кп. *тэрмасьтӧг*) вышел из дому’, и приведено правило: частица *не* с деепричастиями пишется раздельно (Грибанов 1940: 184). В учебниках 60-х гг. XX в., напр., Г.А. Калиной, З.В. Распоповой «Коми-пермяцкӧй кыв грамматика» (1961) также приводятся правила (§ 104) написания отрицательной частицы *не* с деепричастиями (раздельно). Как инновационный, процесс образования каритивных деепричастий зафиксирован Е.А. Цыпановым (1999). Самой частотной из деепричастий коми-пермяцкого языка, образованных по данной схеме, является лексема *не тэрмасьӧмӧн* ‘не торопясь’, ‘неторопливо’. В фольклорных и диалектных источниках каритивная форма с отрицательной частицей встречается редко, напр., *Ачыс [Нярьян-баб] лэдзис баличасьӧ и не тэрмасьӧмӧн сыналӧ* (Оласӧ 1990: 92) ‘Сама (Нярьян-баб) распустила косы и не торопясь расчесывает’. Для каритивных деепричастий характерно одиночное употребление, они не образуют оборотов: *Сыбӧрын Васька чеччис, не тэрмасьӧмӧн малалыштис синнас омӧн керкусь, сьӧкыта лолыштис, казявтӧг, не тшӧктӧмӧн вотьыштис синва-ыс кок ныр вылас* (Лихачев 1997: 17) ‘Потом Васька встал, не торопясь окинул взглядом весь дом, тяжело вздохнул, слеза незаметно, не спросясь, капнула на носок обуви’; *Чӧв, ёртӧй, жагӧник, не тэрмасьӧмӧн ми ӧмлӧсалам нійӧ, тупкам ӧмнысӧ* (Лихачев 1997: 35) ‘Брось, друг, тихонько, не торопясь, мы взнуждаем их, закроем рты’; – *И ме ӧтікӧ кыйи, – не ошшасьӧмӧн шуис Дёма* <...> (Шадрин 1997: 64) ‘– И я одного поймал, – не хвастаясь (без хвастовства) сказал Дёма’; *Мунісӧ и мунісӧ не тэрмасьӧмӧн, кыссисны одзлань* (Минин 1997: 88) ‘Шли и шли, не торопясь, ползли вперед’.

Деепричастия на *-ӧмӧн* могут быть компонентом фразеологического оборота, напр., – *Колӧ ӧнджа керны, оз ков кизз ӧшӧтӧмӧн, ӧнджа, пукавны, – горӧтчис Торшенёв* (Лихачев 1997: 29) ‘Нужно что-то делать, нельзя сидеть, опустив руки, – выкрикнул Торшенёв’; *Локтас тӧв, морт пуӧ сёртнисӧ, пӧжалӧ, парёнкаӧн сёйӧ да сьылӧмӧн олӧ* (Оласӧ 1990: 23) ‘Придет зима, человек варит репу, печет, парёнкой ест и живет припеваючи’.

Некоторые конструкции деепричастия и глагола близки к спаренным глаголам, выделяемым в грамматиках удмуртского, марийского языка, напр., *Кӧр казялас [Змей] Иванӧс, ӧддьӧн горӧн шутньӧвтас да лӧбзьӧмӧн сибӧтчас Иван дынӧ* ‘Когда заметит (Змей) Ивана, очень громко свистнет и летя (или взлетев, подлетев) приблизится (= подлетит) к Ивану’.

В немногочисленных трудах фиксируются деепричастия с формой *-ӧмӧнмоз*, образованные путем соединения деепричастного суффикса *-ӧмӧн* со сравнительным послелогом *моз*. О присоединении *моз* к деепричастиям на *-ик* пишет И.И. Майшев: «отглагольное имя может иметь после себя заставку *моз*, происшедшую из сравнительного послелога, придающую имени более определенный оттенок действия: *сьылӧкмоз* ‘напевая’» (Майшев 1940: 60), в диалектах их зафиксировала Р.М. Баталова (Баталова 1982: 152). В учебнике 60-х гг. XX в. «Коми-пермяцкӧй кыв грамматика» (1961) к деепричастиям отнесены не только образования с формами на *-икӧ* (*-ӧкӧ*), *-тӧн*, *-тӧдз*, *-тӧг*, *-ӧмӧн*, но и приводятся правила (§ 104) написания отрицательной частицы *не* с деепричастиями (раздельно), а также написание *моз* с деепричастиями (слитное), которое фиксирует форму *-ӧмӧнмоз*: *Медбы не сӧрмыны, мийӧ пондӧм мунны тӧрмасьӧмӧнмоз* ‘Чтобы не опоздать, мы стали идти торопливо [перевод наш]’, *Сеня оишасьӧмӧнмоз висьтасис ас йывсис* ‘Сеня хвастливо рассказывал о себе’ [перевод наш] (Калина, Распопова 1961).

В коми-зырянском языке деепричастия на *-ӧмӧн* также могут сочетаться с компонентом *моз*: «деепричастия на *-ӧмӧн* могут присоединять послелоги *тиӧтши* и *моз*: *жалитӧмӧн моз*, *шензьӧмӧн моз*», «компонент *-моз* указывает, как, каким образом проходит действие (Федюнева, Цыпанов 1992: 83–84). В научной грамматике коми языка сообщается, что *моз* в статусе суффиксоида участвует в образовании наречий коми языка: *ӧтмоз*, *орччӧн моз* (Федюнева 2000: 415, 425). Кроме того *-моз*, вместе с формантами *-джык*, *-кодъ* может присоединяться к спрягаемому глаголу и инфинитиву, они, «являясь формообразующими суффиксами степеней действия глагола, привносят своеобразные оттенки в репрезентацию различных процессов; их функции сопоставимы с функциями приглагольных наречий: *тӧдӧскодъ* ‘немного знал’, *тӧдӧсджык* ‘знал лучше’» (Цыпанов 2005: 245). В коми-пермяцком языке *моз* в словарях отмечается как: ‘1. *послелог* как; так же, как...’; *сӧя пыр керӧ ме* ~ он всегда поступает, как я; *овны важ* ~ жить по-старому, жить по-прежнему; 2. ‘после гл. *вроде, как бы*’; *мортыс серӧмтчис* ~ человек *слегка* улыбнулся; *ӧртӧ петыштис* ~ *одзлань* мой друг *чуть-чуть* выступил вперед (КПРС 1985: 252).

Предварительный сравнительный анализ материала коми-зырянского и коми-пермяцкого языков по формам *-ӧмӧн моз* / *-ӧмӧнмоз* позволяет сделать некоторые выводы: 1) в правописании форм *-ӧмӧн моз* в коми языках присутствуют два варианта написания *моз*: раздельно и вместе (по прежним правилам коми-зырянской орфографии раздельно (Сахарова, Коснырева, Сельков 1985), по новым – вместе (Карманова, Коснырева, Кренделева 2008: 25); 2) следует отметить сходство значений, передаваемых в коми языках лексемами с формой *-ӧмӧнмоз*: кз. *Первой пырис дворас кузь*

типу беддѣён Лычков-бать; сійѣ **полѣмѣн моз** сувѣтис да пѣрччис шапкасѣ (Чехов 1954: 54–67) ‘Сначала вошел во двор Лычков-отец с длинной осино-вой палкой в руках; он **нерешительно** остановился и снял шапку’; *И кый-сян понмѣй, Буско ѣртѣй менам, Со кийс нюлѣ кевмысьѣмѣн моз: Тиѣтѣи аскѣдыд пѣ вѣрад менѣ босѣт,...* (Ванеев 2007: 201–218) ‘И моя охотничья собака, мой друг Буско, вот руки лижет заискивающе / будто умолая: С собой, мол, в лес возьми меня <...>’; *Но и бур пиян, роч баяр кодѣѣсь мичаѣсь, Пера-багатыр кодѣѣсь тѣлкаѣсь да шанѣѣсь, – бабѣ ставнысѣ малышитѣ юрѣдыс, вѣлѣсь мыш сайсѣыс лѣдзис пестерсѣ, сѣылѣмѣн моз нюжѣдис: <...>* (Куратова 1998: 39–45.) ‘Вот и славные сыновья, как русские бояре красивы, умные и толковые, как Пера-богатырь, – бабушка каждого погладила по голове, только потом сняла со спины пестерь, напевно протянула <...>’; <...> *и сѣки дум вылас усины тѣрыт берег дорын чужѣм кывѣяс: «Шлывѣгѣ Печора, а лов шыыс чорыд...», и сійѣ кутѣс сѣылѣмѣн моз гораа шуавны тайѣ кывѣяссѣ* (Торопов 1984: 203–268.) ‘и тогда вспомнились родившиеся вчера на берегу слова: «Течет Печора, а дыхание сурово...», и он стал нараспев громко повторять эти слова’; кп. *Сѣссия чѣлышитѣ невна и сѣылѣмѣн моз шуис: <...>* (Минин 1997: 112) ‘Потом подождал немного и нараспев сказал: <...>’; *Кывлѣ и мѣдик легенда, – сѣылѣмѣн моз небыт гѣлѣсѣн одзлань висѣтасис дѣдя Кузьмич* (Баталов II: 135) ‘Слышал и другую легенду, – нараспев (напевно) мягким голосом дальше рассказывал дѣдя Кузьмич’; кп. *Мужикыс полѣмѣн моз локтѣс инѣыс керку дынѣ, <...>* (Федосеев I) ‘Мужик **нерешительно** подошел к дому жены’; <...> *но эз жѣ бы мун Тиминасис, олѣс жѣ бы эшѣ, сійѣн и кеймисѣмѣнмоз шуис: <...>* (Федосеев I) ‘но не ушел же бы из с. Тимина, жил бы еще, поэтому и сказал умоляюще: <...>’;

3) формы с **моз** при **-ѣмѣн** коми-зырянского и коми-пермяцкого языков нельзя трактовать однозначно, предварительно возможно выделить, по крайней мере, три функции, которые выполняет **моз** в сочетании с формами на **-ѣмѣн**:

а) в качестве суффиксоида формирует значение признака, усиливая наречное значение деепричастия на **-ѣмѣн** (участвует в процессе адвербиализации). Такие лексемы не образуют оборотов глагольного типа, используются одиночно, напр., **полѣмѣн моз** ‘нерешительно’, **вашкѣдѣмѣн моз** ‘вполголоса’ и т.д.; (ср.: **полѣмѣн** ‘1) боязливо, испуганно, со страхом’; ~ **видѣтлѣс айыс вылѣ** он испуганно поглядывал на [своего] отца; **тулыс-ся йы кузя шагнялѣс** ~ со страхом шли (шагали) они по весеннему льду; 2) ‘смущенно, робко’; инѣв. **поѣмѣн, повѣмѣн**) (КПРС 1985: 355);

б) форма на **-ѣмѣнмоз** сохраняет глагольное значение и глагольное управление, а **моз**, как и в случае со спрягаемыми глаголами, выполняет формообразующую функцию, придавая также форме на **-ѣмѣн** значение не-

полноты действия, напр., *Сія <...> сэк коста жö перыта дзар керышитіс мыйкö вылö аслыс кок увтас, мöдöрö бергöтчöмön моз лэбтышитіс вывлань юрсö <...>* (Фадеев II: 219) ‘Он тотчас быстро взглянул на нечто у себя под ногами, немного повернувшись в другую сторону, поднял вверх голову’;

в) *моз* в качестве послелога при деепричастии на *-öмön* сохраняет сравнительное значение, формируя сравнительный оборот, в таком случае деепричастие не теряет глагольных свойств, имеет зависимые слова, напр., кз. – *Öстатки кывьяссö Гаврил дядь шуаліс-исповедайтчис сьылöмön, молитва лыддьöмön моз* (Коми 1993: 54–90) ‘Последние слова дядя Гаврил произносил нараспев, будто читая молитву’. Также компонент *моз* в конструкциях придает оттенок предположительности (‘вроде’) и соотносим по значению с такими частицами, как кз. *бытьтö*, *кыдз*, *кыдз бытьтö*, кп. *бытьтö* ‘как’, ‘как бы’. В них «сравнительное значение тесно связано с модальным» (Попова 2000: 512): *Думъясыс вежсисны? – дойдыштыны кöсйöмön моз нин юаліс Панев* (Горчаков 1999: 3–167) ‘Мысли изменились? – уже *будто* (как бы, *будто* бы) желая задеть, спросил Панев’. У деепричастий на *-öмön* с *моз*, выступающим в качестве сравнительного послелога, в таком случае должно сохраняться раздельное написание.

Деепричастия с формой на *-тöг* и деепричастные конструкции. Каритивные деепричастия на *-тöг* характеризуют главное действие в отрицательном плане, т.е. показывают, что при течении главного действия ожидаемое сопутствующее действие отсутствовало (КПЯ 1962: 282). Согласно некоторым исследователям, деепричастия образуются не от всех глаголов (КПЯ 1962: 282; Баталова 1990: 125; 1995: 119; 2002: 107). В лингвистике наибольшую поддержку получило мнение, что морфологический маркер абессива в пермских языках по своему происхождению относится к финно-угорскому или финно-пермскому периоду и состоит из двух компонентов: коаффикс **-tV* генетически восходит к уральскому каритивному суффиксу **-pt(V)* > фин.-уг. **tt(V)*, а коаффикс *-k* представляет собой лативный суффикс **-k* (Серебренников 1963: 12–13; 309–310; Цыпанов 1990: 6–8). Сохранение данного коаффикса в ауслаутной позиции объясняют ролевым распределением грамматической репрезентации отрицания между разными формантами (Цыпанов 1990: 8), его дистинктивной функцией (Кондратьева 2011: 11). Суффикс *-тöг* фактически представляет собой окончание лишительного падежа (Серебренников 1963: 309). Коми-пермяцкие каритивы на *-тöг* соответствуют коми-зырянским на *-тöг* и удмуртским на *-тэк*. Отрицательные деепричастия коми языков, как и удмуртского, сохраняют общее значение отрицательного действия (отсутствия добавочного действия) и глагольные категории вида и залога: кп. *мыдзтöг* ‘не уставая’ и *мыдзлытöг* ‘иногда, никогда не уставая’, *вöрöттöг* ‘не трогая’ и *вöрöтчытöг* ‘не дви-

гаясь, не шевелясь’; кз. *восьтытöг* ‘не открывая (ни разу)’ и *восьтышттöг* ‘не открывая (немного), не приоткрывая’; не тяготеют к какому-либо времени: отсутствие добавочного действия может мыслиться и в прошедшем, и в будущем, и в настоящем; сохраняют глагольное управление и могут иметь при себе обстоятельства, напр., кп. *Синнэсö выелань лэбтывтöг сiя швыркнитис-бергöтчис мöдöрö* (Фадеев II: 235) ‘Не поднимая глаз кверху, он резко свернул в другую сторону’.

В научной грамматике коми-зырянского языка Е.А. Цыпанов деепричастия на *-тöг* с точки зрения временной соотнесенности определяет как деепричастия настоящего-прошедшего времени (öнiя-колян када нога-кывьяс), что соответствует также и коми-пермяцким каритивным деепричастиям. Кроме одновременности, они могут выражать предшествование основному действию, напр., *Сэк вöлись сiя чепöссьывлис öтöрö и, öнi сувтчывтöг ни да бöрас дзар кертöг, мымда чож, уськöтчывлis котöртны ны сьöрö* (Фадеев I) ‘Только тогда он бросался в одну сторону и, тотчас не остановившись, ни оглянувшись назад, насколько можно быстро, бросался бежал к ним’; *Одззамоз весöттöг чапкöм городской стоккез тшыкöтисö город бердись пруд да ю* (Фадеев I) ‘Как и в прошлый раз, спущенные без очистки (букв. не очистив) городские стоки, испортили городской пруд и реку’; *Сы коста жö Вова кылis, кыдз неважын чилькöтöм йöвсö пожпырттöг сiя пондis кисьтны веöрапонись мöдик юктасян веöрай* (Фадеев I) ‘Между тем Вова слышал, как недавно надоенное молоко, не процедив, она стала лить из ведра в другое ведро для пойки телят’.

В области употребления посессивных суффиксов, с присоединением которых неопределенные деепричастия становятся определенными, у каритивных деепричастий коми-пермяцкого языка (в сравнении с коми-зырянскими) есть различия.

Персональные маркеры (Px) Px2sg и Px3sg при деепричастиях, кроме указания на субъект, могут применяться для эмпатизации, топикализации (Намагi 2011: 76). Не все исследователи фиксируют притяжательные формы коми-пермяцких деепричастий на *-тöг*, напр., Н.А. Рогов и авторы учебника «Коми-пермяцкий язык» 1962 г. (автор главы А.С. Гантман) ограничиваются неопределенной формой. Данные по притяжательным формам противоречивы: И.И. Майшев с каритивами приводит только два определенных суффикса *-ыт* (Px2sg.) и *-ыс* (Px3sg.) (Майшев 1940: 60), А.С. Кривошекова-Гантман дает парадигму притяжательных форм деепричастий (КПРС 1985: 614–615), которая сближает материал по притяжательным формам коми-пермяцких конвербов с удмуртским: кп. *узь-тöгь-я-т* ‘не спав ты’, удм. *шедьты-тэк-а-д* ‘не найдя ты’. Согласно П.Н. Перевощинову, в удмуртском языке весьма редко встречается употребление деепричастий на *-тэк* в комбинации инессивного падежного суффикса и лично-

притяжательного аффикса, напр., *Туннэ кӧттэ тырымон шедьтытэкад кӧлыны эн ветлы* ‘Если сегодня не найдешь (букв. *сегодня не найдя ты*), достаточно поесть, спать не ходи’ (Перевошиков 1959: 51).

По данным нашего корпуса примеров, употреблению Rх с коми-зырянскими каритивными деепричастиями, кроме Rх1sg, можно противопоставить практически полное отсутствие Rх при коми-пермяцких деепричастиях, несмотря на то, что в грамматических очерках даются полные парадигмы определенных каритивных деепричастий (табл. 3). Опираясь на материалы, извлеченные из различных коми-пермяцких источников, мы можем констатировать, что в современном коми-пермяцком языке функционируют неопределенные каритивные деепричастия.

Таблица 3

**Притяжательные формы каритивных деепричастий
коми-пермяцкого и коми-зырянского языков**

Коми-пермяцкий (по данным А.С. Кривошековой-Гантман)	Коми-зырянский (по данным Е.А. Цыпанова)
Rх1sg. узытӧг-ям ‘не спав я’	—
Rх2sg. узытӧг-ят ‘не спав ты’	узытӧг-ыд ‘не спав ты’
Rх3sg. узытӧг-яс ‘не спав он (она)’	узытӧг-ыс ‘не спав он (она)’
Rх1pl. узытӧг-яным ‘не спав мы’	узытӧг-ным ‘не спав мы’
Rх2pl. узытӧг-яныт ‘не спав вы’	узытӧг-ныд ‘не спав вы’
Rх3pl. узытӧг-яныс ‘не спав они’	узытӧг-ныс ‘не спав они’

В предложении деепричастия и деепричастные конструкции обычно выполняют 1) предикативно-обстоятельную функцию; 2) предикативную (в качестве компонента сказуемого).

Выступая в обстоятельной роли, они выражают различные обстоятельные значения: образа действия, условия, причины, напр., образа действия: *Кинкӧ мунӧма, коккесӧ лэбтавтӧг, кыскӧма нӧйӧ муыс выльӧт* (Минин 1997: 94) ‘Кто-то прошел, не поднимая ног, волочил их по земле’; условное: *Гӧраныс йылись нем баитны – гӧртӧг сюсӧ он быдты, няньсӧ он сӧй* (Федосеев I) ‘Нечего говорить о пахоте – без вспашки (букв. не вспахав / если не вспашешь) хлеба не вырастишь, не поешь’; *Коскасӧ пеильтӧг тӧдчис, что кокыс чегӧм, ӧвтчӧ* (Федосеев I) ‘Не прикасаясь к костям, было видно, что нога сломана, болтается’; причины: *Сӧйӧ и видзчись, кӧр-некӧр сӧйтӧг кулас* (Оласӧ 1990: 97) ‘Того и жди, когда-нибудь с голоду (букв. не евши) умрет’; <...>... *бытьтӧ ӧтік деревняын быдӧс ӧшмӧссэс косьмӧмась – отирыс кулӧны ютӧг* (Оласӧ 1990: 54) ‘<...> будто в одной деревне все колодцы высохли – народ умирает от жажды (букв. не пивши)’.

В отличие от коми-зырянского языка, в коми-пермяцком языке отсутствуют абсолютные обороты каритивных деепричастий с выраженным субъектом. В ситуациях разносубъектности субъект деепричастия не выражен, имеет характер субъекта односоставного предложения либо определяется по контексту: *Но Дёма вежсöртö и сійö, что уджавтöг велöтчöмыс оз пет* (Шадрин 1997: 66) ‘Но Дёма понимает и то, что без работы (букв. не работая / если не будешь работать) учебы не получится’. В предложении каритивные деепричастия чаще всего односубъектны, характеризуют основное действие, напр., *А мöдыс, синнэсö паным лэбтывтöг, перыта мынöтчис зонкаыс кизз коласись, <...>* (Фадеев I) ‘А второй, не поднимая глаз навстречу, проворно высвободился из рук паренька’.

В удмуртском, коми-зырянском языках с глаголами *кольны*, удм. *кыллыны* ‘остаться, оставаться’, *овны*, удм. *улыны* ‘жить, быть, существовать’ деепричастие на *-тöг* может быть элементом сказуемого (Бубрих 1949: 138; Лудыкова 2012: 128; Namari 2011: 52, 73–75). В.М. Лудыкова в коми-зырянском выделяет составное глагольное сказуемое с деепричастием на *-тöг*, в котором у деепричастия утрачивается значение сопутствующего, добавочного действия, сказуемое выражает действие в отрицательном плане (Лудыкова 2012: 127–129). В.С. Суханова отмечает, что в таких случаях образование на *-тöг* имеет семантику, близкую к именам прилагательным: *Государственной добра оз позь разöдны сьöрт пасьта да кольны кылöдтöг* ‘Государственное добро нельзя разбрасывать по речной долине и оставлять несплавленным’ (Суханова 1951: 16). В коми-пермяцком языке такие конструкции также распространены, напр., *Уна аслас векын сiя иньнас сёйтöг олис, уна йöзын удж лэбтис* (Оласö 1990: 102) ‘Часто на своем веку в женах она не ела (букв. жила не евши), много у других людей трудилась’; *И кыз овлö арнас колхозын, вундытöг кольччисö ыббес* (Федосеев I) ‘И как бывает осенью в колхозе, поля остались нескошенными (букв. не скосив)’.

Если в сочетании с каритивным деепричастием вспомогательный глагол стоит в отрицательной форме, то конструкция с двойным отрицанием имеет утвердительное значение, указывает на категорическое утверждение (Цыпанов 2000: 388–389; Лудыкова 2012: 128). В коми-пермяцком языке конструкции двойного отрицания в сказуемом удалось зафиксировать только со вспомогательным глаголом *кольны*, напр., *Чöвпан ыжда муторсö гöртöг эг кольö* (Федосеев I) ‘Кусок земли размером с каравай вспахали (букв. не оставили не вспахав)’, в отличие от коми-зырянского, в котором также функционируют конструкции двойного отрицания с каритивом и глаголом *овны*, напр., кз. *Ме, дерт, сөттöг оз ов* ‘Я, конечно, отдам (букв. не проживу не отдав)’. Схожие конструкции с двойным отрицанием со вспомогательным глаголом *овны* в коми-зырянском и коми-пермяцком языках функционируют лишь при наличии в составе конструкции модальной со-

ставляющей – глагола *вермыны* ‘мочь’ в отрицательной форме, напр., кп. *А морт сiя юасьтöг оз вермы овны* (Климов 1997: 194) ‘А человек она (такой, что) жить не может без расспросов (букв. не спрашивая)’; кз. *Сэсся и эскытöгыд мортыд оз вермы овны* (Белых 2012: 162) ‘А потом, и человек без веры не может жить (букв. не веря)’. Конструкции двойного отрицания, образуемые деепричастием и модальным глаголом *вермыны* ‘мочь’, имеют значение категорического утверждения, развиты в коми-пермяцком и в коми-зырянском: кп. *Оз вермы горöтышттöг. Кыдз терпитан, көр мортыс сералö отырыс олан вывти?* (Федосеев I) ‘Не может не крикнуть (букв. не крикнув). Как стерпишь, если человек насмехается над жизнью людей’; кз. *Дзор вöрыс шыасьтöг оз вермы – Пыр шувгö, шувгö, тöла кор, А каля лэбö, көть оз тэрмöд Дзик некод сiйöс асьядор* (Попов 1984: 32) ‘Седой лес обязательно подаст голос (букв. не может не подать) – Всё шумит и шумит, когда ветрено, А чайка летит, хотя совершенно никто ее не торопит поутру’.

В коми-пермяцком языке встречаются безличные конструкции деепричастия с модальными глаголами *ковны* ‘надо, нужно, необходимо’ со значением нежелательного действия, *туйны* ‘годиться’ в отрицательной форме со значением необходимости выполнения действия: *Дружинникыс керис колана удж. Но... Кыдзкö колö видзсьыны, тышкасьтöг бы колö* ‘Дружинник правильно поступил. Но... Нужно как-то удерживаться, не нужно бы драться (букв. не дерясь, без драки бы нужно)’ (Федосеев I); – *Гөрöмсö пиняетöг оз туй видзны, – баитис сiя, көр сылö висьталисö, что колö гөрöшитны быдöс, а сыбöрын вöлись пинявны* (Канюков I) ‘Вспаханное поле не следует держать (оставлять) без боронования (букв. не боронив), – говорил он, когда ему сказали, что нужно всё вспахать, а боронить уже после’, т.е. поле следует проборонить.

В коми языках схожи модели предложений с двойным отрицанием *Гег.-тöг* + имя с временным значением + кз. *кольны*, кп. *чулавны* ‘пройти, миновать’ в отрицательной форме, напр., кз. *Бöрдтöг лун оз коль* (УД 1990: 81) ‘Без слез (букв. не плача) дня не проходит’; кп. <...> *лун эз понды чулавны видчйтöг* (Лихачев 1997: 8) ‘<...> ни дня не стало проходить без ругани (букв. не ругаясь)’.

2.3. Деепричастия и деепричастные конструкции со значением разновременности.

Деепричастия с формой на -ик кежö и деепричастные конструкции. Коми-пермяцкой форме *-ик кежö* в коми-зырянском языке соответствуют деепричастия на *-иккежлö* со значением неосуществившегося еще (будущего) действия (Цыпанов 2000: 392). В современных исследованиях деепричастия на *-иккежлö* и деепричастные конструкции представлены как эквиваленты придаточной части сложноподчиненного предложения времени со значением разновременности (Кренделева 2010: 137). В отличие

от орфографии коми-пермяцкого языка, коми-зырянские деепричастия на *-ик* пишутся (по нормам) вместе с послелогом (*кежлӧ* > *-иккежлӧ*), а не раздельно (*-ик кежӧ*). Говоря о значении потенциального действия, которое выражают деепричастия данной формы, Е.А. Цыпанов отмечает, что на основе этого значения деепричастия на *-иккежлӧ* перекликаются с инфинитивом. Деепричастие указывает на срок, к которому должно совершиться главное действие, напр., *Ми ёртӧкӧт, Лёнякӧт, частӧ ветлам вӧравны узик кежӧ. Вӧрын узьны бур* (Федосеев I) ‘Мы с другом, с Лёнькой, часто ходим охотиться к ночевке (на ночь). В лесу хорошо спать’. В предложении выполняют функцию обстоятельства времени.

Среди конструкций с данным деепричастием преобладают абсолютные обороты, в которых субъект выражен существительным или личным местоимением в именительном падеже, в этом отношении они сближаются с коми-зырянскими деепричастиями на *-иккежлӧ*, напр., *А уджалан кад пондӧтчик кежӧ думаэс вайӧтисӧ сійӧ бӧра жӧ сберкассаӧ* (Фадеев I) ‘А к началу рабочего дня мысли снова привели его в сберкассу’; *Зина, Анялӧн пӧдругаыс, кода зонкаыс локтік кежӧ вӧлі сэтӧн жӧ, эшӧ басныс пондӧтчытӧдз казавтӧг кытчӧкӧ петіс* (Фадеев I) ‘Зина, подруга Ани, которая к приходу парня (до прихода парня) была там же, еще до начала беседы незаметно куда-то вышла’; *Рытъявыс кадӧдз, мамӧ локтік кежӧ, мешӧк да джын мымда лук, кӧда куйліс гобечас, вӧлі лэдзӧм джоджӧ* <...> (Фадеев I) ‘К вечеру, до прихода матери (к приходу матери), полтора мешка лука, лежавшего на голбце, было спущено на пол <...>’. Абсолютные обороты могут образовывать и деепричастия, образованные от безличных глаголов, напр., *Некытшӧм лым, кӧдӧ нӧя сыӧддӧбн видзчисисӧ югдік кежӧ, ойбытнас абу усьӧм* (Фадеев I) ‘Никакого снега, которого они так сильно ожидали к рассвету (= к тому времени как рассветет), не выпало’.

В некоторых случаях действие, выраженное деепричастием, может рассматриваться (интерпретироваться) не как будущее, а как осуществившееся (‘к тому времени, когда...’, ‘к тому времени как’) уже до главного действия (ранее): *Гришунь воныс, кодакӧт Лёха узьліс ӧтік жырын, сы локтік кежӧ гортын эшӧ эз вӧв, но неважын небӧм сы вылӧ японскӧй курткаыс ӧшаліс гортын. «Свитерын, сідзкӧ, гуляйтӧ»* (Фадеев II: 214–238) ‘Брата Гришуни, с которым Лёха спал в одной комнате, к его приходу (к тому времени, как он пришел) дома еще не было, но недавно купленная для него японская куртка висела дома. «В свитере, значит, гуляет» = Кӧр сія локтіс...; *Ме локтік кежӧ гортын некин эз лӧсав и этадз, натьтӧ, вӧлі буржык* (Фадеев I) ‘К моему приходу (=когда я пришел), дома никого не оказалось и так, наверно, было лучше’ = Кӧр ме локті.... В коми-зырянском языке встречаются схожие примеры: *Прокопей котыр пыриккежлӧ зал*

вöлі тыр нин (Юхнин 1983: 85) ‘К тому времени, когда зашла компания Прокопия, зал был уже полон’.

Деепричастия с формой на *-тöдз* и деепричастные конструкции.

Во всех пермских языках деепричастия на *-тöдз* (удм. *-тозь*) передают значение одновременности (‘до, до того как, пока; перед, перед тем как’), а также являются одним из древних средств выражения меры и степени проявления основного действия (Шутов 2002: 11, 17–18). В коми-зырянском и удмуртском языках для передачи значения меры и степени функционируют также деепричастия (герундиумы) на *-мön* (удм. *-мон*), в удмуртском они употребляются чаще, чем в коми-зырянском (Шутов 2002: 18). В коми-пермяцком языке деепричастия с формой *-мön* утрачены, редкие примеры представлены как устаревшие, напр., *пöтмön* уст. см. *пöттöдз* (КПРС 1985: 369), хотя еще в XIX в. А. Генец в коми-язьвинском диалекте отмечает форму *-төп* в группе форм, отнесенных к именам действия (Verbalnomina) *kérтөп, көскимөп*, данные без перевода (Genez 1897: 56). С.Ф. Грибанов, рассматривая обстоятельства, также включает форму *-мön*, которая отвечает на вопрос *мымда?* ‘сколько?’ в учебник по коми-пермяцкому языку: *ваймön* ‘сколько можно унести’, *сөймön* ‘сколько можно съесть’, *пумön* ‘сколько можно сварить’, *Тишаксö дедьс вайöма сөймön* ‘Грибов дед принёс столько, что можно съесть’, *Челядьыс талун нумön кыйöмабсь черисö* ‘Дети сегодня столько рыбы наловили, что можно (и) домой унести’ [перевод примеров наш] (Грибанов 1940: 180–183). Р.М. Баталова говорит об отсутствии формы *-мön* в коми-пермяцком языке и ижемском диалекте коми-зырянского языка (Баталова 1982: 154).

В грамматиках выделяется два значения деепричастий на *-тöдз*:

1) времени: деепричастия показывают, что главное действие протекало до начала сопутствующего действия, выраженного деепричастием, напр., *Оськинаö кайтöдз сiя пыр думайтiс комсомольскöй собрание йылiсь* <...> (Шадрин 1997: 76) ‘До того как отправиться в Оськино, он все время думал о комсомольском собрании’; *Сар шувö: <...> а ме тэнö видзны уже понда култöдз* (СТ 1 1985: 41) ‘Царь говорит: а я тебя уже до смерти буду содержать’.

2) меру, степень действия, до какой степени развивалось действие, обозначаемое основным глаголом: <...> *сьылiс – гöлöс быртöдз* <...> (Климов 1997: 199) ‘<...> пел – пока голос не сел (букв. до потери голоса)’; *Быдöнныс öддöн лөгасисö ручыс вылö. Каждöйыс вöли гөтов косясьны ручкöt култöдз* (КПГ 1980: 48) ‘Все очень сильно обиделись на лису. Каждый был готов биться с лисой насмерть’ (КПЯ 1962: 282).

В коми-пермяцком языке функционируют неопределенные и определенные формы деепричастий: *-тöдз, -тöдзРх*. Перед *Рх* последний звук деепричастного суффикса удваивается. Следует отметить, что способ присо-

единения Рх к коми-пермяцким терминативным деепричастиям совпадает с удмуртским, в котором, как указывает Б.А. Серебренников, образуются формы местного падежа определенно-притяжательного склонения, напр., *lyžytožam* ‘пока я читал’, *lyžytožad* ‘пока ты читал’ <...>, тогда как в языке коми притяжательные суффиксы присоединяются непосредственно к деепричастию, ср. кз. *пыртöдзым* ‘до моего входа’, коми-перм. *петтöдзым* ‘до моего выхода’ (Серебренников 1963: 305). Определенные формы терминативных деепричастий коми-пермяцкого языка Б.А. Серебренников приводит со ссылкой на монографию П.Н. Перевощикова (Перевощиков 1959: 72), там они совпадают с коми-зырянскими определенными формами. Однако данные Б.А. Серебренникова, объединившего коми-зырянские и коми-пермяцкие показатели Рх в одну группу при противопоставлении с удмуртским материалом, следует перегруппировать, если обратиться к другим источникам, приводящим формы коми-пермяцких определенных деепричастий, напр., Грамматике (КПЯ 1962: 282), А.С. Кривошековой-Гантман (КПРС 1985: 614–615). Тогда наблюдаем различие в способе образования коми-пермяцких, удмуртских определенных деепричастий с коми-зырянскими. В табл. 4 приводятся притяжательные формы деепричастий по данным А.С. Кривошековой-Гантман (КПРС 1985: 614–615):

Таблица 4

Определенные деепричастия от глагола узьны ‘спать’

1 л. узытöдзз-ам (Рх1sg.)	1 л. узытöдзз-аным (Рх1Pl.)
2 л. узытöдзз-ат (Рх2sg.)	2 л. узытöдзз-аныт (Рх2Pl.)
3 л. узытöдзз-ас (Рх3sg.)	3 л. узытöдзз-аныс (Рх3Pl.)

Исследование активности употребления определенных / неопределенных деепричастий показало редкость употребления определенных деепричастий на *-тöдз*, наиболее употребительной остается Рх3SG. (*-тöдззас*), РхPl. и Рх1Sg. редки, см. табл. 5.

Таблица 5

Активность определенных деепричастий

SG.	PL.
-	-
-тöдззат	-
-тöдззас	-

Рх присоединяются к деепричастиям в конструкциях с обстоятельством значением времени и степени. В 93 % (из нашего корпуса примеров) в коми-пермяцком языке используются неопределенные деепричастия на *-тöдз*, независимо от односубъектности / разносубъектности деепричастия. Посессивные суффиксы при деепричастиях служат для обозначения лица, однако разносубъектные конструкции в современ-

ном коми-пермяцком языке образуют и определенные, и неопределенные деепричастия. Кроме обозначения лица, следует отметить и указательно-выделительную функцию посессивного суффикса *Rx3sg.*, которая особенно заметна в случаях использования его вместо других форм, а также с деепричастиями, образованными от безличных глаголов. Суффикс *Rx3sg.* при деепричастии конкретизирует действие, приурочивая его к определенной ситуации, создавая при этом эффект его «отдаления», «дистанции» в восприятии человека, напр., *Талун ме тiянӧс кушманнӧтӧ сӧя. А сӧйтӧдзас давай вермасъыштам, кодным вынаджыкӧсь* (Оласӧ 1990: 159) ‘Сегодня я вас троих съем. А до того как съесть (букв. а до того съедения) давайте поборемся, кто сильнее’. Здесь указывается определенное действие, которое отдалено во времени, но наступление его известно и ожидаемо и неизбежно для участников ситуации («съедение участников ситуации»).

В предложении конструкции с деепричастиями на *-тӧдз* могут быть односубъектными (субъект основного и деепричастного действия общий), напр., *Но сӧж жӧ укнитӧс лыйӧм: офицерӧс ештӧс нырыштын лыян крjочокӧ сьтӧддзас* (Климов 1997: 211) ‘Но в тот же момент прогремел выстрел: офицер успел нажать курок до того, как упасть’, и разносубъектные, напр., – *Парасӧк, Парась! Тӧ дозирайтӧн бабӧс кувтӧддзас* (Шадрин 1997: 81) ‘– Парасӧк, Парась! Ты ухаживала за бабушкой до её смерти (пока она не умерла)’.

Деепричастия на *-тӧдз* могут образовать абсолютные обороты, напр., *Блиӧ шондӧ петтӧдз петкӧтан покос-кык* (КПГ 1980: 32) ‘Еще до того как солнце взойдет, успеешь сделать пару прокосов’; ...и мужиккес ештӧс сувтӧтны лымыс сьтӧддз мӧдик керку (Федосеев I) ‘...и мужчины успели поставить до выпадения снега (до того как выпадет снег) второй дом’; *Сьблӧм поттӧдз Ӗмель сералӧс жӧссез вылын* (Оласӧ 1990: 149) ‘Сильно (букв. пока сердце не лопнуло) Емель смеялся над гостями’. Субъект в абсолютном обороте обычно выражен существительным, местоимением в форме номинатива, однако абсолютная конструкция может быть представлена и деепричастием, образованным от безличного глагола, напр., *Мунам, Наталь. Пемдытӧддзас колӧ ештыны уроккес велӧтны* (Шадрин 1997: 55) ‘Пойдем, Наталья. До темноты (пока не стемнело) нужно успеть выучить уроки’.

Для терминативного деепричастия не характерно сочетание с отрицательной частицей *не*, однако встречается окказиональное употребление отрицательных конструкций, построенных под влиянием русского языка, напр., *Не кувтӧдз, тыдалӧ, Тимаыс сидзис командирӧслӧ* (Баталов I) ‘Не до смерти, видимо, Тима попал в командира’.

В коми-зырянском языке предложения, включающие деепричастия на *-тӧдз* (а также *-игкежлӧ*) и деепричастные обороты, рассматриваются как

эквиваленты сложноподчиненного предложения со значением предшествования. В диалектах коми-зырянского языка деепричастия на *-тӧдз* могут сочетаться также с послелогом времени *войдӧр* ‘до, прежде’ (Кренделева 2010: 165–168).

В грамматиках коми-пермяцкого языка отмечается обычно обстоятельственная функция деепричастий и деепричастных оборотов в предложении (Грибанов, 1940; Калина, Распопова 1961: 123; Ботева, Бражкина и др. 1992). Выполняя предикативно-обстоятельственную функцию, деепричастные обороты в предложении могут быть обстоятельствами времени: <...> *Кудым-Ош бӧра лӧсьӧтчӧ мунны Кама кузя шоньт муэзӧ. Туйӧ петтӧдз чукӧртчасӧ луд вылӧ* <...> (Оласӧ 1990: 256) ‘Кудым Ош снова собирается идти по Каме в теплые края. До выхода в дорогу собрались на лугу <...>’. В предложении деепричастие или деепричастный оборот в роли обстоятельства меры и степени обычно передает значение более высокой степени осуществления действия («много», «сильно» и т.д.), напр., *Уджалис садь быртӧдз, кок вылись усьтӧдз...* (Федосеев I) ‘Работал до устали (букв. до упадка сил, пока с ног не свалился)’. Обстоятельства меры и степени – абсолютные обороты, представляющие фразеологические сочетания, – широко распространены во всех пермских языках (удмуртском, коми-зырянском и коми-пермяцком), их также рассматривают как адвербиализованные деепричастия – наречия (Федюнева 2000: 425), напр., *пӧттӧдз* ‘досыта, вдоволь’, *сьӧлӧм бурмытӧдз* ‘до полного удовлетворения’ < *сьӧлӧм бурмис* ‘я насытился, я отвёл душу (хорошо поел)’ >, *му люкавтӧдз* ‘букв. до бодания земли’, <...> *кынӧм поттӧдз* (сёйны) ‘пока живот не лопнет (есть)’; *сьӧлӧм поттӧдз* ‘пока сердце не лопнет’; *Правильнӧя баитан, что ныр вылат усьтӧдз уджӧтасӧ, а сэсся чапкасӧ* (Канюков IV: 371) ‘Правильно говоришь, что сначала заставят работать до упаду (букв. до падения на нос), а потом выгонят’.

Предложение с деепричастным оборотом со значением меры и степени зачастую представляет каузативную конструкцию (ситуацию), в которой присутствуют каузатор – подлежащее, побуждение к действию, выраженное глаголом-сказуемым (или другой глагольной формой), объект каузации (дополнение) и результат каузации, выраженный деепричастием на *-тӧдз* (или другой терминативной формой), напр., *-м-овым именем действия в форме терминатива: Фимкаыс паньт шы эз сет. Серёжа вежӧртис, что этиӧм басниыс вермас лӧгалӧмодз вайӧтны, и бергӧтис сійӧ мӧдӧрӧ: – А задачасӧ тийӧ меным сьӧкытӧ сетитӧ* (Баталов I) ‘Фимка не издал в ответ ни звука. Серёжа понял, что такие разговоры могут привести к ненависти (вызывать ненависть), и повернул в другую сторону: – А задачу вы мне трудную дали’; с деепричастием: *Эта жӧ вӧлі и унакӧт мӧдіккезкӧт. Но Таусьяӧс сія эз ни гажӧт. Этна двойказс медперво вайӧтисӧ горзытӧдз* (Фадеев I)

‘То же самое произошло и с остальными. Но Таисью это не радовало уже. Эти двойки в первую очередь *довели до слез* (букв. до плача)’; *Õtõрас пемдiс. А руас, кыдз мыччассис Светланалõ, сё эиõ кылис палитчõм гõнлõн да сотчõм яйлõн õстõдз вайõтан* дук (Фадеев I) ‘На улице стемнело. А в воздухе, как казалось Светлане, всё еще ощущался доводящий до тошноты запах паленой шерсти и горящего мяса’; *Босьта ассим хромка, вонõлiсь козин <...>, паськõта сьлiсь гõрд сарафана меххесõ и <...> посиделказз вылын томмезсõ пымавтõдз йõктõта* (Нилогов I) ‘Возьму свою хромку, подарок брата, растяну ее красные сарафанные меха и на посиделках молодежь заставлю плясать до потения (букв.)’; ЛЕНА. *Конечно. Светланасõ горзытõдз воиштин. А мый понда – ачыл он тõд* (Можаев 2005) ‘ЛЕНА. Конечно. Свету довела до слез (букв. до плача). А из-за чего – сама не знаешь’.

Деепричастия на *-тõдз* в составе предиката (сказуемого) ранее не фиксировались и не рассматривались в научной литературе. Тем не менее деепричастия на *-тõдз* удалось выявить в четырех типах конструкций сказуемого коми-пермяцкого языка в качестве компонента. В конструкциях сочетание глагола с деепричастием следует рассматривать в комплексе, как единый член, выполняющий в предложении коми языка предикативную функцию:

1. В сочетании со вспомогательным глаголом *лоны* ‘стать’ деепричастия образуют безличную конструкцию, выполняющую функцию главного члена предложения: *Ой, повзõбмувьям невна-невна эг кув, – шуõ кõзьян. Шардi да шардi да бõбмытõдз лои* (Оласõ 1990: 101) ‘Ой, от испуга чуть не умер, – говорит хозяин. – Трясся, трясся от испуга и совсем обезумелось / обезумел (букв. стало до безумства)’; *Сьлõ мылякõ жаль лоис мамсõ: «Одзжык мамõлõ паныт эг висьтавлы, а талун видчытõдз лоис»* (Баталов I) ‘Ей почему-то жаль стало мать: «Раньше маме слова против не говорила, а сегодня поругались (дошло до ругани, досл. получилось до ругани)’; *Шардi да бõбмытõдз лои* ‘Испугался до потери сознания (КПРС 1985: 553: в словарной статье на ШАРДНЫ) = ‘Испугался и потерял сознание’ *досл. совсем обезумелось’.*

Конструкцией передается значение свершившегося (или которое свершится) действия в высокой степени проявления, возникшего вследствие постороннего, каузирующего действия. На наш взгляд, данные конструкции следует относить к эмфатическим, понимая под эмфазой «выделение важной в смысловом отношении части высказывания (группы слов, слова или части слова) посредством интонации, повторения, синтаксической позиции, обеспечивающее экспрессивность речи» (БСЭ: 592), которая дает возможность ярко, выпукло, экспрессивно выразить ситуацию с точки зрения интенсивности ее проявления, выразить весь накал ситуации.

2. Кроме модели безличного предложения, в коми-пермяцком языке встречается, наряду с безличной, двусоставная модель с личным (одушев-

ленным) субъектом в номинативной форме в роли подлежащего: *И кутас чериалисьöс забеда. Горзытöдз лоас чериались* (Олсö 1999:102) ‘И обидно стало рыбаку. И заплакал (= не смог сдержать слёз) рыбак’; *Ме лои горзытöдз* ‘Я не мог сдержать слез (= заплакал (невольно))’ (КПРС 1985: 102: в словарной статье на ГОРЗЫНЫ); *Сия бöбмытöдз лоис* ‘он совсем одурел’ (КПРС 1985: 39: в словарной статье на БÖБМЫНЫ).

3. Начиная с XIX в. ряд ученых (Wiedemann 1884: 177; Stipa 1960: 209; Ylikoski 2003: 202; Некрасова 2015: 202–211) отмечал сходство (близость) значений «вербального наречия на *-тöдз* с терминативной формой второго вербального существительного (*-öдз*)». В коми-пермяцком языке терминатив в непространственном употреблении, как отмечает Г.А. Некрасова, «описывает достижение предельного состояния как изменение состояния участника ситуации, переход из одного состояния в другое: *кулöм-öдз* ‘до смерти (умер)’, *бöрдöм-öдз* ‘до слёз (заплакал)’». Конкуренцию субстантивным словоформам составляют деепричастия с суффиксом *-тöдз*, которые тоже могут выражать высшую степень действия, выраженного финитным глаголом (Некрасова 2015: 207). В этой связи отмечается, что «в диахронии деепричастие восходит к терминативной субстантивной словоформе со словообразовательным суффиксом *-т*. Деепричастие и словоформа с показателем терминатива взаимозаменяемы». В коми-зырянском языке развиты предложения со сказуемым, выраженным м-овым существительным – именем действия в форме терминатива (Nterm. *-öм-öдз*) в сочетании со вспомогательными десемантизированными непереходными глаголами движения *воны* ‘дойти’, *сетчыны* ‘передаваться, доходить до чего-л.’ со значением достижения результата, состояния, перехода к действию (Лудыкова 1986: 31; Дубровина З.М., Лудыкова 1990: 60–65). В коми-пермяцком языке встречаются конструкции глагола движения *локны* ‘идти, двигаться’, *вовлыны* ‘приходить, ходить’ с деепричастием на *-тöдз* со значением достижения результата или возникновения действия, функцию которых в предложении также следует трактовать как сказуемое (предикат), см. предложения: *Вовлис горзöмöдз* (Nterm.), *кор сия вöдуг наджсьылис, пыравлис тупикö* ‘Доходил до плача (т.е. начинал плакать, даже плакал), когда вдруг ошибался, попадал в тупик’ (Климов 1974: 265); – *Бура мырсим, – баитис сыборын Ермаков, – но кöдзан плансö тыртим. Кор и горзытöдз* (CONV) *вовлим, но мый колис – керим...* (Канюков I) ‘– Хорошо работали, – рассказывал потом Ермаков, – но план по посеву выполнили. Иногда и плакать начинали (букв. до плача доходили), но что нужно было – сделали’; <...> *быд коста, көр сия [нывка] казявлis лöньсьöм ыбшарлis увлань «усьöм», повзьöмувья нельки сьöлöмыс ёткötны дугдывлis – вовлис кулавтöдз* (CONV) ‘каждый раз, когда она (девочка) замечала «падение» вниз умолкнувшего жаворонка, от страха даже сердце переставало биться – доходила до потери сознания не-

сколько раз (=даже теряла сознание)’ (Фадеев I); *Эта жё басниыс баитсис ны коласын рытись-рыт эшö и неделя, и мöдiк съөрнa. Унаись эта коста вöвлiсö спориттöдз (CONV), видчиттöдз, горзыттöдз, нельки öтамöд вылö лöгасьттöдз* (Фадеев I) ‘Этот же разговор повторялся между ними каждый вечер еще неделю и в течение следующей. Много раз за это время начинали (даже) спорить (спорили), ругаться (ругались), плакать (плакали), даже друг на друга обижались’ (букв. доходили до спора, ругани, слез, даже обиды друг на друга).

4. С лексемой **пöттöдз** ‘досыта, вдоволь; вдосталь, всласть’ со значением меры, которую можно охарактеризовать как наречие – адвербиализованное деепричастие с количественным значением, зафиксированы конструкции со связкой *лоны* ‘стать’ (*вöвлыны* ‘бывать’, *вöлi* ‘был’). Наречие несет значение предикативного признака (количественная характеристика, мера) в составе сказуемого. Подлежащее выражается существительными с вещественным значением в именительном падеже (хлеб, мясо, удобрение и т.д.), примеры: *Няньыс пöттöдз лоис, и оланыс гажажык лоис* (Баталов I) ‘Хлеба стало вдоволь, и жизнь стала веселее’; *Нянь эз тырмы, да и картошка-капуста пöттöдз эз вöв* (Нилогов I) ‘Хлеба не хватало, да и картошки-капусты вдоволь не было’; *Локтас айыс, и оз ло не войнаыс, не эта учöтик жырыс, керкуас пырас гаж, и няньыс лоас пöттöдз* (Федосеев I) ‘Приедет отец, и не будет ни войны, ни этого маленького закутка, в доме поселится радость, и хлеба станет достаточно (вдоволь)’; *Картошка садитан кад гöгöр Иванлөн удобреннё вöлi пöттöдз, и назём эта тулысö сiя сетiс колхозлö даром* (Федосеев I) ‘Ко времени посадки картошки у Ивана удобрения было достаточно (вдоволь), и навоз в эту весну он отдал колхозу даром’; – *Ме, булибарда, натътö, кöчческöт ог и кутчись! Пöрöта вöрмöс, и яйыс лоас пöттöдз! – оишиасис Миша дядьыс* (Федосеев I) ‘Я, упаси боже, с зайцами, видимо, и не буду связываться! Завалю лося, и мяса будет вдоволь! – хвастался дядя Миша’.

3.0. Распространение деепричастий. Деепричастие в предложении коми-пермяцкого языка, образуя деепричастный оборот, распространяется зависимыми словами по типу глагольного сочетания, напр., *Шоныт гор вылас аслас зипун увтын осьта синнэзöн куйлытöн сiя думайтiс дзир сы йылсь, мый бы сэтшiмö адззыны сёйны, <...>* (Фадеев I) ‘Лёжа с открытыми глазами на тёплой печке под зипуном, он думал только о том, что бы такого найти поесть’. Кроме того, с помощью союзов деепричастие может распространяться зависимыми предложениями, что демонстрирует влияние синтаксиса русского языка, напр., сравнительными: – *Ох и чöскыт туруныслөн дукуыс, – гуддисьöмөн, кызд позын бабука, сiя бобгис аслыс ныр увтас* (Баталов II: 137) ‘– Ох и вкусный запах травы, – копошась, как наседка в гнезде, бормотала она себе под нос’; *Быдöнныс пукалöны*

паськөмөн, кушкыртчөмөн, кыз курөггез көдзыт зэр увтын (Федосеев III: 290) ‘Все сидят в одежде, съевшись, как курицы под холодным дождём’; изъяснительными: *Думайттөнняс, мый керны одзлань, Вова эшö отпырись, горөн да горша ньылыштіс өмсис чукөртчөм дуль, <...>* (Фадеев I) ‘Думая, что делать дальше, Вова еще один раз, громко и жадно сглотнул скопившуюся во рту слюну’. Придаточным предложением может распространяться не само деепричастие, а член деепричастного оборота, напр., *Вот эстөн, – висьталіс Андрейыс лапыт коз дынө локтікас, көда быдмис перешеек шөрас, – пондамө дөзирайтны* (Канюков III: 362) ‘– Вот там, – сказал Андрей, подходя к разлапистой ели, которая росла посреди перешейка, – начнем наблюдение’.

В предложении обстоятельства, выраженные деепричастиями и деепричастными оборотами, могут соединяться сочинительными и подчинительными союзами, напр., сочинительными разделительными союзами *нето... нето*: – Дыр, дыр, зонка, медбөрья лунас тэнö видзисö школаас! – *нето видчөмөн, нето көритчөмөн шуис Дөмалө хозяиныс* (Шадрин 1997: 85) ‘– Долго, долго, парень, в последний день тебя продержали в школе! – не то ругаясь, не то укоряя, сказал Дөме хозяин’; союзом *то ли...то ли*: *Эстөн жö вöлись, то ли сорасьчөмөн, то ли нарошнө, Аня казьмөтіс и сійö причинасö <...>* (Фадеев II: 236) ‘Там наконец, то ли спутав, то ли нарошно, Аня припомнила и эту причину <...>’; противительным союзом *но*: *Жагвыв сибөтчис добычавыс дынө, но полчөмөн, сыбөрын өдззөтчыштіс <...>* (Федосеев II: 265) ‘Приблизился к добыче медленно, но боязливо, потом расхрабрился <...>’; подчинительным уступительным союзом *көть ...но*: *Көть и мыкталчөмөн, көть өддөчөн жагөна, но лыддөчтліс* (Федосеев III: 296) ‘Хоть и заикаясь, хоть очень медленно, но прочитал’. Союзы не разделяются запятой с деепричастием и деепричастным оборотом в том случае, если деепричастную конструкцию невозможно оторвать от союза, изъять из предложения без разрушения структуры самого предложения. Наиболее часто это наблюдается в отношении сочинительного союза *а*: *<...> эз и дугдыв, мыйкө сө висьтасис, ваксис, а баиттөнняс сійö и керис, өвтышталіс өтмөдөрө киэзнас <...>* (Фадеев II: 220) ‘не переставал, всё что-то говорил, смеялся, а рассказывая только и делал, (что) махал в разные стороны руками’; *Өні вöлись Ермолай старик жагвыв кытиөвтис өмөн стройплощадка гөгөр, а бөр берттөнняс кежаліс главнөй корпус дынөдз <...>* (Фадеев III: 248) ‘Только теперь старик Ермолай обошел вокруг стройплощадки, а возвращаясь обратно, завернул к главному корпусу’.

4.0. В тексте деепричастия участвуют также в текстопостроении, относятся к средствам текстообразования при повторе, когда предложение начинается с деепричастия, а деепричастие повторяет последний глагол предыдущего предложения. Повторение деепричастиями в начале предло-

жения информации, заключенной в конце предыдущего предложения, используется для связности текста многими языками: индоевропейскими, папуасскими, чукотским и др. (ТФГ 1987: 316). Как правило, повтор относят к средствам формирования связности текста, способствующим сцеплению его элементов (Ковальчук 2004: 8): *Бöрас пукяс Иваныс и пондасö мунны гортаныс. Мунікас Иванлö Мария-царевна козьналас золотой чунькытии* (Оласö 1990: 129) ‘Сзади сядет Иван, и поедут домой. Когда ехали (букв. едя), Мария-царевна подарила Ивану золотой перстень’; *Но и миянлö колö петны [вöрсьыс] ни сэсся, а ог и тöдö кöдöрлань муннытö. Тöдам жö, штö шондйыс бöраным должен кольччыны петікас* (КПГ 1908: 50) ‘Знаем же, что солнце сзади нас должно оставаться, когда выходим (из леса)’; *Витя одззамоз кольччис пукавны межа дорас, чöліс. Пукавтöннияс сія нырыштчис морöснас пидзöссэс вылö, <...>* (Фадеев I) ‘Витя по-прежнему остался сидеть у дороги, отдыхал. Сидя, он сдал грудью колени <...>’.

5.0. Выводы. Деепричастия коми-пермяцкого языка, вместе с инфинитивом и причастием включенные в систему глагольных форм, образуются с помощью суффиксов *-икö*, *-икРх*, *-öмön*, *-тön* (диал. *-тönь*), *-тönРх*, *-тöдз*, *-тöдзРх*, *-тöг* и послелогов (при деепричастиях на *-ик*) *кежö*, *коста*, *дырни*, *дырья*, *моз*. Обозначают добавочное, сопутствующее действие при основном действии, представляют формы с гетерогенными свойствами: глагола, существительного, наречия. В коми-пермяцком языке развились особые деепричастные формы *-тön* (*-тönь*), *-öмönмоз*, каритивные формы на *-öмön* и отрицательной частицей *не* в препозиции.

Относительно главного действия деепричастия обозначают действие одновременное с действием глагола-сказуемого либо разновременное.

Функциональный диапазон деепричастий коми-пермяцкого языка в предложении и тексте охватывает предикативно-обстоятельственную (второстепенное сказуемое и обстоятельство), предикативную (деепричастия на *-тöг* и *-тöдз*) роли. Деепричастия также могут выполнять функцию уточнения, интенсификации (деепричастия на *-öмön*), могут быть элементом текста – заголовком, участвовать в текстопостроении при повторе.

Среди деепричастий наблюдаются процессы адвербиализации, переход в послелог, междометие, вводное сочетание.

Сокращения

Языки и диалекты: иньв. – иньвенский диалект (коми-пермяцкий), кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык; удм. – удмуртский язык.

Лингвистические термины: возвр. – возвратный глагол, гл. – глагол, диал. – диалектный, многокр. – многократная форма, CONV – конверб (деепричастие), Npost – послеложно-именное сочетание, существительное с послелогом, Nterm. – существительное в форме терминатива,

Rx – определено-притяжательный суффикс, Rx1Pl. – определено-притяжательный суффикс 1 лица множественного числа, Rx1sg – определено-притяжательный суффикс 1 лица единственного числа, Rx2Pl. – определено-притяжательный суффикс 2 лица множественного числа, Rx2sg – определено-притяжательный суффикс 2 лица единственного числа, Rx3Pl. – определено-притяжательный суффикс 3 лица множественного числа, Rx3sg – определено-притяжательный суффикс 3 лица единственного числа.

Литература и источники

Алатырев В.И. «Субъектная деепричастная конструкция» и её происхождение // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 53–68.

Алатырев В.И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. М., 1983. С. 561–592.

Алатырев В.И. Синтетический тип сложноподчиненных предложений в удмуртском языке // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Йошкар-Ола, 1969. С. 151–57.

Ануфриева А.З. Марина // Ануфриева А.З. Майбыр: Повестьяс. Висьтьяс. Салдатлön письмöяс. Сыктывкар, 1989. С. 50–75.

Баталов I – *Баталов В.Я.* Õктöм проза: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fulib.ru/books.php?action=viewKomiPermyakKiv> (дата обращения: 21.03.2016).

Баталов II – *Баталов В.Я.* Пыд вöрын // Пармалön шыэз: Бöрийöм коми-пермяцкöй проза. Кудымкар, 1997.

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Коми языки). М., 1982.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Онёковский диалект коми-пермяцкого языка. Москва – Гамбург, 1990.

Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Гамбург, 1995.

Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Москва – Гронинген, 2002.

Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

Белых И. Эм кö кöнкö Медыджыдыс // Белых И. Кöмтöм кока челядь-дырöй: висьтьяс. Сыктывкар, 2012. С. 160–164.

Бичирук (Искорка): детский альманах. 1993.

Ботева Е.В., Бражкина Н.Е., Галкина М.Е., Кривошекова-Гантман А.С., Порсева Э.И. Коми-пермяцкӧй кыв. VII–IX классэз понда учебник. Кудымкар, 1992.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998.

Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.

Ванеев А. Ловъя би // Ванеев А. Куим небӧгӧ бӧрйӧм гижӧдъяс. Т. 2: Сонетьяс. Поэмаяс. Кывбура висътъяс. Кывбура циклъяс. Вуджӧдӧмъяс Сыктывкар, 2007. С. 201–218.

Васева-Кадынкова И. Деепричастия совершенного вида с перфектным значением // Русский язык в школе. 1961. № 6. С. 20–24.

Гагарина О.А. Фразеология коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1999.

Горчаков Г.Д. Луз ю вожын пуграсьӧ // Горчаков Г.Д. Луз ю вожын пуграсьӧ: повесть, висътъяс, пьеса. Сыктывкар, 1999. С. 3–167.

Грибанов С.Ф. Коми кыв грамматика. Первой часть. Фонетика да морфология. Небытса шӧрӧт да шӧрӧт школа понда велӧтчан книга. Кудымкар, 1940.

Дмитриева Р.П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998.

Дубровина З.М., Лудыкова В.М. Некоторые черты исконного родства в синтаксисе прибалтийско-финских и пермских языков (м-овый инфинитив) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2. С. 60–65.

Иньва: литературно-художественный альманах. 1994, 1995.

Исаев В.И. Шаньшор // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар, 1997. С. 306–330.

Калина Г.А., Распопова З.В. Коми-пермяцкӧй кыв грамматика. Первой часть. Педагогическӧй училище да коми-пермяцкӧй кыв съӧртӧ учительлэз понда пособие. Кудымкар, 1961.

Канюков I – *Канюков В.И.* Ӧктӧм проза. Висътъяс: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562386> (дата обращения: 17.04.2016).

Канюков II – *Канюков В.И.* Мама-ныла // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар, 1997. С. 377–387.

Канюков III – *Канюков В.И.* Чарӧтӧм пу // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар, 1997. С. 361–364.

Канюков IV – *Канюков В.И.* Шогалісь // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар, 1997. С. 370–373.

Карманова А.Н., Коснырева Р.И., Кренделева Т.В. Коми орфография кывкуд. Сыктывкар, 2008.

Климов В.В. Би керись // Пармалён шыэз: Бөрйом коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар, 1997. С. 184–197.

Климов В.В. Милӧв да Ярашко // Пармалён шыэз: Бөрйом коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар, 1997. С. 197–207.

Климов В.В. Тырдоз // Пармалён шыэз: Бөрйом коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар, 1997. С. 207–214.

Ковальчук И.Ю. Повтор и его функции в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004.

Коми А.П. Зарни вӧр: повесть. Сыктывкар, 1993.

Кондратьева Н.В. К вопросу происхождения абессивного суффикса в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 2. С. 7–14.

КПГ 1980 – *Кривощекова-Гантман А.С., Ратегова Л.П.* Коми-пермяцкие говоры. Пермь, 1980.

КПРС 1985 – *Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык: введение, фонетика, лексика и морфология. Учебник для высших учебных заведений. Кудымкар, 1962.

Кренделева Т. В. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени и их эквиваленты в коми языке: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2010.

Кривощекова-Гантман А.С. Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка // Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. С. 596–621.

Куратова Н.Н. Чужан лун // Куратова Н. Н. Кӧні узыӧ шонді: Висьгъяс. Сыктывкар, 1998. С. 39–45.

Лихачев М. Виль туйӧт // Пармалён шыэз: Бөрйом коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар, 1997. С. 7–46.

Лудыкова В.М. Глагол в предложении коми языка: монография. Сыктывкар, 2012.

Лудыкова В.М. Сказуемое в коми языке. Сыктывкар, 1986.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем. М., 1955. Ч. 1.

Любимов Ф. Краткие грамматические правила Принадлежащие к знанию Пермского языка Составленные города Соликамска Свято-Троицкого Собора Протоиереем Феодором Любимовым 1838 года Февраля 8-го дня // Труды Ин-та языка, истории и материальной культуры коми-пермяцкого народа. Пермь, 2007. Вып. 5.

Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Майшев И.И. Грамматика коми-пермяцкого языка. Л., 1940.

Макарова Е. Кодлы сетсьö отсöг // Парма гор. 2016. 25 мая.

Меликян В.Ю. Очерки по синтаксису нечленимого предложения. Ростов-на-Дону, 2001.

Минин И.А. Басöк кикимора // Пармалён шыэз: Бöрйöм коми-пермяцкöй проза. Кудымкар, 1997. С. 88.

Минин И.А. Вот тэныт и ошпинь // Пармалён шыэз: Бöрйöм коми-пермяцкöй проза. Кудымкар, 1997. С. 116–123.

Минин И.А. Деревенскöй згальник // Пармалён шыэз: Бöрйöм коми-пермяцкöй проза. Кудымкар, 1997. С. 112.

Минин И.А. Комолöй чёрт // Пармалён шыэз: Бöрйöм коми-пермяцкöй проза. Кудымкар, 1997. С. 93–97.

Минин И.А. Посок // Пармалён шыэз: Бöрйöм коми-пермяцкöй проза. Кудымкар, 1997. С. 106–110.

Можаев 2005 – *Можаев С.А.* Комиён гижöм. 2005: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fulib.ru/books.php?action=viewKomiPermyakKiv>. (дата обращения: 14.03.2016).

Некрасова Г.А. Альтитерминатив в падежной системе коми-пермяцкого языка // *Linguistica Uralica*. 2015. № 3. С. 202–211.

Некрасова Г.А. Вежлöг перым кывъясын: пертас, вежöртас, артманног. Сыктывкар, 2004.

Некрасова Г.А. Основные линии развития семантической структуры падежей в пермских языках // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005. С. 157–160.

Некрасова О.И. Деепричастия коми-пермяцкого языка в исследовательских источниках // Филологические исследования 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. Сыктывкар, 2014. С. 168–173.

Некрасова О.И. Деепричастные конструкции в коми языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2015.

Нечаев Г. А. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. М., 1930. Вып.1. С. 1–27.

Нилогов I – *Нилогов Л.* Öктöм проза: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562385/> (дата обращения: 17.05.2016).

Нилогов II – *Нилогов Л.Е.* Война туйез кузя // Пармалён шыэз: Бöрйöм коми-пермяцкöй проза. Кудымкар, 1997.

Оласё – Оласё да вёласё: коми-пермяцкӧй сказкаэз, легендаэз, предан-
нёз, сказзэз, быличкаэз, висътассэз. Кудымкар, 1990. Т. I.

ОКК 2000 – Ёня коми кыв. Морфология = Современный коми язык.
Морфология. Сыктывкар, 2000.

Панова Г.И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-
справочник. М., 2010.

Перевоицков П.Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в уд-
муртском языке. Ижевск, 1959.

Пономарева Л.Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диа-
лекта коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.

Попова Э.Н. Кывтор // Ёня коми кыв. Сыктывкар, 2000. С. 509–519.

Ракурс: районная газета (г. Кудымкар Коми-пермяцкого округа Перм-
ского края), 1992.10.17.

Рогов Н.А. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860.

Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.

Сахарова М.А., Коснырева Р.И., Сельков Н.Н. Коми орфографическӧй
словарь. Сыктывкар, 1985.

Серебренников Б.А. Историческая морфология коми языка. М., 1963.

Серебренников Б.А. О некоторых характерных особенностях древ-
него синтаксиса языка коми // Советское финно-угроведение. 1967. № 2.
С. 101–105.

Серебренников Б.А. О характере древнего синтаксиса языка коми //
Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Сыктывкар, 1965.
С. 104–105.

Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной
систем в уральских языках. М., 1964. С. 176–177.

Серебренников Б.А. Синтаксис уральского праязыка – синтаксис тюрк-
ского типа // Советское финно-угроведение. 1987. № 2. С. 81–88.

СКЯ 1967 – Современный коми язык: Учебное пособие для вузов. Ч. 2:
Синтаксис. Сыктывкар, 1967.

Сорвачева В.А., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми языка. М.,
1990.

Суханова В.С. Деепричастные наречия в коми языке: автореф. дис...
канд. филол. наук. Петрозаводск, 1951.

Торопов И. Арся сьыланкыв // Торопов И.Г. Сьӧкыд лоны мортӧн. Сык-
тивкар, 1984. С. 203–268.

ТФГ 1987 – Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Вве-
дение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

УД 1990 – Сорвачева В.А., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми
языка. М., 1990.

Фадеев I – *Фадеев Т.П.* Комиён гижёмыс. Parma, 2006: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383>. (дата обращения: 23.04.2016).

Фадеев II – *Фадеев Т.П.* Лёха // Пармалён шыэз: Бөрйом коми-пермяцкёй проза. Кудымкар, 1997. С. 214–238.

Фадеев III – *Фадеев Т.П.* Медодзза пантасьём // Пармалён шыэз: Бөрйом коми-пермяцкёй проза. Кудымкар, 1997. С. 239–258.

Федосеев I – *Федосеев С.А.* Ёктём проза. Parma, 2006: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562384>. (дата обращения: 25.04.2016).

Федосеев II – *Федосеев С.А.* Чарём вылёт // Пармалён шыэз: Бөрйом коми-пермяцкёй проза. Кудымкар, 1997. С. 258–290.

Федосеев III – *Федосеев С.А.* Звезда // Пармалён шыэз: Бөрйом коми-пермяцкёй проза. Кудымкар, 1997. С. 290–306.

Федюнева Г.В. Структурные типы коми наречий // Грамматика и лексикография коми языка. Сыктывкар, 1995. С. 99–122.

Федюнева Г.В. Урчитан // Ёнія коми кыв. Морфология. Сыктывкар, 2000. С. 404–434.

Федюнева Г.В., Цыпанов Е.А. Ашшёр кывсикасьяс коми кывйын. Сыктывкар, 1992.

Хонти Л. К вопросу о происхождении спаренных глаголов в финно-угорских языках Волжско-Камского региона // Урало-Алтайские исследования. 2013. № 2 (9). С. 109–114.

Цыпанов 2011a – *Цыпанов Е.А.* О двух видах реконструкции прапермских деепричастий // Динамика структур финно-угорских языков. Сыктывкар, 2011. С. 292–299.

Цыпанов 2011б – *Цыпанов Е.А.* История и проблемы исследования деепричастий в коми языке // Динамические процессы в системах пермских языков. Сыктывкар, 2011. Вып. 68. С. 130–145.

Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005.

Цыпанов Е.А. Ногакыв // Ёнія коми кыв. Морфология. Сыктывкар, 2000. С. 344–404.

Цыпанов Е.А. Перым-коми гижёд кыв. Сыктывкар, 1999.

Цыпанов Е.А. Система суффиксального отрицания в пермских языках. Сыктывкар, 1990.

Цыпанов Е.А., Андреева Л. О дефинициях деепричастий и их статусе в пермском и марийском языкознании // *Linguistica Uralica*. 2010. № 2. С. 102–111.

Чехов А.П. Выль дача // А.П. Чехов. Рассказыс. Сыктывкар, 1954. С. 54–67.

Шадрин И. Дёма // Пармалён шыгэз: Бөрйом коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар, 1997. С. 46–86.

Шибанов 2011a – *Шибанов А.А.* Наречия в удмуртском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011.

Шибанов А.А. Наречия в удмуртском языке. Екатеринбург–Ижевск, 2012. С. 112–114.

Шибанов А.А. Наречия в удмуртском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011.

Шигуров В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении. Саранск, 1988.

Шигуров В.В. Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994.

Шмелева Т.В. Деепричастия на службе у модуса // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984. С. 64–70.

Шутов А.Ф. Абсолютные обороты в удмуртском языке // Советское финно-угроведение. 1979. № 4. С. 283–189.

Шутов А.Ф. Абсолютные обороты в удмуртском языке: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1979.

Шутов А.Ф. Выражение агенса разносубъектных конструкций в удмуртском языке // Международный симпозиум по дейктическим системам квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Ижевск, 2001. С. 171–172.

Шутов А.Ф. Пути развития гипотактических отношений в пермских языках // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2. С. 230–232.

Шутов А.Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 2002.

Юхнин В.В. Диньёльса вӧрпункт: Повесть. Сыктывкар, 1983.

Юхнин В.В. Тундраса бияс. Куим юкӧна роман. Сыктывкар, 1984.

Fokos-Fuchs D.R. Die Verbaladverbien der permischen Sprachen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. VIII. Budapest, 1958. S. 272–342.

Genetz A. Ostpermische Sprachstudien // JSFOu. Helsinki, 1897. XV. I. P. 1–57.

Hamari A. The abessive in the Permic languages // JSFOu. Helsinki, 2011. 93. P. 37–84.

ST I 1985 – Syrjänische Texte. Band I. Komi-permjakisch. Gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P. Kokkonen. Helsinki, 1985.

Stipa G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. Helsinki, 1960.

Wiedemann F.J. Grammatik der Syrjänischen sprache mit Berücksichtigung ihrer dialekte und des wotjakischen. St.-Petersburg, 1884.

Ylikoski Y. Defining non-finites: action nominals, converbs and infinitives // SKY Journal of Linguistics 16. Helsinki: The Linguistic Association of Finland, 2003. Pp. 185–237.

ВОКАЛИЗМ ВТОРОГО СЛОГА В ПЕРМСКОМ ПРАЯЗЫКЕ

В.В. Понарядов

Введение

В работах по исторической фонетике пермских языков развитию гласных непервых слогов уделялось недостаточное внимание. Основное внимание исследователей, как правило, привлекал прапермский вокализм первого слога, а вопрос о гласных непервых слогов затрагивался лишь попутно, и мнения о нём высказывались исходя больше из общих соображений, чем из тщательного сравнительно-исторического анализа наличествующего языкового материала. В результате фонетические соответствия между современными пермскими языками и диалектами зачастую остаются необъяснёнными.

Например, В.И. Лыткин писал, что в прапермское время в непервых слогах употреблялись только три гласных **a*, **ε*, **i*, как в современном верхневычегодском диалекте, который признается исследователем в этом отношении наиболее архаичным. По его мнению, под действием морфологических и фонетических факторов гласный **i* в дальнейшем расщепился на *i* и *j* (Лыткин 1964: 235–239). Однако условия, в которых происходило такое расщепление, строго не определяются. Также остается без объяснения, почему, несмотря на предположительно независимое расщепление рефлексов в коми и удмуртском языках, гласные *i* и *j* непервых слогов в большинстве их диалектов все же в большинстве случаев однозначно соответствуют друг другу.

Еще менее убедительным выглядит решение Ш. Чуча, который реконструирует для прапермских непервых слогов в лексических корнях три гласных **a*, **ε*, **j*, а в суффиксах еще дополнительно **i*, но в случаях несовпадения гласных в удмуртском и коми языках предполагает существование альтернатив уже на прапермском уровне (Csúcs 2005: 81–101). Как сформировались эти альтернативы, автор не объясняет, и, таким образом, его подход методологически находится на домладограмматическом уровне середины XIX в. Происхождение вокализма непервого слога в современных пермских языках остается необъяснённым.

Чтобы достигнуть решения проблемы, мы должны не ограничиваться общими соображениями об архаичности вокализма каких-то современных диалектов и о типологии фонетических переходов, а применить стандартную сравнительно-историческую методику, которая предполагает выявление рядов типичных межъязыковых и междиалектных фонетических соответствий, обнаружение в них случаев дополнительного распределения и результирующую реконструкцию прасистемы, из которой гласные современных пермских языков выводятся по строго определённым правилам.

Рассмотрение материала показывает, что необходимым и достаточным для восстановления прапермской системы гласных непервых слогов * является привлечение данных трёх современных идиомов: коми-зырянского литературного языка, коми-язьвинского диалекта и удмуртского литературного языка. В коми-пермяцком литературном языке и других коми диалектах соответствующие вокалические подсистемы или прямо совпадают с литературной коми-зырянской, или выводимы из неё по простым правилам (напр., в верхневычегодском диалекте в непервых слогах наблюдается тотальное развитие $e > e$ и $i > i$; в коми-пермяцком регулярно $i > i$ в окружении палатальных согласных, и т.п.). Вокализм удмуртских диалектов еще более однороден; они отличаются от литературного языка в основном только различными реализациями фонемы i (на месте которой в диалектах встречаются $\tilde{a}$, ε или θ).

Анализ межпермских соответствий гласных во втором слоге приводит к необходимости реконструкции в прапермском вокалической подсистемы в составе четырех элементов * a , * ε , * i , * i , рефлексy которых в определенных случаях могут расщепляться в зависимости от фонетического окружения.

Перм. * a

Перм. * a сохраняется во всех языках как a после неогубленных гласных первого слога * a , * ε , * ε , * i , * i :

Перм.	Кз.	Кя.	У.
* $\acute{c}a\acute{c}a$ 'игрушка'	$\acute{c}a\acute{c}a$	$\acute{c}a\acute{c}a$	$\acute{c}a\acute{c}a$
* $darga$ 'ёрш'	$darga$	-	$darga$
* $jana$ 'отдельно'	$janas$	-	$jana$
* $karnan$ 'коромысло'	$karnan$	-	$karnan$
* $pa\acute{s}ta$ 'ширина'	$pa\acute{s}ta$	$pa\acute{s}ta$	$pa\acute{s}ta$
* $ku\acute{s}man$ 'редька'	$ku\acute{s}man$	-	$ku\acute{s}man$
* $d\acute{e}ra$ 'холст'	$d\acute{e}ra$	$d\acute{o}\cdot ra$	$d\acute{e}ra$

* В приводимых далее примерах прапермские гласные первого слога восстанавливаются в соответствии с теорией, разработанной в предшествующих работах автора (Понарядов 2014а; Понарядов 2014б).

Пперм.	Кз.	Кя.	У.
* <i>vęra</i> 'вымя'	<i>vęra</i>	<i>vü·ra</i>	<i>vera</i>
* <i>šęla</i> 'рябчик'	<i>šęla</i>	<i>šò·la</i>	<i>šala</i>
* <i>mįnda</i> 'примерно, приблизительно'	<i>mįnda</i>	<i>mømda·</i>	<i>mįnda</i>
* <i>vına</i> 'вино, водка'	<i>vına</i>	<i>vına·</i>	<i>vına</i>

Пперм. **a* сохраняется как кз., кя. *a*, но переходит в у. *o* после огубленных гласных первого слога **ā*, **o*, **u*. Аналогичное развитие пперм. **a* > кз., кя. *a*, у. *o* наблюдается также после апикальных согласных **č* и **ž* (вероятно, также **š*, но для этого согласного примеров не встретилось):

Пперм.	Кз.	Кя.	У.
* <i>čarla</i> 'серп'	<i>čarla</i>	<i>čorla·</i>	<i>šurlo</i>
* <i>poda</i> 'скот'	<i>poda</i>	—	<i>pudo</i>
* <i>toŋan</i> 'замок'	<i>toman</i>	—	<i>tungon</i>
* <i>ojrda</i> 'бурундук'	<i>orda</i>	<i>urda·, vurda·</i>	<i>urdo</i>
* <i>oĵstan</i> 'ключ'	<i>voŋtan</i>	—	<i>uŋton</i>
* <i>čumal'z</i> 'суслон, копна'	<i>čumal'i</i>	—	<i>čumol'o</i>
* <i>musa</i> 'милый'	<i>musa</i>	—	<i>muso</i>
* <i>una</i> 'много'	<i>una</i>	<i>una·</i>	<i>uno</i>
* <i>eža</i> 'дёрн'	<i>eža</i>	<i>i·ža</i>	<i>ožo</i>
* <i>kača</i> 'сорока'	<i>kača</i>	<i>ka·ča</i>	<i>kočo</i>

Пперм. **ε*

Пперм. **ε* регулярно даёт кз. *e*, кя. *ø*, у. *e*, если не находится в позиции перед палатальными согласными:

Пперм.	Кз.	Кя.	У.
* <i>sapeg</i> 'сапоги'	<i>sapeg</i>	<i>søpø·g</i>	<i>sapeg</i>
* <i>ājl'ęs</i> 'постель, подстилка'	<i>vol'ęs</i>	—	<i>val'ęs</i>
* <i>žājžęg</i> 'гусь'	<i>žožęg</i>	<i>žu·žøg</i>	<i>žazęg</i>
* <i>domet</i> 'привязь'	<i>domęd</i>	<i>do·møt</i>	<i>dumet</i>
* <i>gožęm</i> 'лето'	<i>gožęm</i>	<i>go·žøm</i>	<i>gužęm</i>
* <i>kole</i> 'надо, нужно'	<i>kole</i>	<i>ko·lø, kø·lø</i>	<i>kule</i>
* <i>mores</i> 'грудь'	<i>mores</i>	<i>mo·røs</i>	<i>mures</i>
* <i>olem</i> 'жизнь'	<i>olem</i>	<i>o·løm</i>	<i>ulem</i>
* <i>jukmes</i> 'колодец; прорубь, полынья'	<i>jukmes</i>	—	<i>l'ukmes</i>
* <i>kureg</i> 'курица'	<i>kureg</i>	<i>kurø·g, kuro·g</i>	<i>kureg</i>

* Реконструкция в непервых слогах гласного **ε*, а не **e*, определяется соображениями симметричности развития языковой системы: он часто развивается из допермского **ā*, и данное развитие аналогично тому, которое наблюдается в первом слоге.

* <i>muket</i> ‘другой’	<i>mukəd</i>	<i>mukəˈt</i>	<i>muket</i>
* <i>dujkes</i> ‘армяк’	<i>dukes</i>	—	<i>dukes</i>
* <i>derem</i> ‘рубаха’	<i>derem</i>	—	<i>derem</i>
* <i>εšmes</i> ‘источник, родник’	<i>εšmes</i>	—	<i>ošmes</i>
* <i>šerem</i> ‘ломоть’	<i>šerem</i>	—	<i>šorem</i>
* <i>šejlem</i> ‘сердце’	<i>šejlem</i>	<i>šoˈləm</i>	<i>šulem</i>
* <i>mil'es</i> ‘объедки’	<i>mil'es</i>	<i>mil'əˈs</i>	<i>mil'es</i>
* <i>mirdem</i> ‘эле-эле, кое-как, насилиу’	<i>mirden</i>	—	<i>mirdem</i>
* <i>pides</i> ‘дно’	<i>pides</i>	<i>pəðəˈs</i>	<i>pides</i>
* <i>piket</i> ‘подпорка’	<i>pikəd</i>	<i>pəkəˈt</i>	<i>piket</i>
* <i>veržemen</i> ‘верхом’	<i>veržemen</i>	<i>veˈrʒimən</i>	<i>boržemen,</i> <i>voržemen</i>
* <i>šermet</i> ‘узда’	<i>šerməd</i>	<i>šeˈrmət</i>	<i>šermet</i>
* <i>kižer</i> ‘жидкий’	<i>kižer</i>	<i>kižəˈr</i>	<i>kižer</i>
* <i>šijes</i> ‘хомут’	<i>šijes</i>	<i>šijəˈs</i>	<i>šijes</i>
* <i>čžmer</i> ‘горноста́й’	<i>čžmer</i>	<i>čžməˈr</i>	<i>čžmer</i>
* <i>sžter</i> ‘смородина’	<i>seter</i>	<i>seˈtər</i>	<i>suter</i>
* <i>pijd'es</i> ‘колено’	<i>pižes</i>	<i>pižəˈs</i>	<i>pid'es</i>

В позиции перед палатальными согласными (обычно **ś*, **ž*, **j*) пперм. **ε* > кз. *ī*, кя. *i*, у. *e*:

Пперм.	Кз.	Кя.	У.
* <i>amež</i> ‘лемех’	<i>amiš</i>	—	<i>amež</i>
* <i>ozveš</i> ‘олово,’	<i>ozīš</i>	—	<i>uzveš</i>
свинец’			
* <i>εksej</i> ‘князь; царь’	<i>eksī</i>	—	<i>eksej</i>
* <i>peres</i> ‘старый’	<i>periš</i>	<i>pəˈriš</i>	<i>pereš</i>
* <i>telež</i> ‘месяц, луна’	<i>teliš</i>	<i>təˈliš</i>	<i>tolež</i>
* <i>gīreš</i> ‘крупный’	<i>giriš</i>	<i>gəˈriš</i>	<i>gīrež, grež</i>
* <i>εzveš</i> ‘серебро’	<i>eziš</i>	—	<i>azveš</i>
* <i>peleš</i> ‘рябина’	<i>peliš</i>	—	<i>palež</i>

Обнаружены также три пока не поддающихся объяснению примера развития пперм. **ε* > кз. *ī*, кя. *ə*, у. *e* в позиции перед непалатальными согласными **r* и **s*:

пперм.	кз.	кя.	у.
* <i>namer</i> ‘костяника’	<i>namīr</i>	<i>naˈmər</i>	<i>namer</i>
* <i>jāber</i> ‘скворец’	<i>jabīr</i>	—	<i>juber</i>
* <i>kīmes</i> ‘лоб’	<i>kīmes</i>	<i>kəməˈs</i>	<i>kīmes</i>

Пперм. *j

Если пперм. *j второго слога прикрыт последующим согласным, то рефлексами этого гласного являются кз. *j*, кя. *ø*, у. *i*:

Пперм.	Кз.	Кя.	У.
* <i>matj̄n</i> 'близко'	<i>matj̄n</i>	<i>maːtøn</i>	<i>matj̄n</i>
* <i>paškj̄t</i> 'широкий'	<i>paškj̄d</i>	<i>paːškøt</i>	<i>paškj̄t</i>
* <i>majbj̄r</i> 'счастливый'	<i>majbj̄r</i>	<i>maːjbør</i>	<i>majbj̄r</i>
* <i>lajkj̄t</i> 'упругий; зыбкий'	<i>lajkj̄d</i>	<i>laːjkøt</i>	<i>lej kj̄t, laj kj̄t</i>
* <i>kājmj̄n</i> 'тридцать'	<i>komj̄n</i>	—	<i>kwamj̄n</i>
* <i>nomj̄r</i> 'червь, червяк'	<i>nomr</i>	—	<i>numj̄r</i>
* <i>šonj̄t</i> 'тёплый'	<i>šonj̄d</i>	<i>šoːnøt</i>	<i>šunj̄t</i>
* <i>čojrj̄t</i> 'твёрдый'	<i>čorj̄d</i>	<i>čuːrøt</i>	<i>čurj̄t</i>
* <i>jugj̄t</i> 'светлый'	<i>jugj̄d</i>	<i>jugøːt</i>	<i>jugj̄t</i>
* <i>kurj̄t</i> 'горький'	<i>kurj̄d</i>	<i>kuroːt</i>	<i>kurj̄t</i>
* <i>tulj̄s</i> 'весна'	<i>tulj̄s</i>	<i>tuløːs</i>	<i>tulj̄s</i>
* <i>žužj̄t</i> 'высокий, глубокий'	<i>žužj̄d</i>	—	<i>žužj̄t</i>
* <i>českj̄t</i> 'вкусный'	<i>českj̄d</i>	—	<i>českj̄t</i>
* <i>egj̄r</i> (горящий) уголь'	<i>egj̄r</i>	<i>oːgør</i>	<i>egj̄r</i>
* <i>kežj̄t</i> 'холодный'	<i>kežj̄d</i>	—	<i>kežj̄t</i>
* <i>šekj̄t</i> 'тяжёлый'	<i>šekj̄d</i>	<i>šoːkøt</i>	<i>šekj̄t</i>
* <i>kejdj̄s</i> 'семя'	<i>kejdj̄s</i>	<i>kūːžøːs</i>	<i>kidj̄s</i>
* <i>remj̄t</i> 'сумерки, сумрак'	<i>remj̄d</i>	—	<i>žomj̄t</i>
* <i>gilj̄t</i> 'скользкий'	<i>gilj̄d</i>	<i>gøːløːt</i>	<i>gilj̄t</i>
* <i>kj̄rj̄m</i> 'рука'	<i>kj̄rj̄m</i>	<i>køːrøːm</i>	<i>kj̄rj̄m</i>
* <i>kj̄rnj̄ž</i> 'ворон'	<i>kj̄rnj̄š</i>	—	<i>kj̄rnj̄ž</i>
* <i>mj̄lkj̄d</i> 'ум, разум; настроение, воля, желание'	<i>mj̄vkj̄d</i>	<i>møːlkøːt</i>	<i>mj̄lkj̄d</i>
* <i>viltj̄r</i> 'тело'	<i>viltj̄r</i>	<i>vøːltøːr</i>	<i>viltj̄r</i>
* <i>zj̄rj̄m</i> 'сопли'	<i>zj̄rj̄m</i>	<i>zøːrøːm</i>	<i>zj̄rj̄m</i>
* <i>žeskj̄t</i> 'тесный'	<i>žeskj̄d</i>	<i>žøːːškøt</i>	<i>žoskj̄t</i>
* <i>kel'j̄t</i> 'светлый; рыжий'	<i>kel'j̄d</i>	—	<i>kel'j̄t</i>
* <i>lečj̄t</i> 'острый'	<i>lečj̄d</i>	<i>leːčøt</i>	<i>lečj̄t</i>
* <i>veškj̄t</i> 'прямой'	<i>veškj̄d</i>	<i>veːškøt</i>	<i>veškj̄t</i>
* <i>nejbj̄t</i> 'мягкий'	<i>nejbj̄d</i>	<i>niːːbøt</i>	<i>nejbj̄t</i>
* <i>pejmj̄t</i> 'тёмный'	<i>pemj̄d</i>	<i>piːmøt</i>	<i>pejmj̄t</i>
* <i>šinlj̄s</i> 'ресницы'	<i>šinlj̄s</i>	<i>šinløːs</i>	<i>šinlj̄s</i>

В конце имен существительных пперм. *j̄ второго слога сохраняется в удмуртском языке, а в коми языке утрачивается, хотя в коми-зырянском его след часто сохраняется в виде вставочного согласного *j̄*, появляющегося при словоизменении перед суффиксами с вокалическим анлаутом:

Пперм.	Кз.	Кя.	У.
*žak _i 'вид дятла'	žak	—	žak _i
*žajž _i 'полка'	žajž[j]	ža·ž[j]	žaž _i
*čajl' _i 'мизинец'	čal'[l']	ča·l'	čel' _i
*dajd' _i 'санки, салазки'	dad'[d']	da·d'	dəd' _i
*čān _i 'жеребёнок'	čań	ča·ń	čuń _i
*dār _i 'разливательная ложка'	dar[j]	da·r	dur _i
*gār _i 'почка, серёжка (у деревьев)'	gar[j]	—	gur _i
*mām _i 'мать, мама'	tam	tam	tum _i
*pāń _i 'ложка'	pań	pa·ń	puń _i
*pojń _i 'собака'	pon[j]	pu·n	pun _i
*ojz _i 'земляника'	oz[j]	uz	uz _i
*kojm _i 'хариус'	kom	—	kĭn _i
*nojm _i 'комар'	nom[j]	nu·m	nĭm _i
*nojpi 'заплечный мешок, котомка'	nop[j]	—	nĭpjɛt, nĭpi
*vuž _i 'корень'	vuž[j]	vuž	vĭž _i
*čuń _i 'палец'	čuń	čuń	čiń _i
*ruć _i 'лиса'	ruć	ruć	žić _i
*šul' _i 'полоска бересты для плетения лаптей'	šul'	šù·l'	šil' _i
*gijm _i 'дудчатый стебель растения'	gum[j]	gum	gum _i
*kujd _i 'короб; лукошко'	kud[j]	kud	kud _i
*ger _i 'соха'	ger[j]	gò·r	ger _i
*jen _i 'осот'	jĕn[m]	jò·n	jen _i
*nek _i 'сметана'	nek[j]	nòk	nek _i
*geg _i 'пуп'	geg[j]	gò·g	gog
*nejš _i 'колотушка'	neš[k]	nù·š	nuš _i
*pejrt _i 'котёл'	pert[j]	pù·rt	purt _i
*lĭm _i 'снег'	lĭm[j]	løm	lĭm _i
*pĭs _i 'ушко (иглы)'	pĭs	pøs	pĭs _i
*tĭrp _i 'губа'	tĭrp	tørp	tĭrp _i
*tĭl _i 'перо (птицы)'	tĭv	tøl	tĭl _i
*žĭj _i 'половина'	žĭn[j]	žøn	žĭn _i
*gĭž _i 'коготь, ноготь'	gĭž[j]	gøž	gĭž _i
*bed _i 'палка, посох'	bed'[d']	be·d'	bod _i
*gez _i 'верёвка'	gez[j]	gi·z	goz _i
*žir _i 'шарнир'	žir[j]	žør, žir	žir _i
*dojd' _i 'сани'	dod'[d']	dù·d'[d']	dəd' _i
*pĕl _i 'большой палец'	pev[j]	pe·l	pĕl _i
*jĭd _i 'ячмень'	id[j]	id[j]	jĭd _i

Охватившая все субстантивные основы утрата конечного **i* в коми языке на словоизменительные суффиксы, однако, не распространилась. На-

пример, гласный **i* сохранился в суффиксе дательного падежа **-li* > кз. *-li*, кя. *-lə*, у. *-li* и суффиксе глагольного инфинитива **-ni* > кз. *-ni*, кя. *-nə*, у. *-ni*. Очевидно, причиной сохранения в этих случаях является высокая функциональная нагруженность данных грамматических элементов. В коми глагольных основах конечный **i* в основном утрачен, но после сочетаний согласных все же иногда сохраняется. Ср. пперм. **kojl'i-ni* 'оставаться' > кз. *kol'-ni*, кя. *kul'-nə*, у. *kil'i-ni*, но пперм. **kojl'i-ni* 'лежать' > кз. *kujli-ni*, кя. *kū jli-nə*, у. *kil'l'i-ni*.

Пперм. **i*

Наиболее обычные примеры, когда пперм. **i* во всех языках сохраняется без изменения:

пперм.	кз.	кя.	у.
<i>*zarñi</i> 'золото'	<i>zarñi</i>	—	<i>zarñi</i>
<i>*turi</i> 'журавль'	<i>turi</i>	<i>turi</i>	<i>turi</i>
<i>*jurši</i> 'волосы (на голове)'	<i>jurši</i>	<i>jurši</i>	<i>jirši</i>
<i>*etik</i> 'один'	<i>et'ik</i>	<i>ò tik</i>	<i>odig, og[e]</i>
<i>*jezvi</i> 'сустав'	<i>jezvi</i>	—	<i>jozvi</i>
<i>*šjřćik</i> 'трясогузка'	<i>šjřćik</i>	<i>sərći k</i>	<i>šjřćik, šjřćik</i>
<i>*šeri</i> 'пополам'	<i>šeri</i>	<i>šò ri</i>	<i>šori</i>
<i>*přić</i> 'пешня'	<i>přić</i>	<i>pøri ź</i>	<i>přić</i>
<i>*veknī</i> 'тонкий'	<i>veknī</i>	<i>ve·knīt</i>	<i>vekcī</i>

Однако обнаруживается также ряд случаев, где коми гласному *i* в удмуртском соответствует *ĩ*. Объяснение их через реконструкцию особого прапермского вокалического элемента представляется нерациональным. Можно предположить, что в удмуртском языке случилось развитие **i* > *ĩ* в некоторых позициях. Эти позиции можно определить как положение в оканчивающих лексическую основу сочетаниях **-ti*, **-di*, **-rig*, **-in*, **-im*, а также те случаи, когда перед гласным второго слога **i* находятся сочетания узкого гласного первого слога и палатального согласного:

пперм.	кз.	кя.	у.
<i>*tāšti</i> 'миска, тарелка'	<i>tašti</i>	—	<i>tušti</i>
<i>*šondi</i> 'солнце'	<i>šondi</i>	<i>šo ndi</i>	<i>šundĩ</i>
<i>*kožin</i> 'подарок'	<i>kožin</i>	<i>kù žin</i>	<i>kužĩm</i>
<i>*suñis</i> 'нитка'	<i>suñis</i>	<i>sunĩ's, sùni's</i>	<i>siñĩs</i>
<i>*kiži</i> 'как'	<i>kiži</i>	<i>kù ži</i>	<i>kižĩ</i>
<i>*přig</i> 'крошка'	<i>přig</i>	—	<i>přĩ</i>
<i>*čeriğ</i> 'рыба'	<i>čeri</i>	<i>če ri</i>	<i>čoriğ</i>
<i>*šizim</i> 'семь'	<i>šizim</i>	<i>ši žim</i>	<i>šizĩm</i>

Закключение

Мы подробно рассмотрели развитие гласных второго слога на материале только трёх представителей пермской лингвистической общности: коми-зырянского литературного языка, коми-язьвинского диалекта и удмуртского литературного языка. Привлечение других языковых вариантов не вносит в прапермскую реконструкцию никаких изменений, но развитие гласных в них иногда обнаруживает несколько особый характер. Поэтому ниже мы приводим обобщающую таблицу, отражающую развитие во всём пермском языковом континууме:

Прапермский	*a	*ε	*ĭ	*i
Коми-зырянский литературный язык и большинство диалектов	a	e, ĭ	ĭ	i
Ижемский диалект	a	e, ĭ	ĭ	i
Верхневьчегодский диалект	a	e, i	i	i
Коми-пермяцкий (литературный и все диалекты)	a	e, i	ĭ, i	i
Коми-язьвинский диалект	a	ø, i	ø, i	i
Удмуртский литературный язык и большинство диалектов	a, o	e	ĭ	i
Бесермянский диалект	a, o	e	ø	i
Периферийно-южные удмуртские диалекты	a, o	e	â, ə	i

В таблице не отражена возможность полной утраты пперм. *ĭ, часто случающейся в коми языках в конечной позиции.

Гласные современных языков выводятся из прапермской системы по строгим правилам. Таким образом, предложенная реконструкция позволяет как однозначно восстанавливать прапермский вокализм первых слогов, так и объяснять его развитие в языках-потомках.

Сокращения

Языки: кз. — коми-зырянский; кя. — коми-язьвинский; пперм. — прапермский; у. — удмуртский.

Литература

Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

Понарядов 2014а — *Понарядов В.В.* Историческое развитие коми и удмуртских гласных // Пути развития пермских языков: история и современность. Сыктывкар, 2014. С. 52–67. (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 73).

Понарядов 2014б — *Понарядов В.В.* Развитие гласных в пермских языках Сыктывкар, 2014. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 519).

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.

ОБЩЕЕ ОСОБЕННОЕ В СИНТАКСИСЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ КОМИ И ПЕРМСКИХ РУССКИХ ГОВОРОВ

Э.Н. Попова

Для устной речи характерно наличие особых (специфических) синтаксических конструкций. Специфический характер разговорной речи проявляется в «неподготовленности, линейном характере, ведущем как к экономии, так и к избыточности речевых средств, непосредственном характере речевого акта» (Языкознание. БЭС: 407).

Синтаксическое своеобразие устной речи заключается в том, что для нее свойственны иные, чем в письменной речи, закономерности расположения слов, наличие особых синтаксических конструкций, широкое употребление неполных предложений, относительно однообразное построение предложений и т.д.

Предметом исследования являются особые (специфические) синтаксические конструкции, характерные для коми-зырянской и коми-пермяцкой речи – близкородственных коми языков, – и аналогичные им конструкции пермских русских говоров, неродственного и типологически отличного от коми языков русского. Путем сопоставительного анализа исследуемых нами коми и русских диалектных конструкций выявлены черты их типологического сходства, а также предпринята попытка выявить природу их происхождения в разносистемных языках.

Материал собран из различных источников: словарей коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, опубликованных образцов коми-зырянской речи, диалектных источников, словарей русских народных говоров.

В результате исследования были выделены достаточно устойчивые сочетания, свойственные разговорной речи коми языка: *да коді (код) да 'и кое-кто еще', да мый да 'и кое-что еще', да көні (көн) да 'и кое-где еще', да кытысь (кысь) да 'и кое-откуда еще'; ли коді (код) ли 'или кто еще', ли мый ли 'или что еще', ли көні (көн) ли 'или где еще', ли кытысь (кысь) ли 'или откуда еще'.*

Сочетание *да мый да* регистрируется нормативным словарем коми языка: *ньобны сов да мый да* ‘купить соли и прочего’, *пес поткӧдлыны да мый да* ‘дрова наколоть и еще кое-что сделать’ (КРК: 170), однако его грамматический статус не определен.

Сочетания *да кодӧ (код) да*, *да мый да*, *да кӧнӧ (кӧн) да*, *да кытысь (кысь) да* структурно представляют трехчленное сочетание: союз + *вопросительное местоимение (или местоименное наречие)* + союз, которые в предложении стоят после перечислительного ряда и обозначают незаконченность информации, т.е. перечисление не ограничивается названными предметами, действиями и означают ‘и так далее’, ‘и тому подобное’.

Исходя из того, что под союзом принято понимать служебное слово, употребляемое для объединения в одно целое двух однородных членов или двух предложений, или группу связанных между собой в одно синтаксическое целое предложений с другим предложением или с другой такой же группой, образуя в результате этой связи одно целое, и если взять во внимание необычное, постпозитивное положение соединительных союзов в конструкциях при соединении однородных членов в коми языке, второе *да* мы квалифицируем как составной элемент повторяющегося союза *да... да*. Союз *да* ‘и’ в коми языке чаще бывает одиночным, но может и повторяться, однако, в отличие от союза *и...и* ‘и...и’ не употребляется перед первым соединяемым компонентом и как составной элемент повторяющегося союза *да...да* ставится после каждой соединяемой части. Однако нужно сказать, что повторное употребление союза *да* используется преимущественно в разговорной речи и фольклоре: для современного литературного коми языка такое грамматическое явление не характерно (Попова 2015: 58).

В разговорной речи существуют и другие сочетания, имеющие подобную структуру: *ли кодӧ (код) ли*, *ли мый ли*, *ли кӧнӧ (кӧн) ли*, *ли кытысь (кысь) ли*, которые также представляют трехчленное сочетание: союз + *местоимение (или местоименное наречие)* + союз, в предложении тоже стоят после перечислительного ряда и обозначают незаконченность информации. В порождении данных сочетаний могут участвовать местоимения (*кодӧ (код)* ‘кто’, *мый* ‘что’ и местоименные наречия (*кӧнӧ (кӧн)* ‘где’, *кытысь (кысь)* ‘откуда’) и заимствованный из русского языка разделительный союз *ли...ли* ‘или...или; либо...либо’ со значением равноценности компонентов, употребляющийся при перечислении фактов одинаково возможных, когда говорящий хочет указать, что реальным из них является лишь один, но какой именно – ему неизвестно. Элементы этого союза (*ли*) вводятся в каждую из связываемых частей – однородных членов предложения или предикативных частей в сложном предложении, начиная с первого и всегда после соединяемого компонента (Попова 2015: 47). Можно обнаружить также двучленные сочетания, напр., *ли мый*.

Рассматриваемые нами сочетания представляют собой определенным образом организованные синтаксические единства, функционирующие как одно целое и вместе с тем имеющие свою собственную внутреннюю структуру, которая реализуется в речи соединительным союзом *да...да* или разделительным союзом *ли...ли* и вопросительными местоимениями *коді* (*код*) ‘кто’, *мый* ‘что’ или местоименными наречиями *кѡні* (*кѡн*) ‘где’, *кытысь* (*кысь*) ‘откуда’, являющимися ядром сочетаний. Разговорная речь никогда заранее не планируется. В ней широко распространено использование местоимений, местоименных наречий, дублирующих подлежащее или различные обстоятельства. Местоимения *коді* (*код*), *мый* могут замещать собой любое существительное, могут быть обозначением любого предмета: *коді* (*код*) – живого конкретного существа, *мый* – конкретного предмета, факта, явления. Местоименные наречия *кѡні* (*кѡн*), *кытысь* (*кысь*) могут указывать на обстоятельство со значением места. Надо полагать, что участие соединительного союза *да...да* и разделительного союза *ли...ли* в порождении данных сочетаний не является случайным. Эти союзы исследователями трактуются как союзы разговорного характера. В лингвистической литературе они получают следующую характеристику: «Союз *да*, имеющий оттенок разговорности, ...» (РГ: 625); союз *ли...ли*, писал Л.А. Булаховский, «несет собой впечатление разговорной, поэтической или вообще оживленной речи» (цитата по работе: Санников 2008: 204).

Высказывания с такими сочетаниями, простые по структуре, являются емкими по содержанию, передают большую информацию. Они занимают позицию члена предложения перечислительного ряда. В связь с другими компонентами предложения, как и однородные члены, вступают не сами по себе, а лишь в структурно-семантическом единстве, в сочиненном ряду. Не включение таких сочетаний в ткань речи не разрушает структуру предложения, но делает высказывание информативно бедным, т.е. граница сказанного сужается. Они особым образом распространяют предложение. Приведем следующие высказывания: *Ветла ю дорѡ, купайтчышта да мый да* ‘Схожу на речку, покупаюсь и еще кое-что сделаю’; *Нылыс налѡн (соседъяслѡн) велѡдчѡ Питерын ли кѡн ли* ‘Их (соседей) дочь учится в Питере или где-то (в другом городе)’. В первом высказывании говорящий знает, что будет делать на речке, кроме как купаться, но не перечисляет, а говорит коротко, заменяя перечисление действий сочетанием *да мый да*, т.е. купается и еще кое-что сделает: позагорает, порыбачит. Если убрать *да мый да*, то сказанное ограничится одним действием – *купайтчышта* ‘покупаюсь’: говорящий сходит на речку только купаться. Во втором высказывании говорящий точно не знает, где учится дочь соседей: в Питере или где-то в другом городе – в Москве, Саратове, – но не перечисляет, а, как и в первом высказывании, говорит коротко, заменяя перечисление городов сочетанием

ли кӧн ли. Если убрать *ли кӧн ли*, сказанное ограничится одним предметом, в данном случае – городом (Питером).

Синтаксическим свойством данных сочетаний является то, что они выступают функциональными заместителями однородных членов предложения и в синтаксисе разговорной речи утвердились преимущественно как способ к упрощению структуры словосочетаний, к ‘экономии’, к устранению избыточных средств выражения однородных членов.

Для современной коми художественной литературы характерно широкое проникновение элементов живой разговорной речи. Структуры *да кодӱ* (код) *да, да мый да, ли кодӱ* (код) *ли, ли мый ли* и др. проникают из разговорной речи в язык художественной литературы, напр.: *Гожӧмын вотчышта да мый да, а тӧвнас магазинъяӧд кытишала* (Безносовых 1973: 114) ‘Летом ягоды, грибы собираю и еще кое-чем занимаюсь, а зимой по магазинам хожу’; *Норасис кӧ ӧд [Ӗгаиш], милиционер ли кодӱ ли чукӧстлис жӧ* (Безносовых 1973: 123) ‘Если бы ведь пожаловалась [Агафья], милиционер или кто еще вызывал же’; *«Васьӧ, шуа, абу ӧмӧй сумка ли мый ли? Тадзтӧ ӧд книгаясыд тӧв шӧрӧдыс росмасны»* (Безносовых 1973: 125) «Василий, говорю, разве нет сумки или чего другого? Так-то ведь книги до середины зимы потреплются»; *Пӧраӧн и кулитас [Козлов], кийывсӧн кӧ уджалӧ ли мый ли [мортыс], ладсӧ кӧ оз куж пуктыныс* (Безносовых 1985: 187) ‘Временами и похулит [Козлов], если нехотя работает или еще что делает [человек], если порядок не может установить’; *Кыйкъяла ӧшинӧд: эз-ӧ, мися, доймы ли мый [Капитон] стрӧитчанӱнас* (Безносовых 1985: 197) ‘Выглядываю из окна: говорю, не ушибся ли [Капитон] на стройке или не случилось что другое’.

Аналогичные сочетания обнаруживаются в коми-пермяцком языке. Сочетание *да мый да* фиксирует «Коми-пермяцко-русский словарь», где оба *да* авторы оценивают как частицу: *да мый да* ‘и прочее, и другое, и кое-что (кое-кто) еще’ (КПРС: 113). Грамматический статус его также не определен.

Коми-пермяцкий язык не только состоит в ближайшем родстве с коми-зырянским языком, но и, по данным истории, между коми-зырянами (верхневычегодскими коми) и соседними коми-пермяками были установлены определенные связи (Жеребцов 1982: 78), что подтверждается общими языковыми явлениями (Баталова 1975: 220). К этим языковым явлениям можно отнести также рассматриваемые нами специфические сочетания *да мый да, ли мый ли*, которые можно обнаружить в текстах из диалектных источников по верхневычегодскому диалекту коми языка и в текстах из «Коми-пермяцкой диалектологии» Р.И. Баталовой, представляющих собой записи диалектной коми-пермяцкой речи всех трех наречий. Примеры: кз. (вв.) *Бат'э прамэяа кыйс'уни оз вӧли вэрми-а, пыр прӧмышл'айтни вэт-*

тэдлэ, пöрасэ кол'л'алэ тöl'кэ, гортсасэ пагубитэ да мый да 'Отец мой по-настоящему охотиться не умел, но все ходил на охоту, зря терял время во вред семье' (ВВД: 230–231), кз. (вв.) *Сэччи лöседам нянь ли мый ли, джод-жас. Сылэн эд югид синмис, соседуикадлэн* 'Туда на пол положим хлеб или еще что-нибудь. У него, у домового, глаз зоркий' (ОКЗР: 72–73); кп. (южн.) *А вот самöй быдми ме, эта вольканас и гöрдöтлмö да мый да* 'А вот когда я выросла, этой ольхой и красили в красный цвет да что да' (Баталова 1975: 239), кп. (сев.) *Руч кыисö. Ур виисö. Кöч кыисö. Ме штук петнацетö да мый да вая друг* 'Лису ловили. Белку убивали. Зайца ловили. Я штук пятнадцать да что да приношу вдруг' (Баталова 1975: 240), кп. (верхн.) *Куч петь ли мый ли кыскалi (куйöд)* 'Куч пять что ли я вывезла (навоз)' (Баталова 1975: 243–244).

Таким образом, рассмотренные нами сочетания имеют определенную структуру и семантику, что дает основание квалифицировать их как устойчивые. В высказывании они всегда занимают позицию после перечислительного ряда, что является их грамматической особенностью.

Да кодi (код) да, да мый да, да кöнi (көн) да, да кытысь (кысь) да; ли кодi (код) ли, ли мый ли, ли мый, ли кöнi (көн) ли, ли кытысь (кысь) ли – это синтаксические единицы, немоделированные с точки зрения литературной нормы, которые реализуются в речевом употреблении. Их нельзя определять как намеренные отклонения от литературной нормы по воле только одного человека. Они имеют отношение к истории языка, диалектологии, синтаксису. Однако затруднительно утверждать что-либо о времени появления данных сочетаний в коми языках за отсутствием древних письменных памятников устной спонтанной речи.

Обращение к словарям русских народных говоров позволило нам выявить, что подобные сочетания бытуют в русских народных говорах. *Да че да*. 'Да еще что-нибудь'. *Станем разговаривать да че да* (Соликам. Перм.) (СРНГ 1972: 255); *Половики ткут да че (ше) да. Деньги есть, дак водку пьем да че (ше) да. Денег нет, дак квас пьем да че (ше) да* (Махн., Режев. Свердлов.) (СРГСУ: 131; СРНГ 1972: 255); *Всечины накупили: платье, шубу да че да* (Нязепетр. Челябин.) (СРГСУ: 131; СРНГ 1972: 255). *Ли как ли*. 'Или как-нибудь иначе'. *Литра три ли как ли будет. Материк ли как ли его называют* (Том. 1969) (СРНГ 1977: 327).

Большая интенсивность использования таких сочетаний наблюдается в пермских русских говорах, в которых обнаруживаются как трехчленные, так и двухчленные сочетания. «Пермские говоры как синтез диалектных элементов различных северно-русских говоров (с незначительным добавлением среднерусских черт) постепенно конгломерировались и саморазвивались в сравнительно позднее время, не утратив, а напротив, устойчиво сохранив высоко архаические черты, <...>. Существенной специфической

чертой говоров является также активное усвоение ими элементов языка основных обитателей края в прошлом – предков современных коми-пермяков» (СПГ 2000: 3). Более полное отражение эти сочетания нашли в «Словаре говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» (1984, 1990), представляющего капитальный труд диалектологов Пермского государственного университета, обращенного к описанию современного состояния одного из пермских (наиболее архаичных) говоров. Примеры: *да где* ‘в некоторых других местах’. *Лосей красивых видели на болотах да где* (СГАкчим 1984: 186); *да как, да как да* ‘и по-другому, другим, другими способами’. *Величкой-то мало называли, все великой да как, Раньше вброд да как да ходили* (СГАкчим 1990: 30); *да куда* (завершает перечисление мест, в направлении к которым совершается действие) ‘и в другие подобные места’. *Иной раз сижусь, у меня как какой-то жар пройдет в крыльча, на сердце да куда, Подвесят на солнышко да куда – она и вялется* (СГАкчим 1990: 87); *ли (ле) как ли (ле)* ‘или как-л. по-иному’. *Я не умею назвать. Канклет, ле как ле* (СГАкчим 1990: 30); *ли (ле) кто ли (ле)* ‘или кто-л. другой, иной’. *Гнусина – мышь ле хто ле. Яшишэрка – конечно уж гнусина она; Детишки ли кто ли спорят* (СГАкчим 1990: 86).

Количество подобных сочетаний в пермских русских говорах намного больше, чем в коми языках. В коми языках представлены чаще трехчленные сочетания.

Данные сочетания стали предметом рассмотрения в статье «Об одной общей синтаксической конструкции в пермских русских говорах и коми-пермяцкой речи» И.И. Баклановой и И.И. Русиновой (Бакланова, Русинова 2006: 161–165). Авторы отмечают, что в диалектных словарях, в которых даны эти сочетания, грамматический статус определен по-разному: в одних словарях они подаются как модальные частицы, в других – как устойчивые сочетания. Исследователи считают, что данные сочетания нужно определять как устойчивые. Устойчивость рассматриваемых сочетаний они находят: 1) в устойчивости их структуры – *союз + местоимение (наречие) + союз (частица)*; 2) в массовой воспроизводимости – «их встречаемость в речи на порядок выше, чем встречаемость других сочетаний подобной структуры»; 3) в обобщенном значении изучаемых сочетаний – способность стоять в конце перечислительного ряда и обозначать неисчерпанность информации (Бакланова, Русинова 2006: 162).

Как показывают исследования, сочетания *да код да, да мый да, да кӧн да, ли кодӱ (код) ли, ли мый ли (ли мый), ли кӧн ли, ли кытысь (кысь) ли* в коми языках и сочетания *да кто да, да что да, да чё да, да где да, ли чё ли (ли чё)* и др. в пермских русских говорах имеют одинаковую структуру и семантику.

Касательно вопроса происхождения подобных сочетаний в двух неродственных языках, однозначного ответа на него пока нет. Возможно, что

это следствие влияния синтаксиса коми говоров на русский диалектный синтаксис или русская диалектная черта в коми языках.

Допустимо, что влияние могло быть со стороны русских. Несколько столетий тому назад предки нынешних коми-зырян и коми-пермяков проживали в сопредельных с русскими говорами ареалах – в Архангельской, Вологодской, Кировской, Пермской областях (Жеребцов 1982: 26–33). В своем исследовании ученый выявляет наличие длительных устойчивых взаимосвязей коми и русского народов.

Долговременное соседство коми и русского народов и тесные языковые контакты в течение продолжительного времени могли стать результатом взаимовлияния языков.

Степень влияния русского языка на коми язык была настолько сильной и разносторонней, что она коснулась всей системы коми языков в целом, начиная с лексики и фонетики, заканчивая грамматикой и синтаксисом.

Однако, живя в одинаковых исторических и географических условиях, русский язык, в свою очередь, мог испытать определенное влияние со стороны контактирующих народов – коми-зырян и коми-пермяков. Племена, говорящие на коми диалектах, в прошлом занимали широкое пространство северо-востока Европы. Язык коми племен оказал значительное влияние на соседние русские диалекты (ОФУЯ 1976: 224). Свидетельством тому может быть наличие лексики коми происхождения в русских говорах, напр., рус. **кач** – жидкое варево из толченой осиновой коры, с примесью муки или крупы (Запечор.) (СОАН: 194) – кз. кп. **кач** 1) кора дерева (преим. пихты, употреблялась как суррогат пищи в голодные годы); *кач* вв. лл. нв. печ. скр. сс. уд. ‘толченая кора деревьев (преимущественно пихты), которая идет в хлеб в голодные годы’, вс. лл. ‘древесная кора’ (КЭСК: 119); рус. **керч** – растущее в тундрах Запечорского края растение около $\frac{3}{4}$ аршина вышины, листьями которого питаются олени; почки керчи составляют любимую пищу куропаток (Мез.) (СОАН: 198) – кз. **керч** *бот.* багульник болотный; клоповник (с резким запахом) (КЭСК: 122); рус. **кыс** обычно мн. **кысы** – шкурка с ноги лося, оленя, лошади, используемая для подбивки охотничьих лыж и шитья обуви; охотничьи лыжи, подбитые шкурой, снятой с ног копытных животных (СТАкчим 1990: 94; СПГ 2000: 459) – кз. **кыс** 1) шкура с ноги животного, 2) обувь из шкур с ног животного, с кожаными голенищами, шерстью наружу (КЭСК: 154); рус. **пельмани**, **пельмяны**, **пельяны**, мн. **пельмени** (СПГ 2002: 82) – кз. **пельмень**, кп. **пельнянь** – сложное слово: *пель* ‘ухо’ + *нянь* ‘хлеб’, т.е. ‘хлеб, похожий на ухо’; в русский литературный язык слово вошло через севернорусскую среду (КЭСК: 219); рус. **туес**, **туис**, **туяс** (мн. ч. **туесья**, **туясья**) – небольшой цилиндрический берестяной короб с плотно прилегающей крышкой (СОАН: 511), **туес** = **туесок** (СТАкчим 2011: 54) – кз. **туйнс** ‘бурак, цилиндрическая берестяная посуда’

(КЭСК: 280); рус. **чага** – гриб-трутовик, растущий на стволе березы' (В. Можево Сол.) (СПГ 2002: 521) – кз. **чага** тж. *пакула* 'березовый трутник (древесный гриб)' (КЭСК: 215), 'березовый гриб' (КРК: 480); рус. **чаром, чером, чарым** 1) ед. > наст, 2) участок с зазеленевшим снежным покровом (СГАкчим 2011: 170) – кз. **чарём** 'наст' (КЭСК: 302).

В пермских русских говорах аналогичные сочетания могли появиться под влиянием языков финно-угорской группы, в данном случае, коми языков. Воздействие диалектов коми языка могло сказаться на синтаксисе русских говоров. Как отмечает С.А. Мызников, «значение коми языка в становлении общерусского койне и влияние его диалектов на русские говоры имеют большее значение, чем это представляется в современных исследованиях» (Мызников 2005: 154).

И.И. Бакланова и И.И. Русинова предпринимают попытку интерпретировать появление сочетаний *да что да, да чё да* в русской диалектной речи как следствие влияния синтаксиса коми-пермяцких (шире – финно-угорских) говоров на русский диалектный синтаксис. Основанием версии иноязычного влияния на формирование данных сочетаний исследователи считают «совпадение функций и позиций союза *да* в русских и коми-пермяцких говорах Пермского края» (Бакланова, Русинова 2006: 164).

Мы не можем не согласиться с точкой зрения И.И. Баклановой и И.И. Русиновой об иноязычном влиянии в появлении данных сочетаний в русской диалектной речи исходя из того, что пермские говоры, как отмечали выше, активно усваивали элементы языка основных обитателей края – предков современных коми-пермяков.

Не исключено также, что коми и русские сочетания имели самостоятельные пути развития. Русско-коми языковые контакты продолжались на протяжении многих веков и имеют место по сей день, так как сохраняются двуязычные коллективы – коми-зыряне, коми-пермяки, говорящие и на родном, и на русском языках. Долговременное соседство народов и языков приводит к частичному билингвизму, при котором оба языка могут претерпевать одинаковые изменения на всех уровнях языка (адстратное влияние).

Без глубокого анализа процессов взаимовлияния указанных языков невозможно выявление закономерностей функционирования и обогащения исторически сложившегося грамматического строя. Мы можем пока лишь указать на наличие в речи коми и пермских русских говорах типологически похожих конструкций. Но сам факт наличия аналогичных конструкций в неродственных контактных языках еще не может свидетельствовать о направлении синтаксического влияния. В живой речи могут сохраняться пережитки глубокой старины.

Сокращения

Языки: кз. — коми-зырянский, кп. — коми-пермяцкий, рус. — русский.

Дialeкты и наречия: вв. — верхневычегодский диалект (коми-зырянский), вс. — верхнесыольский диалект (коми-зырянский), лл. — лузско-летский диалект (коми-зырянский), нв. — нижневычегодский диалект (коми-зырянский), печ. — печорский диалект (коми-зырянский), скр. — присыктывкарский диалект (коми-зырянский), сс. — среднесыольский диалект (коми-зырянский), уд. — удорский диалект (коми-зырянский); верхн. — верхнекамское наречие (коми-пермяцкий), сев. — северное наречие (коми-пермяцкий), южн. — южное наречие (коми-пермяцкий).

Географические пометы севернорусских говоров: В. Мошево Сол. — Верхнее Мошево Соликамского района Пермской области, Запечор. — Запечорский край Мезенского уезда, Махн. — Махневский район Свердловской области, Мез. — Мезенский уезд, Нязепетр. — Нязепетровский район Челябинской области, Реж. — Режевский район Свердловской области, Соликам. Перм. — Соликамский район Пермской области.

Литература и источники

Бакланова И.И., Русинова И.И. Об одной общей синтаксической конструкции в пермских русских говорах и коми-пермяцкой речи // *Пермистика XI: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками*. Пермь, 2006. С. 161–165.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Безносиков В.И. Кõні менам шудõй? Сыктывкар, 1985.

Безносиков В.И. Свõякъяс. Сыктывкар, 1973.

ВВД — Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982.

КПРС — Коми-пермяцко-русской словарь. М., 1985.

КРК — Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-рочкывчукõр. Сыктывкар, 2000.

КЭСК — Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

Мызников С.А. Прибалтийско-финские и пермские межъязыковые контакты, их отражение в лексической сфере на севернорусском фоне // *История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских языков*. Сыктывкар, 2005. С. 154–157.

ОКЗР — Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971.

ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

Попова Э.Н. Союзы и союзные средства в коми языке. Сыктывкар, 2015.

РГ – Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

СГАким – Словарь говора д. Акчим Красновишерского р-на Пермской области. Вып. I. Пермь, 1984.

СГАким – Словарь говора д. Акчим Красновишерского р-на Пермской области. Вып. II. Пермь, 1990.

СГАким – Словарь говора д. Акчим Красновишерского р-на Пермской области. Вып. VI. Пермь, 2011.

СОАН – Словарь областного архангельского наречия. М., 2009.

СПГ 2000 – Словарь пермских говоров. Вып. 1. Пермь, 2000.

СПГ 2002 – Словарь пермских говоров. Вып. 2. Пермь, 2002.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. I. Свердловск, 1964.

СРНГ 1972 – Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л., 1972.

СРНГ 1977 – Словарь русских народных говоров. Вып. 12. Л., 1977.

Языкознание. БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

**КАЧЕСТВЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ГЛАСНЫХ В КОМИ ЯЗЫКЕ
(в сопоставлении с русским языком)**

Г.В. Пунегова

Первые описания звуков речи коми языка (Sjögren 1832; Савваитов 1849; Попов 1863; Молодцов 1921, 1929; Лыткин 1929; Разманов 1930; Бубрих 1949; СКЯ; Хозяинова 1956 и др.) сделаны на основе слухового анализа путем выявления в спонтанной содержательной речи отдельных сегментных единиц и определения на слух их качества и правил употребления. Однако при таких методах исследования невозможно провести точные измерения акустических колебаний, поскольку определить на слух качество звука, в том числе и при многократном воспроизведении одного и того же отрезка звукового текста, практически невозможно. При фонетическом исследовании звукозаписи на сегодняшний день недостаточно слухового анализа, так как «вследствие развития компьютерной техники это состояние изменилось, и путь от акустического «testis unicus» к уху филолога может быть включен в работу в соответствии с текстологическими принципами» (Saprok 2001: 150). Акустический анализ звука позволяет получить представление о том, какие частоты характерны для сегментных единиц и какова их интенсивность по отношению к другим звукам.

Сегментация связной речи позволяет разделить ее на различающиеся друг от друга звуки. Это подразумевает образование определенной звуковой системы языка. В то же время «выделение отдельных звуков и оценка их как одинаковых или разных зависит от особенностей языкового строя» (Бондарко 1998: 6). В сравнительно-типологических описаниях гласных в коми и русском языках часто отмечается, что их фонетические характеристики схожи и не имеют каких-либо отличительных особенностей при их реализации, за исключением фонем /ы/ и /е/, которые качественно отличаются по признаку артикуляционного ряда. Так, в грамматике коми языка засвидетельствовано, что «гласные ы, у, о, а, и, э в своем основном

варианте на слух мало отличаются от соответствующих гласных русского языка, хотя по своему образованию коми ы носит более задний характер, чем русский литературный ы, а коми э является несколько более передним и узким, чем русский э» (СКЯ: 26). Известно, что максимально точное описание фонетических явлений невозможно без использования данных спектрального анализа. Различные артикуляции при образовании гласных или согласных обеспечивают создание акустических свойств, присущих звукам речи, поэтому при исследовании качественных характеристик сегментных единиц необходим детальный анализ и акустических свойств речи, и артикуляционных процессов. На основе изучения спектральных картин в коми речи были выявлены формантные значения F I и F II гласных звуков и уточнены их артикуляционно-акустические характеристики.

В литературном коми языке выделяют семь гласных, которые произносятся «во всех положениях отчетливо, никогда не редуцируются» (СКЯ: 27). Однако в отдельных диалектах, например, в ижемском диалекте коми языка, наравне с краткими фонемами выделяют также долгие гласные. Они противопоставляются соответствующим кратким гласным и выступают в роли смысловоразличителей (Сахарова, Сельков 1976: 8). Относительно обозначения долготы гласных и их образования имеются разные точки зрения. Одни исследователи склоняются к той версии, что первичны долгие гласные, сложившиеся в результате удлинения гласного за счет этимологического /л/, напр.: [пӯ] < [пул], [вõ] < [вõл] (Лыткин 1970: 259; Терентьев 1970: 255); другие исследователи опровергают эту точку зрения, сравнивая с аналогами других лексем, оканчивающихся на гласный в позиции открытого слога. Э. Итконен считает, что долгий гласный в словах типа [лõ] (< [лол]) является более поздним образованием, поскольку исконные гласные в позиции открытого слога краткие: [би], [ки], [ди], а удлинённые гласные перед звонкими согласными в закрытом слоге типа [кõз] ученый относит к первичным (Itkonen 1971: 13). Тем не менее записи современной речи ижемских коми свидетельствуют о непоследовательном использовании долгих и удлинённых гласных, поскольку они имеют различную долготу. Исследователи, экспериментально изучавшие долготу гласных в ижемском диалекте, связывают это явление со смысловым или эмфатическим ударением в экспрессивной речи (Игушев 1970: 56; Сахарова, Сельков 1976: 13–14). Когда выражения стилистически не равноценны, имеет место противопоставление гласных по их долготе. Причем, по утверждению Е.А. Игушева, в стилистически экспрессивной речи «гласная фонема в корне глагола перед глухим согласным произносится несколько длиннее» (Игушев 1970: 56), чем перед звонким согласным в нейтральной речи. Однако некоторые проблематичные вопросы о долготе гласных еще ждут своего исследования.

В целях определения качественно-количественных характеристик гласных в коми языке с помощью метода широкополосной спектрографии нами исследованы их формантные значения, которые характеризуют артикуляционные признаки ряда и подъема. Для эксперимента на цифровые носители была записана спонтанная речь коми (трех мужчин и трех женщин), преимущественно старшего поколения в возрасте от 53 до 67 лет. Оцифрованные записи обработаны с помощью специальной программы для фонетических исследований, произведен также анализ гласных в разноместных позициях слова в отобранных фразах. Всего проанализировано 267 случаев употребления всех гласных коми языка. Результаты эксперимента представлены в табл. 1.

Таблица 1

Формантные значения гласных в коми языке

Дикторы	Форманты гласных	Формантные значения гласных в речи дикторов						
		/и/	/е/	/ы/	/ö/	/о/	/у/	/а/
Диктор 1	F I	290	490	240	460	520	285	785
	F II	2300	2150	1190	1420	820	820	1210
Диктор 2	F I	330	560	290	510	480	305	790
	F II	2250	2200	1210	1400	905	765	1170
Среднее значение формант	F I	310	525	265	485	500	295	785
	F II	2275	2175	1200	1410	860	790	1190

Гласный /ö/. В фонетической системе коми языка имеется специфический гласный /ö/, отсутствующий в фонетической системе русского языка. Относится он к наиболее часто употребляемым гласным в спонтанной речи коми и занимает второе место в ранге всех гласных фонем коми языка, уступая гласному /а/. Коэффициент распространения гласного /ö/, выявленном при обследовании большого количества звучащих текстов в коми языке, составляет 21,55 % по отношению ко всем гласным, (для сравнения с другими гласными: /а/ – 23,37 %, /ы/ – 20,41 %, /и/ – 11,64 %, /о/ – 9,78 %, /у/ – 7,03 %, /е/ – 6,22 %). Формантные показатели исследуемого гласного сосредоточены в средних значениях первых двух частот по отношению к другим гласным коми языка. По данным всех испытуемых усредненные значения F I выражаются в цифре ≈485 Гц, F II – ≈1410 Гц. Формантные характеристики вполне согласуются с данными слухового анализа: на спектральной картине F I и F II стабильно представлены в средних значениях частотного диапазона. Причем область затемнения формант гласного выражена достаточно равномерно. Область частотных значений на сонограммах гласного

/ö/ зафиксирована на уровне 440–590 Гц первой форманты и 1250–1450 Гц второй форманты. Таким образом, исходя из формантных показателей, анализируемый звук условно следует отнести к «нейтральным» гласным, а в артикуляционном плане охарактеризовать его как фонему, занимающую в артикуляционном пространстве положение среднего ряда и среднего подъема.

Гласный /и/. Формантная структура гласного /и/ отличается от F-картины гласного /ö/ более высоким расположением второй форманты (для гласного /и/ соответствуют средние формантные значения равные ≈ 2275 Гц, для гласного /ö/ – ≈ 1410 Гц) и более низким расположением первой (для гласного /и/ – ≈ 310 Гц, для гласного /ö/ – ≈ 485 Гц). Частота второй форманты гласного /и/ характеризуется наибольшим значением не только в сравнении с «нейтральным» гласным, но и в сравнении со всеми другими гласными. Гласному /е/ также свойственно высокое расположение формант, однако от гласного /и/ он отличается незначительным понижением формантного значения. Тем не менее высокие показатели F II данных гласных являются свидетельством того, что фонемы относятся к переднерядному образованию. Для первой форманты гласного /и/ характерно понижение частотного значения, что говорит о его закрытости. Частотные значения формант сосредоточены в спектральной картине (здесь данные акустических параметров приведены в среднем значении формант по всем информантам) на уровне ≈ 310 Гц (F I) и ≈ 2275 Гц (F II). Сдвинутость второй форманты в верхнюю часть спектральной картины гласного в артикуляционной интерпретации говорит о его переднерядном образовании, локализация F I в низких частотах спектра указывает на узкий характер гласного, т.е. при произношении гласного /и/ язык располагается в верхней части ротовой полости, тем самым создавая узкий проход для воздушной струи. Формантные значения гласного /и/ на спектральных картинах коми дикторов сосредоточены на уровне 290 Гц (для Дикт. 1) и на уровне 330 Гц (для Дикт. 2) – первой форманты, и 2050 Гц (для Дикт. 1) и 2290 Гц (для Дикт. 2) – второй форманты. Следует отметить, что качественные характеристики гласных могут указывать на индивидуальные различия в речи дикторов. В целом, однако, они не представляют достаточно широкий диапазон в частотных значениях, а смещение формант, по мнению В.И. Кузнецова, может быть связано со свойствами артикуляционного аппарата и голосового источника (Кузнецов 1997: 107). Таким образом, расположение формант на F-картине, которым свойственны высокие значения F II и низкие значения F I, характеризуют гласный /и/ высокого подъема и переднего ряда образования.

Гласный /е/. F-картина гласного /е/ отличается от спектральных картин «нейтрального» гласного /ö/ более высокими значениями второй форманты (средние показатели F II гласного /е/ составляют ≈ 2175 Гц, гласного /ö/ –

≈1410 Гц). Области затемнения первых формант гласных /e/ и /ö/ практически схожи, они сконцентрированы примерно на одном и том же уровне ≈450–590 Гц. Расположение формант на уровне средних частотных значений по F I данных гласных говорит о положении языка в средней части ротовой полости, характеризуется более широким проходом для воздушной струи в полости рта. Однако различные значения второй форманты гласных /e/ и /ö/ дают основание противопоставить их по ряду. Из эксперимента видно, что для гласного /e/ характерны отчетливые полосы затемнения на участке 490 Гц (Дикт. 1), 560 Гц (Дикт. 2) – первой форманты и на уровне 2150 Гц (Дикт. 1), 2200 Гц (Дикт. 2) – второй форманты. Формантные значения гласных представляют вполне четкую картину, не имеют больших расхождений по значениям частот дикторов. Это свидетельство того, что в артикуляционном отношении гласный /e/ можно отнести к фонемам переднего ряда, среднего подъема.

Любопытно, что частоты второй форманты гласного /e/ в речи ижемских коми представлены достаточно широко, от низких показателей (что не характерно для гласного в литературном языке) до высоких частот F II в спектре. Сравнительный анализ экспериментальных данных гласного /e/ в литературном языке и в ижемском диалекте коми языка свидетельствует о том, что акустические показатели анализируемого гласного отличаются расположением второй форманты в спектре. Для сравнения: в литературном языке частотность второй форманты сосредоточена на уровне ≈2120–2250 Гц (об этом также см.: Пунегова 2001), в ижемском диалекте на уровне ≈1970–2080 Гц. Низкое значение частот второй форманты гласного в речи ижемских коми, характеризующееся сдвинутостью по ряду назад (на ≈150–170 Гц), может указывать на его «открытый» характер. Кроме того, частотные характеристики первой форманты гласного /e/ выше среднего значения и могут быть отнесены к средне-высокому показателю F I, который характеризует гласный /e/ как фонему средне-низкого подъема. В свою очередь исследователями коми языка было выявлено, что исторически открытый вариант гласного /e/ в ижемском диалекте образован от общепермского переднерядного открытого гласного [V]. Этот гласный развился из финно-угорского [*ä], о чем в своих трудах писали Э. Итконен (Itkonen 1954: 304) и В.И. Лыткин (Лыткин 1964: 236). Экспериментально изученный материал показал, что широкое распределение низких частот второй форманты и высоких частот первой форманты объясняется разновидностью реализаций гласного /e/, большим количеством его аллофонов, которые в меньшей или большей степени зависят от окружающих звуков (об этом см.: Канева 2003). На спектральных картинах экспериментального анализа выявлено, что самая низкая частота второй форманты гласного /e/ зафиксирована на участке гласных в сочетаниях с предшествующими твердыми согласными,

напр.: после губных согласных: [понмVн], [кыпVдны], [санVэVй], после переднеязычных согласных: [витVд], [дедV], [ворсVдны], после заднеязычных согласных: [д'икVj], [з'иэVдны] и др.

Гласный /ы/. Относительно средних значений формант «нейтрального» гласного /ө/ спектральная картина гласного /ы/ отличается низким показателем частоты первой форманты (полосы затемнения концентрируются на уровне $\approx 230\text{--}315$ Гц) и средне-низким значением частотных показателей F II (на спектре полосы затемнения локализуются на уровне $\approx 1110\text{--}1400$ Гц). Таким образом, акустические данные гласного /ы/ по своей формантной структуре максимально приближены к акустическим значениям гласного /у/, вне зависимости от его изолированного положения или расположенного в соседстве с согласными разного места образования. Однако его F II локализуется в более низких частотах спектра, чем у гласного /ы/ (ср.: среднее значение гласного /у/ составляет 790 Гц; формантные значения гласного /ы/ составляют 1200 Гц). Формантные показатели F II гласного /ы/ в артикуляционном плане указывают на расположение гласного между средним и задним рядом образования, поскольку, если исходить из данных второй форманты «нейтрального» гласного, то формантные частоты гласного /ы/ занимают более низкое положение в спектральных картинах. Для сравнения: в речи Дикт. 1 вторая форманта гласного /ы/ составляет 1190 Гц, а гласного /ө/ – 1420 Гц; в речи Дикт. 2 вторая форманта гласного /ы/ концентрируется на уровне 1210 Гц, а гласный /ө/ – на уровне 1400 Гц. Расположение частотных значений второй форманты исследуемого гласного по отношению к другим гласным дает основание охарактеризовать его артикуляционный ряд как средний, несколько сдвинутый назад по сравнению с качеством образования гласного /ө/. Из гласных /ы/, /и/, /у/, для которых характерна низкая частота первой форманты, гласный /ы/ отличается еще более низким расположением F I, чем у остальных гласных (для Дикт. 1 характерно 240 Гц, для Дикт. 2 – 290 Гц), и в артикуляционном плане считается выше по подъему. Акустические характеристики гласного /ы/ (в частности, по расположению второй форманты в спектральных картинах) дают основание классифицировать фонему как гласный высокого подъема, среднего ряда образования, продвинутый назад, поскольку данному звуку свойственна средне-низкая локализация первой форманты и низкая локализация второй форманты.

Гласный /о/. Для гласного /о/ характерны формантные значения, сосредоточенные на уровне 520 Гц (Дикт. 1) и 480 Гц (Дикт. 2) первой форманты и на уровне 820 Гц (Дикт. 1) и 905 Гц (Дикт. 2) второй форманты. Средние значения частотных показателей F I – F II **обоих дикторов** свидетельствуют о среднем частотном значении F I и низкой частоте F II. Локализация полос затемнения первой форманты на спектре гласного, зафиксированная

в средних значениях частоты, констатирует о схожих артикуляционных признаках подъема с «нейтральным» гласным. Однако в отличие от гласного /*ö*/, первая форманта которого также локализуется в средних значениях частот, полосы затемнения на F-картине гласного /*o*/ локализируются в более высоких частотах (F I – $\approx 475\text{--}610$ Гц). На этом же уровне отмечаются и частоты гласного /*e*/, первая форманта которого распределяется на значениях $\approx 475\text{--}595$ Гц. Относительно гласного /*ö*/ диапазон отличительных значений F I как гласного /*o*/, так и гласного /*e*/ абсолютно незначительный (ср.: для гласного /*ö*/ F I составляет $\approx 440\text{--}590$ Гц). Уровень второй форманты гласного /*o*/ (F II составляет $\approx 780\text{--}920$ Гц) мало отличается от значений формант гласного /*y*/, на сонограмме полосы затемнения F II расположены на уровне $\approx 710\text{--}910$ Гц. В отличие от всех остальных гласных им свойственна наименьшая частота F II, что характерно для гласных заднего ряда образования. Таким образом, гласный /*o*/ локализуется на одном уровне с гласным /*ö*/ (по F I, характеризующей движение языка по вертикали) и на одном уровне с гласным /*y*/ (по F II, характеризующей движение языка по горизонтали). Значения формант гласного /*o*/, зафиксированные с низкой частотой F II и средней частотой F I характеризуют фонему как гласный среднего подъема по степени подъема тела языка и как гласный заднего ряда образования по степени движения языка вперед или назад.

Гласный /y/. Все формантные значения данного гласного характеризуются самой низкой частотой. Полосы затемнения на спектре гласного /*y*/ локализируются на уровне $\approx 255\text{--}325$ Гц – первой форманты и $\approx 820\text{--}765$ Гц – второй форманты, что в свою очередь характеризует звук как гласный верхнего подъема и заднего ряда образования. Низкие частотные показатели F I (ср.: Дикт. 1 – 285 Гц., Дикт. 2 – 305 Гц; среднее значение F I гласного /*y*/ по всем испытуемым составляет около 295 Гц) обеспечивают восприятие гласного как максимально закрытого. Низкая частота второй форманты (ср.: Дикт. 1 – 820 Гц, Дикт. 2 – 765 Гц; среднее значение F II гласного /*y*/ по всем дикторам составляет около 800 Гц) классифицирует гласный как фонему заднерядного образования. Характерные по первой форманте наименьшие частотные показатели для гласного /*y*/, как и для гласных /*ы*/ и /*и*/, – свидетельство того, что данные гласные верхнего подъема, а закрытость является одним из основных признаков противопоставления их полуоткрытым или открытым гласным. Формантные значения, характеризующие степень закрытости гласных, показывают, что гласный /*y*/, в отличие от гласных верхнего подъема /*и*/ (с наибольшей частотой F I – ≈ 310 Гц) и /*ы*/ (с наименьшей частотой F I – ≈ 265 Гц), занимает средние значения частот (F I – ≈ 295 Гц) по отношению ко всем «закрытым» гласным. Показание второй форманты гласного /*y*/ схожи с формантными значениями F II гласного /*o*/. Однако диапазон распространения частотных показателей

гласных отличается: гласный /y/ на плоскости представлен немного шире (F II – $\approx 710\text{--}910$ Гц), чем гласный /o/ (F II – $\approx 780\text{--}920$ Гц). Тем не менее сходные формантные значения F II характеризуют гласные как фонемы заднего ряда образования. Таким образом, формантное расположение на F-картине гласного /y/ со свойственными ему низкочастотными значениями первой и второй форманты характеризует его как гласный высокого подъема, заднего ряда образования.

Гласный /a/. По расположению формант гласному /a/ свойственно средне-низкое значение F II, на спектральной картине локализующееся на уровне $\approx 1165\text{--}1260$ Гц и наибольшее частотное значение F I – $\approx 735\text{--}825$ Гц (не имеющих такие высокие частотные показатели ни у одного из других гласных). По акустической теории речеобразования известно, что форманта F I характеризует звук по признаку открытости-закрытости: чем выше частота F I, тем гласный считается более открытым и наоборот (Бондарко 1974; 1977; 1981; 1998, Кузнецов 1997 и др.). Показатели второй форманты гласного /a/ на спектральных картинах сосредоточены практически на одном и том же уровне формант гласных /ы/ и /ö/. Однако диапазон распространения гласного /ы/ в отличие от звуков /ö/ и /a/ шире (сравните соотношение гласных /ы/, /ö/, /a/ по величине их распространения на плоскости: 290: 80: 110). Данные свидетельствуют о том, что для гласного /ö/ характерна компактная локализация, для гласного /a/ – более широкая локализация с концентрацией в низких частотных значениях (1165–1275 Гц – для гласного /a/; 1215–1300 Гц – для гласного /ö/), а для гласного /ы/ самая широкая (ср.: распространение F II гласного /ы/ составляет 1110–1400 Гц). Любопытно, что гласный /ы/ занимает менее низкие частотные значения в отличие от /a/ (1110–1400 Гц для /ы/, 1165–1260 Гц для /a/) и более высокие в отличие от /ö/ (1250–1450 Гц для /ы/, 1300 > Гц для /ö/), что говорит о широком поле его распространения в формантной плоскости. В отличие от гласного /ы/ диапазон распространения в плоскости гласного /a/ в два раза уже. Средние значения второй форманты гласных (/ы/ – ≈ 1200 Гц; /ö/ – ≈ 1410 Гц; /a/ – ≈ 1190 Гц) позволяют точнее определить их артикуляционные характеристики. Локализация в более высоких или в более низких частотных показателях выявляет особенность продвинутости гласного по ряду. Относительно гласного /ö/, занимающего формантное значение в абсолютно среднем положении на артикуляционной плоскости, гласные /ы/ и /a/ отличаются более низким частотным значением, при их образовании язык продвигается в средне-заднее положение. Таким образом, акустические данные дают основание отнести фонему /a/ в коми языке к гласным нижнего подъема (F I свидетельствует о ее открытом характере) и среднего ряда образования, артикуляционно продвинутого назад (по средне-низкому значению второй форманты).

Таблица 2

*Артикуляционно-акустические характеристики гласных коми языка
(по данным экспериментального исследования)*

Гласные		Артикуляционный ряд гласного				
		Переднего ряда обра- зования	Среднего ряда обра- зования	Среднего ряда обра- зования, продвину- того назад	Заднего ряда обра- зования	
Артикуляционный подъем гласного	высокого подъема	/и/		/ы/	/у/	низкая F I
	среднего подъема		/ö/		/о/	средняя F I
	средне- низкого подъема	/е/				средне- высокая F I
	нижнего подъема			/а/		высокая F I
		высокая F II	средняя F II	средне- низкая F II	низкая F II	располо- жение формант

Анализ экспериментального исследования гласных в коми языке позволяет внести некоторые уточнения по их артикуляционным характеристикам. По расположению первой форманты, в артикуляционном плане отражающей движение языка в полости рта в вертикальной плоскости, гласные выстраиваются в следующей последовательности (от высокого к нижнему подъему): /ы/ (≈ 265 Гц) – /у/ (≈ 295 Гц) – /и/ (≈ 310 Гц) – /ö/ (≈ 485 Гц) – /о/ (≈ 500 Гц) – /е/ (≈ 525 Гц) – /а/ (≈ 785 Гц). По расположению второй форманты в спектре, в артикуляционном плане отражающее движение языка в ротовой полости в горизонтальной плоскости, гласные располагаются следующим образом (от переднего ряда образования к заднему ряду): /и/ (≈ 2275 Гц) – /е/ (≈ 2175 Гц) – /ö/ (≈ 1410 Гц) – /ы/ (≈ 1200 Гц) – /а/ (≈ 1190 Гц) – /о/ (≈ 860 Гц) – /у/ (≈ 790 Гц). Относительно «нейтрального» гласного формантные значения F I – F II позволяют выделить группы с высоким, средне-высоким, средним, средне-низким и низким расположением формант на спектре. Такое деление дает основание для более точного определения артикуляционного ряда и подъема гласного (табл. 2). Низкая частота F I (высокий подъем) характерна для гласных /и/, /ы/ и /у/; средняя частота F I (средний подъем) зафиксирована на спектральных картинах гласных /ö/ и /о/; средне-высокая частота F I (средне-низкого

подъема) свойственна гласному /e/ и высокая частота F I (нижнего подъема) – гласному /a/. Низкая частота F II (заднего ряда образования) выявлена на спектрах гласных /y/ и /o/; средне-низкая частота F II (среднего ряда образования, продвинутого назад) характерна для гласных /ы/ и /а/; средняя частота F II (среднего ряда образования) – для гласного /ö/, а высокая частота F II (переднего ряда образования) зафиксирована на F-картинах гласных /и/ и /е/.

Акустические характеристики эталонных гласных в русском языке представлены в контексте уже имеющихся в научной литературе данных. Так, в табл. 3 приведены формантные значения изолированно произнесенных гласных в речи двух дикторов (диктор 1 – мужской голос, диктор 2 – женский голос), детально изученных слуховым и акустическим методом и описанных в исследовании В.И. Кузнецова (Кузнецов 1997).

Таблица 3

**Формантные значения гласных в русском языке
(по данным В.И. Кузнецова, 1997)**

Дикторы	Форманты гласных	Формантные значения гласных в речи дикторов					
		/и/	/е/	/ы/	/о/	/у/	/а/
Диктор 1	F I	300	400	330	400	300	800
	F II	2250	2000	1450	700	600	1200
Диктор 2	F I	430	500	450	500	230	800
	F II	2700	2250	1600	800	450	1270
Среднее значение формант	F I	365	450	390	450	265	800
	F II	2475	2125	1525	750	525	1235

Среднее значение формант гласных позволяет выделить их реализации на плоскости поля. В целом, говоря о реализации гласных в речи коми, необходимо отметить, что визуально артикуляционная картина от картины областей формантных значений литературного русского языка отличается незначительно, за исключением гласного /ы/, /е/ и отчасти гласного /а/. Расположение формант у гласного /ы/ в коми языке концентрируется в более низких частотах F I (≈ 265 Гц), чем в русском языке ($F I \approx 390$ Гц). Расположение второй форманты гласного /ы/ в анализируемых языках отличается намного значительнее первой. Если в русском языке средние значения частот первой форманты локализуются на уровне ≈ 1525 Гц, то в коми языке вторая форманта гласного /ы/ концентрируется на уровне ≈ 1200 Гц. Низкие значения форманты, наблюдающиеся в F картине, акустически выражаются сдвигом гласных по ряду назад и говорят о более заднем образовании гласного в коми языке. Такую же картину можно наблюдать и на спектре гласного /а/ в коми и русском языках, где границы полос затемнения второй форманты также отличаются. Относительно частот гласного /а/ русского языка, в коми языке

гласный /а/ характеризуется более низкими значениями частот (≈ 1100 – 1400 Гц), в русском языке F II гласного /а/ составляет ≈ 1050 – 1640 Гц. Качественно-количественные характеристики гласного /е/ в исследуемых языках имеют расхождения по первой форманте. Частотные значения F I гласного в коми языке отличаются более высокими показателями (≈ 525 Гц), чем в русском языке (≈ 450 Гц), поэтому на артикуляционной плоскости гласный размещается ниже относительно среднего подъема и относится к средне-низкому подъему. Частотные значения остальных гласных мало отличаются, диапазон незначительных расхождений в частотах не дает основания характеризовать их иначе. Однако, несмотря на то, что артикуляционно-акустические характеристики гласных фонем в коми и русском языке мало отличаются в изолированном произнесении основных фонем, в речи наблюдаются выраженные, заметные отличия. Они характеризуются способностью иметь или не иметь варианты или аллофоны фонем. Следовательно, при реализации гласных в коми и русском языках обнаруживается лишь частичное фонетическое сходство.

Литература и источники

Бараксанов Г.Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964.

Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

Бондарко Л.В. Акустические характеристики речи // Слух и речь в норме и патологии. Л., 1974. Вып. 1. С. 11–12.

Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.

Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.

Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. СПб., 1991.

Бубрих Д.В. Фонетика // Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949. С. 5–13.

Буладин Л.Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970.

Вахрушев В.М., Денисов В.Н. Современный удмуртский язык. Фонетика, графика и орфография, орфоэпия. Ижевск, 1992.

Воронцов П.И. Вокализм удмуртских диалектов (в экспериментальном освещении): дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1999.

Воронцов П.И. О вокализме шошминского диалекта удмуртского языка (по данным формантного анализа) // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 1999. С. 50–55.

Воронцов П.И. О качестве гласных срединных говоров удмуртского языка (в свете экспериментальных данных) // Пермистика 8: Диалекты и

история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001. С. 68–75.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. 2-е изд., доп. М., 1979.

Игушев Е.А. Экспериментальные данные по долготе гласных ижемского диалекта // Советское финно-угроведение. 1972. № 1. С. 55–57.

Игушев Е.А. Сопоставительная грамматика русского и коми языков. Сыктывкар, 1988.

Игушев Е.А. Коми диалектология: Студентъяслы велӧдчан пособие. Сыктывкар, 1996.

Канева С.А., Пунегова Г.В. Аллофонное варьирование звука /e/ в ижемском диалекте коми языка (на материале экспериментального анализа фонетически представительного текста) // Символ в системе культуры: проблемы интерпретации текста. Сыктывкар, 2003. С. 119–121.

Карманова А.Н. Коми кывлӧн фонетика. Сыктывкар, 1989.

Кузнецов Б.И. Вокализм связной речи: экспериментальное исследование на материале русского языка. СПб., 1997.

Куркина Г.Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000.

Лыткин В.И. Материалы по коми грамматике (обоих наречий). Ч. I, II. М., 1929.

Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964.

Лыткин В.И. Несколько слов о вокализме ижемского диалекта коми языка // СФУ. 1970. № 4. С. 259–261.

Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.

Молодцов В. Коми грамматика туй пискӧдысь. Сыктывдін кар, 1921.

Молодцов В.А. Фонетика зырянского диалекта языка коми. М., 1929.

Попов Н.П. Учебникъ зырянскаго языка или практическое руководство для зырянъ легчайшему изученію русскаго языка. СПб., 1863.

Пунегова Г.В. Некоторые характеристики полей реализации сегментных единиц в коми языке (в сопоставлении с русским языком) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9. Филология. 2001. Вып. 4. С. 161–167.

Разманов И.И. Коми кыв: ыджыд школаясын велӧдан отсӧг. Сыктывкар, 1930.

Савваитов П.И. Грамматика зырянского языка. СПб., 1849.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

СКЯ – Современный коми язык. Ч. 1. Фонетика. Лексика. Морфология. Сыктывкар, 1955.

Терентьев В.А. О долготах гласных и согласных в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Советское финно-угроведение. 1970. № 4. С. 255–257.

Sappok Christian. Русские диалекты и критическое издание звуковых записей // 100 лет экспериментальной фонетике в России. СПб., 2001. С. 149–151.

Хозяинова Э.Е. Фонетическая система коми языка // Родной и русский языки в школах народов финно-угорской группы. М., 1956. С. 118–146.

Широкова А.В. Сравнительная типология разноструктурных языков (фонетика, морфология). М., 2000.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. XXXI. H. 3. Helsinki, 1953–1954. S. 149–361.

Itkonen E. Spuren der Quantitätskorrelation der Vokale im Syrjänischen // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 71. Helsinki, 1971. S. 13.

Savela Janne. Tutkimus komisyräänin ja suomen vokaalifoneemien rakenteesta // Sananjalka. 41. Turku, 1999. S. 167–176.

Sjögren A.J. Über den grammatischen Bau der sürjänischen Sprache mit Rücksicht auf das Finnische // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg. 6. Série. Tome I. Saint-Petersbourg, 1832. S. 149–169.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

А.Н. Ракин

Работа посвящена структурно-словообразовательному анализу метеорологической лексики удмуртского языка. Исследование материала, собранного нами из различных источников, а также выявленного в результате устного опроса некоторых носителей удмуртского языка, позволяет разграничивать три структурных типа метеорологических обозначений: 1) однословные (непроизводные и производные) названия, 2) двучленные композиты, или сложные слова, 3) составные конструкции.

1. Однословные непроизводные обозначения, состоящие только из корневой морфемы и не имеющие других морфологических элементов, содержатся во всех пяти микросистемах исследуемой лексики.

1. В группе общесистемных обозначений данную структуру имеют два слова: *куазь* 'климат; погода', *амыр* 'воздух'.

2. В составе обозначений состояния атмосферы непроизводными являются восемь номинативных единиц: *жөк* 'душно', *кот* 'сыро, влажно', *кӧс* 'сухо', *нюр* 'сыро, влажно', *пӧсь* 'жарко', *сэзь* 'ясно, безоблачно', *ыль* 'сыро', *юз* 'прохладно, свежо'.

3. В группе обозначений атмосферных явлений непроизводным является лишь одно слово: *пилем* 'облако; туча'.

4. Непроизводные названия осадков: *гӧр* 'иней', *зиро* 'иней; крупа', *зор* 'дождь', *йӧ* 'град', *курт* 'сугроб', *кым* 'иней', *лымы* 'снег', *сулеп* 'слякоть', *юж* 'наст'.

5. В группе названий ветров непроизводными являются два метеонима: *гӧп* 'буран; пурга', *тӧл* 'ветер'.

Всего в системе метеорологической лексики удмуртского языка непроизводную структуру имеют 22 обозначения. Подавляющее большинство из них является однословными древними словами, возникшими в допермскую и общепермскую эпохи.

К примеру, *gör* 'иней' < ур. **kura* 'иней, мелкий снег' (Rédei 1988: 215), *ыль* 'сыро' < ф.-у. **el* 'з' 'сырой, мокрый' (Rédei 1988: 73), *пилем* 'облако, туча' < ф.-у. **pilwe* 'облако; туча' (Rédei 1988: 381), *йö* 'град' < ф.-у. **jänge* 'лёд' (Rédei 1988: 93), *кöс* 'сухо' < ф.-п. **koksз* 'сухой' (Rédei 1988: 670), *пöсь* 'жарко' < ф.-п. **pos* 'з' 'горячий; жара' (Rédei 1988: 230), *лымы* 'снег' < ф.-п. **lume* 'снег' (Rédei 1988: 253), *юж* 'наст' < ф.-п. **jačз* 'твёрдый снежный покров' (Rédei 1988: 630), *тöл* 'ветер' < ф.-п. **tule* 'ветер' (Rédei 1988: 800) *кот* 'сыро, влажно' < общеп. **köt* 'мокрый, сырой' (КЭСК: 143), *зор* 'дождь' < общеп. **zer* (КЭСК: 108), *сэзь* 'ясно, безоблачно' < общеп. **sež* или **sзž* (КЭСК: 271), *юз* 'прохладно, свежо' < общеп. **juz-* 'прохладно, свежо' (КЭСК: 336). Часть производных слов представляет собой поздние образования, не имеющие генетические метеономимические соответствия в других родственных языках, напр., *куазь* 'погода', ср. кз. *поводдя* 'погода' (КРК: 507), *омыр* 'воздух', ср. кз. *сынöд* 'воздух' (КРК: 623), *жсок* 'душно', ср. кз. *жар* 'душно' (РКС: 215), *курт* 'сугроб', кз. *тола* 'сугроб' (КРК: 644), *гöп* 'пурга', кз. *турöб* 'пурга' (РКС: 790) и т.д.

Однословные производные метеономимы, имеющие в своем составе не только корневую, но и другие морфемы, в разных количествах содержатся в четырех микросистемах метеорологической лексики удмуртского языка. В группе общесистемных обозначений они отсутствуют. Все без исключения производные обозначения являются суффиксальными образованиями.

1. Обозначения состояния атмосферы: *жсак* 'душно', *зоро* 'дождливо', *кезьыт* 'холодно', *пилемтэм* 'ясно', *сайкыт* 'прохладно, свежо', *тöло* 'ветрено', *тöлтэм* 'безветренно', *шундыё* 'солнечно', *шуныт* 'тепло', *ыльыс* 'сыро, влажно', *ыркыт* 'прохладно, свежо', *юзмыт* 'прохладно, свежо' и т.д.

2. Названия атмосферных явлений: *ворекъям* 'марево', *ворекъян* 'зарница', *гудыри* 'гром'; *жсомыт* 'сумерки', *жардон* 'заря', *пилемолык* 'облачность', *чилекъяськон* 'гроза', *йашьем* 'молния' и т.д.

3. Названия осадков: *букос* 'сугроб', *гöртэм* 'иней; изморозь', *кудыри* 'морось', *кынтылон* 'заморозки', *лымыян* 'снегопад', *пужмер* 'иней', *сульпаськон* 'слякоть' и т.д.

4. Названия ветров: *жобан* 'метель', *кужмо* 'шквал', *пельскем* 'вьюга; метель', *пельяськон* 'вьюга; метель', *поръям* 'вихрь', *тöлскон* 'дуновение ветра' и т.д.

Часть рассмотренных выше примеров по своему происхождению является древними словами, имевшими производную структуру уже в праязыке: *кезьыт* 'холодно, морозно' < общеп. **kзžit* (КЭСК: 139), *сайкыт* 'прохладно' < общеп. **sajkīt* (КЭСК: 258), *шуныт* 'тепло' < общеп. **šonit* (КЭСК: 322), *ыркыт* 'прохладно' < общеп. **ürkīt* (КЭСК: 329); *жсомыт* 'сумерки' < общеп. **rómit* (КЭСК: 244).

В составе производных метеорологических обозначений в зависимости от частеречной принадлежности производящей основы можно выделить отыменные и отглагольные образования.

Отыменными метеонимами, образованными от имен существительных, являются следующие названия: *зоро* ‘дождливо’ (от *зор* ‘дождь’), *кизилиё* ‘звездно’ (от *кизили* ‘звезда’), *кужмо* ‘шквал’ (от *кужым* ‘сила’), *лымыё* ‘снежно’ (от *лымы* ‘снег’), *пилемтэм* ‘ясно’ (от *пилем* ‘облако; туча’), *пильмо* ‘пасмурно, облачно’ (от *пилем* ‘облако; туча’), *тёло* ‘ветрено’ (от *тёл* ‘ветер’), *тёлтэм* ‘безветренно’ (от *тёл* ‘ветер’), *толэзё* ‘лунно’ (от *тёлэзё* ‘луна’), *шундыё* ‘солнечно’ (от *шунды* ‘солнце’) и т.д.

К числу метеонимов, образованных от глагольных основ, относятся названия: *ворекъян* ‘зарница; зарево’ (от *ворекъяны* ‘переливаться, сиять’), *гыдыръян* ‘гроза; гром’ (от *гудыръяны* ‘гремять, грохотать’), *жардон* ‘заря’ (от *жардыны* ‘рассветать, светать’), *чилектэм* ‘молния’ (от *чилектыны* ‘блеснуть, сверкнуть’), *гёртэм* ‘иней; изморозь’ (от *гёртыны* ‘заиндеветь, покрыться инеем’), *кынтылон* ‘заморозки’ (от *кынтылыны* ‘подмораживать’), *лымыян* ‘снегопад’ (от *лымыяны* ‘идти, падать снегу’), *сульпаськон* ‘слякоть’ (от *сульпаськыны* ‘идти дождю со снегом’), *жобаськем* ‘метель; пурга; вьюга’ (от *жобаськыны* ‘подняться метели, пурге, вьюге’), *пельскон* ‘метель; вьюга; пурга’ (от *пельскыны* ‘мести, вьюжить’), *поръям* ‘вихрь’ (от *поръяны* ‘кружить, виться’) и т.д.

Следует отметить, что у некоторых производных метеонимов корневая морфема является связанной, т.е. самостоятельно без соответствующего суффикса не употребляется (*ворекъян* ‘зарница’, *жёмал* ‘сумерки’, *жардон* ‘заря’, *чаишөм* ‘молния’, *кудыри* ‘морось’). В таких случаях морфологическое членение производится с опорой на подобные образования с другими суффиксами или же на аналогичные суффиксы в словах со свободной корневой морфемой, ср. *ворекъям* ‘марево’, *жёмыт* ‘сумерки’, *гудыри* ‘гром’, *гудыръян* ‘гроза’, *кынтылон* ‘заморозки’, *пельскем* ‘вьюга; метель; пурга’.

Система словообразовательных морфем метеорологической лексики удмуртского языка состоит из 15 суффиксов: *-о* (*-ё*), *-он*, *-ыт*, *-эм* (*-ем*), *-ан* (*-ян*), *-ям*, *-тэм*, *-и*, *-ак*, *-ал*, *-ер*, *-лык*, *-мыт*, *-ос*, *-ыс*. С помощью перечисленных формантов образовано 46 производных метеонимов. В различных микросистемах метеорологической лексики исследуемого языка состав суффиксов и количество производных названий различны. Так, в группе обозначений состояния атмосферы 17 производных метеонимов, образованных шестью видами суффиксов (*-о* (*-ё*), *-ыт*, *-тэм*, *-ак*, *-ыс*, *-мыт*). К группе обозначений атмосферных явлений относится 14 примеров с восемью видами суффиксов (*-эм*, *-ян*, *-ям*, *-он*, *-и*, *-ал*, *-ыт*, *-лык*). В группе названий осадков семь производных слов с шестью видами суффиксов (*-он*, *-ос*, *-эм*, *-и*, *-ян*, *-ер*). Группа названий ветров состоит из восьми производ-

ных слов, в которых содержится пять видов суффиксов (-он, -ем, -ан, -о, -ям). В группе общесистемных обозначений нет ни одного производного метеонима, здесь все несоставные названия являются безсуффиксальными словами.

Рассмотрим перечисленные выше суффиксы в составе производных метеонимов по отдельности, начиная от наибольшего количества образований с соответствующим формантом и завершая единичными примерами.

-о (ё). Группа производных названий с данным суффиксом состоит из восьми метеонимов, относящихся к двум микросистемам: 1) обозначения состояния атмосферы: *зоро* 'дождливо', *кизилиё* 'звездно', *лымыё* 'снежно', *пильмо* 'пасмурно, облачно', *тёло* 'ветрено', *толзё* 'лунно', *шундыё* 'солнечно'; 2) названия ветров: *кужмо* 'шквал'.

Данная морфема является продуктивным суффиксом удмуртского языка (см.: ГСУЯ 1962: 142), унаследована из общепермского праязыка (Серебренников 1963: 174) и имеет соответствия в других близкородственных языках, ср. кз. *зэра* 'дождливо' (КРК: 237), *лымья* 'снежно' (КРК: 370), кп. *зэра* 'дождливо' (КПРС: 152), *лымья* 'снежно' (КПРС: 233) и т.д.

-он. Группа производных метеонимов с этим суффиксом состоит из семи слов, относящихся к трем микросистемам: 1) обозначения атмосферных явлений: *жардон* 'заря', *чилекъяськон* 'гроза'; 2) названия осадков: *кынтылон* 'заморозки', *сульпаськон* 'слякоть'; 3) названия ветров: *пельскон* 'метель; вьюга; пурга', *пелляськон* 'вьюга; метель', *тёлскон* 'дуновение ветра'.

Удмуртской морфеме -он в других пермских языках соответствует суффикс -ан, ср. кп. *вирдалан* 'молния' (КПРС: 75). В системе метеонимов коми-зырянского языка морфема не употребляется.

Финно-угроведы считают -он, -ан по составу сложной морфемой, состоящей из посессивного суффикса о (а) и элемента -н, восходящего к прауральскому суффиксу отглагольных имен существительных *-n (Серебренников 1963: 154).

-ыт. Группа производных названий с данным суффиксом состоит из шести метеонимов, относящихся к двум микросистемам: 1) обозначения состояния атмосферы: *жокыт* 'душно', *кезьыт* 'холодно, морозно', *сайкыт* 'прохладно, свежо', *шуныт* 'тепло', *ыркыт* 'прохладно, свежо'; 2) обозначения атмосферных явлений: *жамыт* 'сумерки'.

Суффиксу -ыт соответствует кз. -ыд: *кӧдзыд* 'холодно, морозно' (КРК: 301), *шоныд* 'тепло' (КРК: 741), *ыркыд* 'прохладно, свежо' (КРК: 763) и кп. -ыт: *кӧдзыт* 'холодно, морозно' (КПРС: 191), *сайкыт* 'прохладно' (КПРС: 416), *шоныт* 'тепло' (КПРС: 565). Оба варианта (-ыт, -ыд) входят к прап. *-it (Серебренников 1963: 166; КЭСК: 329).

-эм (-ем). Шесть метеонимов с данным суффиксом относятся к трем микросистемам: 1) обозначения атмосферных явлений: *воректэм* 'зарница',

чилектэм ‘молния’, *чаишем* ‘молния’; 2) названия осадков: *гөртэм* ‘иней; изморозь’; 3) названия ветров: *жобаськем* ‘метель; пурга; вьюга’, *пельскем* ‘вьюга, метель; пурга’.

Вместо удмуртского суффикса в коми языках употребляется *-ӧм*: кз. *востымасьӧм* ‘сполохи’ (КРК: 115), *чардыштӧм* ‘молния’ (КРК: 696), *лымъялӧм* ‘снегопад’ (КРК: 370), *лӧкалӧм* ‘пурга’ (КРК: 350), кп. *кымрасьӧм* ‘облачность’, *лымъялӧм* ‘снегопад’ (КПРС: 233), *нӧбӧтӧм* ‘вьюга’ (КПРС: 278).

Данные пермские морфемы сопоставляются с генетическими примерами дальнеродственных языков (финского, саамского, эрзянского, марийского, венгерского, ненецкого) и возводятся к прауральскому суффиксу отглагольных имен существительных *-t* (Серебренников 1963: 153–154).

-ан (-ян). Пять метеонимов с данным суффиксом относятся к двум микросистемам: 1) обозначения атмосферных явлений: *ворекъян* ‘зарница’, *гудырьян* ‘гроза’, *чилекъян* ‘гроза’; 2) названия осадков: *жобан* ‘метель’, *лымыян* ‘снегопад’.

В грамматиках удмуртского языка данная морфема не выделяется и не рассматривается, соответствия в составе метеонимов других пермских языков отсутствуют.

-ям. Содержится в трех метеонимах, относящихся к двум микросистемам: 1) обозначения атмосферных явлений: *ворекъям* ‘марево’, *чилекъям* ‘зарница’; 2) названия ветров: *поръям* ‘вихрь’.

В грамматиках удмуртского языка данная морфема не выделяется и не рассматривается, соответствия в других пермских языках не имеются.

-тэм. Два примера в составе обозначений состояния атмосферы: *пилемтэм* ‘ясно’, *тӧлтэм* ‘безветренно’. Древний адъективный суффикс *-тэм* обладает значением отрицания какого-либо качества или отсутствия того или иного признака, имеет соответствия как в близкородственных (кз. кп. *-тӧм*), так и в дальнеродственных языках (саамском, финском, марийском, мордовских и обско-угорских) (Серебренников 1963: 180).

-и. В составе двух примеров в двух микросистемах: 1) обозначения атмосферных явлений: *гудыри* ‘гром’; 2) названия осадков: *кудыри* ‘морось’.

В грамматиках современного удмуртского языка данная морфема не выделяется и не рассматривается, соответствия в других пермских языках отсутствуют.

-ак. Единственный пример с данной морфемой представлен в группе обозначений состояния атмосферы: *жӧкак* ‘душно’. В образовании коми-зырянских и коми-пермяцких метеонимов не участвует. В грамматиках современного удмуртского языка не выделяется и не рассматривается.

-ал. Содержится в составе одного метеонима, относящегося к группе обозначений атмосферных явлений: *жӧмал* ‘сумерки’. Синонимом данного

слова является название *жэмыт* ‘сумерки’, совпадающее с ним по семантике и корневой морфемой, но различающееся суффиксальной частью. Морфема *-ал* выделяется также в слове *юмал* ‘пресный’, в качестве соответствия приводятся коми примеры (*юмов* ‘сладкий’, *варов* ‘разговорчивый’, *винёв* ‘гибкий; живучий’) (Серебренников 1963: 171). Из числа коми метеонимов сюда относится, видимо, *бушков* ‘буря; ураган’.

-ер. Единственный пример с данной морфемой содержится в микросистеме названия осадков: *пужмер* ‘иней’. Генетическое соответствие в коми языках употребляется без суффикса: кз. *пуж*, кп. *пуж* ‘иней’. Для общепермского языка реконструируются две праформы: **puž*, **pužim* (КЭСК: 231). В грамматиках современного удмуртского языка данная морфема не выделяется и не рассматривается.

-лык. Содержится в составе одного примера, относящегося к группе обозначений атмосферных явлений: *пилемолык* ‘облачность’. Является заимствованием из татарского языка, в других пермских языках не употребляется (Серебренников 1963: 152).

-мыт. В системе метеорологической лексики удмуртского языка с помощью этого суффикса образован один пример: *юзмыт* ‘прохладно, свежо’. Для метеорологической лексики коми языков не характерен. Вероятно, собственно удмуртское морфологическое средство, состоящее из двух элементов *-м* и *-ыт*. Предполагается (Серебренников 1963: 168), что первый из них этимологически связан с глагольным суффиксом *-мы*, выражающим постепенное становление качества (напр., *гордмыны* ‘краснеть; становиться красным’, *лэльмыны* ‘порозоветь’), а второй идентичен суффиксу *-ыт* (кз. *-ыд*, кп. *-ыт*), содержащемуся в таких метеонимах, как *кезьыт* ‘холодно, морозно’, *сайкыт* ‘прохладно, свежо’, *шуныт* ‘тепло’ и т.д.

-ос. Единственный пример, образованный с помощью этой морфемы, относится к группе названий осадков: *букос* ‘сугроб’ (по-видимому, произведено от изобразительного слова *бук-бук* ‘мягкий, пушистый’). В системе метеорологической лексики коми языков не употребляется. Сопоставляется с суффиксом *-ас* коми языков и считается, что являются они по образованию сложной морфемой, состоящей из двух частей: *-о (-а)* и *-с*. Второй элемент морфемы возводится к прауральскому суффиксу **-ks* (Серебренников 1963: 155).

-ыс. Единственное образование с этим суффиксом является обозначением состояния атмосферы *ыльыс* ‘сыро, влажно’. Аналогичный пример имеется в системе метеорологической лексики коми-зырянского языка: *улис* ‘сыро, влажно’ (КРК: 685). Производящими основами для обоих производных слов являются удм. *ыль* ‘сырой, мокрый, влажный; сыро, мокро, влажно’ (УРС: 791), кз. *уль* ‘влажный’ (КРК: 686). Праформа для этих метеонимов дается в виде **ǵl'is* (КЭСК: 296). Таким образом, корневая и суффиксальная морфемы имеют прапермское происхождение.

II. В составе метеорологической лексики отдельную группу образуют так называемые композиты или сложные слова, которые представляют собой двучленные обозначения в слитном или дефисном написании и структурно отличающиеся как от однословных (непроизводных и производных) названий, так и от метеонимов, состоящих из двух и более частей и являющихся свободными словосочетаниями. Данный структурный тип объединяет 35 метеонимов.

Подавляющее большинство метеонимов данной категории в лексикографических источниках даются в слитной орфографии: *вуюись* 'радуга' (УРС: 145), *инъюгыт* 'заря' (УРС: 255), *йёзор* 'град; ледяной дождь' (УРС: 259), *лысву* 'роса' (УРС: 409), *сильпери* 'смерч; ураган' (УРС: 598) и т.д. Дефисное написание в составе метеорологической лексики имеют только два примера: *зор-кот* 'осадки' (УРС: 230), *чын-бус* 'марево; дымка' (УРС: 756).

Как и предыдущие структурные типы метеонимов, композиты характеризуются различной степенью представленности в разновидностях исследуемой лексической отрасли. Так, в группе общесистемных обозначений к композитам относится лишь один пример: *инкуазь* 'погода; климат': *ин* 'небо, небесный' + *куазь* 'погода; климат'.

К группе обозначений атмосферных явлений относится 15 композит: *инишудон* 'зарница; северное сияние': *ин* 'небо, небесный' + *шудон* 'игра', *вупукран* 'радуга': *ву* 'вода, водный' + *пукран* 'широкий, длинный шерстяной пояс; кушак', *гудырикёлы* 'шаровая молния': *гудыри* 'гром' + *кёлы* 'галька', *толэзкенер* 'лунное гало': *толэз* 'луна, лунный' + *кенер* 'изгородь; ограда' и т.д.

В группе названий осадков 13 композит: *йёкурам* 'гололёд': *йё* 'лёд, ледяной' + *курам* 'покрытие, покров', *инву* 'роса': *ин* 'небо, небесный' + *ву* 'вода', *лымызор* 'осадки': *лымы* 'снег' + *зор* 'дождь', *тёлпельтэм* 'сугроб': *тёл* 'ветер' + *пельтэм* 'занос' и т.д.

Композиты – названия ветров: *уйтёл* 'северный ветер': *уй* + *тёл* 'ветер', *ыртёл* 'свежий ветер': *ыр* + *тёл* 'ветер' и т.д.

Композиты в дефисном написании являются названиями атмосферных явлений и осадков: а) *чын-бус* 'марево; дымка', б) *зор-кот* 'осадки'.

Как свидетельствует анализируемый материал, двучленные композиты можно классифицировать не только в зависимости от их денотативного содержания, но и по другим критериям. Так, часть метеонимов данной структуры в удмуртском языке, как и, например, в коми языках, имеют в своем составе деэтимологизированный компонент, который самостоятельно не употребляется и никак не осмысливается современными носителями языка: *чынкыт* 'марево; дымка' (УРС: 756): *чын* 'дым', *бустыри* 'иней' (УРС: 756): *бус* 'туман', *сильзор* 'ливень' (УРС: 598): *зор* 'дождь', *сильтёл* 'ураган; буря' (УРС: 598): *тёл* 'ветер' и т.д. В некоторых случаях те или иные

элементы могут совпадать с широкоупотребительными словами, не имея с ними этимологической связи, на фонетическом уровне, напр., *лысву* ‘роса’ (УРС: 409), ср. *лыс* ‘хвоя’.

Следующие примеры двучленных композит отличаются тем, что они являются метафорическими обозначениями, которые указывают на соответствующие объекты номинации не прямо, а путем сравнения с теми или иными предметами и явлениями окружающей действительности: *инкӧльы* ‘шаровая молния’ (УРС: 252), (букв. ‘небесная галька’), *инишудон* ‘зарница; северное сияние’ (УРС: 254), (букв. ‘небесная игра’), *вукарнан* ‘радуга’ (СТС: 42), (букв. ‘водяное коромысло’), *вупукран* ‘радуга’ (УРС: 145), (букв. ‘водяной кушак’), *вуйюис* ‘радуга’ (УРС: 145) (букв. ‘пьющий воду’), *толэзь-келер* ‘лунное гало’ (УРС: 647) (букв. ‘ограда луны’), *куакакенъыр* ‘крупя’ (УРС: 336) (букв. ‘воронья крупа’).

В составе целого ряда метеонимов компоненты представляют собой оноματοпозитические слова, выражающие зрительные или слуховые ассоциации, обусловленные теми или иными природными явлениями: 1) *зарпотон* ‘заря’ (УРС: 238), *зарпотэм* ‘тж’ (УРС: 238), *зарву* ‘роса’ (УРС: 237), *зардон* ‘заря’ (УРС: 237), ср. *зар* < *зардыны* ‘рассветать, светать, рассвети; зардеть, рдеть’ (УРС: 237); 2) *жалъзор* ‘ливень’ (УРС: 207), ср. *жалъ* – звукоподражание падению дождя, воды (УРС 206).

Образование некоторых композит произошло, видимо, на базе составных названий путем частичного или полного сокращения какого-либо слова в их составе. Для подтверждения данного предположения можно привести следующие примеры: *лымтӧл* ‘южный ветер’ (УРС: 409) < *лымишор тӧл* ‘тж’ (СТС: 43): *лымишор* ‘южный’; *уйтӧл* ‘северный ветер’ (СТС: 43) < *уйпал тӧл* ‘тж’ (УРС: 687): *уйпал* ‘северный’; *ыртӧл* ‘свежий ветер’ (УРС: 794) < *ырос тӧл* ‘тж’ (УРС: 794): *ырос* ‘лёгкий, свежий’; *чильлымы* ‘снежинка’ (УРС: 730) < *чильсь лымы* ‘блестящий снег’.

Следует отметить, что отдельные удмуртские композиты совпадают частично или полностью с соответствующими метеонимами близкородственных языков, напр., удм. *лысву* ‘роса’ – кз. *лысва* ‘роса’ (КРК: 370), кп. *лысва* ‘тж’ (КПРС: 233); удм. *зор-кот* ‘осадки’ – кз. *лым-зэр* ‘тж’ (КРК: 370) (букв. ‘снег-дождь’); удм. *куакакенъыр* ‘крупя’ – кз. *катишшӧдӧс* ‘тж’ (КРК: 263) (букв. ‘сорочья крупа’) и т.д.

III. Составные метеорологические обозначения. Данная группа метеонимов представляет собой двучленные, трехчленные, четырехчленные и шестичленные словосочетания. Составные метеонимы, как правило, являются мотивированными названиями. Имея понятное смысловое содержание, они не только указывают на обозначаемые явления, но и отражают те или иные особенности, признаки и качества соответствующих объектов номинации.

1. К двучленному структурному типу относятся 111 обозначений. В зависимости от частеречной принадлежности всю совокупность метеонимов, состоящих из двух слов, можно распределить по шести структурным моделям.

1.1. Структурная модель «существительное + существительное»: *гөн куазь* 'ненастная погода' (*гөн* 'буран; пурга', *куазь* 'погода'), *омырлэн температура* 'температура воздуха' (*омыр* 'воздух'), *бус омыр* 'марево' (*бус* 'туман', *омыр* 'воздух'), *лымы пилем* 'снеговое облако' (*лымы* 'снег', *пилем* 'облако'), *цукна жардэм* 'утренняя заря' (*цукна* 'утро', *жардэм* 'заря'), *губи зор* 'грибной дождь' (*губи* 'гриб', *зор* 'дождь'), *йё уськытэм* 'град' (*йё* 'лёд', *уськытэм* 'выпадение'), *лымы быртык* 'снежинка' (*лымы* 'снег', *быртык* 'крупинка'), *жытпал төл* 'западный ветер' (*жытпал* 'запад', *төл* 'ветер'), *лымы поръян* 'снежный вихрь' (*лымы* 'снег', *поръян* 'вращение, кружение'), *төл ырос* 'ветерок' (*төл* 'ветер', *ырос* 'дуновение') и т.д. Всего в четырех микросистемах 48 метеонимов данной модели.

1.2. Структурная модель «качественное прилагательное + существительное»: *шулдыр куазь* 'хорошая погода' (*шулдыр* 'веселый, радостный', *куазь* 'погода'), *урод куазь* 'плохая погода' (*урод* 'плохой', *куазь* 'погода'), *умой куазь* 'хорошая погода' (*умой* 'хороший', *куазь* 'погода'), *лек пилем* 'грозовое облако' (*лек* 'злой', *пилем* 'облако; туча'), *нап бус* 'мгла' (*нап* 'густой', *бус* 'туман'), *сьод пилем* 'туча' (*сьод* 'черный', *пилем* 'облако; туча'), *векчи зор* 'морось' (*векчи* 'мелкий', *зор* 'дождь'), *кезьыт зор* 'холодный дождь' (*кезьыт* 'холодный'), *ыль лымы* 'мокрый снег' (*ыль* 'сырой, мокрый', *лымы* 'снег'), *кёс төл* 'сухой' (*кёс* 'сухой', *төл* 'ветер'), *шуныт төл* 'теплый ветер' (*шуныт* 'теплый'), *ыркыт төл* 'свежий ветер' (*ыркыт* 'свежий, прохладный') и т.д. Всего в четырех микросистемах 34 метеонима данной модели.

1.3. Структурная модель «относительное прилагательное + существительное»: *бабылес пилем* 'кучевое облако' (*бабылес* 'кудрявый, курчавый', *пилем* 'облако'), *зоро пилем* 'дождевое облако' (*зоро* 'дождевой'), *эгесо чилектэм* 'шаровая молния' (*эгесо* 'колесный, колесом', *чилектэм* 'молния'), *лабырес лымы* 'рыхлый снег' (*лабырес* 'развесистый', *лымы* 'снег'), *шундыё зор* 'грибной дождь' (*шундыё* 'солнечный', *зор* 'дождь'), *лымыё төл* 'выюга; метель' (*лымыё* 'снежный'), *пыдул пельскон* 'позёмка' (*пыдул* 'подножный', *пельскон* 'метель') и т.д. Всего в данной подгруппе девять образований.

1.4. Структурная модель «причастие + существительное»: *вошьяськись куазь* 'неустойчивая погода' (*вошьяськись* 'переменчивый, меняющийся'), *вошьяськись пилемолык* 'переменная облачность' (*вошьяськись* 'переменчивый, меняющийся', *пилемолык* 'облачность'), *гудырьям куараос* 'раскаты грома' (*гудырьям* 'грохочущий', *куараос* 'звуки'), *кыштийськись зор* 'за-

тяжной дождь' (*кышиттисъкисъ* 'незаметный', *зор* 'дождь'), *зйбисъкем лымы* 'плотный снег' (*зйбисъкем* 'придавленный, уплотненный', *лымы* 'снег'), *сйсьясь тёл* 'жгучий ветер' (*сйсьясь* 'пронизывающий', *тёл* 'ветер') и т.д. Всего в данной подгруппе 15 составных метеонимов в четырех микросистемах.

1.5. Структурная модель «деепричастие + существительное»: *пельскыса лымыян* 'буран; пурга' (*пельскыса* 'метя', *лымыян* 'снегопад').

1.6. Структурная модель «деепричастие + глагол»: *гудыръяса зоре* 'гроза' (*гудыръяса* 'гремя', *зоре* 'дойдет'), *дугдылытэк зоре* 'обложной дождь' (*дугдылытэк* 'не переставая', *зоре* 'дойдет').

1.7. Структурная модель «наречие + существительное». Всего два примера, относящиеся к одной микросистеме: *шуак лыктэм* 'порыв ветра' (*шуак* 'вдруг, внезапно', *лыктэм* 'дуновение'), *шуак пельтэм* 'тж' (*пельтэм* 'дуновение').

2. Составные метеорологические обозначения из трех слов. Данная структурная разновидность состоит из 20 названий. Шесть примеров являются обозначениями атмосферных явлений, девять примеров – названиями осадков, пять примеров – названиями ветров.

2.1 Структурная модель «прилагательное + существительное + существительное»: *векчи зор шапык* 'мелкая капля дождя' (*векчи* 'мелкий', *зор* 'дождь', *шапык* 'капля'), *ыльыс зор шапык* 'крупная капля дождя' (*ыльыс* 'крупный', *зор* 'дождь', *шапык* 'капля'), *кулэм муртэс ватон* 'дождь в ясную погоду' (букв. 'умершего человека погребение').

2.2. Структурная модель «прилагательное + причастие + существительное»: *векчи куштэм йё* 'мелкая градина' (*векчи* 'мелкий', *куштэм* 'выпавший', *йё* 'лёд'), *ыльыс куштэм йё* 'крупная градина' (*ыльыс* 'крупный', *куштэм* 'выпавший', *йё* 'лёд').

2.3. Структурная модель «прилагательное + прилагательное + существительное»: *гудыриё сьёд пилем* 'грозовая туча' (*гудыриё* 'грозовой', *сьёд* 'черный', *пилем* 'туча').

2.4. Структурная модель «существительное + причастие + существительное»: *шунды пуксён тёл* 'западный ветер' (*шунды* 'солнце', *пуксён* 'сажающийся', *тёл* 'ветер').

2.5. Структурная модель «существительное + прилагательное + существительное»: *тылы тусо пилем* 'перистое облако' (букв. 'на перо похожее облако'), *йёэн суро зор* 'дождь с градом' (*йёэн* 'с градом', *суро* 'смешанный', *зор* 'дождь').

2.6. Структурная модель «существительное + существительное + существительное»: *гудыръям куараослэн шуккисъкем* 'раскаты грома' (*гудыръям* 'грома', *куараослэн* 'звуков', *шуккисъкем* 'распространение').

2.7. Структурная модель «существительное + послелог + существительное»: *лум палась тӧл* 'южный ветер' (букв. 'с юга ветер').

2.8. Структурная модель «наречие + причастие + существительное»: *дурен кисьтӱсь зор* 'проливной дождь' (букв. 'через край льющийся дождь'), *шуак жӱутскем тӧл* 'порывистый ветер' (букв. 'вдруг поднявшийся ветер').

2.9. Структурная модель «наречие + прилагательное + существительное»: *туж кужмо зор* 'ливень' (*туж* 'очень', *кужмо* 'сильный', *зор* 'дождь'), *туж юн тӧл* 'сильный ветер' (*туж* 'очень', *юн* 'крепкий', *тӧл* 'ветер').

2.10. Структурная модель «деепричастие + причастие + существительное»: *гудырӱяса ортчись зор* 'грозовой дождь' (*гудырӱяса* 'гремя', *ортчись* 'проходящий', *зор* 'дождь').

2.11. Структурная модель «существительное + частица + существительное»: *ӱын выллем бус* 'дымка' (*ӱын* 'дым', *выллем* 'как', *бус* 'туман'), *шар тушьем чилектэм* 'шаровая молния' (букв. 'как шар молния'), *шар тушьем ӱашӱем* 'шаровая молния' (*шар* 'шар', *тушьем* 'как', *ӱашӱем* 'молния').

3. Составные метеорологические обозначения из четырех слов. Подгруппа состоит из одного примера, относящегося к микросистеме названий осадков: *ведра дурен кисьтӱсь зор* 'ливень' (букв. 'через край ведра льющийся дождь'), образованного по модели «существительное + наречие + причастие + существительное».

4. Составные метеорологические обозначения из шести слов. Все четыре примера данной подгруппы относятся к микросистеме названий ветров. Образованы по структурной модели «существительное + союз + существительное + причастие + послелог + существительное»: *уй но шунды пуксён вискысь тӧл* 'северо-западный ветер' (*уй* 'север', *но* 'и', *шунды* 'солнце', *пуксён* 'садящийся', *вискысь* 'из', *тӧл* 'ветер'), *лымшиор но шунды пуксён вискысь тӧл* 'юго-западный ветер' (*лымшиор* 'юг', *но* 'и', *шунды* 'солнце', *пуксён* 'садящийся', *вискысь* 'из', *тӧл* 'ветер'), *уй но шунды жӱжжан вискысь тӧл* 'северо-восточный ветер' (*уй* 'север', *но* 'и', *шунды* 'солнце', *жӱжжан* 'выходящий', *вискысь* 'из', *тӧл* 'ветер'), *лымшиор но шунды жӱжжан вискысь тӧл* 'юго-восточный ветер' (*лымшиор* 'юг', *но* 'и', *шунды* 'солнце', *жӱжжан* 'выходящий', *вискысь* 'из', *тӧл* 'ветер').

Подытоживая проведенное исследование, можно констатировать, что рассмотренная метеорологическая лексика обладает структурными типами и моделями, характерными для удмуртского языка в целом. Как и во многих других отраслях словарного состава, здесь представлены однословные обозначения, двучленные композиты и составные конструкции. Многие непроеизводные однословные метеонимы являются немотивированными словами, имеющими древнее происхождение. Группа производных метео-

нимов состоит из суффиксальных образований, в составе которых основной состав морфем унаследован из допермского и прапермского периодов развития удмуртского языка. Кроме исконных формантов имеется также один суффикс иноязычного происхождения. Композиты, образованные путем слияния составных частей, содержатся в четырех из пяти микросистем метеорологической лексики. Подавляющее большинство сложных слов имеет слитную орфографию. Составные метеонимы образованы по 19 структурным моделям с использованием знаменательных частей речи (существительных, прилагательных, наречий), причастий, деепричастий и служебных слов (послелога, частицы, союза). Как правило, такие метеонимы являются мотивированными названиями, их смысловое содержание отражает различные особенности и свойства соответствующих объектов номинации, выражает пространственно-временные признаки и целый ряд других показателей, присущих для данной сферы объективной реальности.

Сокращения

Языки: кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, общеп. – общепермский язык-основа, удм. – удмуртский язык, ур. – уральский пра-язык, ф.-п. – финно-пермский праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык.

Литература

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

КРК – Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000.

КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

РКС – *Безносикова Л.М., Забоева Н.К., Коснырева Р.И.* Русско-коми словарь / Под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар, 2003.

СТС – *Игушев Е.А., Насибуллин Р.Ш., Семенов В.Г.* Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь. Коми республиканский институт развития образования и переподготовки кадров. Сыктывкар, 2007.

УРС – Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008.

Серебрянников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band 1–2. Budapest, 1988.

МЕСТОИМЕНИЕ В ЯЗЫКЕ КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ

С.А. Сажина

0. В диалектном пространстве коми языка особое место занимает язык кировских пермяков, формирование которого происходило в условиях изолированности от основного ареала распространения коми диалектов и сильного воздействия окружающих русских говоров. Важнейшей задачей современной коми диалектологии являются документирование и синхронное описание данной территориальной разновидности коми языка с целью сохранения максимально подробной информации о ней. Исследуемый идиом, традиционно именуемый верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка, распространен в верховьях Камы, на территории Афанасьевского района Кировской области. Начиная с конца XIX столетия число носителей верхнекамского наречия неуклонно снижается. Сегодня полноценными носителями языка являются немногочисленные представители старшего и пожилого возраста. Анализ возрастного состава представителей исследуемого наречия свидетельствует о том, что передача коми языка в семье была окончательно прервана примерно во второй половине XX в. (60–70-е гг.). В ситуации языкового сдвига изучение языка кировских пермяков приобретает особую актуальность.

Настоящая статья посвящена описанию системы местоимений верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка. Предметом рассмотрения являются морфологическая структура и особенности употребления различных разрядов местоимений, выделяемых по признаку их функционального назначения. Основная цель исследования – анализ эволюционных процессов, новообразований в системе местоимений в языке кировских пермяков. В основу исследования положены лингвистические материалы, собранные автором в ходе экспедиций в район проживания носителей идиома в период с 2002 по 2012 г. Эмпирический материал* анализируется в контексте коми

* Полевой материал в статье приводится в фонематической транскрипции на кириллической основе, принятой в коми диалектологии. В силу того, что ударение в исследуемом идиоме является специфичным, оно обозначено в примерах знаком • после ударного гласного: си'йа 'он'.

языкового диалектного ландшафта. Теоретической базой исследования послужили научные труды Г.В. Федюновой (1990; 1999; 2000; 2000а; 2001; 2008), в которых детально исследованы природа коми местоимений, их морфологическая структура и формальная вариативность, принципы классификации.

Верхнекамскому наречию характерны следующие разряды местоимений: личные, усилительно-личные, указательные, вопросительные, отрицательные, неопределенные, обобщенно-определятельные, взаимные. Счетно-личные местоимения (*õtнам* ‘я один’, *õtнад* (кп. *õtнат*) ‘ты один’, *õtнас* ‘он один’, *õtнаным* ‘мы одни’, *õtнаныд* (кп. *õtнаныт*) ‘вы одни’, *õtнаныс* ‘они одни’) в рассматриваемых говорах практически утрачены, зафиксирован лишь единичный пример употребления местоимения *õtнас* ‘он один’: *ачы с са ко рас’ис. õтна с!* ‘Сам он сватался. Один!’. В других случаях местоимения данного разряда заменяются наречием *õtкõн* ‘в одиночку’: *а мэ го ртын õткõн вõлин* ‘а я дома одна была’; *õtкõнсõ оз туй л’э з’ны* ‘одного нельзя отпускать’; *мамыс õткõн воллис?* ‘Мать одна приходила?’, *õtкõн вэ тли, н’эт’и ныс’ эг пол* ‘одна ходила, никого не боялась’; *õtкõныслõ, виднõ, н’э шан’* ‘одному, видимо, не хорошо’.

1.0. Личные местоимения

1.1. Номинативные формы

Номинатив личных местоимений в исследуемом идиоме представлены формами *мэ* ‘я’, *тэ* ‘ты’, *сийа* ‘он’, *ми* ‘мы’, *ти* ‘вы’, *н’иа* ‘они’. Местоимения 1 и 2 лица множественного числа, осложненные сегментом *-йõ* (*-õ*) (*мийõ* ‘мы’, *тийõ* ‘вы’), характерные для южных зырянских верхнесысольского, среднесысольского диалектов и большинства коми-пермяцких говоров, в исследуемом идиоме не зафиксированы.

Местоимение 3 лица единственного числа *сийа* ‘он’ при быстром темпе речи может функционировать в форме *са*: *са ку’йлõ да с’о’йõ* ‘она лежит и ест’; *са мэ кõд ба’итõ* ‘она со мной разговаривает’. Краткая основа *сы* появляется в сочетании с послелогоми: *сы сайõ* ‘за него’; *сы ылõ* ‘на него’; *сы бõрыс’* ‘после него’. Местоимение 3 лица множественного числа *н’иа* при быстром темпе речи произносится как *н’а*: *кычõ-тõ мõ-дисõ н’а* ‘куда-то отправились они’, *н’а чэ ччалõнõ, йõ-ктõнõ* ‘они прыгают, танцуют’; в сочетаниях с послелогоми зафиксировано только в полной форме: *н’иа динын* ‘возле них’; *н’иа бõрыс’* ‘за ними’; *н’иа ордõ* ‘к ним’.

1.2. Склонение личных местоимений*

Падежные формы личных местоимений 1 и 2 лица единственного числа, кроме форм принадлежности падежей и аккузатива, образуются от номинативных основ посредством падежных суффиксов основного склонения, имеющих различия по говорам. Генитив рассматриваемых местоимений выступает в формах: *мэнам* / *минам* / *мэам* ‘мой’, *тэнад* / *тинад* ‘твой’.

* См. табл. 1 в Приложении.

В дативе рассматриваемые местоимения, кроме полных форм *мэным* ‘мне’, *тэныд* ‘тебе’, представлены усеченными вариантами *мэм* (редко *мэн*) и *тэд* (единично – *тэн*).

При склонении личных местоимений 1 и 2 лица множественного числа используются генитивные основы *мийан* (*миан*) ‘наш’, *тийан* ‘ваш’ и падежные суффиксы основного склонения.

Падежные формы личного местоимения 3 лица единственного числа образованы от краткой основы *сы-* с помощью падежных суффиксов основного склонения. В парадигме его склонения наличествуют специфические формы, развившиеся под влиянием русского языка. Так, аккузатив в языке кировских пермяков представлен заимствованной формой *э·вõ / йэ·вõ* (рус. *его*). Примеры: *э·вõ ужэ а·рмийаõ бо·с·тисõ* ‘его уже в армию забрали’; *н·э·тикамõй ми э·вõ* ‘рвем мы его (про лен)’; *до войны э·вõ жу·гõдисõ* ‘до войны её (часовню) разрушили’. Замечены случаи экспансии данной основы на инструменталь: *э·вõн кача·л·ис’* ‘на них качались’; *бйош э·вõн, па·л·канас* ‘бьешь ей, палкой’. Аналогичная форма характерна и для верхнесольского диалекта, но в нем *йэ·вõ* имеет полнопарадигматическое падежное словоизменение, выступает в качестве основы (ВСД: 102–103). Особенно необычной является дативная форма *сы·му* ‘ему’, которая представляет собой контаминацию исконного корня *сы-* и датива русского местоимения 3 лица ед. числа *ему*. Данный вариант зафиксирован в одном из говоров наречия (дер. Московская). Примеры: *вэ·лõдõ мы·йтõ э·вõ, мы·ччылõ сы·му* ‘учит его, показывает ему’; *мэ сы·му подайу, си·йа збивайэт* ‘я ему подаю, он отбивает’; *шõйис’ат чэтырэ сы·му вõ·лин* ‘шестьдесят четыре ему было’; *мэ сы·му нõ·бали* ‘я ему отнес’.

Кроме вышеперечисленных особенностей, следует отметить, что все формы личных местоимений в абессиве могут присоединять формант *-йи / -йа*, редко *-н·и*. Показатели абессива, осложненные маркером *-йа / -йи*, характерны также для верхнесольского, ижемского, удорского (Попова, Сажина 2014: 111), некоторых коми-пермяцких диалектов (Баталова 1982: 11).

В образовании падежных форм личного местоимения 3 лица множественного числа участвуют полная основа *н·иа* ‘они’ и падежные форманты основного склонения. В аккузативе спорадически встречаются стяженные варианты *н·аõс, н·иõс, н·ас, н·иас* ‘их’, образованные в результате ассимилятивных процессов.

2.0. Усилительно-личные местоимения*

2.1. Номинативные формы

Номинативными формами единственного числа являются стандартные общекоми *ачым* ‘я сам’, *ачыд* ‘ты сам’, *ачыс* ‘он сам’; плюральные формы

* Склонение усилительно-личных местоимений представлено в табл. 2 в Приложении.

представлены вариантами, образованными от основ *ач-* и *ас'-*: *ачы·ным* / *ас'ны·м* 'мы сами', *ачы·ныд* / *ас'ны·д* 'вы сами', *ачы·ныс* / *ас'ны·с* 'они сами'. Наиболее употребительны местоимения, образованные от основы *ач(ы)-*: Примеры: *н'инкөмйас с'о кы·имö ачы·ным* 'лапти все время сами плели'; *ми тө ачы·ным ду·майтам, што ми нэрмйа·кйас* 'мы то сами думаем, что мы пермяки'; *ачы·ныд с'о·йанö и скөт'и·нкас эта н'а·н'өн вэ·рдан быкө·бөс* 'сами съедите и всю скотину этим хлебом накормишь'; *бал'айас ачы·ныс го·ртас ко·төртöны* 'овцы сами домой бегут'; *н'иа ачы·ныс төддөнö* 'они сами знают'; *т'э·рка ми асьны·м вö·чимö мужу·ккөд* 'дом мы сами сделали с мужем'; *о·з'жык эд нэ·ссö пи·литимö асьны·м* 'раньше ведь дрова сами пилили'; *вис'талö асн'ы·д* 'скажите сами'; *вö·н'н'ас эд тожэ кы·йисö ас'ны·с* 'пояса ведь тоже сами вязали'.

Замечены единичные случаи образования местоимений множественного числа посредством присоединения к форме единственного числа субстантивного показателя множественности *-йас*: *ачы·мйас* 'мы сами', *ачы·дйас* 'вы сами', *ачы·сйас* 'они сами'. Такие верхнекамские инновации обнаруживают сходство с усилительно-личными местоимениями северно-удмуртских диалектов: *ачимэс* ~ *ачымэс* 'мы сами', *ачидэс* ~ *ачыдэс* 'вы сами', *ачизэс* ~ *ачызэс* 'они сами' (Карпова 2015: 82–83).

В других коми диалектах усилительно-личные местоимения множественного числа образованы от основы *ас'-* (*ас'ным*, *ас'ныд*, *ас'ныс*), лишь в удорском диалекте также наблюдаем основу *ач-* / *ат'-* (*ачным* / *ат'ным* 'мы сами', *ачныд* / *ат'ныд* 'вы сами', *ачныс* / *ат'ныс* 'они сами') (УД: 58).

В рассматриваемом идиоме зафиксированы единичные случаи оформления плюральных форм субстантивным либо адъективным показателем множественного числа: *сурё эд ас'ны·мйас тожө су·лтöдалимö* 'пиво ведь тоже мы сами ставили'; *а ти ас'ны·дбөс' ту кыты·с', ны·лочкайас?* 'а сами вы откуда, девочки?'. Данные варианты имеют окказиональный характер.

2.2. Формы принадлежностных падежей: генитив, аблатив и датив

В рассматриваемом идиоме формы принадлежностных падежей не различаются по числам: сингулярные формы выступают также в функции плюральных. Примеры: *асла·с ту н'и·алөн н'э·көн вöлин* 'у самих-то у них негде было'; *н'и·а бо·слисö тожө аслы·с пай быкө·б* 'они все тоже брали себе пай'; *мийа·нлö аслы·м абы* 'нам самим не хватает'; *тö·да, штö ми·йан вö·лин сийа асла·м ишö* 'Знаю, что у нас у самих это еще было'; *ти·йан асла·д йэм* 'у вас у самих есть'. Разрушение категории притяжательности и отсутствие в идиоме показателей коллективного обладания *-ным*, *-ныд*, *-ныс* привели к исчезновению форм множественного числа. Мы зафиксировали лишь единичные случаи употребления исконных плюральных форм в дативе: *аслыным* 'нам самим', *аслыныс* 'им самим', свидетельствующие о том, что они еще не окончательно вышли из употребления.

Спорадическая форма датива 1 лица *аслы·млы* ‘мне самому’ образована под влиянием субстантивного склонения.

Если адрессив и датив рассматриваемых местоимений по способу образования не обнаруживают отличий от других коми диалектов, то морфологическая структура аблатива иная. Во всех коми диалектах аблатив усилительно-личных местоимений представлен тождественными формами: основа *ас'* + показатель элатива в лично-притяжательной форме: *ас'с'ым, ас'с'ыд, ас'с'ыс, ас'с'ыным, ас'с'ыныд, ас'с'ыныс*; имеются различия фонетического характера, либо влияние субстантивного склонения (Сажина 2011: 89–99). В верхнекамских говорах аблатив образован от генитивной основы единственного числа: *аслам, аслад, аслас* и суффикса элатива основного либо притяжательного склонения. Примеры: *ду·майтан, кыз' төкө накрмит' асла·дыс' жэзлудок* ‘думаешь, как накормить свой желудок’; *си·йа асла·сыс' бо·с'тас* ‘он свое заберет’; *мэ асла·мыс' оз с'эт* ‘я свое не отдам’; *тэ асла·дс'ыд с'эт* ‘ты свое отдай’; *сийа асла·дс'ыс оз с'эт* ‘он свое не отдаст’; *мэ забрал асламыс'* ‘я забрал свое’; *мэд сийа асла·дс'ыс забер'от* ‘пусть он свое заберет’. Зафиксированы случаи образования аблатива от основ *аслыд, аслыс*, формально совпадающих с дативом: *аслы·дс'ыс, аслы·сс'ыс*. Вероятнее всего, в данном случае мы имеем дело с регрессивной ассимиляцией гласных, широко представленной в языке кировских пермяков: *аслыдс'ыс < асладс'ыс; аслысс'ыс < асласс'ыс*.

Образование косвенных падежных форм (кроме принадлежностных) личных местоимений 1, 2 лица и усилительно-личных всех трех лиц от генитивной основы наблюдается и в коми-зырянском диалектах: регулярно в лузско-летском; спорадически в среднесыольском, верхнесыольском диалектах (Сажина 2005: 155–158; Сажина 2011: 89–99).

В языке кировских пермяков замечена тенденция к замене аблатива в приименной позиции формой генитива: *а эта вз·лөдö öпйат' ни·ыс мыйтö, ви·з'өд, асла·с вну·чэксö* ‘А это учит чему-то опять сын, смотри, своего внука’; *ми бо·с'тимö асла·м книгайас* ‘Мы взяли свои книги’.

В функции прямого объекта в речи появляются формы, образованные от генитивной основы посредством субстантивного показателя аккумулятива *-öс*: *а ко·ди эд бэссо·вэснöйыс дак, н'э асла·сöс бо·с'тас, а ко·ди ша·н'жыкöс забэр'от* ‘А те, которые бессовестные, не свое заберут, а то, что получше’; *вэ·шс'ас'ыны ко·л'кйаснас. си·йа го·ртс'эн' ва·йис, а мэ тожно· сы·лы асла·мöс пукти* ‘Меняются яйцами. Он из дому принес, а я ему свое положила’. Такие формы не зафиксированы в других коми диалектах.

2.3. Формы объектных и местных падежей

Специфической особенностью исследуемого идиома является то, что формы данных падежей (за исключением абессива, конзекутива, илллатива,

инессива, транзитива, которые нам не удалось зафиксировать) представлены двухкомпонентными конструкциями. Они могут быть образованы двумя способами: 1) номинатив + форма в косвенном падеже (в соответствии с занимаемой синтаксической позицией) либо 2) генитив + форма в косвенном падеже (в соответствии с занимаемой синтаксической позицией). Составные усилительно-личные местоимения представляют собой единую интонационную группу с ударением на второй форме. Примеры: 1) *мый тэ мэ·нө вэл'и·читан? аслад а·с'тө вэл'ича·й!* 'Что ты меня величаешь? Себя величай'; 2) *мэ ачым а·с'өс з'э·ркалөын а·дэдза вон* 'Я вижу себя в зеркале'; 3) *тэ ачыд а·с'өс эд тожө а·дэдзан* 'Ты себя ведь тоже видишь'; 4) *н'иа хва·стайччөны аслас а·с'йасөн* 'Они хвастаются собой'; 5) *н'иа по·лз'исө ачыс а·с'йасыс'* 'Они испугались самих себя'; 6) *тэ аслад а·с'өс а·дэдзан з'э·ркалөын* 'Ты видишь себя в зеркале'; 7) *мэ по·лз'и аслам а·с'ыс'* 'Я испугался самого себя'; 8) *тэ ачыд а·с'с'эн' по·лз'ин* 'Ты самого себя испугался'; 9) *тия·нөс ачыд а·с'йастө ко·лө наказат'* 'вас самих нужно наказать'.

Отметим, что сочетания двух простых форм усилительно-личных местоимений не чужды для других коми диалектов и литературного языка. Примеры: вс. *кыдз вэрман пö ачыд ас'тө такөд* (Гр.) 'Как можно, говорит, сам себя успокаивай' (ВСД: 107); лл. *ачым асламөн ог вэрмы төрас'ны* 'Сама за собой не могу ухаживать' (ЛЛД: 69); *Ачыд аснад эн ошйысь, бур йöз мед ошкасны* 'Сам себя не хвали, пусть добрые люди тебя хвалят' (ÖКК: 170); *Муккөддырийи ачыд ачыдысь полан* 'Иногда сам себя боишься' (ÖКК: 170); *Ме öнi ачым ачымö ог эскы!* 'Я теперь сам в себя не верю' (ÖКК: 169). Приведенные примеры, на наш взгляд, являются свободными сочетаниями двух усилительно-личных местоимений: они могут находиться в дистантной позиции, возможна перестановка элементов. В языке кировских пермяков составные конструкции являются регулярными, они представляют собой интонационное и синтаксическое целое.

Наряду с краткими *ас-*, *ас'-* и генитивной основами, составные усилительно-личные местоимения функционируют в послеложных конструкциях: 1) основа *ас-* + послелог; 2) основа *ас'-* + послелог; 3) генитивная основа + послелог; 4) номинатив (ед. ч.) + краткая основа *ас'* + послелог; 5) генитив + краткая основа *ас* + послелог. Примеры: *ас динö зэ·лтны* 'к себе прижать'; *ас' ултö* 'под себя'; *кө·маламө ас' ылö* 'наденем на себя'; *ас' бöрыс'* 'за собой'; *охота көн'эшино асла·м ылын о·лнысö* 'охота, конечно, своими силами жить'; *асла·м дорö* 'к себе'; *ачым ас' динö плö·т'дэжыка* 'ближе к себе'; *аслам ас' динö вэшитышти* 'к себе подвинул'. Функционирование составных форм в послеложных конструкциях, на наш взгляд, свидетельствует в пользу того, что верхнекамские составные усилительно-личные местоимения представляют собой некую целостную единицу.

Составные усилительно-личные местоимения характерны также для русского языка (Кибрик 1995), других финно-угорских языков (Волкова 2012). О наличии двухкомпонентных усилительных местоимений в удмуртском языке писал И.В. Тараканов (Тараканов 2001: 151–152). Исследователь отмечал, что в разряд усилительно-лично-возвратных местоимений следует включить и двухкомпонентные формы типа *асме ачим* ‘сам себя’, *асьтэды асьтеос / ти асьтэдыз асьтэос* ‘сами себя, вы сами себя’, «несправедливо оставленные вне внимания исследователями удмуртского языка». Удмуртские составные местоимения состоят из двух элементов: формы в косвенном падеже (в соответствии с занимаемой синтаксической позицией) и следующей за ней номинативной формой. К сожалению, информации о том, широко ли употребляются данные составные формы в удмуртских диалектах, в каких падежах представлены, в научной литературе нет.

3.0. Указательные местоимения

Система указательных местоимений в коми языке, согласно исследованиям Г.В. Федюновой, представляет собой сложную картину соответствий; существенные различия наблюдаются между коми-зырянскими и коми-пермяцкими диалектами. В коми-зырянских диалектах основную оппозицию по дальности указания составляют местоимения с основами *та-* и *си-/сы-*; плюральные формы образованы от указательных местоимений единственного числа с помощью субстантивного суффикса множественного числа *-йас* и его диалектных вариантов. В большинстве коми-пермяцких диалектов оппозиция по дальности указания представлена местоимениями *эта*, *этийа* ‘этот, эта, это’ и *сийа* ‘тот, та, то’; местоимение с основой *та-* практически утрачено; в качестве указательных местоимений множественного числа используется *н-*овая основа: *нийа*, *найа*, *эна*, *энийа*, *этнийа* ‘эти, те’ (Федюнова 2008: 122).

Исследуемый идиом занимает промежуточное положение, совмещая черты коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов. Так, оппозицию по дальности указания составляют местоимения: *эта / этӧ* ‘этот’ и *сийа* (при быстром темпе речи *са*), *э·сийа* ‘тот’. В этом отношении верхнекамское наречие примыкает к коми-пермяцкому диалектному ареалу. Ближнеуказательная основа *та-* наблюдается лишь в составе сложного слова *тайадӧр* ‘эта сторона’: *та·йадӧр по·ныс* ‘конец этой стороны’; *мӧд·вэжӧй мӧ·л·н·ича та·йадӧрас* ‘Медвежья мельница в этой стороне’.

Формы множественного числа от *т-*овой ближнеуказательной основы образуются путем присоединения к ней субстантивного показателя множественности *-йас* (*э·тайасыс*, *пи·с·н·айасыс* ‘эти то, песни’; *а э·тийас пиру·йтӧны* эд ‘а эти то пируют ведь’; *э·тийас бо·с·тыны* и *гэ·зйас ылын л’э·з’ыны* ‘эти берут и на веревках спускают’; *а э·тийасӧ тожно ви·дины*, *коди ступил’и колхозас дак* ‘а этих и ругают, которые вступили вколхоз’) –

в этом отношении исследуемый идиом примыкает к ареалу коми-зырянских диалектов. В качестве дальнеуказательного местоимения множественного числа, как и в коми-пермяцких диалектах, используется *н*-овая основа: *н'э ра·кайас, во·ронйасыс н'иа, ы·жыдйасыс* ‘не вороны, а вóроны те, большие’; *мина·м ту роднó·ййасыс русскóйöс', а э·н'иа нэрмйа·кйас* ‘мои то родные [родители] – русские, а те – пермяки’; *öни том йö·зыс оз төдö н'иа нэ·сн'айассö* ‘сейчас молодые не знают тех песен’; *эрэт'н'и·кйас н'иа жэн·шинайас* ‘еретницы те женщины’.

Указательные местоимения, выступая в функции существительного, изменяются по падежам: *вот э·та помн'ита* ‘вот это помню’; *вот э·тö ко·с'тасö öви·нын* ‘вот это высушат в овине’; *мэ жö и·чöд вöлин эшö, но по·мн'ита вот э·тö* ‘я еще маленькая была, но помню вот это’; *вэ·тлимö за с'эмэнами э·таö* ‘ездили за семенами в это’; *зоночка н'э ö·д'д'өн ы·жыд вöлин, э·таыс', Ко·мыс' вöлин* ‘парнишка не очень большой был, из этого, из Коми был’; *э·таыс' бл'инйас пö·жаласö* ‘из этого блины испекут’; *мийан папа ужалис э·тан, прöдавэцöн* ‘наш отец работал этим, продавцом’; *н'э·кытöн эз тыдал: н'и пы·тыкын, н'и э·тан* ‘нигде не было видно: ни внутри, ни в этом’; *намэшаи э·тасö* ‘намешаешь вот это’; *э·тасö л'у·бита лы·д'д'ы·нысö* ‘это люблю читать’; *тожно э·танас накладыт су·рас* ‘затем этим кладут в пиво’; *тöда, штö сийа стариннöй праз'ник чудö* ‘знаю, что это старинный праздник Чудо’; *си·йöн и с'э·ралöнö* ‘поэтому и смеются’; *си·йöн вот и ко·кйас а·быöс'* ‘поэтому и ноги болят (букв. ног нет)’; *са мэ эг кыллы* ‘это я не слышала’; *э·сийа ыжы·джджык эшö* ‘тот еще больше’; *бо·тöдис сэс' чистö эвö* ‘побил за это его’.

Рассматриваемые местоимения, употребляясь в роли определения, как правило, примыкают к определяемому слову: *та·тöн, д'эрэ·вн'аас, н'э э·та т'э·ркаын тöкö* ‘здесь в деревне, не в этом доме только’; *вот э·та ку·з'н'ичка* ‘вот такой длины’; *э·та жöн'ихыскöд познакомилис'* ‘с этим мужем познакомились’; *и мэ вот э·тö Ил'а·öс с'о по·мн'ита* ‘и я вот этого Илью все помню’; *вот э·тö т'э·ркаас и нэрэшл'и* ‘вот в этот дом переехали’; *кö·з'ыд си·йа т'э·ркаас вö·лин* ‘холодно в том доме было’; *вö·чисö си·йа мэ·стаö* ‘сделали на том месте’; *си·йа магаз'инын* ‘в том магазине’; *си·йа лу·нын вöлин пажар* ‘в тот день был пожар’; *си·йа ди·нын* ‘в той стороне’; *си·йа пöра·а* ‘в ту пору’. Ближнеуказательное местоимение может находиться также в постпозиции по отношению к определяемому слову: *зонис э·та пу·калö пыза·н дорын* ‘мальчик этот сидит возле стола’.

3.1. Адъективные указательные местоимения

В данной группе оппозицию по дальности указания составляют местоимения *эшöм / эшиöм* ‘вот такой’ и *сэшöм / этшиöм* ‘такой’. Примеры: *и вот сийа э·шöм слова ви·с'таис* ‘и вот он такие слова сказал’; *кы·шöм д'э хоз'айэва, сэ·шöм д'э и сус'э·дкo*, ‘какие, мол, хозяйева, такой, мол, и

домовой'; *гвозд'а-нка* – *сэ·шйём* *вот карча-га* ил'и *чугу-нка* *пи·с'кёддёма* *пы·дöсас* 'гвоздянка – такая вот корчага или чугун с продырявленным дном'; *сэ·тишйём* *т'эрку-шка* и *строитисö* 'такой дом и строили'; *мэ э·шйём* *йа·йсö эшö эг с'о·йал* 'я такого мяса еще не ела'; *вö-лин э·шшйём* *д'элö* 'было такое дело'.

Исследуемые местоимения, функционируя в роли существительного, изменяются по падежам, употребляются в форме множественного числа: *э·шшйёмсö* *д'э тожö* *т'э·ркаö* *оз тэ·чö*, *н'эспокойнöйа* *д'э потом о·ллöны* 'такую (ель) на дом не берут, беспокойно, мол, потом живут'; *э·шшйёмйас* *ди·нö* *вэ·тлöнö* 'к таким ходят'; *вот э·шшйёмйассö* *мыл'а·кö* *эи шöктö* 'вот такие почему-то не разрешали'.

Адъективные указательные местоимения могут функционировать в роли частицы и указывать на высокую степень проявления качества, признака предмета / лица: *а сэ·шйём* *эд кö·з'ыд*, *о-о-й* 'а ведь так холодно, о-о-й'; *сэ·шйём* *са рожа* *ылын мичэ·н'чэк* 'такой красивый он на лицо'; *а мэ э·шшйём* *пл'асу·н'н'а* и *э·шшйём* *пэву·н'н'а* 'а я такая плясунья и певунья';

3.2. Адвербиальные указательные местоимения

3.2.1. Адвербиальные местоимения места

Местоимения, указывающие на положение предмета или направление действия в пространстве, представлены в языке кировских пермяков большим количеством формальных вариантов.

Если в коми-зырянских диалектах основную оппозицию по дальности указания составляют местоимения *тани* 'здесь' – *сэни* 'там'; в коми-пермяцких – *эстөн* 'здесь' – *сэччин* 'там', а оппозиция *татён* 'здесь' – *сэтён* 'там' сохраняется и в тех, и в других (Федюнева 2008: 172), то в исследуемом идиоме по дальности указания противопоставлены формы *татён* 'здесь' – *сэтён* 'там'; ближнеуказательная основа *тан-* утрачена, но сохранилась основа *сэн-*. Большое распространение в верхнекамском наречии получила дальнеуказательная основа *сэччан'*, характерная для коми-зырянских диалектов, однако ее ближнеуказательная пара *таччан'* не употребляется.

Ближнеуказательные местоимения образованы от основ *та-*, *тат-*, *эт-*, *тачч-*, *эчч-* с помощью показателей местных падежей и выражают значения 'здесь', 'сюда', 'отсюда':

- 1) *та·тён*, *э·тён* 'здесь', *та·ти*, *э·ти* 'здесь, по этому месту';
- 2) *та·ччö*, *э·ччö* 'сюда'; *эччö·дз* 'досюда';
- 3) *та·с'эн'* 'отсюда, от этого места'; *та·тыс'* 'отсюда'.

Местоимения *э·тён* 'здесь' и *эти* 'здесь, по этому месту', образованные соответственно от **этатён* и **этити*, находят параллели в лузско-летском диалекте (ЛЛД: 95; Федюнева 2008: 416).

Примеры: *мый дырна· эшö о·ланö та·тён?* 'как долго еще здесь будете?'; *а вот э·тён* *Л'эон'ид Пэтрович о·лис* 'а вот здесь Леонид Пет-

рович жил'; *та·ти* *вэ·тлисö* 'здесь, по этому месту ходили'; *э·ти* *мунö* *вот* 'по этому месту идет, *д'эрэ·вн'аö* *та·ччö* *ва·исö* 'в деревню сюда привезли'; *пала·сйасыс мэнам э·мöсь, э·ччö* *и сэ·ччö* *э·мöс'* 'паласы у меня есть, сюда и туда есть'; *са н'э·тиышитис, да сы·лөн со·сыс вот эччö·з'* *орис* 'он дернул, и у него рукав вот до этого места порвался'; *вот та·с'эн'* *сичча·н'ö* *кы·скалисö* *вö·лйасөн н'и·аöс* 'вот отсюда туда таскали на лошадях их'; *го·ртлан' мö·да та·с'эн'* 'в сторону дома пойду отсюда'; *кы·с'тö* *вот та·тыс'* *ва·йалисö* 'откуда-то отсюда возили'.

Описываемые местоимения могут присоединять сегмент *-ка*, не имеющий семантико-грамматического значения: *эта татöнка·* *вö·лин* 'это здесь было'; *ми токо этöнка·* *пйато·көн уж ко·лчччимö* 'мы здесь только впятером остались'; *таччöка·* *пэрээхал'и* 'сюда переехали'; *н'иа э·ччöка* *вэ·с'кыда мунисö* 'они сюда прямо пошли'; *мам ми·йан родом татыс'ка·* 'наша мама родом отсюда'.

Местоимение *татыс'* 'отсюда' может употребляться в функции определения: *та·тыс'* *морт* 'здешний человек', *сы·лөн вэс' ги·жöма та·тыс'* *родословнöй* 'у него записана здешняя родословная'; в роли существительного, принимая субстантивный либо адъективный показатель множественности, посессивный суффикс 3 л. ед. ч *-ыс*: *та·тыс'йас тожö* *вэ·тлалисö* 'здешние тоже ходили', *сэн н'э та·тыс'öс'* *о·лöнö* 'там не здешние живут'; *си·йа д'эвэт' годов вэ·тлис а·рмийа, та·тыс'ыс* 'он девять лет ходил в армию, здешний-то'.

Дальнеуказательные местоимения образованы от основ *сэн-*, *сэт-*, *сэч-*, *сэччан'-* с помощью показателей местных падежей и выражают значения 'там', 'туда' и 'оттуда': Основа *сэччан'-*, исторически возникшая на основе эгрессива, представлена большим количеством формальных вариантов: *сэчча·н'-*, *сэччэ·н'-*, *сичча·н'-*, *сича·н'-*, *сича·н-*, *сиччэ·н'-*, *сичэ·н'-*, *с'чан'-*, *с'с'ан'-*, *с'с'эн'-*, *с'ан'-*, *с'эн'-*, *с'ан-*, *чан'-*, *чэн'*. Вариативность данной основы обусловлена как наличием в идиоме нескольких вариантов показателя эгрессива (*-с'ан'*, *-с'эн'*, *-с'ан*), так и различными фонетическими преобразованиями внутри основы (элизии, ассимиляции): *сэччан' / сиччан' > с'чан' > чан'*; *сэччан' / сиччан' > с'чан' > с'с'ан' > с'ан'*; *сэччэн' / сиччэн' > с'с'эн' > с'эн'*, *сичан > с'ан*.

1) *сэн*, *сэ·эн*, *сэ·тöн*, *сича·н*, *сича·н'*, *с'ча·н'*, *сичэ·н'*, *сича·н'ын*, *с'ча·н'ын*, *сичча·н'ын*, *сэ·ччин*, *с'ан'*, *с'ан*, *с'с'а·н'ын*, *с'эн'*, *с'э·н'ын*, *с'с'эн'*, *ча·н'ын*; *сэ·ччэн'* 'там'; *сэ·т(и)*, *сичча·н'ти* 'там, по тому месту';

2) *сэ·ччö*, *сичча·н'*, *сича·нö*, *сича·н'ö*, *сичча·н'ö*, *с'а·н'ö*, *ча·н'ö*, *чэ·н'ö* 'туда';

3) *сэтыс'*, *сэыс'*, *сича·н'ыс'*, *сича·нс'эн'*, *с'с'а·н'с'ин'*, *сэччэ·н'с'эн'*, *сиччэ·н'ыс'* 'оттуда'.

Примеры: 1) *д'э·вэт' л'эт сэн* *про·жил* 'девять лет там прожил'; *ого·родйасыс мийан абу сэ·эн* 'огородов у нас нет там'; *сэ·тöн* *эм роз'ок*

пы·дөсас ‘там есть отверстие на дне’; а **сэ·ччин** тожө н’экин абы ‘а там тоже никого нет’; **сича·н** кок о·шти ‘там ноги потерял’; а **сича·н** Пэтровскöй д’эрэвн’а эшö эм ‘а там деревня Петровская еще есть’; **сича·н**’ужэ Иса·йчи ‘там уже Исаево’; мый ти **с’чан**’во·чано? ‘что вы там делаете?’; кува·кушын, **с’чан**’эмөс’ старöвэ·рйас ‘в Кувакуше, там есть староверы’; рöд’и·т’эл’йас **сичэ·н**’ о·лисö ‘родители там жили’; армийаа мунис и **сича·н·ын** пöгиб ‘в армию ушел и там погиб’; **с’ча·н·ын** у·жали ‘там работала’; **сичча·н·ын** минам гор ‘там у меня печь’; а йыс гö·рöма **с’ан**’кö·нтö по·нын ‘отец пахал там где-то в конце’; а **с’ан**’с’ас н’эм абы ‘а там сейчас ничего нет’; ми **с’с’а·н·ын** вö·лим ‘мы там были’; **с’эн**’ужэ вö·лин праз’н’ик покрöв ‘там уже был праздник Покров’; мийан **с’э·н·ын** о·лöны ро·цвэн’икйас ‘у нас там живут родственники’; а мöд **с’э·н·ын** дальшэ ку·талö ‘а другой там дальше ловит’; омут’н’инскöй **с’с’эн**’ вö·ин совхоз ‘Омутнинский там был совхоз’; эта хоромина су·лалö **ча·н·ын** ‘эта хоромина стоит там’; мэ **сэччэ·н**’ чу·жи ‘я там родился’; кыт вö·лин туй, **сэт** и н’иа и·з’д’ил’и ‘где была droga, там они и ездили’; а **с’ан**’с’ас н’эм абы ‘а там сейчас ничего нет’;

2) мэ **сэ·ччö** пэрэс’аду ‘я туда пересяду’; мама **сича·нö** мийан прийэ·хала вон динö ‘мама наша туда приехала к брату’; **сичча·н**’ кыкнан койка у·лтас пы·ртали картошкайасö ‘туда под обе кровати заносила картошку’; и вот айыс и мамыс мунисö **сича·нö** ‘и вот отец с матерью пошли туда’; вот тас’э·н’ **сичча·нö** кы·скалисö вö·лийасöн н’и·аöс ‘вот отсюда туда возили на лошадях их’; дэрэвн’ас’ыс л’э·ччисö н’иа пöч’и·нокас **с’а·нö** ‘из деревни спустились они в починок туда’; **ча·нö** из’д’ил’и ‘туда ездили’; **чэ·нö** груз’иччалим ‘туда загрузились’;

3) мун **сэ·тыс**’ уйди оттуда’; пропускö **сэ·ыс**’ н’э достал ‘пропуск оттуда не достал’; а ми ужэ тожнo **с’с’а·н·с’ин**’ка·йимö ‘а мы уже затем оттуда поднялись’; **сиччэ·н·ыс**’ вэс’ разйэхал’ис’ ‘оттуда все разъехались’.

Так же, как и ближнеуказательные местоимения, дальнеуказательные часто присоединяют формант -ка: **энка·** ми дал’шэ о·лимö н’эвнa ‘там мы дальше жили немного’; **эника·** у·з’асö ‘там переночуют’; **сэнка·** с’о о·рслимö ‘там постоянно играли’; **сэтöнка·** гуна·йас ужö кöлхознöйöс’ вö·линö ‘там гумна уже колхозные были’; а миан **сэчча·н·ка** чэрт’öж вэ·сöдöма вö·лин ‘а у нас там новина расчищена была’; вэс’ карто·шкайас **сича·н·ынка** си·с’мисö ‘вся картошка там сгнила’; и вот **сичча·н·ка** гö·римö и кö·з’имö ‘и вот там пахали и сеяли’; мый вöлин **сичча·н·ынка**? ‘что там было?’; мийан татöнка· кычан, а **чэнка·** вот порубöвчиын вот пон ‘у нас здесь собаку называют словом «кычан», а там, в Порубово – «пон»’; тэ мый **чэнка·** вö·чан? ‘ты что там делаешь’; **этика·** оз кис’талö ‘то место не поливают’; кöи·ныс ог тöд вэ·рмас оз пы·рнысö **сэччöка·** ‘не знаю, сможет ли волк туда зайти’; приэхал’и вö·лöк са·йас **сича·н·ка** ‘приехали туда за волк’; мэ ту, кöн’эшиö, эг вэтлы **сича·н·öка** ‘я то, конечно, не ходила туда’;

мэ му'ни **сичча-н'ёка** ву'ндыны 'я пошла туда жать'; шё'тасё **сэчча-н'ёка** л'он 'сложат туда лён'; купа'йччыны пы'римё **сча-н'ка** 'купаться залезли туда'; сол'сё потом **чан'ака** и тэ'чёнё 'соль затем туда и кладут'; бол'ше **с'эн'ака** и з'д'итисё 'чаще туда ездили'; шта'бэл'л'ас тэ'чыны, тожно кы'скалыны **сэыс'ка** 'штабеля складывают, затем возят оттуда'.

3.2.2. Адвербиальные указательные местоимения времени

В верхнекамском наречии данный разряд представлен формами *сэк*, *сэ'кёсти* 'тогда'. Местоимение *сэ'кёсти* образовано от послеложной конструкции *сэк кости* 'между тем, тогда'.

Примеры: *сэк ужэ как раз вот вэ'жалисё быкё'б* 'тогда как раз уже меняли все'; *сэк эшё мэ и'чёд вё'лин* 'тогда я еще маленькой была'; *сэ'кёсти ичёт мэ вё'лин эшё* 'я тогда еще маленькая была'; *сэ'кёсти* начинал'и ы'тишкыны 'тогда начинали косить'; *сэ'кёсти* нэ'тасё ул'ич ылё да с'ы'ласё 'тогда выйдут на улицу и споют'.

3.2.3. Адвербиальные указательные местоимения образа действия

В исследуемом идиоме оппозицию по дальности указания составляют местоимения *э'з' / э'з'и / эз'ика* 'вот так' и *сиз' / си'з'и / сиз'ика*; *сыз'*, *сы'з'и* 'вон так'. Ближнеуказательная форма *эз'и* обнаруживает параллели в лузско-летском диалекте и коми-язьвинском наречии (ЛЛД: 94; Лыткин 1961: 75)

Примеры: *мый ти эта эз' ту вё'чанё?* 'что вы это так делаете?'; *оз кол о'лыи эз' ту* 'не надо жить вот так то'; *вот эз'и го'рёччан* 'вот так крикнешь'; *вот эз' колё вё'чны* 'вот так надо делать'; *гёл'эн'о'к'йас эз'ика* по'таласё, кы'нмасё, подоло'к ва'ёс' 'голени вот так потрескаются, замерзнут, подол сырой'; *сиз' жё помина'йут, тёкё н'э си'йа лу'нё* 'так же поминают, только не в тот день'; *вот си'з'и ми и о'лам, ё'д'д'ён о'мё'ла* 'вот так мы и живем, очень плохо'; *эс'л'и эм н'ан' кусок дак, с'у'йан карманё да с'о'йан, а он дак, сиз'ика* и му'нан 'если есть кусок хлеба, засунешь в карман и поешь, а нет дак, так и пойдешь'.

К этой группе относятся также местоимения, образованные от дальнеуказательной адъективной основы *эшиём / этиём*: *кы'з'тё са сэ'шёма хло'пёдё* 'как-то так прихлопывает'; *сэ'шёма о'лимё* 'так жили'. случаи образования адъективных форм от местоимений *эшиём / эшиём* не зафиксированы.

3.4. Количественные указательные местоимения

Данный разряд местоимений представлен формами *эта мы'нда* 'вот столько' и *сы'мда* 'столько'. Примеры: *эта мы'нда куз'гё'м* 'вот на столько длинноват'; *эта мы'нда о'ла дак, с'а'кёй историйа а'дздыли* 'столько живу дак, всякие истории видела'; *вот сы'мда здат'колё* 'вот столько нужно сдать'; *кыны'м ёс'и'н, сы'мда и бэр'озкайас су'лтёдасё* 'сколько окон, столько и березок поставят'.

4. Вопросительные местоимения

4.1. Вопросительные субстантивные местоимения

Вопросительными субстантивными местоимениями являются *кин* / *т'ин* 'кто' и *мый* 'что'. Изменяются по падежам, оформление суффиксом множественного числа *-йас* не зафиксировано. Примеры: *ки·нлы фа·рту·кйас на·шила*, *ки·нлы ко·фтайас*, *ки·нлы вö·н'н'ас* 'Кому фартуки нашила, кому – кофты, кому – пояса'; *кин оз ужа·лö дак, н'и·а эд бэд'н'а·кйас вö·линö* 'Кто не работает дак, они ведь бедняками были'; *кин ылын мэ гö·трас'а?* 'На ком я женюсь?'; *кйны·с' йанды·с'нысö?* 'кого стыдиться?'; *ог төд ки·нö а·ртми* 'не знаю в кого пошла (букв. получилась)'; *ки·нлön эм го·ртын* 'у кого есть дома'; *этиа т'ин ба·итöны по·нэрмйацки* 'мало кто говорит по-пермяцки'; *ö·д'д'өн мэ тө·да, т'ин ми татöнка* 'очень я знаю, кто мы такие здесь'; *мый сэ·шöм гуна·, он төд?* 'не знаешь, что такое «гуна»?'; *тэ мый ылын, клаша, с'э·ралин?* 'ты над чем, Клаша, смеялась?'; *а мы·йöн мэ тожно вö·н'ас'а?* 'а чем я опоясаюсь?'; *а мыйöн мэ төда!* 'а откуда я знаю'; *мыйс'э·н' н'а?* 'отчего они?'; *мы·йыс' вö·часö?* 'из чего сделают?'.

В функции вопросительного субстантивного местоимения в языке кировских пермяков выступает также *коди* 'кто, который': *паут – ко·ди курччало д'ит'а·йас* 'паут – [насекомое], которое кусает детей'; *ко·ди то·мджыкйас, ко·тöртисö Н'ирим дорö* 'которые помоложе, побежали к реке Нирим'; *ко·ди эд трудола·убивöй да сы·лön эд уна вэс' вö·лин пэ·стрэд'д'ас и дöра·йас* 'которые трудолюбивые, у них ведь много было пестради и холста'; *сва·т'т'аыд, т'умэ·н'ад ко·ди* 'сваты, в Тюмени которая'; *вö·лин зы·бкайасыс о·з'жыкс'аыс, чэл'а·д'ыс ко·дöн бы·дмисö дак, ко·рыс', л'и·пöвöй ко·рыс'* 'Были старинные люльки, в которых дети росли, из коры, липовой коры'.

4.2. Вопросительные адъективные местоимения

Вопросительные адъективные местоимения представлены формами: *мыс'а* 'какой', *кышö·м* 'какой', *ко·ди* 'который'. Примеры: *мыс'а· ыжы·д'?! кы·көн о·лам, кы·көн* 'Да какая большая?! Вдвоем живем, вдвоем (про семью)'; *га·чыс тожэ эз вö·лы. мыс'а· гач!* 'Штанов тоже не было. Какие штаны!'; *кышö·м праз'н'кйас вö·линö?* 'какие праздники были?'; *мурталöны тожно· этан, н'и·ткаан, ко·ди дор ыжы·джджык* 'измеряют ниткой, которая сторона больше'.

4.3. Вопросительные адвербиальные местоимения

Вопросительными адвербиальными являются: *кычö·* 'куда', *кыты·с'* 'откуда', *көн* / *кытö·н* 'где', *кыз' / кы·з'и* 'как', *кыт* / *кы·ти* 'где, по какому месту', *кыс'э·н'* 'откуда, с какой стороны', *мыл'а· / мал'а·* 'почему', *кор* 'когда', *ко·дыр* 'когда'. Примеры: *кы·лзыс'исö, кытöн мый кы·лан* 'Подслушивали, где что услышишь'; *мэ н'эзамогла·, кычö· мö·ссö о·штыны* 'я приболела, куда корову девать?'; *кы·з'и йö·зас о·лнысö?* 'как у чужих жить?';

öпэ·т' вунöди, кыты·с' ти ту? ‘опять забыла, откуда вы?’, *кыс·э·н' н'а?* ‘Откуда они?’, *кыт са пы·рö?* ‘Где он заходит?’, *мыл'а· эг а·дэдзылö, а·дэдзылим!* ‘Почему не видели, видели!’, *кыз' эг а·дэдзылö, ви·з'öдим да!* ‘Как не видели, смотрели же!’, *мал'а· эн лок?* ‘Почему не пришел?’, *ти кор прийэхал'и* ‘Вы когда приехали?’, *кор мö·дам тиакйа·лны?* ‘Когда пойдем за грибами?’, *та·гсö кор тэ·чыны?* ‘Хмель когда кладут (в пиво)?’.

4.4. Вопросительные количественные местоимения

Данный разряд представлен местоимениями *мында* и *кыным* ‘сколько’. Примеры: *пудтö тö·данö мында· этö?* ‘пуд – это знаете сколько?’, *ви·з'ö·д, э·ишиöм ы·бйас зарастайут, ы·тикы, мы·нда тэ ко·лö* ‘смотри, такие поля зарастают, коси, сколько тебе надо’, *ачы·д мында· кө·з'ан да, пу·кс'öдан да, э·вö и а·дэдзылан* ‘сколько сам посеешь, посадишь, то и увидишь’, *кыны·м гöд?* ‘сколько лет’.

5. Отрицательные местоимения

Отрицательные местоимения образуются от соответствующих вопросительных посредством приставки *н'э*. Отрицательное местоимение от вопросительного местоимения *мый* ‘что’ имеет форму *н'эм*, в единичных случаях *н'эмый* ‘ничто, ничего’. Примеры: *по·пэрмйацки то н'эки·н оз баит* ‘по-пермйацки то никто не говорит’, *но·ллыны н'э·кинлы* ‘носить некому’, *минам н'иа эд эл д'ит'а·ыс, о·лныс токо н'э·кинкöд* ‘У меня ведь их много, детей, жить только не с кем’, *бра·га час о·з вöчалö, н'э·мыс' вöч·алны* ‘Брагу сейчас не делают, не из чего делать’, *н'эмы·й абы* ‘ничего нет’, *н'эмы·й эс шуö* ‘ничего не сказали’, *ог шу н'эм, вэс' по·лз'и* ‘не говорю ничего, испугалась’, *го·ртö ло·кта, н'эмыс'а· мы·з'öм а·бы* ‘домой приду, никакой усталости нет’, *н'эмыс'а· вэчэринка ылö, н'э·кыччö оз л'эз'ö* ‘ни на какую вечеринку, никуда не пускают’, *с'о эд споминайу, н'эко·р эд оги вунöд* ‘все время вспоминаю, никогда ведь и не забуду’, *н'экы·з' ми ог шуо бол'ше* ‘никак мы больше не называем’, *н'э·кышиöм празн'икйас öни н'э празнуйут* ‘никакие праздники сейчас не празднуют’, *сорок киломэтров да н'экышиö·м горто·к абы* ‘сорок километров и никакого домика нет’, *чэл'ад'о·ктö ва·йи пэрвöсö дак, н'эмы·нда эг бытты, эвö öти с'о ко·л'али го·ртö с'экро·вкакöд* ‘первого ребенка родила, нисколько не растила, его постоянно оставляла дома со свекровью’, *пи оз ужал н'икытö·н* ‘сын не работает нигде’, *мэ ту н'э виноват с·тöн н'эмы·нда* ‘я не виновата в этом нисколько’.

6. Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения в исследуемом наречии образуются от вопросительно-относительных местоимений чаще всего посредством частицы *-тö*, развившейся, вероятно, из исконной *-кö* под влиянием русского языка: *кинтö* ‘кто-то’, *мыйтö* ‘что-то’, *мыл'а·тö* ‘почему-то’, *кышиö·мтö* ‘какой-то’ и др.; реже с помощью форманта *-кö*. Примеры: *кинö·стö мыс'а·тööс ва·йöдлöма* ‘кого-то какого-то приводил’, *ки·нлötö шö·ктасö*

вѡ·чны ‘кому-то прикажут сделать’; а·дзѡзис **мыс'а·тѡ** ны·лѡс ‘нашел какую-то девушку’; сиз' **мыс'а·кѡ** стаканчик йуа да ка·н'на·слы ки·с'та ‘так какой-нибудь стаканчик (молока) выпью и кошкам налью’; праз'н'ик кэжѡ дак **мыс'а·тѡ** омѡ·л'ик бра·шэчка вѡ·чыштасѡ, **кѡ·нтѡ** по кружкэ да мый да выпйут да ‘к празднику какую-то слабенькую бражку сделают, примерно по кружке выпьют’; **кычѡ·тѡ** кы·скалсѡ мэ·нѡ ‘куда-то возили (букв. таскали) меня’; а бол'шэ ѡпэ·т' тожно о·г помн'ит **мыл'а·тѡ** ‘а больше опять не помню почему-то’; мѡд вѡлѡн **кы·шѡмѡнтѡ** тожно из'д'ил'и ‘на другой лошади какой-то затем ездили’; **ко·ртѡ** та·ччо прійэжжал'и канцэртон ‘когда-то сюда приезжали с концертом’; **мыл'а·кѡ** н'иа вэс' ку·лсѡ ‘почему-то они все умерли’; ужалныс вот **мыл'а·тѡ** понди муз'а·лны ‘работать почему-то стала уставать’; у·з'ышта **мы·нда·тѡ** ‘посплю сколько-нибудь’; шко·лаын вэ·лѡдсѡ по·пэ·рмйацки **мы·нда·кѡ** ‘в школе учили по-пермяцки сколько-то’; о·з'жык мый, д'эрэв'наыс эд ы·жыдыс эз вѡл, **кыны·мѡд** горто·к тѡл'кѡ дак ‘раньше ведь деревни не были большими, несколько домов только’.

Зафиксирован случай наращения к частице -тѡ элемента с': эс'л'и кы·лан **мы·йтѡс'** ‘если услышишь что-либо’.

Замечены случаи употребления вопросительного адвербиального местоимения **кор** ‘когда’ в значении неопределенного: луг ласта шу·алыны **кор** ‘луг ластой называют иногда’; **кор** лы·д'д'ыла ‘иногда читаю’. Интересным представляется функционирование в значении неопределенного местоимения дублетного **кор-кор**: мэ о·дзѡжыктѡ эг йу, и час ѡ·д'д'ѡнтѡ н'э срывайс', **кор-кор** быд'и ‘Я раньше не пил, и сейчас сильно не срываюсь, иногда, может’. Редупликация как способ образования неопределенных местоимений получила развитие в удмуртском языке, наблюдается также в мордовском (Федюнева 2008: 310).

В исследуемом наречии рассматриваемые местоимения могут быть образованы также с помощью русской заимствованной частицы **н'ибуд'**: **мый·н'ибуд'** т'и·йасѡ с'э·тасѡ ‘что-нибудь в руки дадут’; вэ·лкйыны **мыйѡн·н'ибуд'** ‘накрыть чем-нибудь’; **кычѡ·н'ибуд'** з'э·бам ‘куда-нибудь спрячем’; ва·ннаѡн эд кы·скыны, н'э **мыйѡн·нибуд'** ‘на ванне тащат, не на чём-нибудь’.

В функции неопределенного субстантивного и адъективного местоимений в исследуемом наречии используется также **коди** ‘некоторые, одни, кое-кто’. Употребляясь в роли неопределенного субстантивного местоимения, **коди** изменяется по падежам, может принимать суффикс множественного числа -йас. Примеры: **кодйас** шу·исѡ ка·ртабн ‘некоторые называли [хлеб] словом «карта»»; **ко·ди** тѡкѡ, н'э вэ·с'ѡн ‘некоторые только, не все’; ссылку **ко·дйасѡс** мѡ·дѡдлсѡ, **коди** эз и ло·ктѡ та·ччѡ ‘в ссылку некоторых отправляли, некоторые и не вернулись обратно сюда’; **ко·дйас** гада·л'и а, **мыл'а·тѡ** мэ н'э гада·ла ‘некоторые гадали, а я почему-то не гадала’. В роли

препозитивного определения примыкает к определяемому слову: *а ко·ди сосналён эм ли·и·ыс, а ко·дилён эд абу* ‘у одних сосен есть мезга, а у некоторых ведь нет’; *ба·итыны ко·ди чэ·л·ад’* ‘говорят некоторые дети’. Зафиксирован случай оформления местоимения *коди* неопределенной частицей *-тё*: *ко·дтойаслён вё·лино шэргун·иас, а ко·дйаслён эз вёл* ‘у одних были колокольчики, а у других не было’.

Местоимение с основой *код-* / кп. *көд-* в значении ‘который’ характерно и для других коми диалектов; однако значение ‘некоторые, одни’ проявляется лишь в верхнекамских говорах. В рассматриваемом случае верхнекамское наречие обнаруживает сходство с удмуртским языком, в котором местоимение *куд, кудиз* ‘который’ довольно часто употребляется в значениях ‘некоторый’, ‘одни’: *нош кудиз пырозы тайгае...* ‘а некоторые пойдут в тайгу’ (ГСУЯ: 178).

7.0. Обобщенно-определятельные местоимения

В качестве обобщенно-определятельных местоимений в идиоме выступают: *вэс’* ‘все, весь, вся, все’, *вэ·с·ён* ‘все’ и *быкё·б / бикё·б* ‘всё, весь, вся, все’, *быкё·бён / бикё·бён* ‘все’; *му·көд* ‘другой, некоторый’, *ка·жөдй* / *ка·жнөй* ‘каждый’, *с·а·көй* ‘всякий’.

7.1. Местоимения *вэс’* ‘все, всё; весь, вся’ и *вэ·с·ён* ‘все’

Местоимение *вэс’* ‘все, всё, весь, вся’ функционирует в качестве субстантивного и адъективного местоимений, т. е. может выступать в функции определения, подлежащего, дополнения. Субстантивное *вэс’* изменяется по падежам, но не образует личных форм и не присоединяет показатель множественного числа *-иас*. Примеры: *дак ву·нөди ужө, вэс’ мэ ву·нөди* ‘дак забыла ужэ, все я забыла’; *пэрэпугал’ис вэс’* ‘перепугались все’; *ми вэс’ – пэрмйайас* ‘мы все – пермяки’; *вэс’ ко·дөртасө* ‘все помянут’; *опэт’ вэ·рдан вэ·с·өс* ‘опять накормишь всех’; *уна·джык вэ·с·с·а сы·лөн д’эн’га* ‘больше всех у него денег’; *мэ тожө н’э вэс’ тө·да* ‘я тоже не все знаю’; *лу·гийас и йө·рийас, вэс’ тө·ди* ‘луга и огороженные участки, всё знал’. Адъективное *вэс’* примыкает к существительным: *а·дэдзан тай, быкё·б вөр, вэс’ы·бийас вөр* ‘видишь же везде лес, все поля – лес’; *вэс’ а·сыл* ‘все утро’.

Лексема *вэс’* может употребляться и в функции частицы: *му·з’и вэс’* ‘устала даже’; *вот тай Вал’алён сва·т’таыс пиро·гийас пө·жаллө и вэс’* ‘вот Валина сватья пироги печет даже’; *здыха·н·н’э вэс’ йө·ртис* ‘дыхание даже перехватило’.

Местоимение *вэ·с·ён* ‘все’ – неизменяемая форма, представляющая собой застывшую форму инструментalia лексемы *вэс’* и обозначающая общность лиц. Примеры: *вэ·с·ён и·грышишэ ылын нэс·н’айас с’ы·лыны* ‘все на игрищах песни поют’; *го·рзыныс го·рзыны эд вэ·с·ён* ‘плакать плачут все’; *мэ·нам вэ·с·ён зы·пкаын бы·дмисө* ‘у меня все в люльке выросли’; *у·жалимө вэ·с·ён ө·тла* ‘работали все вместе’.

Рассмотренные местоимения характерны также для южных (лж. в.) и северо-западных (нв. в.) коми-зырянских диалектов (Попова, Сажина 2014: 174).

7.2. Местоимение *быкӧб* / *бикӧб* / (*ыкӧб*) ‘все, всё, весь, вся’ и *быкӧбӧн* / *бикӧбӧн* ‘все’

Местоименная форма *быкӧб* / *бикӧб* / (*ыкӧб*) ‘всё, все; весь’ в рамках коми диалектного пространства характерна только для исследуемого наречия. Природа местоимения неясна. Лексема зафиксирована в словарях Н.А. Рогова (Рогов 1869: 10), Ф.И. Видемана (Wiedemann 1964: 23), К. Редеи (Rédei 1968: 21), а также в коми-пермяцко-русском словаре с пометой *уст.* (КПРС 1985: 50). Функционирует в качестве субстантивного и адъективного местоимений. Субстантивное *быкӧб* изменяется по падежам, не образует личных форм. Примеры: *быкӧб бы-глас’о* ‘все валяется’; *пыис вӧчӧ быкӧб* ‘сын делает все’; *быкӧб-блӧн* *куричайас вӧ-линӧ* ‘у всех курицы были’; *быкӧб-бтӧ* *с’ичас уж ог помн’ит* ‘всех сейчас уже не помню’; *быкӧб-бс’а* *ыжы-джджык* ‘больше / старше всех’; *быкӧб-бӧс* *колхозӧ с’уйисӧ* ‘всех в колхоз записали’; *н’э должны ӧ-тла с’о-йны быкӧб-бкӧд* ‘не должны есть вместе со всеми’; *быкӧб по-нда н’ан’мина-м н’э хват’ит* ‘на всех хлеба у меня не хватит’; *быкӧб постройка кис’с’ыны понис* ‘все постройки стали разрушаться’; *ыкӧб-бӧс гортын ва-йи* ‘всех дома родила’.

Местоимение *быкӧб-бӧн* / *бикӧб-бӧн* ‘все’ является неизменяемым; образовано от формы инструментalia местоимения *быкӧб* и обозначает общность лиц. Примеры: *ми быкӧб-бӧн* ‘мы все’; *быкӧб-бӧн па-н’йас пук’тисӧ* ‘все ложки положили’; *быкӧб-бӧн э-з’и у-жалыны* ‘все так работают’; *по-пэрмйацки ба-италисӧ жӧ и, но н’э бикӧб-бӧн* ‘по-пермяцки говорили тоже, но не все’. Зафиксирована форма с наращением элемента *-ӧс’*: *гортын мийан быкӧб-бӧнӧс’ по-пэрмйацки ба-итисӧ* ‘дома у нас все по-пермяцки говорили’;

7.3. Местоимение *мукӧд* ‘иной, другой’ в верхнекамском наречии встречается очень редко, зафиксировано лишь в одном из говоров: *ой, мортыс мукӧдыс шэ-дас* ‘ой, люди некоторые попадутся’; *мукӧд разыс* ‘в другой раз’.

7.4. В исследуемом наречии широко употребляются заимствованные из русского языка местоимения *ка-ждӧй* / *ка-жнӧй*, *с’а-кӧй* / *вс’а-кӧй* ‘всякий’, *с’акӧ* ‘по-всякому’: *ка-жнӧй* *лун* ‘каждый день’; *каждӧй ӧ-с’ин у-лтӧ* ‘под каждым окном’; *ка-ждӧй д’эрэв’аын асла-с говор* ‘в каждой деревне свой говор’; *с’а-кӧй узо-рйасӧн йӧ-зыс кы-йалисӧ* ‘всякими узорами люди вязали’; *йа-гӧда мийан бы-нмӧ та-тӧн, вс’а-кӧй бы-нмӧ тожӧ* ‘ягоды у нас растут здесь, всякие растут тоже’; *с’акӧй пого-дас вӧ-лалин* ‘всякая погода бывала’; *вэс’ начал’свӧсӧ с’а-кӧ види* ‘все начальство по-всякому ругала’; *с’а-кӧ о-рсаимӧ* ‘по-всякому играли’.

8.0. Взаимные местоимения

Данный разряд местоимений представлен одной формой, зафиксированной в вариантах *мõда-мõд*, *мõд-мõд*, *мõна-мõд*, *мана-мад*. Форма *мõна-мõд* развилась, вероятно, в результате фонетического процесса расподобления. Рассматриваемое местоимение изменяется по падежам и употребляется с послелогами. Примеры: *относ'ил'ис' ша'н'а мõда-мõ-дкõд* ‘относились друг к другу хорошо’; *мõд-мõ-д дорõ вз'тимõ* ‘друг к другу ходили’; *мõна-мõ-д ылын кз'ркайасыд дак* ‘друг на друге дома дак’; *мана-ма-дõс ку'талисõ* ‘друг-друга ловили’. Личные формы взаимных местоимений, образованные посредством лично-притяжательных формантов коллективного обладания и характерные для большинства коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов, в идиоме не употребляются (ср. кз. *õта-мõдным* / *мõда-мõдным*, *õта-мõдныд* / *мõда-мõдныд*, *õта-мõдныс* / *мõда-мõдныс*; кп. *õтамõдным*, *õтамõдныт*, *õтамõдныс*). Нехарактерны личные формы рассматриваемых местоимений также для верхнесысольского и лузско-летского диалектов (ВСД: 111; ЛЛД: 71).

Рассмотренный в статье лингвистический материал позволяет заключить следующее: система местоимений языка кировских пермяков демонстрирует его переходный характер, обнаруживая черты коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов; в то же время для нее характерны специфические особенности, являющиеся результатом как внутреннего развития исследуемого идиома, так и иноязычного воздействия.

Сокращения

Языки и диалекты: вс. – верхнесысольский (коми-зырянский); вым – вымский (коми-зырянский); кз. – коми-зырянские; кп. – коми-пермяцкие; лл. – лузско-летский (коми-зырянский); нв. – нижевычегодский (коми-зырянский); уд. – удорский (коми-зырянский).

Литература

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М., 1982.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Волкова А.А. Синтаксические особенности возвратных местоимений в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы: Сб. статей. М., 2012. С. 543–588.

ВСД – Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Карпова Л.Л. Специфика словоизменения усилительно-личных местоимений в удмуртском языке (на материале северных диалектов) // Фило-

логические наук. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 81–84.

Кибрик А.Е., Богданова Е.А. Сам как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 28–47.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М., 1985.

ЛЛД – *Жилина Т.И.* Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Попова Р.П., Сажина С.А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар, 2014.

Рогов Н.А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. Санкт-Петербург, 1869.

Сажина С.А. Собственноличные местоимения в коми языке: диалектные соответствия // STUDIA JUVENALIA (SJ): Сборник работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2005. С. 155–176.

Сажина С.А. Усилительно-личные местоимения в коми языке: междиалектные соответствия // Динамические процессы в системах пермских языков. Сыктывкар, 2011. С. 84–99. (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 68).

Тарakanов И.В. К вопросу о грамматических значениях усилительно-личных местоимений в удмуртском языке // Дейктические системы и квантификация в языках Европы и Северной и Центральной Азии / Тезисы докладов. Ижевск, 2001. С. 151–152.

УД – *Сорвачева В.А., Безносикова Л.М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990.

Федюнева Г.В. Коми местоимение: к проблеме формального варьирования в коми языке. Сыктывкар, 2000.

Федюнева Г.В. Местоимения и числительные. Сыктывкар, 1990. (Научные доклады / Коми научный центр УрО АН СССР. Вып. 241).

Федюнева Г.В. Морта нимвежтасьяс коми кывйын: вариативность да норма // Пермистика – 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 1999. С. 173–180.

Федюнева Г.В. Морфологическая семантика коми местоимений // Пермистика – 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сб. статей. Сыктывкар, 2001. С. 274–280.

Федюнева Г.В. О статусе так называемых «местоименных наречий» в коми языке // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000а. С. 73–82. (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Вып. 62).

Федюнева Г.В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург, 2008.

Rédei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A. Wolegows. Budapest, 1968.

Wiedemann F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch. London – Paris, 1964.

ÖКК – Öнiя коми кыв. Морфология. Сыктывкар, 2000.

Склонение личных местоимений

Падёж	Единственное число			Множественное число		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
Ном.	мэ	тэ	сийа сия са	ми	ти	н'иа н'а
Ген.	минам мэам	тинад тэнад	сылён	мийан миан	тийан	н'иалён
Абл.	мэнс'ым мэнчым	тэнс'ыд	сылыс'	мийанлыс'	тийанлыс'	н'иалыс'
Дат.	мэным мэм (мэн)	тэныд тэд (тэн)	сылы сылё (сыму)	мийанлө мийанлы	тийанлө тийанлы	н'иалө н'иалы
Акк.	мэнб	тэнб	эвб (йэвб)	мианбс мийанбс	тийанбс	н'иабс (н'абс) (н'ибс) (н'ас) (н'иас)
Инстр.	мэбн	тэбн	сыбн (эвбн)	мийанбн	тийанбн	н'иабн
Комит.	мэкбд	тэкбд	сыкбд	мийанкбд	тийанкбд	н'иакбд

* Материал представлен по мере частотности: сначала даны наиболее употребительные формы, в скобках – единичные.

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
Абес.	мэтөг мэтөйи мэтөйя (мэтөгн'и)	тэтөг тэтөйи тэтөйя (тэтөгн'и)	сытөг сытөйи сытөйя (сытөгн'и)	мийантөг мийантөйи (мийантөгн'и)	тийантөг тийантөйи тийантөйя (тийантөгн'и)	н'иатөг н'иатөйи
Конз.	–	–	–	–	–	–
Инесс.	(мэын)	(тэын)	(сыын)	мийанын	тийанын	н'иаын
Элат.	мэыс'	тэыс'	сыыс'	мийаныс'	тийаныс'	н'иаыс'
Иллаг.	(мэө)	(тэө)	(сыө)	мийанө	тийанө	(н'иаө)
Аппр.	мэлан'	тэлан'	сылан'	мийанлан' (мийанлан'ө)	тийанлан' (тийанлан'ө)	н'иалан'
Эгр.	мэс'эн' (мэс'ан)	тэс'эн' (тэс'ан)	сыс'эн' (сыс'ан') (сыс'ин')	мийанс'эн' (мийанс'ин') (мийанчин') (мийанс'ан)	тийанс'эн' тийанс'эн' (тийанс'ан)	н'иас'эн' (н'иас'ан)
Транз.	–	–	–	–	–	–
Терм.	мэöz'	тэöz'	сыöz'	мийанöz'	тийанöz'	н'иаöz'
Прекл.	мэс'а	тэс'а	сыс'а	мийанс'а	тийанс'а	н'иас'а

Склонение усилительно-личных местоимений

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
Ном.	ачым аслам ас'лам (ас'лам)	ачыд	ачыс	ачыным ас'ным (ачымйас) (ас'нымйас) (асным)	ачыныд ас'ныд (ачыдыйас) (ас'ныдӧс)	ачыныс ас'ныс (ачысйас)
Ген.	аслам	аслад	аслас	аслам	аслад	аслас
Абл.	асламыс'	асладыс' асладс'ыд аслыдс'ыд	асласыс' асласс'ыс асладс'ыс аслысс'ыс	асламыс'	асладыс'	асласыс' асласс'ыс асладс'ыс аслысс'ыс
Дат.	аслым	аслыд	аслыс	аслым (аслыным) (аслы'млы)	аслыд	аслыс (аслыныс)
Акк.	ачым ас'ӧс аслам ас'ӧс (ас'ӧс)	ачыд ас'ӧс ачыд ас'тӧ аслад ас'ӧс аслад ас'тӧ (ас'тӧ) (ас'ӧс)	ачыс ас'ӧс аслас ас'ӧс (ас'ӧс)	ачым ас'йасӧс аслам ас'ӧс (ас'йасӧс)	ачыд ас'йасӧс ачыд ас'йастӧ аслад ас'ӧс (ас'йасӧс)	ачыс ас'йасӧс аслас ас'ӧс ас'йасӧ (ас'йасӧс)
Инстр.	ачым ас'ӧн аслам ас'ӧн (асламӧн)	ачыд ас'ӧн аслад ас'ӧн (ас'над)	ачыс ас'ӧн аслас ас'ӧн	ачым ас'йасӧн аслам ас'йасӧн аслам ас'ӧн	ачыд ас'йасӧн аслад ас'йасӧн аслад ас'ӧн	ачыс ас'йасӧн аслас ас'йасӧн аслас ас'ӧн

Падёж	Единственное число			Множественное число		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
Комит.	ачым ас'көд	ачыд ас'көд	ачыс ас'көд	—	—	—
Элатив	ачым ас'ыс' аслам ас'ыс'	ачыд ас'ыс' аслад ас'ыс'	ачыс ас'ыс' аслас ас'ыс'	ачым ас'йасыс' аслам ас'ыс'	ачыд ас'йасыс' аслад ас'ыс'	ачыс ас'йасыс' аслас ас'ыс'
Аппр.	аслан' аслан'ө аслам аслан'ө асламлан'	аслан'ө аслад аслан'ө асладлан'	аслан'ө асласлан'	аслан'ө аслам аслан'ө асламлан'	аслан'ө аслад аслан'ө асладлан'	аслан'ө асласлан'
Эгр.	ас'с'эн' асламс'эн' ачым ас'с'эн'	ас'с'эн' асладс'эн' ачыд ас'с'эн'	ас'с'эн' асласс'эн'	ас'с'эн' асламс'эн'	ас'с'эн' асладс'эн'	ас'с'эн' асласс'эн'
Терм.	ачым ас'өз' аслам ас'өз' (ачым'өз')	—	—	—	—	—
Прекл.	ас'с'а	ас'с'а	ас'с'а	—	—	—

О НЕКОТОРЫХ КОМИ-ЗЫРЯНСКО-КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ РАСХОЖДЕНИЯХ

Е.Н. Федосеева

Коми-пермяцкий и коми-зырянский языки имеют общие корни и относятся к пермской ветви финно-угорской языковой семьи наряду с удмуртским. В современном языкознании принято считать их самостоятельными языками. Однако не все исследователи согласны с этой точкой зрения. Так, например, В.И. Лыткин в «Диалектологической хрестоматии по пермским языкам» (Лыткин 1955) отмечал: «Коми-пермяцкую и коми-зырянскую разновидности языка коми некоторые считают двумя самостоятельными языками, оставляя вне поля зрения третью разновидность коми речи – коми-язьвинскую. Нам кажется, что будет более правильным, если мы назовем эти три разновидности коми речевой системы наречиями. На базе первых двух наречий развились ... самостоятельные литературные языки ...» (Лыткин 1955: 10). Из современных ученых точку зрения единства коми языка поддерживает Е.А. Цыпанов. В своей работе «Перым-коми гижӧд кыв» он пишет, что с исторической точки зрения можно говорить о едином коми языке, имеющем два очень близких друг другу литературных варианта одного языка (Цыпанов 1999: 3). Причину разделения единого народа и языка ученый видит в истории XX в. (Цыпанов 1999: 12–14). Исследователь Ёньӧ Лав (В.А. Степанов) в своих статьях пишет, что «проблема единства коми языка продолжает оставаться крайне актуальной для адекватного понимания характера взаимоотношений между различными разновидностями коми речи в условиях этнополитической разобщенности коми этноса» (Ёньӧ Лав 2006: 136). Он говорит о том, что коми народ – един, а, следовательно, един и его национальный язык, включающий в себя все разновидности коми речи; национальный язык имеет два региональных литературных варианта – пермский (пермяцкий) и сыктывкарский (зырянский) (Ёньӧ Лав 2006: 144).

Словарный состав коми-пермяцкого и коми-зырянского языков не раз являлся предметом научного изучения, однако в большинстве случаев эти

исследования проводились изолированно. В сравнительном плане лексика пермяцкого и зырянского языков до сих пор не анализировалась, за исключением нескольких работ (Пономарева, Климова 2005: 187–190; Федосеева 2014: 191–194). В какой-то степени сравнительный анализ данных языков осуществлен в работе Е.А. Цыпанова «Перым-коми гижӧд кыв», в которой представлен словарь, состоящий из около полутора тысяч слов и примерно ста фразеологических единиц, употребляющихся в коми-пермяцком языке, но отсутствующих в зырянском литературном языке.

В статье мы рассмотрим отдельные случаи лексических пермяцко-зырянских расхождений и попытаемся выяснить причины их возникновения.

кп. **басӧк** – кз. **мича** ‘красивый’

Изоглосса *басӧк* охватывает все коми-пермяцкие говоры: *басӧк местаэз* ‘красивые места’, *басӧк рӧма* ‘красочный, красивой расцветки’ (КПРС: 26), *басӧк нывка* ‘красивая девушка’, *басӧк плат'т'о* ‘красивое платье’, *рытыс басӧк* ‘вечер красивый’. Широкий круг производных от данной лексемы слов: *басӧка* ‘красиво’, *басӧксӧтны* ‘делать (сделать) красивым, украшать’, *басӧксявны* ‘становиться красивым; похорошеть’, *басӧктор* ‘красивая вещь; украшение’ (КПРС: 26). Слово *басӧк* имеет значение и ‘погожий, солнечный, ясный’: *луныс талун басӧк* ‘день сегодня ясный’ (КПРС: 26).

В коми-зырянском языке в значении ‘красивый’ употребляется слово *мича* (РКС: 368), в диалектах: вв. в.с. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *мича*; уд. *мыча*, *мыча* ‘красивый, погожий’ (ССКЗД: 221). В верхнесольском диалекте также зафиксировано *басӧк* ‘красивый, пригожий, нарядный; красиво, нарядно’ (КСК I: 59). Кроме того, в коми-зырянских диалектах употребляется *баскӧ* нв. сс. уд. ‘красивый, пригожий, нарядный; красиво, нарядно’, *баскей* вв. ‘тж.’, *бас* вв. вым. печ. скр. сс. ‘украшение’, *баса* лл. ‘тж.’, *баситны* в.с. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд., *баситні* вв. ‘украшать, украсить; наряжать, нарядить’, *баситчыны* скр. сс., *басиччыны* иж. ‘наряжаться, нарядиться, принаряжаться, принарядиться’ (КСК I: 58), *бассяя* лл. ‘красиво, нарядно’, *басюк* вв. ‘щеголь, франт’ (КСК I: 59).

В коми-пермяцких говорах слово *мича* также употребляется: *мича* 1) ‘красивый; пригожий, миловидный, привлекательный’ (*мича ныв* ‘красивая девушка’, *мича чужӧмбан* ‘пригожее лицо’); 2) ‘погожий, безоблачный, солнечный, ясный’ (*мича асыв* ‘ясное утро’, *сулалӧны мича луннэз* ‘стоят ясные, солнечные дни’) (КПРС: 250). Следует отметить, что в первом значении данное слово в современном языке малоупотребительно (или неупотребительно), во втором же значении лексема широко распространена и функционирует во всех говорах. Кроме того, в коми-пермяцком языке зафиксированы *мич* 1) в.-иньв. ‘вёдро, солнечная (ясная) погода’,

2) *сев.* ‘краса, красота’, 3) *лев.* ‘краска’*; *мичамны* 1) ‘прояснить, проясниться; улучшиться (о погоде)’; 2) ‘похорошеть’; *мичотны* 1) *в.-иньв.* ‘красить, окрасить, выкрасить (пряжу, ткань)’; 2) *усол.* ‘украшать, украсить’ и производные от них, *мичлун сев.* ‘счастье, радость’** (КПРС: 250).

Лексема *мича* является исконной. Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» воспроизводят общеп. **mič*’, далее возводят к допермскому **m̥č’č* и считают, что первоначальным было значение ‘чистый, ясный’, откуда и произошло значение ‘красивый’ (КЭСК: 172).

Слово *басок* принято считать севернорусским заимствованием (КЭСК: 37), ср. *басый, баский, баской* ‘красивый, видный, пригожий, нарядный’ (Даль 1: 52), *баской, басок, баский* ‘красивый, нарядный; хороший’ (СРНГ II: 132). Вероятно, это слово и было заимствовано в коми-пермяцкие говоры, а впоследствии вытеснило исконную лексему. Поскольку заимствованная лексема не имеет значения ‘ясный, солнечный’, то слово *мича* с этой семантикой сохранилось в языке коми-пермяков.

В коми-зырянском языке до сих пор преимущественно употребляется исконное слово. Слова с корнем *бас-*: *баскӧ, баскей, бас, баса, баситны, баситни, баситчыны, басиччыны, бассая, басюк*, возможно, были заимствованы непосредственно из русских говоров. *Басок* в верхнесысольском диалекте могло появиться вследствие иррадиации уже из коми-пермяцких говоров.

кп. *н’оштӧм* — кз. *мис’тӧм* ‘некрасивый’

В коми-пермяцких диалектах повсеместно употребляется лексема *нѣштӧм* ‘некрасивый, непривлекательный; отвратительный’ (КПРС: 273): *н’оштӧм мыгӧра* ‘нескладный, с нескладной фигурой’, *н’оштӧм чужӧма* ‘с отвратительной физиономией’, *н’оштӧм зонкаок* ‘некрасивый мальчик’, *н’оштӧм пу* ‘некрасивое дерево’ и т.д. Имеется также ряд производных от данного слова лексем: *нѣштӧма* ‘некрасиво, безобразно’, ‘некрасиво, дурно, непристойно’; *нѣштӧмасьны* диал. ‘расквакаться’, перен. ‘кривляться, гримасничать’, сев. ‘рыгать, отрыгивать’; *нѣштӧмин* Рог. ‘безобразие, уродство’; *нѣштӧммыны, нѣштӧмсявны, нѣштӧмтчыны* ‘дурнеть, подурнеть; потерять привлекательность’; *нѣштӧмтны* ‘делать некрасивым, уродовать, изуродовать, обезобразить’ (КПРС: 273).

Н’оштӧм со значением ‘некрасивый’ употребляется и в верхнекамском наречии. В коми-язьвинском наречии зафиксировано слово *н’уштӧм* (вариант *н’ужтӧм*) ‘некрасивый’ (КЯД: 156). Таким образом, изоглосса *н’оштӧм* охватывает коми-пермяцкие, верхнекамские и коми-язьвинские говоры.

* *Мич* в значении ‘краска для окрашивания пряжи’ имеет более широкий ареал функционирования (Федосеева 2015: 144).

** При выявлении ареалов употребления слов в северном наречии мы не нашли факта функционирования лексемы *мичлун* в современных говорах.

В коми-зырянском языке в данном значении употребляются *мисьтӧм*, *лӧсьыдтӧм*, *лӧк*, *урӧдик*: *мисьтӧм чужӧм* ‘некрасивое лицо’, *лӧсьыдтӧм гӧлӧс* ‘некрасивый голос’ (РКС: 495), в диалектах: вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. *мисьтӧм*, вв. иж. *мисьтэм*, л. *мичтӧм*, уд. *мычтӧм*, *мытьтӧм* (ССКЗД: 221). Лексема *мис'тӧм* используется и в верхнекамском наречии наряду с *н'оштӧм*.

Слова *н'оштӧм*, *мис'тӧм* образованы при помощи каритивного суффикса *-тӧм* со значением ‘отсутствие чего-либо’. Коми-зырянское образовано от корня *мис'-*, произошедшего из *мич* ‘красота’ (*s' < č'*) (КЭСК: 172), и буквально обозначает ‘без красоты’.

Соответствие коми-пермяцкой лексеме выявлено в удмуртском языке: *нюжтэм* диал. 1. шалун (о детях) 2. невыдержанный, ведущий себя вызывающе (о взрослых) 3. грязный, неопрятный (о человеке) (УРС: 478), сев. *нюжтэм* ‘шалун’ (Борисов 1991: 200). С.А. Максимов отмечает, что оно употребляется в среднечепецком диалекте, в частности, в глазовском и бalezинском говорах, и имеет негативную коннотацию (Максимов 2015: 93). Исследователь для сравнения приводит производное *н'уштэмйас'кӧнь* ‘кривляться, гримасничать; вести себя вызывающе’ и указывает, что слово *нюжтэм* «постепенно вытесняется лексемой *шӧрччи* (*шӧрччӧ*), являющейся нейтральной или выражающей позитивное отношение к ребенку. В речи информантов оно может произноситься со звонким (или полувзвонким) *жс* вместо глухого *ш* – *н'ужтэм*» (Максимов 2015: 93).

В удмуртском примере выделяется суффикс *-тэм* с каритивным значением, как в словах *пельтэм* ‘безухий’, *нимтэм* ‘безымянный’, *чоригтэм* ‘безрыбье’ и т.д., и корень *нюж-*. Несмотря на разницу в семантике, связь между коми-пермяцким и удмуртским примерами очевидна.

Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» коми-пермяцкое *н'оштӧм*, коми-язьвинские *н'уштӧм*, *н'ужтӧм* сравнивают с удмуртским словом *нюжтэм* и считают, что перечисленные примеры имеют общий корень с кз. *нӧджъявны* ‘высматривать, выглядывать, оглядывать, осматривать’ (КЭСК: 188). Слово *нӧджъявны* в свою очередь связывают с лет. *нӧдж* ‘по (такому-то образцу, способу, примеру); согласно, в соответствии с чем-л.’), л. *нӧджыс* ‘в направлении’, л. *нӧджӧс* ‘продольный (напр., ячейка сети), л. *нӧджӧса* ‘продольный’, ‘вдоль’, ‘овальный’; сс. *нӧджӧс*: *нӧджӧс син* ‘зоркий, глазастый’, кя. *нюдж*: *тӧл нюдж муна* ‘по ветру иду’, *ва нюдж кӧлта* ‘по течению реки плыву’ и возводят к общепермскому **n'ʊž* или **n'ʊ.ž* ‘продольный, направленный, расставленный в ряд, вдоль чего-л.; упорядоченный; размеченный; ладный; дельный’ (КЭСК: 188).

Изоглосса *н'оштӧм* – *н'уштӧм* / *н'ужтӧм* – *нюжтэм* охватывает языковое пространство коми-пермяцкого языка, включая коми-язьвинское и верхнекамское наречия, а также северную диалектную зону удмуртского

языка. Возможно, слово является коми-пермяцкой инновацией, а в удмуртский язык попало уже из коми-пермяцких говоров. С.А. Максимов также допускает проникновение лексемы *нюжтэм* из коми-пермяцкого языка и указывает, что «замена гласного *о* на *у* в корне могла произойти под влиянием удмуртского наречно-изобразительного слова *нюж*: *нюж кыскыны* ‘волочить, тянуть волоком (юзом)’, *нюж ветлыны* ‘ползать; пресмыкаться; угодничать’, на что указывает, в частности, тенденция произносить звонкий согласный *ж* вместо ожидаемого *ш* (Максимов 2015: 94). Что касается семантики, то он отмечает: «если основа слова имела значение ‘продольный, расставленный в ряд; упорядоченный; ладный и т. п.’, то каритивный суффикс *-тэм* ~ *-тõм* придал слову противоположную семантику, т. е. ‘беспорядочный; сумбурный; неладный’, из чего развились его современные значения» (Максимов 2015: 94).

На наш взгляд, *н'оштõм*, действительно может быть одного корня с лет. *нѣдж* ‘по (такому-то образцу, способу, примеру), согласно, в соответствии с чем-либо’, соответствие которому широко функционирует в коми-пермяцком языке: *нѣж*, *нѣжõн*. В учебнике для ВУЗ-ов 1962 г. данная языковая единица относится к послелогам соответствия: *нѣж* ‘по, так, как’: *Валя платье вурис Вера нѣж* ‘Валя платье сшила, как у Веры’ (КПЯ 1962: 304). В учебнике для педучилища 1982 г. он приведен в ряду послелогов образа действия *нѣж* (*нѣжõн*) и послелог *нѣж* в числе сравнительных, наряду с *моз* (*мозõн*) и *моз* соответственно (КПЯ 1982: 154).

Таким образом, корень анализируемого слова мог быть в форме **н'ож-* и иметь значение ‘образец, пример, порядок’. При присоединении каритивного суффикса *-тõм* могло произойти оглушение: *н'ож-* ‘образец, пример’ + *-тõм* ‘без’ > *н'оштõм* ‘не соответствующий образцу, примеру’.

Косвенным подтверждением возможности данного образования является соответствующее коми-зырянское *ногтõм* нв., *ногыстõм* уд. ‘неладный, нехороший, плохой’, образованные также при помощи суффикса *-тõм* от корня *ног* ‘манера, привычка, обычай’, ‘толк, путь, лад’, *посл.* ‘по (такому-то образцу, способу, примеру), ‘согласно, в соответствии с чем-либо’ (ССКЗД: 243–244).

Изогlossen *н'оштõм* и *мис'тõм* четко ограничивают коми-зырянские и коми-пермяцкие говоры. Возможно, что *мис'тõм* является зырянской инновацией, не распространившейся на пермяцкие территории из-за встречной инновации *н'оштõм*, также не получившей распространения в зырянских говорах.

кп. **быдõс** – кз. **став** ‘весь, всё’

В коми-пермяцких говорах в значении ‘весь, всё’ повсеместно употребляется слово *быдõс*: *эта быдõс* ‘это всё’, *быдõс н'и кэри* ‘всё уже сделал’, *сы киш' быдõс пэтõ* ‘он мастер на все руки’, *кэрны быдõс задан'н'оэз* ‘сде-

лать все задания' и т.д. В коми-язьвинском наречии зафиксированы *бөдөн* 'весь, всё', *бөдөс* 'всё, всего' (КЯД: 90), *дэ'л* 'весь, всё, все' (КЯД: 111). В верхнекамском наречии указано на употребление *быкӧб*, *дыкӧб*, *ыкӧб* 'все, всё' (Нечаев 1930: 22; Лыткин 1955: 119).

В коми-зырянском языке в значении 'весь, все, всё' функционируют *став*, *ставӧн* (РКС: 76), в диалектах: вв. вс. вым. лл. нн. скр. уд. *став*, сс. *стал*, иж. *стаф*, вв. *тав* (ССКЗД: 346). Кроме этого, распространены слова, производные от *быд-*: вв. нв. *быд*: напр., *быд чой-вок томӧн кулӧнӧ* 'все братья и сестры рано умирают' (ССКЗД: 346), вв. иж. нв. печ. скр. сс. *быд-тор*, вым. лл. скр. сс. уд. *быттор*, вс. *быттӧр*, нв. *быдном*, вым. иж. нв. уд. *быдӧн* 'всё, всякая вещь': *оз куж быдӧнӧс* 'не всё умеет' (ССКЗД: 33). Слова с корнем *став* зафиксированы и в мысовско-лупьинском диалекте: *ставыс сылӧ тӧдса* 'все ему знакомо', *сэтӧн ставыс пуктис'ӧ* 'там все сенокосят' (Лупьинцы: 188; Федосеева 2015: 87), куда они были заимствованы из верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка.

Слова с корнем *быд-* зафиксированы и в удмуртском языке: *быдэ* посслелог на, по, еже-; каждый: *быдэ арлы* 'каждый год', *нуаллы быдэ* 'каждый день, ежедневно', *адямилы быдэ* 'на каждого человека'; *быдэн* в значении предлога по: *быдэн вить манет* 'каждому по пять рублей'; *быдэс* 'целый, круглый (о мере времени)': *быдэс ар* 'круглый год', 'весь, целиком': *быдэс уй* 'всю ночь' (РУС: 90).

Корень *быд-*, по мнению авторов «Краткого этимологического словаря коми языка», является общепермским (КЭСК: 43). На этой основе при помощи суффикса *-ӧс* в коми-пермяцких говорах возникло, вероятно, слово *быдӧс*, которое в этом случае можно считать коми-пермяцкой инновацией. Однако наличие соответствующей лексемы с тем же суффиксом *-эс* в удмуртском языке позволяет характеризовать изоглоссу как ареально-генетическую, т.е. слово могло возникнуть в общепермский период, но не получить распространения на всей территории.

Что касается зырянского слова *став*, то оно считается русским заимствованием (Лыткин 1955: 119; КЭСК: 265).

Таким образом, изолексы *быдӧс* и *став* очерчивают коми-пермяцкие и коми-зырянские диалекты и образуют четкую границу между коми-зырянскими и коми-пермяцкими говорами.

кп. **пэл'кытш** – кз. **ис'эрга, чуси** 'сережки'

В коми-пермяцком языке повсеместно распространено слово *пэл'кытш* 'сережки': *пэл'кытшитшэз бос'ти* 'сережки купила', *пэл'кытшитшэз эмӧс' мэнам* 'у меня есть сережки', *пэл'кытша* 'с серьгами'. В коми-зырянском языке в данном значении употребляются *исерга*, *чуси*: напр., *зарни чуси* 'золотые серьги' (РКС: 881), в диалектах: вв. вым. л. нв. печ. скр. сс. *исерга*, лет. *серга*, иж. *кӧлтушки*, уд. *пелей*, иж. сс. *пелькытш* (ССКЗД: 138; КСК

II: 90)., *чусу* иж., *чусі* уд., *чусы* вым. (ССКЗД: 422). В удмуртском языке в значении ‘серьга’ зафиксированы слова *пельугы*, *угы* (РУС: 1000).

Общее слово для данной реалии в пермских языках не фиксируется, ср., кп. *пэл'кыти*, кз. *ис'ерга*, *чуси*, удм. *угы*, *пэл'угы*. Не исключено, что сам предмет в жизни предков современных пермских народов появился не так давно. Об этом свидетельствуют многообразие диалектных наименований серьги в коми-зырянском языке и возникновение большего их количества в результате заимствования.

Лексема *пэл'кыти* является исконной, этимологизирующейся на основе современного коми-пермяцкого языка. Она образована из отдельных слов *пэл'* ‘ухо’ и *кыти* ‘кольцо’. Изоглосса *пэл'кыти* равномерно охватывает коми-пермяцкие диалекты. Вероятно, слово является коми-пермяцкой инновацией, а употребление ее в ижемском и среднесысольском диалектах, возможно, является результатом контактирования или миграции. Однако не исключено, что данная лексема имеет более широкое распространение в коми-зырянских диалектах (особенно южных). В этом случае можно будет говорить об ареально-генетическом характере возникновения данной изолексы.

кп. **гывйавны**, **гылйалны** – кз. **пожйавны** ‘полоскать’

В коми-пермяцком языке повсеместно распространено слово *гывйавны* (сев. *гылйалны*) ‘полоскать, выполоскать, прополоскать’: *гывйавны паськõм вадõрын* ‘полоскать белье на реке’, *õм гывйавны* ‘полоскать рот’, *гывйавны чистой вадн джодж* ‘промыть чистой водой пол’ (КПРС: 111). В коми-зырянском языке в данном значении употребляется слово *пожъявны*: *кõдуй пожъявны* ‘белье полоскать’, *вом пожъявны* ‘рот полоскать’ (РКС: 688), в диалектах: *пожъявны* л. нв. скр. уд., *пожъялны* вс. лл. печ. сс., *пожъялнi* вв., *пожъяёны* вым. иж., *пожъяёнi* вв. (ССКЗД: 290). Таким образом, указанные изолексы очерчивают коми-пермяцкие и коми-зырянские диалекты, образуя четкую границу.

Соответствие коми-пермяцкой лексеме выявлено в удмуртском языке: *гыльяны* ‘полоскать, выполоскать; смыть, смывать, замыть, замывать; размыть, размывать (напр., плотину) (УРС: 176).

Таким образом, изоглосса *гылйалны* / *гывйавны* / *гылйаны* образует ареал, охватывающий территорию распространения коми-пермяцких диалектов и удмуртского языка. Исследуемая лексема, вероятно, является инновацией общепермского периода, распространившейся не по всей территории пермских языков, а только в диалектах определенного компактного ареала, т.е. является ареально-генетической.

кп. **чочком** – кз. **йджыд** ‘белый’

В коми-пермяцком языке повсеместно употребляется слово *чочком* ‘белый’: *чочком лым* ‘белый снег’, *чочком йурс'и* ‘белые волосы’, *чочком*

йура 'белоголовый' и т.д. Кроме того, оно может иметь и другие значения: 'белокурый, белобрысый': *чочком нывка* 'белокурая девушка', 'светлый': *чочком чужёма* 'белолицый', 'чистый': *пасьтавны чочком йёрнёс-вешьян* 'надеть чистое бельё' (КПРС: 541). В коми-зырянском наречии зафиксирована лексема *чочкѳм* 'белый' (КЯД: 196).

В коми-зырянском языке в значении 'белый' употребляется слово *еджыд*: *еджыд йирк* 'белый потолок', *еджыд кымѳръяс* 'белые облака', *лым кодъ еджыд* 'белый, как снег', *еджыд дѳра* 'белый холст' и т.д. (РКС: 39), в диалектах: *еджыд* вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд., *еджид* вв. (ССКЗД: 118). В верхнекамском наречии, традиционно относимом к коми-пермяцкому языку, тоже зафиксирована лексема *эжыд* 'белый', *эжыд'ичэк* 'беленький'.

В коми-зырянских диалектах слово *чочкѳм* также употребляется: 1. нв. скр. 'прилежный, послушный, аккуратный'; 2. вс. вым. лл. печ. сс. 'чистый, приятный, привлекательный': *чочкѳм ныл* 'приятная девушка'; 3. уд. 'маленький, худенький'; 4. уд. 'тесноватый, небольшого объема'; 5. скр. 'проворный, расторопный': *абу зэв чочкѳм удж вылад, оз ёна усь-лась* 'работать не очень любит, что-либо сделать не торопиться'; 6. *чочкем* вв. 'трудолюбивый, старательный, красивый'; 7. *чочкем* вв. 'бранчливый, сварливый, вздорный' (ССКЗД: 416; КСК II: 724). Кроме того, имеются лексемы *чочкѳмик* вс. 'чистенький', *чочкѳмсьыны* вым. 'надеть чистую одежду', *чочкѳмтыны* уд. 'сузить, уменьшить', *чочкѳмтыны* уд. 'обижать, унижать', *чочкѳс* лл. 'красивый': *чочкѳс сѳя, ёна мича* 'она очень красивая'; лл. 'чистый, приятный, привлекательный' (КСК II: 724).

Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» приводят общекоми корень, под вопросом сопоставляют с марийским словом *чэчэн* дет. со значением 'красивый, нарядный' и саамскими *čæskad, českis, českēs* 'снежная белизна' и возводят к допермскому *č'ǵč'з- (КЭСК: 310).

Относительно слова *йѳджыд* 'белый, неспелый, незрелый (о ягодах)' авторы словаря пишут следующее: «Можно предположить, что в общепермское время бытовала основа *jež- с первоначальным значением 'незрелый, белый, зеленый», ср. удм. *еж* 'неспелый, незрелый (о ягодах)» (КЭСК: 403).

В удмуртском языке значение 'белый' передается словом *тѳды*: *тѳды кышет* 'белый платок', *тѳды губи* 'белый гриб' и т.д. (РУС: 44).

Таким образом, в современных пермских языках с семантикой 'белый' употребляются разные слова: ср. кп. *чочком*, кз. *йѳджыд*, удм. *тѳд'ы*. Изоглосса *йѳджыд* охватывает коми-зырянские диалекты, образуя границу между коми-пермяцкими и коми-зырянскими диалектами. Изосема *чочком* 'белый' также отграничивает коми-пермяцкие диалекты от коми-зырянских, в которых *чочкѳм* функционирует с иными значениями.

кп. **ашын** – кз. **аски** ‘завтра’

В коми-пермяцком языке повсеместно распространено слово *ашын* ‘завтра’: *ашын асывнас* ‘завтра утром’, *пондӧтны ашынсянь* ‘начать с завтрашнего дня’, *видзчисьны ашынӧдз* ‘подождать до завтра’, *ашын кежӧ лӧсьӧтны* ‘приготовить на завтра’ (КПРС: 23). В коми-язьвинском наречии зафиксировано *ашон* ‘завтра’ (КЯД: 86).

В коми-зырянском языке в данном значении употребляется лексема *аски*: *аски праздник* ‘завтра праздник’, *аски асыв* ‘завтра утром’, *югыд аски* ‘светлое завтра’, *аски кежлӧ кольны* ‘откладывать на завтра’, *корны аски кежлӧ* ‘пригласить на завтра’ (РКС: 235); в диалектах: *аски* вв. лл. печ. скр. сс., *аскы* вс., *аскыы* вв., *асыв* нв., *асыы* вым., *асылки* лл., *мӧдасув* уд., *мӧдасы* иж., *мӧдасыы* ‘завтра’ (ССКЗД: 13). В верхнекамском наречии в значении ‘завтра’ функционирует слово *аски*, так же, как и в зырянских диалектах.

Аски ‘завтра’ зафиксирован и в мысовско-лупыньском диалекте коми-пермяцкого языка, куда он попал в результате заимствования из верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка (Лупыньцы: 145; Федосеева 2015: 88).

Таким образом, изолексы *ашын* и *аски* ‘завтра’ образуют четкие границы, очерчивая коми-пермяцкие и коми-зырянские диалекты соответственно.

Соответствие коми-зырянской лексеме зафиксировано в удмуртском языке: *аскы*, *аску* ‘завтра, завтрашний; на другой, на следующий день, на утро’ (УРС: 49), где оно употребляется наряду с *ӹужакзе* ‘завтра, завтрашний’ (УРС: 752).

Слово *аски* является исконным. По мнению авторов «Краткого этимологического словаря коми языка», этимологический корень данного слова *ас-* тот же, что и в словах *асыв* ‘утро’ и *асья* ‘утренний’, *-k-* – остаток финно-угорского *k*-ового латива, отвечавшего на вопрос «куда?», «в какое время?». Слово *аски* стояло в той же падежной форме, что и, например, современное *выльлунӧ* ‘в понедельник’, и обозначало ‘в утро’. Общепермская форма *aski* ‘наутро’ (КЭСК: 34).

Этимология слова *ашын* не ясна. Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» относительно данного слова отмечают: «Загадочное слово, которое мы связываем с формами мар. *ош*, морд. *ашо*, *акша* ‘белый, чистый’. Коми слово, возможно, локатив от *аш-* ‘белый’, ср. производное от *ашо* морд. *ашолгадама* ‘рассвет» (КЭСК: 391). Возможно также, что данная лексема происходит от того же самого корня, что и *аски*: *аш-* (< *ас-*) + *-ын*.

В настоящее время ареал распространения слова *ашын* ограничен коми-пермяцким языком и коми-язьвинским наречием, что позволяет считать ее коми-пермяцкой инновацией.

кп. **пэшлыны** – кз. **видлыны** ‘пробовать, попробовать’

В коми-пермяцком языке повсеместно функционирует слово *пэшлыны*. В «Коми-пермяцко-русском словаре» зафиксирована лексема *пешлыны* 1. ‘пробовать (на вкус)’: *пешлыны сёян* ‘пробовать пищу’; 2. ‘осматривать, рассматривать’; 3. ‘трогать (рукой); шупать, ощупывать’: *киён пешлыны* ‘щупать рукой’ (КПРС: 337). В речи коми-пермяков встречается еще одно значение данного слова ‘пробовать, попробовать (что-либо сделать)’: *пэшлыны султны кок вылӧ* ‘пробовать встать на ногу’, *пэшлыны мунны* ‘пробовать идти’ и т.д.

В коми-зырянском языке в значении ‘пробовать, попробовать’ употребляется *видлыны*: *видлыны ассъыд вын* ‘пробовать свои силы’, *артистӧс видлыны кутшӧмкӧ роль вылӧ* ‘пробовать артиста на какую-нибудь роль’; *видлис висътасьны* ‘пробовал объясниться’, *видлыны сёянтор* ‘пробовать кушанье’ (РКС: 756); в диалектах: *видлыны* вс. лл. нв. печ. скр. сс., *видліні* вв., *видлывны* уд., *визьлыны* вым. иж. ‘пробовать, попробовать; отведавать; вкушать, вкусить; навестить, посетить, провести’ (ССКЗД: 49).

Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» выдвигают гипотезу о том, что слово *видлыны* происходит от **визьлыны*, который в свою очередь восходит к **видзлыны*: *видлыны* < **визьлыны* < **видзлыны*, *дз (зь)* перешло в *д* под ассимилятивным влиянием *л*, ср. *визьлыны* вым. иж. ‘пробовать’; тогда данное слово одного корня с *видзны* (КЭСК: 56).

В удмуртском языке в указанном значении употребляются *эскерыны*, *утчаны*, *оскалтыны*: *ас кужымдэ оскалтыны* ‘пробовать свои силы’; *турттыны*; *утчаны*: *мыныны турттыны* ‘пробовать пройти’; *веръяны*, *сиыса утчаны*, *оскалтыны*: *улмлез сиыса утчаны* ‘пробовать яблоко’ (УРС: 837).

Таким образом, нам пока не удалось выявить соответствий лексемы *пэшлыны*, что позволяет считать ее коми-пермяцкой инновацией. Однако большинство коми-пермяцких инноваций производны от корней общекоми, общепермского и допермского происхождения, поэтому более вероятно, что исследуемая изоглосса является генетической или ареально-генетической.

Изогlossы *пэшлыны* и *видлыны* охватывают коми-пермяцкое языковое пространство и коми-зырянские диалекты соответственно и образуют четкую границу между этими территориально-языковыми образованиями.

кп. **вашӧтны** – кз. **вӧтлыны** ‘гнать, выгнать, выгонять’

В коми-пермяцком языке повсеместно функционирует лексема *вашӧтны* ‘гнать; выгнать, выгонять; загнать’: *вашӧтны классись* ‘удалить из класса’, *вашӧтны школаись* ‘исключить из школы’, *вашӧтны удж выльсь* ‘прогнать с работы’, *вашӧтны квартираись* ‘выселить из квартиры’ (КПРС: 57). В коми-язьвинском наречии зафиксировано слово с тем же значением: *вашӧтнӧ* ‘гнать, прогнать, погонять, погнать’ (КЯД: 95), в верхнекамском наречии – *вашӧдны* ‘гнать, прогнать, выгнать, выгонять’.

В коми-зырянском языке данному слову соответствует *вӧтлыны*: *гор-тысь вӧтлыны* ‘прогнать из дома’, *удж вылысь вӧтлыны* ‘прогнать с работы’, *понйӧс вӧтлыны* ‘гнать собаку’, *вӧтлыны ывла вылӧ* ‘гнать на улицу’, *вӧтлыны мӧсьясӧс лудӧ* ‘гнать коров на пастбище’ (РКС: 158, 759), в диалектах: *вӧтлыны* вс. вым. иж. л. нв. печ. скр. сс. уд., *вӧтліні* вв., *вашӧдны* вс., *тукайтны* лет. ‘гнать, выгонять, выгнать, изгонять, изгнать, прогонять, прогнать, отгонять, отогнать, сгонять, согнать, разгонять, разогнать, погонять, погнать’ (ССКЗД: 67). В словаре диалектов коми языка дополнительно приведены *вашӧдны* вс. сс. ‘гнать, выгнать, прогнать; погонять, погнать’: *вашӧда регыд, эн ёна шумит* сс. (Плз.) ‘не шуми, а то выгоню’, *чӧждаджык вӧлтӧ вашӧд* вс. ‘быстрее погоняй лошадь’ и *вашӧдны* уд. ‘продать, промотать’: *став олӧмсӧ шейӧдӧма да вашӧдӧма* ‘он промотал всё хозяйство’ (КСК I: 165). Употребление *вашӧдны* в верхнесысольском диалекте и в близлежащих говорах соседнего среднесысольского диалекта, вероятно, объясняется соседством с коми-пермяцкими говорами.

Слово *вашӧтны* (вариант *вашӧдны*) авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» под вопросом сопоставляют с марийским *вашкыкташ* ‘торопить кого-нибудь’, который в свою очередь является производным от марийского *вашке* ‘скоро’ и с финским *vaatia* ‘требовать, настаивать, взыскивать’ (КЭСК: 49).

Относительно лексемы *вӧтлыны* отмечено, что слово образовано от корня *вӧт-*, имеющего общекоми праформу **ʋōt-* ‘гнать, погонять’ и возможно связано с *вотны* ‘собирать, собрать, набирать, рвать, нарвать’ (КЭСК: 69, 65).

Таким образом, оба этих слова не имеют четких этимологий. Их изоглоссы охватывают коми-пермяцкое языковое пространство (*вашӧтны* / *вашӧдны*) и коми-зырянский язык (*вӧтлыны*), образуя достаточно четкую границу. Можно предположить, что эти лексемы возникли поздно и примерно одновременно. В этом случае коми-пермяцкая инновация *вашӧтны* не получила распространения на зырянской территории ввиду встречной коми-зырянской инновации *вӧтлыны*.

кп. **жагӧн** — кз. **н'ӧжйӧ** ‘медленно, тихо’

В коми-пермяцком языке повсеместно функционирует лексема *жагӧн* ‘тихо, медленно, не спеша, не торопясь’: *жагӧн вӧрӧтчыны* ‘едва шевелиться, еле двигаться’, *кад мунӧ жагӧн* ‘время идет медленно’ (КПРС: 139), а также производные от неё *жагӧна* ‘тихо, медленно’, *жагӧника* ‘едва-едва, тихонько, потихонечку’ (КПРС: 139). В коми-язьвинском наречии зафиксированы *жаг* ‘медленный, медлительный’, напр., *жаг морт* ‘медлительный человек’, *жагӧн* ‘медленно’ (КЯД: 113), *жӧгӧнӧла* ‘медленновато’, *жӧгӧн'ук* ‘медленноватый’ и *жӧгӧн'ука* ‘довольно медленно’ (КЯД: 114). В верхнекамском наречии употребляются *жагӧн'ик*, *жагӧн'ика* ‘медленно’.

В коми-зырянском языке в указанном значении употребляется слово *нѳѳжмыда* ‘медленно’ (РКС: 422), в диалектах: *нѳѳжйѳ* вым. печ. скр. сс., *нѳѳжѳе* вв. нв., *нѳѳж* вым. иж., *нѳѳжѳѳ* уд., *нѳѳжѳн* вс. лл., *нѳѳжѳен* иж., *нѳѳжѳѳна* л., *нѳѳжѳна* л., *нѳѳжйѳн* печ. скр., *нѳѳжйѳѳн* вым., *нѳѳжѳнас* иж., *нѳѳжѳѳен* вв., *нѳѳжѳѳя* уд., *нѳѳжйѳѳ* уд., *джажѳн* вс. ‘медленно, тихо; помалу, понемногу, исподволь’ (ССКЗД: 249). В диалектах коми языка функционируют и другие слова с этим же корнем, такие как: *нѳѳжйѳѳник*, *нѳѳжмыд*, *нѳѳжмѳѳѳны*, *нѳѳжмѳѳѳдзчины*, *нѳѳжмыда* (ССКЗД: 249–250). В словаре диалектов коми языка приводится большое количество слов и их вариантов с корнем *нѳѳж-* (КСК I: 1031–1032). Кроме этого, в данном значении зафиксированы *жаг* и его вариант *джаг* ‘медлительный, нерасторопный’ (КСК I: 409, 509), производные от них *жагмѳѳѳны* ‘замедлять, замедлить’, *жагмыны* ‘замедляться, замедлиться’, *жагѳн* ‘тихо, медленно’, *жагѳник* ‘тж’, *жагѳѳникѳн* ‘тж’ (КСК I: 509), *джагмыны* ‘замедлиться’, *джагѳн* ‘медленно, тихо, понемногу, исподволь’, *джагѳник* ‘тж’, *джагѳѳникѳн* ‘тж’ (КСК I: 410), употребляющиеся в верхнесысольском диалекте.

Таким образом, изоглоссы лексем с корнем *жаг-* и *нѳѳж-* охватывают коми-пермяцкие диалекты и языковое пространство коми-зырянского языка соответственно и образуют четкую границу между коми-зырянскими и коми-пермяцкими говорами. Функционирование слов с основой *жаг-* в верхнесысольском языке, вероятно, можно объяснить близким расположением и контактами, а также ситуацией диалектной непрерывности.

В удмуртском языке в значении ‘медленно’ употребляются слова *жѳег* ‘медленно, медлительно; кропотливо; медленный, медлительный; кропотливый’ (УРС: 213), *жѳегыт* ‘медлительный, медленный; кропотливый, медлительно, медленно; кропотливо’ и целый ряд слов производных от корня *жаг-* (УРС: 213–214).

Таким образом, изоглосса *жаг* охватывает и удмуртское языковое пространство, что может свидетельствовать о существовании данного корня в общепермский период. Вероятно, изоглоссу *жаг* можно считать ареально-генетической, возникшей в общепермский период, но не получившей распространения на всей территории. Позже на основе этого корня в коми-пермяцком языке возникли *жагѳн*, *жагѳн’ик* и др.

Что касается коми-зырянских слов, то авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» сопоставляют *нѳѳжйѳ* с удм. *нѳѳжъяны* ‘растягивать слова’, *нѳѳжъяса вераськыны* ‘говорить, растягивая слова’ и приводят общепермский корень **n’ѳѳ* ‘медленно, тихо’ (КЭСК: 198). На наш взгляд, удм. *нѳѳжъяны* можно сопоставить также с коми-пермяцкими словами, такими как *нѳѳжвыла* ‘протяжный’, *нѳѳжйѳтлыны* ‘говорить медленно, растягивая слова’, *нѳѳжвыв* ‘медленно, не торопясь’, которые в свою очередь

сопоставимы с *нюжавны* ‘тянуться, вытянуться’, *нюжмёса* ‘продолговатый’ и др. (КПСР: 282).

Изоглоссами, образующими пучок на границе коми-зырянского и коми-пермяцкого языков также являются следующие: кп. *ин'* – кз. *гöтыр* ‘жена’, кп. *öd'ö'ön* – кз. *йона, зэв* ‘очень’; кп. *бал'а* – кз. *ыж* ‘овца’, кп. *вэ-ийан* – кз. *гач* ‘штаны’, кп. *гор* – кз. *пач* ‘печь’, кп. *öтөр* – кз. *ывла* ‘место вне дома’, кп. *кин* – кз. *коди* ‘кто’, кп. *мыччавны* – кз. *пэткöдлыны* ‘показывать, показывать’, кп. *наз'ом* – кз. *куйöд* ‘навоз’ и др.

В целом, проведенный сравнительно-сопоставительный анализ отдельных слов верифицировал основные причины расхождений в современных коми-зырянском и коми-пермяцком языках: 1) использование в одном и том же значении разных исконных слов в обоих коми языковых разновидностях (напр., *чочком* – *йэджыд*, *ашын* – *аски*); 2) утрата исконного слова коми-зырянским языком с заменой заимствованием (*быдöс* – *став*); 3) утрата исконного слова пермяцким языком и замена его заимствованием (*басöк* – *мича*); 4) ареально-генетические связи в общепермском языке (*гывйавны* – *пож-йавны*); 5) возникновение инновации в одном из коми языков, в то время как в другом произошло заимствование (*пэл'кытши* – *ис'эрга*). К основаниям расхождений в лексике можно отнести как внутрилингвистические, так и экстралингвистические факторы.

Сокращения

Языки и диалекты: вв. – верхневычегодский диалект (коми-зырянский); в.-иньв. – верх-иньвенский говор (коми-пермяцкий); вс. – верхнесольский диалект (коми-зырянский); вым. – вымский диалект (коми-зырянский); допермс. – допермский; иж. – ижемский диалект (коми-зырянский); кз. – коми-зырянский язык; кп. – коми-пермяцкий язык; л. – лузский говор лузско-летского диалекта (коми-зырянский); лев. – левичанский говор коми-пермяцкого языка; лет. – летский говор лузско-летского диалекта (коми-зырянский); лл. – лузско-летский диалект (коми-зырянский); мар. – марийский язык; морд. – мордовский язык; нв. – нижневычегодский диалект (коми-зырянский); общеп. – общепермский; печ. – печорский диалект (коми-зырянский); Плз. – говор с. Палауз; сев. – северный; скр. – присыктывкарский диалект (коми-зырянский); сс. – среднесольский диалект (коми-зырянский); уд. – удорский диалект (коми-зырянский); удм. – удмуртский язык; усол. – усольский говор.

Литература

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Ижевск, 1991.

Даль 1 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1.

- КПРС – Коми-пермяцко-русской словарь. М., 1985.
- КСК I – Коми сёрнисикас кывчукӧр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах. Сыктывкар, 2012. Т. I.: А – О.
- КСК II – Коми сёрнисикас кывчукӧр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах. Сыктывкар, 2014. Т. II.: Ö – Я.
- КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- КЯД – *Лыткин В.И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
- Лупынцы – *Голева Т.Г., Подюков И.А., Пономарева Л.Г., Черных А.В.* Лупынцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник. Пермь, 2011.
- Лыткин В.И.* Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарём). М., 1955.
- Максимов С.А.* Выражение понятия «шалун» в диалектах удмуртского языка // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2015. № 2 (86). С. 92–100.
- Нечаев Г.А.* Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар, 1930. Вып. I. С. 7–27.
- Онё Лав.* К вопросу о соотношении диалектов, региональных стандартов и национального языка коми // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Пермь, 2006. С. 136–146.
- Пономарева Л.Г., Климова Е.* О некоторых случаях расхождения в лексике коми-пермяцкого и зырянского языков // Национальные языки России: региональный аспект. Пермь, 2005. С. 187–190.
- РКС – *Безносилова Л.М., Забоева Н.К., Коснырева Р.И.* Русско-коми словарь / Под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар, 2003.
- РУС – Русско-удмуртский словарь. М., 1956.
- СРНГ II – Словарь русских народных говоров. Москва – Ленинград, 1966.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- УРС – Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008.
- Федосеева Е.Н.* Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар, 2015.
- Федосеева Е.Н.* О некоторых пермяцко-зырянских лексических параллелях // Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. Сыктывкар, 2014. С. 191–194.
- Цыпанов Е.А.* Перым-коми гижӧд кыв. Сыктывкар, 1999.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЙОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ КОМИ ЯЗЫКА: ОТОНИМИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.А. Цыпанов

Введение

Состав пейоративной лексики в коми языке еще не являлся объектом системного лингвистического анализа, хотя важность этого вида слов и лексических словосочетаний не вызывает сомнений уже хотя бы по причине их частотности в диалогической и монологической речи, в произведениях фольклора и художественной литературы. Пейоративные значения отдельных слов кратко представлялись в обобщающих работах по коми лексикологии как материал полисемии (*синтӧм гутъяс* 'слепцы', *кӧч съблӧм* 'трус', *ёма* 'ведьма', *чирей* 'задира') (Черных 1985: 30–31) или как лексика с эмоциональным значением, напр., *абача*, *абача рушку* 'пӧтлытӧм горш', *недӧкунь* 'абу тыр сюсь морт' (Карманова 2004: 12). В основном же сведения о подобной лексике содержатся в нормативных и диалектных словарях коми языка, напр., **тоторкатша** 1) 'сорокопут (птица)', 2) перен. 'задира, забияка' разг. (КРК: 683).

Самое общее определение термину *пейоративный* дает О.С. Ахманова: «Пейоративный (уничижительный, depreciativный, deteriorativный, неодобрительный) *англ.* **pejorative, deteriorative**. 1. Обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией. Пейоративное слово. Пейоративное значение. 2. Сообщающий (придающий) слову отрицательную коннотацию. Пейоративный суффикс» (Ахманова 1966: 315). В русистике употребляется термин *бранная лексика*. Необходимо отметить, что особые грамматические пейоративные суффиксы в коми языке есть: это коми-пермяцкий суффикс **-жуг** с уничижительным значением, напр., *иганжуг* 'плохой запор', и коми-зырянский суффикс **-шой**, напр., *пасьшой* 'плохая, никуда не годная шуба'. Оба суффикса исторически возникли от знаменательных существительных *жуг* 'труха, отбросы' и *шой* 'труп'. Однако количественно пейоративная лексика в выражении отрицательной

экспрессивно-эмоционально-оценочной семантики занимает центральное место.

Некоторые авторы видят большую разницу между собственно-пейоративами и ругательствами, матерными нецензурными выражениями, именно последние именуются бранной лексикой. В русистике сформировалось целое направление изучения брани, составлено несколько словарей русского мата, написано множество статей и монографий. Однако в современности их дифференцировать достаточно сложно, так как в условиях резкой демократизации языка стираются стилистические различия, а так называемый высокий стиль во многих языках выходит из употребления. К примеру, в словарь «Русское сквернословие» (2010) наряду с откровенными нецензурными словами и выражениями типа *ебло*, *манда*, *оговно-пиздеть* и пр. включены и пейоративы, свободно употребляющиеся в разговорной речи: *гад*, *дерьмо*, *сука* (Мокиенко, Никитина 2010: 52, 62, 221). В нашем понимании пейоративов грубые бранные выражения также включаются в объект исследования, однако в силу историко-культурных причин в коми языке грубых матерных выражений исконно-языкового происхождения немного. В отношении коми языка эта проблема не актуальна в силу того, что матерные выражения являются в коми языке в основном русскими заимствованиями, которые в лингвистическом плане уже неплохо изучены.

Пейоративная лексика часто сопровождает ругань как специфическую форму человеческого общения, которая (часто в критических ситуациях) служит в функции психологического предохранительного клапана, выпускающего гнев, злость, недовольство субъекта речи. Наиболее частотными коми пейоративами являются *боб* 'дурак', *йой* 'тж', *мёмёт* 'тж', *порсь* 'грязнуля', *ошлӧпан* 'верзила', *сӧтана пызь* 'сатана', *шева* 'зараза', *юр вундысь* 'головорез' и др.

Л. Арбатский, автор-составитель известного словаря «Ругайтесь правильно», выделяет четыре важнейшие функции ругани как формы человеческого общения:

- 1) функция выражения отрицательного отношения к объекту поношения;
- 2) функция универсального носителя информации;
- 3) мобилизующая и стимулирующая функция на слушателя;
- 4) физиологическая функция, заключающаяся в эмоциональной разрядке и снятии стрессовых напряжений говорящего (Арбатский 2007: 8–10).

Если первые две и четвертая функции важны для субъекта речи, бранящегося, то третья непосредственно связана со слушателем, который подвергается воздействию и воспринимает побуждение к определенным действиям или стремлениям. Первая и четвертая функции взаимно обусловлены и тесно связаны, полностью оправдывая слова Маршала Ламз-

дена: «никогда свобода слова не была так драгоценна, как при случайном попадании молотком по пальцу» (цитата по работе: Арбатский 2007: 9). Кстати, существует научно установленная закономерность: меньше живут и больше болеют сердечно-сосудистыми заболеваниями как раз сдержанные и воспитанные люди, а вот у несдержанных здоровье намного лучше.

Пейоративы (слова и лексические словосочетания) противоположны мелиоративам, словам и словосочетаниям с положительно-оценочным значением типа *бобб* ‘дорогой, милый’, *дона* ‘дорогой’, *сёшайт* ‘тж’, *зарни* ‘золотой’, *муса* ‘любимый’ и т.д. Как правило, во всех языках мелиоративы количественно уступают пейоративам, что обусловлено природой человеческой психики, восприятием положительных качеств как само собой разумеющиеся, обычные и обязательные, а отрицательные черты – как ненормальное явление, угрозу себе, семье, окружающим и всему обществу.

Данная статья состоит из двух основных частей: в первой даны основные теоретические и общие сведения о пейоративной лексике, вторая посвящена пейоративным образованиям, возникшим путем метафорического переноса на основе имен собственных (этнонимов, регионимов, личных имен).

Роль пейоративов в речи

Язык как сложно организованная саморазвивающаяся система в трудах по теории языка определяется, как правило, с двух основных точек зрения: во-первых, с точки зрения функций языка как некоего инструмента, средства, во-вторых, с точки зрения устройства языка как отражательного, мировоззренческого феномена, как специфического отражения мышления человека (подробнее об этом см.: Левицкий 2008: 9–11). В любом языке отражается исторический опыт народа, его представление об окружающей действительности, но не только это. В языке отражается и внутренний мир человека, особенности мышления, его эмоциональная оценка, волевые начала.

Ставшее уже хрестоматийным положение о первичности коммуникативной функции языка (обмен информацией) в современной теоретической литературе подчас подвергается сомнению. Р. Якобсон, исходя из своего представления структуры речевого акта, из выделенных им шести функций языка на первое место ставит эмотивную функцию выражения чувств и воли говорящего (Jacobson 2008: 353–357). Иными словами, при использовании экспрессивных элементов структуры языка говорящий выражает свою субъективную информацию, прежде всего личную оценку предмета высказывания. «Именно человек, выбирая нужное ему слово, преследует цель не только сообщить о чем-либо, но и выразить свое отношение к высказываемому» (Левицкий 2008: 75). В современном языкознании закономерно усилился интерес к изучению эмотивных / экспрессивных средств выражения, которые, передавая коннотативные созначения, делают речь

людей человеческой, т.е. живой, меняющейся, многоцветной, полной чувств.

Экспрессивные значения слов, словосочетаний и предложений не являются пропозицией, т.е. их нельзя оценить как истинные или ложные, в отличие от описательного компонента значений. Такие значения играют важнейшую роль в осуществлении фатической или социальной функции языка, которую Дж. Лайонз считает основной, которой подчинены все иные функции (Лайонз 2004: 134). Суть социальной функции языка заключается в том, что именно язык играет важную роль в установлении и поддержании социальных ролей и отношений людей в обществе, осуществляя общение с помощью речи, когда часто мотивы коммуникации людей не связаны с обменом информацией, а с целью социализации. Поэтому считаем ценным заключение Дж. Лайонза, что экспрессивное значение зависит от социальных отношений и социальных ролей (Лайонз 2004: 134) и определяется конкретными ситуациями межличностного общения в различных обстоятельствах.

Согласно аргументированной теоретической концепции функциональной семантики оценки Е.М. Вольф, оценка как один из видов модальности характеризуется особой структурой, куда входят субъект и объект оценки, связанные оценочным предикатом (формула $A \ r \ B$), причем эта структура представляется как модальная рамка, которая «накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим построением, ни с синтаксическим» (Вольф 2002: 11–12). Пейоративы как лексемы уже изначально несут оценочное или эмотивное значение, выражая абсолютную оценку, причем как субъект оценки, так и ее объект (в большинстве случаев) – это лицо или социум, однако оценка всегда дается с точки зрения субъекта, эксплицитного или имплицитного. В модальную рамку, как правило, имплицитно входят также шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка в социальных представлениях говорящих (Вольф 2002: 12). В самом общем виде шкала оценок пейоративной лексики имеет два полюса «хороший» – «плохой», причем в последнем случае отрицательно-оценочная шкала значений включает множество конкретных оценок (глупость, лень, уродливость, болтливость и др.). Выделенная формула оценки является сугубо обобщенной абстракцией, реализуемой в различных коммуникативных ситуациях. Довольно часто в речи субъект и объект оценки являются одним лицом. Пример: *Клава катлѡдлыштїс юрнас. – Оз эскыссы кыдзкѡ. Мый нѡ сїдзкѡ, Игнатова бѡрсяыс вѡлі кывтѡ ѡшѡдѡмѡн вѡтлысян? Аддзылі ѡд! – Йѡй вѡвсьѡма да... – татшѡм кывьясѡ Андрей некыдз эз виччысь, яндзымысла весиг гѡрдѡдїс. – Йѡй и эм, – серѡктїс Клава* (Ногиев 2011: 121–122) 'Клава покачала головой. – Не верится как-то. Почему же тогда за Игнатовой бегал, высунув язык? Видел

ведь! – Дураком, оказывается, был потому что... – таких слов Андрей никак не ожидал от себя, от стыда даже покраснел. – Действительно, дурак, – рассмеялась Клава’.

С другой стороны, пейоративная лексика своей содержательной стороной также выполняет функцию фиксации и хранения комплекса знаний и представлений коми языкового сообщества о мире, в частности, об особенностях внешнего вида, характера и поведения людей в обществе, о психологических типах личности и т.п.

Структура лексического значения пейоративов

До конкретного рассмотрения части пейоративной лексики – отонимических образований – есть необходимость кратко рассмотреть теоретические выводы современных исследований по заявленной подтеме. В имеющихся обобщающих работах по коми лексикологии сущность лексического значения раскрывалась на основе трудов по отечественной филологии и языкознанию В.З. Панфилова, Т.Ф. Ломтева, Л.О. Резникова и др., где словом называлась двусторонняя единица, имеющая материальное выражение, внешнюю сторону (звуковой образ, графическое изображение) и внутреннюю сторону, значение, которое прямо идентифицируется с понятием. «Кыввор вежортасыс – тайӧ морт юрвежӧрын предмет йылысь лоӧм **понятие**, збыльыс олӧмсьыс петкӧдчанторъяс йылысь торъякывъяснас нимтан **понятие**» (Карманова 2004: 14). В иных работах понятие включают в значение как центральный, основной компонент значения: «Значение слова в широком смысле – это все выражаемое им содержание, общественно закрепленное за данным звучанием» (Бибин 1983: 29), «Значение слова и заключенное в нем понятие взаимосвязаны, но не тождественны. Понятие отличается от значения более глубоким и разработанным содержанием» (Черных 1985: 26). В работах более позднего периода под значением понимают не понятие и не как аналог понятия, а как связь между означаемым и означающим, причем «значение слова устанавливается человеком, а не представляет собой результат естественного отражения» (Серебренников 1983: 24).

В современной лингвистике значение слова характеризуется как языковой феномен, имеющий более сложную компонентную структуру, обычно графически выражаемую как треугольник Фреге или трапецию Эндре Линдвай, где углы олицетворяют основные компоненты значения, а пунктирная линия – опосредованную связь между знаком (означающим) и предметом (означаемым) (Левицкий 2008: 70).

Представленные схемы лексической семантики под значением понимают прежде всего языковую субстанцию, тесно связанную с мышлением, ментальным миром, но не тождественным ей. В общее понятие «значение» в качестве двух облигаторных его компонентов входят *денотат*, заключающий в себя множество однотипных предметов и явлений, признаков, обозначаемых в слове, и *сигнификат*, включающий в себя совокупность признаков, позволяющий носителям языка распознавать предметы и / или отличать одно от другого. Денотат логически соотносится с референтами, явлениями и предметами действительности. Хрестоматийным для многих работ является положение о том, что референт является обязательным условием образования слова, что нет денотата без референта: «Торьякывьяс нимталёны **збыльвывса олёмсыс** эмторьяс, керём-вёчёмьяс, признакьяс» (Карманова 2004: 10). Однако у многих слов нет референциальной основы, это названия божеств, мифологических существ, таких как *ен* ‘бог’, *омоль* ‘сатана’, *васа* ‘водяной’, *гундыр* ‘дракон’ и др., хотя у всех есть сигнификаты, которые соотносят значения к воображаемому, выдуманному миру человека. Эта сторона ярко характеризует человеческое мышление, так как «языковое сознание порождает огромное количество мифических объектов и субъективных характеристик, не существующих в реальном мире» (Корнилов 2014: 21). Это положение прямо относится к пейоративной лексике, которая пополнялась именно такими лексемами, напр., *антус* ‘бес, анафема’, *куль* ‘черт’, *мути* ‘дух-соблазнитель, бес’, *омоль* ‘сатана’, *дявол* ‘дьявол’, *лешак* ‘тж’, *шева* ‘человек, передающий порчу’ и др. В данном случае мы далеки от дискуссии о существовании этих существ, в нашем случае она необязательна.

Важным для понимания сути лексического значения пейоративов является положение лингвиста Ю.А. Левицкого о том, что значения слов в логическом плане соотносятся не с понятиями, как считается во многих работах по лексикологии, а с представлениями, возникшими в сознании в результате семиозиса, основанного на непосредственном наивном познании мира, что так называемые житейские понятия «представляют из себя представления, но не индивидуальные, а общие, отражающие разнообразные внешние связи предметов, которые доступны видению, слуху и осязанию» (Левицкий 2009: 80). Понятиями оперируют в науке, в повседневном общении же люди обходятся представлениями. Неидентичность содержания терминов значение и понятие современными исследователями призна-

ется как неоспоримый факт: «Если лексическое значение – это минимально необходимая и достаточная дефиниция для идентификации слова и обозначаемого объекта всеми носителями языка, то научное понятие – максимально возможная дефиниция, содержащая все характеристики называемого объекта, которые признаются релевантными в данной области научного знания» (Корнилов 2014: 41).

В последние десятилетия в языкознании все большую популярность получает термин *концепт*, который имеет самые различные дефиниции и толкования. Концепт является основной единицей в рамках когнитивного языкознания, ставшего популярным во многих странах, причем эти исследования часто направлены на выявление так называемых языковых картин мира в различных языках у разных народов. Считается, что концепт, в отличие от понятия, всегда эмоционален и коннотативен: «В отличие от понятий в собственном смысле термина концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов 2001: 43). Мы также придерживаемся точки зрения Ю.С. Левицкого, что «концепт есть не что иное, как общее представление или, если быть более точным – обобщенное представление», которое реализуется в целом ряде контекстов в одном из многочисленных оттенков значения, в основном коннотативных, утвердившихся в данном языковом коллективе (Левицкий 2009: 89).

Для объяснения особенностей лексического значения пейоративов есть смысл остановиться на раскрытии специфики их денотата и сигнификата. Денотативный ряд пейоративов довольно узкий и определяется лексемами (словами и словосочетаниями) обозначающими: 1) людей с определенными качествами, последние характеризуются как ненормальные, отрицательные, порицаемые; 2) животных, птиц, рыб, предметы, непосредственно связанные с деятельностью человека; 3) жизнь, различные ситуации, обстоятельства, которые подвергаются оценке со стороны коммуниканта. Сигнификат пейоративной лексики более важен, так как он практически всегда содержит коннотацию (созначение), связанную со стилистической окраской высказывания в целом. Сопутствующие созначения содержат семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, придавая лексеме эмоционально-оценочные и экспрессивные моменты, очень важные именно для такого вида лексики. К примеру, слово *дыш* 'лентяй' имеет в целом нейтральный характер, а вот лексические сочетания *дыш рунь* 'ленивая жидкая каша', *дыш локань* 'ленивая лоханка', *дыш пон* 'ленивая собака', *дышъяй* 'ленивое мясо' и *дыш кучик* 'ленивая шкура' вносят заметный оттенок фамиллярности и грубости, усиливают общую негативную оценку.

Сигнификативный перенос или метафоризация значений

В составе пейоративной лексики можно выделить две большие группы образований: это лексемы с изначально оценочной семантикой и лексемы с диахронно переносными значениями, отличными от прямого или буквального значения по денотативному ряду. К числу первых относятся лексемы, обычно означающие лиц с определенными негативными характеристиками, где сама основа уже выражает оценку: это прилагательные, причастия, отглагольные существительные с суффиксом *-ысь*, производные существительные и словосочетания, напр., *йбй*, *ббб* ‘дурак’, *вежбма* ‘оборотень’, *гуысь* ‘вор’, *гиги* ‘пустосмешка’, *нежпоз* ‘отвратительный человек’, *сюра лешак* ‘букв. рогатый леший’. Сюда же относятся многочисленные заимствованные из русского языка пейоративы, сохраняющие оценочное значение, существовавшее в передающем языке, напр., у слова *мерзавеч* ‘мерзавец’. Пример: – *Пуляыс жаль мерзавечлы*, – *пинь пырыс сдзбдс Василь* (Мальцев 2012: 40) – Пулю жалко мерзавцу, – сквозь зубы выцедил Василь’.

К числу вторых относятся пейоративные единицы, возникшие в результате расширения значения слов, как явление развития полисемии, напр., пейоративы *катиша* ‘болтушка, легкомысленная женщина’ и *нямбд* ‘мямля, тряпка, рохля’ возникли путем смены денотативного наполнения и метафоризации (по сходству поведенческого плана, не по внешнему сходству) на основе прямых значений ‘сорока’ и ‘портянка’ соответственно. О переносных значениях слов более подробно изложено в обобщающих работах по коми лексикологии (Черных 1985: 29–32; Карманова 2004: 39–45). Общепринято, что количественно многозначных слов больше однозначных. Переносные значения или лексико-семантические варианты (ЛСМ) всегда являются мотивированными, связанными с прямым значением и реализуются, как правило, в определенных контекстах. Роль языковой метафоры в мыслительной деятельности человека П. Лафарт определяет так: «Метафора – есть один из главных путей, по которым абстракция проникает в голову человека» (цитата по работе: Кодухов 2013: 162). Общепринято также положение о том, что слова в переносных значениях, сохраняя свою мотивированность, активнее выражают мысль и более эмоционально воздействуют на слушающего или читателя.

В целях иллюстрации вышеизложенных положений можно привести материал двух единиц, образованных путем метафорического переноса **название гриба → пейоративная единица**. Речь идет о словах *кбчамач* ‘дождевик’ и *понпуш* ‘дождевик сухой’. Перенос основан на семантической основе ненужности или вредности гриба для человека, так как на мокром молодом дождевике очень легко поскользнуться и упасть, а сухой дождевик, если наступить на него ногой, выделяет темную едкую неприятную пыль.

Отрицательная коннотация названия гриба видна также из коми поговорки *Радейтӧмыд абу кӧчамач, мунигмозыд он чужйы* ‘Любовь не гриб дождевик, походя его не пнешь ногой’ (о разнообразии слов, обозначающих этот гриб, см.: Цыпанов 2016: 86–89). Из всего комплекса наименований языком выбрано две лексемы *кӧчамач* и *понпуш*, которые обозначают негодного, ненадежного человека, на которого нельзя положиться. Примеры: *Лыдди ныргорулӧнмоз гижсӧдторйӧс да джӧм сувті: пӧръялӧма лои, кӧчамачлӧн, ставыс сорассӧм...* (Чугаев 2013: 6) ‘Прочитал про себя написанное и остановился: обманул, оказывается я, негодник, все напутано’; *«Понпуш тэ, понпуш!» – син пӧвсӧ читкыртыштӧмӧн сы вылӧ видзӧдліс Петька...* (Рочев 1984: 273) ‘Негодник ты, негодник! – прикрыв правый глаз, на него посмотрел Петька’. В с. Ыб Сыктывдинского района ранее проживал мужчина по прозвищу *Понпуш*, который любил выпивать на работе, часто лодырничал. Всю жизнь проживший в этом же селе коми писатель В. Безносиков, зная его лично, ввел в один из своих рассказов персонаж с говорящей фамилией *Понпушов*, наделив его яркими отрицательными чертами, напр., – *Мудз бӧрад позьӧ, – пиньяс костӧдыс сынӧдсӧ кыскалӧ Понпушов. – Тяпнитан да, некыт нин оз юзгы...* (Безносиков 1995: 69) ‘– С устатку можно [выпить алкоголь], – втягивает воздух сквозь зубы Понпушов. – Тяпнешь, и после этого нигде уже не ноет’. В структуре лексического значения в процессе вторичной номинации произошли следующие изменения: произошел денотативный сдвиг, сигнификативное значение изменилось в направлении дальнейшей абстрактивизации, возникло ярко выраженное коннотативное значение отрицательной оценки. С точки зрения выявления языковой картины мира национального коми языка здесь наличествует тесная связь этноса с природой, его любознательность и образность мышления (гриб дождевик в пищу ни коми-зыряне, ни коми-пермяки не употребляют). Более того, слово *кӧчамач* в силу своего частотного употребления перешло в разряд междометий. Пример: *«Ак, кӧчамач!»* ‘Ах, чёрт!’. Как известно, междометия выражают эмоции без их называния. Слово-предложение *Кӧчамач!* выражает недовольство, досаду, огорчение, синонимы ему *сӧмокасьт, чӧрт, дявӧл*, а также грубые бранные выражения, заимствованные из русского языка.

К сожалению, тема полисемии как в синхронном, так и диахронном плане в коми языкознании подробно ещё не изучена, хотя она представляет большой интерес не только для описательной лексикологии, но и для специалистов в области когнитологии, для языковедов, изучающих национальную картину мира коми народов. В теоретическом отношении важно осознавать значимость семантической изменчивости в истории языка и в контекстуальном их расширении конкретными пользователями языка. Дж. Лайонз подчеркивает: «Для лексемы нельзя указать конкретное число значений. Дискретность в языке – это свойство формы, а не значения.

Во всех естественных языках значения лексем плавно переходят одно в другое, между ними нет чётких границ» (2004: 138). Также и в пределах одной пейоративной лексемы могут сосуществовать отдельные ЛСВ, напр., у слова *мёмёт* выделяются значения ‘рохля, копуша, медлительный человек’ и ‘дурак, придурковатый’. Примеры: *Лоан мёмёт, Ме ог кёмод, Руч ку пась ог сет* (Куратов 1979: 161) ‘Станешь дурнем, Я не обую тебя, Лисью шубу не подарю’; – *Тэ этия... Опонь... Тэ прёстит менё... – мыжа гёлёсон шыёдчис Гриш Миш. Мёмётён ёні ачымёс кыла. Тупичаён* (Шебырев 2013: 27) ‘– Ты вот что... Опонь... Ты прости меня... – виноватым голосом обратился Гриш Миш. – Дураком теперь себя ощущаю. Тупицей’.

Пейоративы как открытая лексическая подсистема

Тема пейоративной лексики в коми языкознании отдельно и подробно ещё не исследована, хотя сам материал хорошо зафиксирован в нормативных и диалектных словарях, сборниках фразеологизмов, фольклорных текстах и в богатейшей художественной литературе. Материал пейоративов представлен также в нескольких статьях коми языковедов (Шлопова 2001: 289–292; Попова 2009: 309–312; Цыпанов 2014, 2015).

Исторически состав пейоративной лексики любого языка включает исконную и заимствованную части. К числу последних относятся многие, фонетически часто адаптированные лексемы, употребительные практически во всех коми диалектах и литературном языке, такие как *баквал, бёлбан, вёр, гад / гадина, дурак, дебил, кулиган, лешак, лодыр, морда, пьянник, рожа, скёт / скёттина, сётана, сука, урёд, чёрт, чурка, шпана* и др. Самый предварительный анализ собранного материала показывает, что пейоративная лексика в диалектах более разнообразна и очень специфична, она в корне отличается даже в наречиях коми языка и близкородственном удмуртском языке. Так, в удмуртском языке лишь несколько слов-пейоративов находит прямые соответствия, это в основном пейоративные значения названий животных и птиц: к. *пон* – удм. *пуны* ‘собака’, к. *кёин* – удм. *кион* ‘волк’, к. *катша* – удм. *кучо* ‘сорока’ в значении ‘болтушка’. К примеру, отличительными коми-пермяцкими лексемами-пейоратами являются следующие: *арттём* ‘бестолковый’, *бадзор* ‘проходимец’, *бёбёв* ‘дурак’, *дышкуль* ‘лентяй’, *каб юр* ‘тупица’, *кодудь* ‘пьяница’, *лязгай* ‘хлипкий человек’, *лякось бёж* ‘рыльце в пуху’, *понжуг* ‘собака’, *строшнёй* ‘босьяк, неряха’, *чука* ‘морда’, *кузь чук* ‘злюка’, *шайтан* ‘неряха’. Как видно, в целом коми-пермяцкие пейоративы образуют собственную систему.

Необходимо отметить, что состав пейоративов в силу своей эмоционально-оценочной коннотации исторически значительно изменчив, он постоянно пополняется за счет заимствований, одновременно теряя употребительность ряда исконных и ранее заимствованных слов. По нашим

наблюдениям, в речи современных коми-зырян уже не употребительны следующие слова: *антикрис(т)*, *антус* ‘черт’, *бусурман* ‘пришлый, чужак’, *калера* ‘холера’, *кулак* ‘жадюга’, *момо* ‘тупица’, *некрись* ‘поганный, некрещенный’, *роч* ‘высокомерный’, *роч шпана* ‘русская шпана’ и др. К числу относительно новых пейоративов можно отнести слова *алкаш*, *дебил*, *зык*, *идиот*, *пашис(т)*, *чмо*, *эгоис(т)* и т.д.

Общациональный состав пейоративной лексики, встречающийся в большинстве диалектов, лучше всего отражен в диалектных словарях, однако не в одинаковой мере. Далее в таблице даны формы пяти лексем, извлеченных из пяти словарей, изданных в разные периоды.

Таблица 1

Отражение наиболее частотных пейоративов в диалектных словарях

Словарь Слово	Савваитов 1850	Утила 1942	Фокош-Фукс 1959	ССКЗД 1961	КСК 2012, 2014
<i>адгорш</i> ‘жадина’	<i>ад горш</i>	–	<i>ad-gorš</i>	<i>адгорш</i>	<i>ад горш</i> , <i>ад горыш</i>
<i>бѳб</i> ‘глупец’	–	<i>bęb</i>	<i>bęb</i>	<i>бѳб</i>	<i>бѳб</i>
<i>йѳй</i> ‘дурак’	<i>jōj</i>	<i>jęj</i>	<i>jęj</i>	<i>йѳй</i>	<i>йѳй</i>
<i>мутѳ</i> ‘черт, бес’	–	–	<i>mut'i</i>	<i>мутѳ</i>	<i>мутѳ</i>
<i>шыш</i> ‘вор, беглый, бродяга’	–	<i>šjš < Russ.</i>	<i>šjš < Russ. šjš-geťjir</i>	<i>шыш</i>	<i>шыш</i>

Надо отметить, что зачастую в указанных словарях даны лишь прямые номинативные значения, а не пейоративные. К примеру, П.И. Савваитов дает лишь первичное значение словосочетания *ад горш* как ‘геенна, тартарь, преисподняя’ (Савваитов 1850: 49). Д.Р. Фокош-Фукс слово *мутѳ* объясняет как ‘лесное существо очень высокого роста’ (Fokos-Fuchs 1959: 640), что объясняется описанием лишь наличных текстовых реализаций. Эта особенность присуща также и нормативным словарям литературного языка. К примеру, в последнем наиболее объёмном коми-русском словаре у слова *катѳа* выделено лишь номинативное значение ‘сорока || сорочий’ (КРК: 263), хотя в той же словарной статье дается словосочетание *бѳжтѳм катѳа* в значении ‘вертихвостка’, у слова *порсь* ‘свинья’ пейоративное значение также отсутствует.

Собственно диалектный состав коми пейоративной лексики отличается большим числом и разнообразием. В коми-зырянских диалектах они отличаются как составом, так и звуковым обликом. Одни диалектизмы характерны для смежных диалектов, другие употребительны в одном диалекте. Немало также пейоративов, представленных фонетическими вариантами, напр., вариант *акпаиш* ‘безрассудный, несерьёзный’ употребляется в средне-

сысольском и присыктывкарском диалектах, а вариант *ыкпаш* в говоре с. Керчомъя (ССКЗД: 10). Диалектные пейоративы лучше всего зафиксированы в наиболее полных диалектных словарях, изданных в 1961 г. (ССКЗД), в 2012 г. (КСК I) и в 2014 г. (КСК II), в других же они представлены в гораздо меньшем количестве (табл. 2).

Таблица 2

**Отражение регионально функционирующих пейоративов
в диалектных словарях**

Словарь Слово	Савваитов 1850	Утила 1942	Фокош-Фукс 1959	ССКЗД 1961	КСК 2012, 2014
<i>гиги</i> 'пустосмешка'	—	—	<i>gigi-ts 'utap</i>	<i>гиги</i> скр.	—
<i>жыла</i> 'скряга'	—	—	—	<i>жыла</i> нв.	<i>жыла</i> уд.
<i>лодма</i> 'неуклюжий'	—	—	—	<i>лодма</i> уд.	<i>лодма</i> уд.
<i>тунгуз</i> 'нелюдимый'	—	—	—	<i>тунгуз</i> лл.	<i>тунгуз</i> вс. лл. нв.
<i>эньдол</i> 'старая дева'	—	—	—	<i>эньдол</i> лет.	<i>эньдол</i> лл.

Данный факт можно объяснить лишь тем, что словари ССКЗД и КСК явились плодом многолетних исследований коллективов авторов, профессиональных диалектологов, знающих коми язык как родной. Анализ материалов упомянутых словарей показывает, что диалектно-ограниченная пейоративная лексика включает десятки слов и словосочетаний, значительная часть которых нынешним носителям языка уже не знакома, что говорит об активном процессе выветривания традиционной диалектной лексики. Состав такой лексики можно продемонстрировать выявленными в словаре ССКЗД лексемами из присыктывкарского и верхневычегодского диалектов по буквам от **А** до **Й**.

Присыктывкарский диалект: *бусурман* 'бусурман', *гегд* 'лентяй', *гиги* 'пустосмешка', *гёрдеч* 'непослушное дитя', *джекан* 'пузан, толстячок', *дудд* 'надутый', *дудысь* 'упрямец, норовистый', *дундук* 'коротыш, толстяк', *зымзалд* 'топтыга, неуклюжий', *йёгар* 'пьяница'.

Верхневычегодский диалект: *абай* 'лукавец', *буба* 'бука', *бызз* 'болтун', *вызбулат* 'гордец, хвостун', *джеддже* 'коротыш (о детях)', *дзирня* 'юла, вертун (о детях)', *дулена* 'слюнявый, слюнтяй'. Это говорит о необходимости специального исследования диалектной пейоративной лексики коми языка в различных аспектах анализа.

При исследовании пейоративной лексики выявляются и некоторые проблемы источниковедческого характера. Во-первых, грубые ругательства, пейоративные слова, обозначающие в прямом значении половые

органы людей, органы выделения, в нормативных словарях, даже самых полных и новых, часто не фиксируются. При этом возникает еще один закономерный вопрос: а куда относятся бранные нецензурные слова и грубые фразы, которые выражают в речи эмоции, пусть и негативного характера? Какова их частеречная природа? В грамматиках в составе междометий их нет. Чем они отличаются от междометий, если выполняют практически одинаковые с ними функции? Этот недостаток исходит ещё из особенностей советского языкознания, отличавшегося своим излишним пуританством, где не было места так называемым «некультурным» словам и выражениям, которые не фиксировали ни диалектные, ни нормативные словари, которые не изучали языковеды. За прошедшие десятилетия в этом отношении мало что изменилось, о чем свидетельствует и практическое отсутствие исследований пейоративной лексики в пермских языках. Во-вторых, опубликованные диалектные тексты, за редким исключением, не содержат характерных диалогов, где бы использовались слова-пейоративы, эти тексты преимущественно описательного характера, написаны со слов нарраторов, повествователей в спокойной, неэмоциональной обстановке. Содержащиеся в словарях слова поданы без сопутствующих контекстов. Поэтому важнейшим перспективным источником пополнения материала являются фольклорные и художественные тексты, особенно произведения драматургов. Кроме полных контекстов употребления пейоративов в речи, в текстах выявляются и незафиксированные ранее лексемы. К примеру, в прозе И. Пыстина употребительны слова *бекреч* и *булдыр*, значения которых пока не уточнены, несмотря на наличие контекстов. Примеры: – *Васька Петыр бригадаысь Тикон Дима век «бекреч»-өн ёрччö да, гашикö, сійö? – шыбитис кодкö йöз костсянь. – Сійö и эм. «Бекречтö» сзся некодлысь он кывлы, содтис мöд* (Пыстин 2009: 367) – Тикон Дима из бригады Васька Петыра всегда ругается словом «бекреч», может он? – бросил кто-то из окружающих. – Он и есть. Слово «бекреч» ни от кого больше не услышишь, добавил другой; – *Эй тi! Мый сэн лунтыр пукаланныд булдырьяс моз? – кылis мышсяныыс мужик гöлöс* (Пыстин 2009: 78) – Эй, вы! Что вы там весь день сидите, как «булдыры»? – послышался сзади мужской голос’.

Исследование языка стихов основоположника коми литературы И.А. Куратова показало, что из 24 зафиксированных пейоративов непонятными для современного читателя являются четыре: *роталь* ‘оборванец, оборванка’, *трушишöпа* ‘нечистая сила’, *кыргыз* ‘Каин’, *бурзу* ‘буржуй?’, причем из них в словарях зафиксировано лишь первое в значении ‘босьяк’ в среднесыольском диалекте (КСК II: 298), остальные вышли из употребления (об этом подробнее см.: Цыпанов 2014).

Другой источник пополнения материала – анкетирование носителей различных коми диалектов и говоров. Оно дает ценные сведения о диалект-

ных и регионально окрашенных лексемах, употребляемых в конкретных населенных пунктах. Так, при анкетировании студентов Сыктывкарского государственного университета было зафиксировано употребление слова *чуваши* в ижемском диалекте в значении ‘трус’ (об этом слове см. далее). У уроженцев с. Читаево Прилузского района зафиксировано образование *пöрйас'ка-вас'ка* ‘врун’, у жителей с. Визинга Сысольского района слово *пöрйашка* в значении ‘врун, лгун’. Эти варианты в диалектных словарях не зафиксированы. Все это говорит о том, что пейоративы представляют собой открытую подсистему, постоянно пополняемую, что еще раз свидетельствует о необъятности лексического состава для исследователей.

Изучение представленной темы в коми и шире – в финно-угорском языкознании – имеет несомненные перспективы. Слова-пейоративы описывают на основе различных классификаций, созданных на основе различных критериев: по тематическим основаниям, по сферам употребительности, по диалектам и говорам, по ареальному принципу, по половозрастным характеристикам и т.д. В последнее время материал пейоративов активно изучается в рамках т.н. когнитивного направления в языкознании, на основе рассмотрения различных концептов, напр., концепта *глупость* в работе Т.И. Полищук (Полищук 2012: 6–15). Интересно также проследить пейоративную лексику по историко-лингвистическому критерию, или путем выявления того, какие виды и разряды лексики рекрутируются языком для выражения различных эмоциональных смыслов; это могут быть существительные, обозначающие животных, птиц, различные бытовые предметы, прилагательные, причастия, сложные слова, лексические словосочетания, отглагольные конструкции и т.д. В настоящей статье далее представлена пейоративная лексика коми языка, сформировавшаяся на основе названий людей, групп людей.

Отонимические пейоративы и их употребление

Метафорический перенос **имя собственное** → **пейоратив** характерно для сравнительно немногих лексем, однако этот материал интересен с точки зрения истории межэтнических контактов коми с соседними народами и их языками. В коми языке употребляется целый ряд этнонимических слов-пейоративов, это *роч*, *чудь*, *жыд*, *чиган*, *лопар*, *вогыль*, *тунгус*, *яран*, *тотарин*, *чуваши*, *кыргызы*. Среди них есть зафиксированные в нормативных словарях коми литературных языков лексемы с первичными этническими значениями: *роч* ‘русский’, *чудь* ‘чудь’, *чиган* ‘цыган’, *тотарин* ‘татарин’, *яран* ‘ненец’. Однако нормативные словари не представляют пейоративные значения. С другой стороны, в нормативном словаре коми-зырянского литературного языка два слова поданы лишь в пейоративных значениях: *вогыль* лёзь ~ ‘растрёпа’, *тунгус* ‘угрюмый’ (КРК: 107, 661). Лучше пейоративные

нешнее время, напр., в среднесыольском диалекте: *Рочö мунны* ‘выехать за пределы Коми края’ (ССД: 160). Примеры: *Рочј*, п. ‘Русскій’. *Роч* баяр, ‘Русский барин’ *Рочјму*, с.с. ‘Русская земля, Русь Россия’ (Савваитов 1850: 182); *rot’s* ‘Russland’ (V Le Pr) *me rot’s’g muna* ‘*Le ich gehe in russisches Gebiet*’ (Fokos-Fuchs II: 867). Однако ни в одном современном топонимическом словаре или справочнике оно не отмечено.

Пейоратив *роч* ‘гордый, важный’ зафиксирован в говоре с. Куратово среднесыольского диалекта (ССД: 159), однако он был распространен и в других диалектах. Так, уроженка с. Усть-Нем Усть-Куломского района С.Ф. Мамонтова также отмечает употребление пейоратива в родном говоре. Развитие такого значения обосновано исторически: в XVIII–XIX вв. большая часть уездного чиновничества состояла из приезжих русских, среди которых главенствовал стереотипный взгляд на коми народ как на неграмотное, темное, дикое население. Это хорошо заметно из высказываний К. Попова о коми в его работе 1874 г. «Зыряне и Зырянский край» (Ятс 2004: 239–240). И. Ятс свидетельствует, что такой уничижительный взгляд на другие нерусские народы империи главенствовал повсюду: прибалтийские немцы так оценивали эстонцев и латышей, поляки литовцев, украинцев и белорусов, русские многие соседние народы (Ятс 2004: 241). Такой шовинистический стереотип был достаточно популярен и среди так называемой прогрессивной русской интеллигенции, в качестве иллюстрации можно привести слова В.Г. Белинского: «*жид* – не человек», «*Ох мне эти хохлы! Ведь бараны – а либеральничают во имя галушек и вареников с салом!*» (Безелянский 2008: 166). Такое высокомерное отношение было и у обрусевших коми к своим соплеменникам, что хорошо демонстрирует И.А. Куратов в своем стихотворении «Деревенская девушка городскому барину»:

<i>Ышмин, кокньыд барин, ышмин!...</i>	Разошёлся, милый барин, разошёлся!...
<i>Сэні вежсян, роч кодь лоан!</i>	Там изменишься, станешь как русский!
<i>Кодкөд меным рочасьны?</i>	С кем мне говорить по-русски?

(Куратов 1979: 41).

Надо сказать, что данный пейоратив в настоящее время практически не встречается в речи, причиной чему является более чем позитивное отношение современных коми к русским, живущим в республике.

2. **чуд** / **чудь** / **чуйд** ‘чудик, забитый, трусливый, сторонящийся людей / странный, ненормальный человек’, кп. ‘поганный, злая сила’.

В коми языке это слово интересно тем, что не употребляется в исконном прямом этническом значении; вряд ли кто из говорящих по-коми знает, что слово некогда обозначало представителей прибалтийско-финских народов. Авторы последнего полного коми-русского словаря при описании значения слова используют традиционное толкование: **чуд**, **чудь** ‘чудь || чудской’:

~ *жу* ‘чудские ямы, могилы’; ~ *кодъ полысь* ‘нелюдимый, дикий’ (КРК: 714). Материал показывает, что семантика слова далека от такого толкования. Есть два основных ЛСВ слова. 1. В народном сознании *чудь* осознается неким древним народом, проживавшим до прихода коми в северные края, не конкретно прибалтийско-финским, оставившим многочисленные следы в топонимике: *Чудьгумыльк*, *Чудьгуяг*, *Чудьдй*, *Чудькар*, *Чудьму*, *Чудьнюр*, *Чудьты*, *Чудью* (Туркин 1977: 60). 2. Вместе с тем у слова *чудь* есть и иное значение – это древние коми, первопоселенцы, не пожелавшие принять христианство и поэтому захоронившие себя в ямах или покинувшие родные места; или это просто исконный коми народ, коренной народ Коми края. Пример: *Пармаса войтыр, чудь-коми котыр, Тырмас нин жузгыла овны!* (Жан Морёс 2013: 23). Известный коми краевед и общественник М.Д. Игнатов называет себя прозвищем *Чуд Миш Игнаторд*, относя свой род к предку-хранителю языческих обрядов *Чуду*, см. также название его автобиографической книги «*Чуд Миш да Батя Власов и другие*».

Исторически в коми-зырянских диалектах образовался пейоратив со значением «чудик, забитый, трусливый, сторонящийся людей; странный, ненормальный человек», напр., «*Но и чудь тэ!*» ‘Ну и странный ты!’. Значение известно во многих диалектах (ССКЗД: 418; КСК II: 732). Пример: *чудь кодъ полысь* ‘трусливый как чудь’, *чуд кодъ сьдд* ‘грязный как чудь’ (КК: 162). Вероятно, здесь отразилась многосторонняя отрицательная коннотация, связанная с осознанием некрещенных людей как людей низшего ранга, что веками навязывала прихожанам православная церковь.

В коми-пермяцких диалектах, по сообщению Е.Н. Федосеевой, словом *чуд*, не зафиксированном в КПРС, обозначают всяческую нечистую силу. В зырянских диалектах от основы *чудь* образован также глагол *чудявны* ‘совершать странные поступки, иметь ненормальное поведение’. Глагол также в словарях не зафиксирован.

Значение слова *чудь* в русском языке определяется как общее название некоторых западнофинских племен в Древней Руси (Ожегов 1986: 771). В позднее средневековье слово имело уже расширенное значение ‘нерусское население Русского Севера, в основном некрещенные люди’ (Белых 1996: 48). Относительно этимологии этнонима *чудь* имеется много мнений, наиболее общепринятое состоит в том, что основа возводится или к саамскому, или к древнегерманскому корню, древние славяне переняли слово из готского языка в значении ‘неславянский северный народ’ (Аникин 1997: 698). По мнению С.К. Белыха, слово *чудь* проникло в коми диалекты не ранее XI в. (Белых 1996: 49). Ю. Вихман и Т. Утилла, а также М. Фасмер считают, что слово перешло в коми от русских (Фасмер IV: 378). Вполне вероятно, что уже тогда слово *чудь* не имело значение ‘прибалтийско-финские народы’, а обозначало любые некрещенные племена, не говорящие

по-русски. Об этом говорит широкое распространение слова в русских диалектах. По А.Е. Аникину, совершенно одинаковые легенды о чуди повсеместно распространены у сибирских русских, причем в их языке слово *чудь* обозначает уже все сибирские нерусские народности (Аникин 1997: 697). Во всяком случае, в современных коми диалектах нет никаких следов, указывающих на конкретную этническую семантику слова, связанную с прибалтийско-финскими народами.

3. **чуд мыр** ‘грязнуля’

Данное лексикализованное словосочетание зафиксировано в говоре с. Летка Прилузского района (КСК II: 732), буквальное значение его ‘чудин пень’.

4. **вогыль / вёкиль / кп. вогул** ‘растрёпа, лохмач / отвратительный’, кп. ‘лентяй’.

Пейоративная единица не имеет всеобщего распространения: в удорском диалекте *вёкиль* имеет значение ‘отвратительный, противный, гадкий человек’, *вёкиль койд морт* ‘противный человек’ (ССКЗД: 64), в присыктыварском, верхневычегодском и печорском диалектах слово бытует в составе сочетания: *лёзь вогыль* ‘растрёпа, лохмач’ (ССКЗД: 197). В говоре с. Мыёлдино, по сообщению Е.А. Игушева, сочетание адресуется чаще всего к растрепанным женщинам. В кудымкарско-иньвенском диалекте коми-пермяцкого наречия слово *вогул*, не зафиксированное в словарях, имеет значение ‘лентяй, лентяйка’ (сообщение О.П. Аксеновой). Интересно, что слова *вогыль / вёкиль / кп. вогул* в коми языке не употребительны в этническом значении.

Происхождение слова связывается с хантыйским языком, однако в коми язык этноним проник через русский язык в форме *vakul’*, *vakul* (Фасмер I: 330). В коми диалектах этноним *йёгра* обозначает всех обских угров, манси и ханты. Согласно П. Хайду, этноним *вогул* встречается в документах с 1396–1397-х гг., слово возникло от названия притока Оби р. Вогулка (Хайду 1985: 36). Вероятно, ханты первоначально именем *вогхаль* именовали живущих по реке манси, затем значение расширилось до указания на всех манси. В современном коми языке это слово не имеет этнического значения, хотя в своем словаре Ф.Й. Видеман слово дает именно в этническом значении: *vakul*, *vakul* ‘Wogul’ (Wiedemann 1880: 397). Тем не менее никаких иных свидетельств употребления слова в прямом значении пока не найдено. На основании фонетической близости коми-зырянских и хантыйских образований можно предположить также, что этноним мог проникнуть в коми-зырянские диалекты и непосредственно от хантов, не через русское посредство.

5. **тунгус, тунгуз / тынгус / тынгос** ‘угрюмый, нелюдимый человек / вред, бес, чёрт, шайтан / иноземец, враг’, кп. **дунгус** ‘нелюдимый, пугливый, молчаливый, человек себе на уме’.

Как и предыдущее слово, образование не имеет всеобщего употребления. *Тунгус* употребляется в верхневычегодском диалекте в пейоративном значении ‘чумазый, грязно одетый, в плохой одежде человек’ (Айбабина 2004: 51). В лузско-летском диалекте форма и значение иные: *тунгуз* угрюмый, нелюдимый человек (ССКЗД: 381). В удорском диалекте встречается иное по форме бранное слово *тынгус* в значении ‘вред, бес, чёрт, шайтан’ (ССКЗД: 390). В ижмо-колвинских песнях, исполняемых на ижемском диалекте, часто употребляется слово *тынгос* со значением ‘иноземец, враг богатыря’, напр., *Тынгосьяс локтэныс, кёрсэ нуны локтэныс мянчунум* (КНЭ: 606) ‘Иноземцы идут сюда, идут воровать наших оленей’. В диалектных словарях слово не зафиксировано. Это указывает на то, что в древности бытование слова было более широким, причем на этой основе развились различные пейоративные значения. Ф.Й. Видеман фиксирует слово в значении ‘чёрт’: *tyngus* ‘Teufel’ (Wiedemann 1880: 385). Д. Фокош-Фукс отмечает слово в присыктывкарском диалекте в значении ‘злой дух’: *tjngus* V ‘böser Geist’ (Fokos-Fuchs 1959: 1040). В последнем нормативном коми-русском словаре два варианта даны в одной словарной статье: *тунгуз*, *тунгус* ‘угрюмый, нелюдимый’ (КРК: 661). В коми-пермяцких диалектах употребляется слово *дунгус* в значении ‘нелюдимый, пугливый, молчаливый, себе на уме’ (сообщение Н.А. Мальцевой, носителя говора с. Кочево, кочевский диалект).

Интересна этимология слова. По мнению М. Фасмера, *тунгуз* в русский язык проник из тюркских языков, ср. тюрк. *tonğuz* ‘свинья’, так как тунгусы-эвенки держали много свиней (Фасмера IV: 120). А.Е. Аникин полагает, что русские, проникая в земли проживания тунгусов со стороны мест обитания ненцев-самодийцев, заимствовали название народа от самодийцев, ср. нен. *tungus* ‘тунгус’ (Аникин 1997: 589). К. Редеев считает, что слово *tjngus* в коми языке является ненецким заимствованием (Редеев 1993: 241). В современном ненецком языке тунгусов обозначает слово *туңгос*”, *туңго*”(с), автор словаря Н.М. Терещенко подает лексему с пометой *уст.* (НРК: 676). Однако нельзя отрицать и более поздние влияния со стороны пермских русских говоров, где этнонимы *тунгус*, *тунгусливый* также имеют пейоративное значение, напр., ТУНГУСЛИВЫЙ ‘неразговорчивый’. *Сосед мой шибко тунгусливой, слова от него не дождёшься. Усть-Гаревая Добр.* (СПГ 2: 454); ТУНГУС. 1. неодобр. О необщительном человеке, которого невозможно вызвать на разговор, от которого невозможно добиться ответа. *Тут повыше нас живут, тунгусы настояшшы! Неразговорчивы люди. 2. бран. О человеке, совершающем неразумные поступки. Тунгус проклятый! Леший у него сломано! Ехать не хочет!* (АКЧИМ 6: 49). Хотя в последнем случае возможно допустить сохранение коми языкового субстрата в говоре одного обрусевшего села Акчим.

6. **кызьтӧм яран** ‘с грудью нараспашку, человек с незастегнутым воротом, с открытой шеей; растрёпа’.

Этноним *яран* в языке имеет лишь значение ‘ненец’, однако в присыктывкарском диалекте зафиксировано лексическое сочетание *кызьтӧм яран*, имеющее значение ‘с грудью нараспашку, человек с незастегнутым воротом, с открытой шеей’ (КСК I: 663), букв. ‘незастегнувшийся ненец’. Этимологически слово представляет собой заимствование из обско-угорских языков: *яран* уст. ‘ненец’ < об-угорск. манс. *jären* (КЭСК 337).

7. **яраника** ‘бойкая, наглая женщина’.

Пейоратив зафиксирован лишь в удорском диалекте: *йаран'ика* неолб. ‘бойкий, бойкая’; ~ *койд, пин'ас'ыс* Сёл. ‘как яраника, бранчливая’ (УД: 159). Слово образовано от основы *яран* с помощью заимствованного русского показателя **-ика** (адаптация от **-иха**) со значением ‘супруга, жена’.

8. **чиган** ‘обманщица, обманщик, плут / попрошайка’.

В нормативном коми-русском словаре представлено лишь прямое значение слова *чиган* ‘цыган || цыганский’; ~ *олӧм* ‘цыганская жизнь, кочевая жизнь’ (КРС: 794), однако в устной речи коми слово несет ярко выраженное пейоративное значение ‘обманщица, обманщик, мошенник / попрошайка’. Пример: *Эсйӧ Марпайс чистӧ чиган, век дзайгӧ мыйкӧ*. ‘Эта Марпа совершенная попрошайка, всегда что-то кланчит’. Однако подобное значение фиксируется лишь в удорском диалекте: **чиган** Косл. ‘лгун, врун’ (УД: 264). Иное значение, связанное с данным этносом – ‘чернявый, черноволосый’, однако это значение не несет никакой негативной коннотации. Отрицательно-оценочное значение видно также из производного глагола *чиганитчыны* 1) ‘капризничать, быть привередливым’, 2) ‘издеваться’ (КРК: 704).

Слово *чиган* в коми языке является русским заимствованием, претерпевшим фонетическую адаптацию начального *ц*, закономерно субституированного аффрикатой *ч* (в коми языке нет фонемы *ц*). В свою очередь, в русский язык оно было заимствовано из греческого языка через посредство болгарского, ср. рус. *цыган*, укр. *циган*, болг. *цыган* (Фасмер IV: 395). В русских диалектах слово также имеет пейоративное значение: **ЦЫГАНЬ, -нка** ‘обманщик, плут, барышник, перекупщик’ (Даль IV: 575). На этой основе можно сделать вывод, что пейоративное значение в коми языке возникло не самостоятельно, а было заимствовано вместе со словом. Причиной такого значения послужил широко распространенный у многих народов этнический стереотип относительно цыган.

9. **лӧпар, дыш лӧпар** ‘лентяй / грязнуля’.

Коми в ходе своей колонизации Европейского Севера имели определенные, явно недолговременные контакты с древними саамами, которые широко кочевали по тундре и тайге. Однако слово в ходе истории языка

утратило первичное этническое значение и сохранилось лишь в пейоративном значении ‘лентяй’ в словосочетании *дыш лопар* ‘досл. ленивый лопарь’. Этот пример характерен для удорского (УД: 192), в среднесысольском диалекте сравнительным оборотом *лопар кодь* характеризуют неповоротливого, неуклюжего человека (ССД: 127). Последний по времени издания коми-русский словарь пейоратив *лопар* характеризует как общелитературное слово. Очевидно, оно перешло в коми диалекты из русского языка, где само также является заимствованием: *лопарь* ‘саам’, также ‘неверующий, еретик’, из шведского *lappar* (мн.) от *lapp* ‘саам’ от фин. *Lappi* ‘Лапландия’, *lappalainen* ‘лапландец, лопарь’ (Фасмер II: 518). Коми-саамские языковые связи подробно ещё не изучены. Лишь А.И. Туркин в своих работах привел саамские по происхождению топонимы, зафиксированные на территории РК, а также выявил несколько коми заимствований в саамском, напр., *чукча*, *нѣаммел*, *каррьт*, *тасьма* и т.д. (Туркин 1994: 19–27). В русском языке у этнонима также развились переносные пейоративные значения: **ЛОПАРЬ** м. нвг. бран. ‘бусурманъ, еретикъ, не соблюдающий установлений церкви’, *лопъ*, ‘некрещеный младенец’ (Даль II: 266), в ярославских диалектах *лопарь* имеет значение ‘обжора’ (ЯОС 6: 12; СРНГ 17: 131). Из-за явного разброса значений можно заключить, что в коми языке метафорические коннотации развились уже отдельно, независимо от влияния русского языкового коллектива.

10. **ЖЫД** ‘скупердяй, жмот, скупой’, кп. **жыдовка** ‘жадная женщина’.

По каким-то причинам это слово не попало в словари коми языка, хотя употребляется во многих диалектах, также как и образованные на основе слова глаголы *жыдитны*, *жыдитчыны* «скупиться». В устной речи есть устойчивое выражение *Жыд да горш!* «Скупой и жадный!», в говоре с. Шошка (присыктивкарский диалект) употребляется выражение *жыд чукѳр*, обозначающее семью, группу скупердяев (сообщение Н.К. Забоевой). Пейоратив *жыдовка* употребляется и северных коми-пермяцких диалектах, обозначая скупую женщину (по сообщению уроженки с. Пуксиб Е.Н. Федосеевой, косинско-камский диалект).

Удмуртско-русский нормативный словарь характеризует это слово как диалектное: **жыд** диал. ‘скупой, скряга’ (УЗК: 212), однако лексема проникла в удмуртский и коми языки, вероятно, параллельно уже в самостоятельный период их развития. В русском языке слово *жид* в пейоративном значении ‘скупой’ не встречается, однако в говоре села Акчим Пермского края отмечен глагол *жидиться*: несов. ‘скупиться’. *Не дает никому ничего, жидится!; Жидятся! В картов истолкут эдакий кусочек!* (Акчим I: 260). Очевидно, этот глагол является коми-пермяцким заимствованием, т.к. многие русскоязычные сѣла Пермского края ещё относительно недавно были комиязычными.

В коми языке у слова *жыд* нет этнической семантики, издавна в языке лишь слово *еврей* обозначает указанный народ, напр., *Ерусалимын патриций, код Римын плебей! Мывкыдтӧм лоис и сертӧм еврей* (Куратов 1979: 155) ‘В Иерасулиме патриций тот, кто в Риме плебей! Безрассудным стал и незаметный еврей!’. В современном русском языке слово *жид* имеет следующие значения: **жид** 1. Разг. устар. То же, что еврей. 2. Груб. прост. Презрительное, бранное название еврея (СРЯ I: 483). Последнее значение расширилось в русском языке лишь в последние десятилетия. Народный артист СССР, еврей по национальности, В. Этуш вспоминает: «И вообще, кстати сказать, слово «жид» у нас во дворе ругательством не считалось. Употребляли его все. Это было нормой» (Этуш 2012: 14). Слово одинаково звучит в славянских языках (блг. *жыд*, укр. *жид*, чеш. *žid*, польск. *żyd*), по происхождению это итальянское заимствование через ретророманские языки, ср. ит. *giudeo* ‘еврей’ (Фасмер II: 53). Само итальянское слово восходит к латинскому *judaëus*, исторически к названию одного из еврейских племен. Славяне с IX в. уже знали это слово, которое было заимствовано и древними венграми, ср. *еврей* – *zsidó férfi*, *еврейка* – *zsidó nő*, *еврейский* – *zsidó-* (Szabó 1989: 123).

В пермских языках слово подверглось фонетической адаптации: гласный *и* перешел в *ы*, однако пейоративное значение развилось лишь в коми и удмуртском языках самостоятельно на основе известного этностереотипа относительно евреев как ростовщиков, перекупщиков и т.п. Если посмотреть на материал русских диалектов, то в говорах Пермского края у слова *жид* есть пейоративное значение лишь в составе одного образного выражения: **жид** = *Будь ты жид!* Экспр. Бранное. *Будь ты жид ты, по чё и ходила в чулан – забыла!* Карагай (СПГ 1: 261). В других русских диалектах у слова *жид* развились предметные значения ‘воробей’ и ‘чернильная клякса’: **Жиды** *опять хлеб клюют* (Курск, Тамбов, Куйбышев), клякса (Смоленск) (СРНГ 9: 168). На основе этого можно заключить, что развитие пейоративного значения ‘скупердяй’ у слова *жыд* в пермских языках представляет собой совершенно оригинальное явление.

11. **татарин** кз. ‘пакостник, клянчащий, назойливый’ / кп. ‘чужак, пришлый, бессердечный человек’

Слово *татарин* из разряда почти забытых, такое ругательство помнят немногие: в присытывкарском диалекте, часто при обращении к детям, оно обозначало пакостника, что-то вечно клянчащего, назойливого человека (сообщение Н.К. Забоевой, говор с. Шошка Сыктывдинского района РК). В нижнеиньвенском коми-пермяцком диалекте этим словом называли чужака, пришлого человека (сообщение уроженки с. Крохалево О.П. Аксеновой). А в северном кочевском диалекте слово обозначает ‘бессердечный человек’ (сообщение носителя говора с. Кочево Н.А. Мальцевой). Норматив-

тивные словари коми языков указывают лишь этническое значение слова: *татарин* ‘татарин’ (КРК: 649; КПРС: 481). Коми никогда напрямую не контактировали с татарами, поэтому пейоративное значение возникло, вероятно, на основе этностереотипа, привнесенного русскими, или на основе контактов с русским населением. В удмуртском языке у соответствующего слова *бигер* ‘татарин’ пейоративного значения не отмечено, однако у словосочетания *бигер кышно* ‘татарка, жена татарина’ есть коннотативные значения как положительного, так и отрицательного плана: ~ *кышно* перен. ‘смелая, пронырливая женщина; обманщица, лгунья’ (УЭК: 69).

В русский и другие славянские языки этноним (укр. *татар*, *татарин*, др.-русс. *татары*, сербохорв. *татар*, *татарин*, чеш., польск. *tatar*) был заимствован из тюркских языков, ср. древнетюрк. *tatar* – название жителей страны на севере Китая (Фасмер IV: 27). Есть и иные этимологии. В русских диалектах на основе этнонима развилось множество значений как пейоративных, так и предметных: **ТАТАРИН**. Неодобрительно о бестолковом человеке. *Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка*. Жуланова Сол. (СПГ II: 434); **ТАТАРИНЬ** и **татарник**, название разных колючих сорных трав (Даль IV: 392). Всего в русских диалектах отмечено целых 12 дополнительных неэтнических значений слова: **Татарин**. 1. О хитром, лукавом человеке. 2. О скупом человеке. 3. Прозвище черноволосого человека. 4. О человеке, не соблюдающем постов. 5. Представитель различных национальностей, говорящих на тюркских языках. 6. Особо взимаемый сбор на общественные нужды. 7. Бранное слово. 8. Металлический сосуд округлой формы с ручками, котел. 9. Растение репейник. 10. Растение чертополох. 11. Растение бодяк. 12. Растение пикульник жабрей (СРНГ 43: 303). Отметим попутно и то, что в русском языке также и слово *мордовинь* развил значение ‘сорная трава’ (Даль IV: 392).

13. **чуваш** кз. иж. ‘трус, сторонящийся людей, нелюдим’.

Ранее не зафиксированное в словарях слово-пейоратив было выявлено методом опроса носителей ижемского и присыктывкарского диалектов, где оно употребляется в значениях «трус, сторонящийся людей, нелюдим». Несомненно, этот этноним был заимствован из русского языка, где также, вероятно, имел этностереотип с отрицательной оценкой. В русский язык слово *чуваш* проникло в VI в., по мнению М. Фасмера – из тюркских языков, ср. тат. *džyvaš*, кирг. *jyvaš* «мирный, радушный» (Фасмер IV: 376). Слово *чуваш* является самоназванием одноименного народа в формах *чѧваш*, *чѧвашем* (форма мн. числа), в русских источниках известно с XVI в. Слово заимствовано в марийский, удмуртский и другие финно-угорские языки. Отрицательно-оценочная коннотация в коми диалекты, возможно, проникла посредством культурно-языкового влияния на ижемцев со стороны представителей северных, поморских русских диалектов, где на осно-

ве традиционного этностереотипа возникли пейоративные значения этнонима. В. Даль в своем словаре отмечает: **ЧУВАША** твр. пск. чуварыка смл. об. 'неопрятный человек'. *Чуваши-чуваши*, так скликают свиней; чух-чух, чуш-чуш (Даль IV: 611). Однако, вероятно, значение 'трус, сторонящийся людей, нелюдим' в коми-зырянских диалектах возникло самостоятельно, так как подобных значений у слова в русских диалектах не зафиксировано.

14. **кыргыз** кз. 'нечистая сила, чёрт', кп. 'тучный, неповоротливый человек'.

Слово не зафиксировано в диалектных словарях, оно употребительно в нижневыхгодском диалекте (по сообщению В.М. Лудыковой) в значении 'чёрт, злодей, уголовник'. И.А. Куратов употребляет лексику в переводе стихотворения А.С. Пушкина «Утопленник»:

– Коди сэні? – «Лэдз тэ менё»,	– Кто там? – Впусти ты меня,
– Кутиём войдур ветлөдлө?	– Какой разбойник ходит?
Кутиём дявл, кыргыз тэнё	Какой дьявол, какая нечистая сила
Вой шөр войын новлөдлө?	После полуночи водит?

(Куратов 1979: 192).

Поэт словом *кыргыз* передает содержание лексики *Каин*, в XIX в. совершенно непонятной для коми-зырян.

«Кто там?» – «Эй,пусти, хозяин!» –

«Ну,какая там беда?

Что ты ночью бродишь, **Каин**?

Черт занес тебя сюда

(Пушкин 1957: 252).

Вероятно, в середине XIX в. слово *кыргыз* было более употребительным в коми диалектах, что демонстрирует перевод стихотворения А.С. Пушкина. Об этом же свидетельствует его употребление в севернокоми-пермяцком кочевском диалекте в значении 'тучный, неповоротливый человек' (по сообщению Н.А. Мальцевой). Слово в русском языке изначально имело значение 'казах', однако заимствованное в XIX в. уже на коми почве кардинально изменило значение. Само же слово в русский язык проникло из тюркских языков, ср. кирг. *Qırğuz*, алт., тел. *Кургуз* (Аникин 1997: 302).

Метафорический перенос **региональный оним** → **пейоратив**.

15. **сибырак** 'бродяга, босяк, неимущий человек без дома, хозяйства, перекасти-поле'.

В коми речи адаптированное русское заимствование *сибырак* / *сибирак* развило переносное значение 'бродяга, неимущий человек, бездомный, без хозяйства, перекасти-поле'. Пример: Катя. *Тэ ещö сэні жерйөдлы пиньтö*,

сибырак... Гриша. *Ачылд нӧ мый? Эндӧм ныв?* (Савин 1982: 40) ‘Катя. Ты ещё там поскаль зубы, босяк... Гриша. Сама-то кто? Старая дева?’ В нормативных словарях коми языка слово не фиксируется. В русском языке пейоративное значение слова отсутствует: СИБИРЯК Житель, уроженец Сибири, потомственный с. (Ожегов 1986: 621).

Метафорический перенос **личное имя** → **пейоратив**.

В коми языке есть также несколько пейоративов, образованных диахронно на основе личных имен людей. Подобные образования есть во многих языках, напр., в русском и других языках *хам* ‘грубиян’, слово образовано на основе библейского собственного имени Хама (отсюда – хамитские языки), надсмевавшегося над наготой своего отца Ноя (Шанский, Боброва 1994: 348).

16. **парпӧнь** ‘лентяй, лодырь’.

Слово не зафиксировано в нормативных и диалектных словарях, оно широко употребительно в устной речи. Пример: – *Кодӧс нӧ кӧсьян корны, Попов вокъясӧс? Найӧд ӧд нэмӧвӧйся парпӧньяс* ‘Кого хочешь позвать на помощь, братьев Поповых? Они ведь давнишние лентяи’. Достаточно сложно определить причины того, на каком основании у коми возникли ассоциации лениности с этим именем, так как исторически имя с этой коннотацией никак не связано: **Парпӧнь** < от русского Парфен, Парфён < от старославянского Парфений < от греческого Parthenios: parthenos ‘целомудренный, девственный’, ср. Парфенон – название храма Афины Паллады в Афинах (Суперанская 2005: 174). Очевидно то, что в основе возникновения пейоратива было связанное словосочетание *дыш Парпӧнь* ‘ленивый Парпӧнь’, напр., *Мамыс шуӧ Микулайлы: – Тэ тай нӧ дыш Парпӧнь. Абу-й ветлӧмьд совхозад морковтӧ керны* (Чушканзі 2002, № 8: 5) ‘Мать говорит Микулаю: – Оказывается, ты ленивый Парпӧнь. Не ходил, оказывается, в совхоз убирать морковь’.

17. **малань** ‘копуша, тихоня’.

Зафиксировано в диалектном словаре как лузско-летское слово из говора с. Читаево Прилузского района (КСК I: 901). В действительности слово употребляется широко и применяется как к представителям женского, так и мужского пола, напр., – *Васяыс ӧд сэтшӧм малань, он ли мый тӧд?* ‘– Вася тот ведь такой медлительный, не знаешь разве?’ Как и в случае с *парпӧнь*, пейоративное значение никак не связано с исторически первичным значением в древнегреческом: **Малань** < от русского Маланья, Меланья < от старославянского Мелания < от греческого Melanē: melaina ‘чёрная’, ср. совр. англ., нем. Melanie (Суперанская 2005: 315). Вероятно, негативная семантика возникла из-за явного созвучия имени с основой коми глагола *маласьны* ‘медлить, мешкать’, на это указывает пример из повести коми-пермяцкого писателя В. Климова: *Видас сійӧ бригадир: «Маласян, кызд Малань бабӧ!*

Этадз тэ тиыгйон мянӧс вянь!» (Климов 1997: 172) ‘Отругал его бригадир: «Копошишься, как бабка Малань! Так ты голодом нас убьешь»’.

18. **гурдей** ‘верзила / лентяй, лентяйка’.

Зафиксировано в диалектном словаре как слово среднесысольского диалекта, из говора с. Пыёлдино в значении ‘лентяй, лентяйка’ (КСК: 382), однако лексема широко употребляется и в значении ‘верзила, туша’, напр., – *Кутиӧм ме тэньд «Манька»! Кӧза али мый?! Алкоголик! Гурдей!... Нылыдлӧн платтьӧйс киссьӧма, а быд лун тӧкаритан!..* (Безносиков 2001: 222) ‘Какая я тебе «Манька»! Коза что ли? Алкоголик! Лентяй!... У твоей дочери платье изнашивается, а ты каждый день пьёшь-заливаешь’; – *Менам кӧзайкаӧй быд лун рокӧн пӧттиуйтӧ: сёй пӧ, кузь гурдей, мед тушаӧд ещӧ нюжасалс! А ме синмӧн нин проса-гречатӧ ог аддзы* (Безносиков 2001: 217) ‘Моя хозяйка каждый день кашей потчует: ешь, говорит, длинная туша, чтобы тело ещё вытянулось! А я уже видеть просо с гречкой не могу’. Оба пейоративных значения развились в коми языковом коллективе самостоятельно, т.к. историческое исконное значение абсолютно иное: **Гурдей** < от русского Гордей < от греческого **Gordias**, ср. лат. **Gordius**; согласно легенде, царь Фригии Гордий завязал замысловатый узел, от которого зависела участь Азии; Александр Македонский этот узел развязал (Суперанская 2005: 80).

19. **мирон** кп. ‘чурка, незаконнорожденный’.

Зафиксировано в коми-пермяцко-русском словаре как общелитературное, также как и *мироння* в значении ‘незаконнорожденная’ (КПРС: 249). Пейоративное значение развилось в коми-пермяцких диалектах также самостоятельно и не связано с исконным значением, легшим в основу личного имени: **Мирон** < от греческого **Μυρόν** ‘благовонное масло миро’, ср. совр. англ. **Мугон** ‘Майрон’ (Суперанская 2005: 159).

Метафорический перенос **название группы людей** → **пейоратив**.

20. **уселон / усёлон** ‘оборванец, плохо одетый человек’.

Результатом такого переноса является пейоративное значение слова **уселон**, время образования которого можно определить в коми языке совершенно точно, в отличие от другой лексики. В последнем коми-русском нормативном словаре выделено два образования: *уселон* и *уселонеч* с двумя ЛСВ: 1) заключенный, осужденный; лагерник *разг.*; ~ **гӧтыр** ‘жена заключенного’ 2) перен. ‘плохо одетый, оборванец’ (КРК: 689). Фонетически адаптированное слово возникло в коми диалектах на рубеже 20–30-х гг. прошлого столетия на основе русской аббревиатуры, названия организации **УСЕВЛОН** «Управление северных лагерей особого назначения». Это управление располагало сетью лагерей для заключенных, сама организация существовала недолго, с 28 июня 1929 г. до 6 июня 1931 г. (сообщение кандидата исторических наук Н.А. Морозова). Лексема в прямом значении

активно употреблялась в речи коми с 1930-х гг., напр., по воспоминаниям о детстве профессора А.Г. Порошкина (1930 г.р.): *Кодкӧ ӧд оліс тайӧ чомъяс, челядь ногӧн – шпанаяс? Мам пыр и шуис: «Усёлонъясӧд, кӧнкӧ, узисны сэн»* (Порошкин 2016: 71) ‘Кто-то же жил в этом шалаше, как дети говорят – шпана? Мама сразу и сказала: ‘Вероятно, беглецы из лагерей спали там’’. Прямое значение в современном языке является архаизмом, вместо него теперь в ходу слова *пуксьӧдӧм, зык*. Пейоративное значение, основанное на переносе по внешнему сходству, является для современных коми наиболее употребляемым. Примеры: – *Мый нӧ пасьтасьӧмыд уселон моз?* ‘– Почему ты оделся как оборванец?’; – *Кыдзи тэ сэтшӧм уселоньскӧд век партитчан, асьтӧ няӧдан?* ‘– Как ты всегда дружишь с этими оборванцами, себя позоришь?’

Рассмотренный материал заметно расширяет список этнонимических слов-пейоративов в коми языке, что еще раз подтверждает тезис о большой изменчивости состава эмотивной лексики. Во многих языках на основе различных этнонимов возникли слова с отрицательно-оценочной семантикой. В русских диалектах слова *чудь, лопарь* и *зыряне* также несут пейоративные значения. По свидетельству А.Е. Аникина, в сибирских и архангельских русских говорах у слов *зырян, зыря, зырь* есть значения ‘лентяй, бездельник’, ‘некультурные, нечистоплотные люди (также шпана, хулиганы, негодяи)’ (Аникин 1997: 223). В коми им также есть параллель, широко употреблявшееся в XX в. словосочетание *роч шпана* букв. ‘русская шпана’. В целом рассмотрение коми диалектной речи представляет определенный, ранее неисследованный и частично ещё не зафиксированный лексический материал слов, который, вероятно, не является конечным в силу того, что устная диалектная речь коми малоисследована. Но уже приведенный в статье материал говорит об интересном процессе перехода имен собственных в нарицательные, что свидетельствует о том, что коми язык не находится на периферии развития языковых сообществ, что в нем происходят идентичные процессы развития и расширения лексического состава прежде всего на основе этнонимов, личных имен и кличек домашних животных.

Литература и источники

Айбабина Е.А. Некоторые аспекты функционирования этнонимов в диалектах коми языка // Вопросы коми диалектологии. Сыктывкар, 2004. С. 40–53. (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 65).

АКЧИМ – Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2003.

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.

Арбатский Л. Ругайтесь правильно! Современный словарь русской брани. М., 2007.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007.

Безносиов В. Чужан сиктын олам-вылам. Сыктывкар, 1995.

Безносиов В. Ок, и мортлөн олём. Сыктывкар, 2001.

Безелянский Ю.Н. 69 этюдов о русских писателях. М., 2008

Белых С.К. Чудь в этнической истории пермских народов // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. I. С. 48–51.

Бибин М.Т. Моносемия и полисемия в лексической системе языка // Лексикология современных мордовских языков. Саранск, 1983. С. 34–44.

Васютов Ю. Менам рӧдвуж. Сыктывкар, 1981.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I, II, III, IV. М., 1978, 1979, 1980.

Жан Морӧс (И.Т. Чисталев) Пармаса войтыр, чудь-коми котыр, Тырмаснин жугыля овны! // Коми му. 2013.09.5. № 35. 23 лб.

Карманова А.Н. Ёнія коми кыв. Лексикология. Велӧдчан небӧг. Сыктывкар, 2004.

КК – Плесовский Ф.В. Коми кывтэчасъяс (Коми фразеологизмы). Сыктывкар, 1986.

Климов В. Астыркинлӧн ар // Пармалӧн шыгӧз. Кудымкар, 1997.

КНЭ – Коми народный эпос. М., 1987.

Кодухов В.И. Общее языкознание. М., 2013.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2014.

КПРС – Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

КРК – Безносиова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукӧр. Сыктывкар, 2000.

КСК – Безносиова Л.Н., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукӧр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах. Сыктывкар, 2012, 2014. Т. I–II.

Куратов И.А. Менам муза. Сыктывкар, 1979.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. М., 2004.

Левицкий Ю. А. Общее языкознание. М., 2008.

Левицкий Ю.А. Проблемы лингвистической семантики. М., 2009.

Мальцев Н. Енкай. Сыктывкар, 2012.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М., 2010.

Некрасов А. (Гамса). Чужанінёй менам – мыла сылланкыв. Сыктывкар, 2002.

Ногиев И. Винегрет. Сыктывкар, 2011.

НРК – Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

Полищук Т.И. Концепт *глупость* в языковой картине мира (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2012.

Попова Р.П. Стилистические функции диалектной эмоционально-экспрессивной лексики в произведениях коми-пермяцких писателей // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск, 2009. С. 309–312.

Порошкин А. Менам ылі челядьдырёй... // Войвыв кодзув. 2016. № 8. 71–80 лб.

Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М., 1957. Т. 1.

Пыстин И. Бөрйём гижӧдъяс. Сыктывкар, 2009.

Рочев Я. Изъя гызьӧ. Му вежӧм. Сыктывкар, 1984.

Савваитов П.И. Зырянско-русский и русско-зырянский словарь. СПб., 1850.

Савин В. Вабергач. Пьесаяс. Сыктывкар, 1982.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

СПГ – Словарь пермских говоров. Т. I–II. Пермь, 2000, 2002.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–44. Л. – СПб., 1965–2011.

СРЯ – Словарь русского языка в четырех томах. М., 1985. Т. I.

ССД – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. М., 1980.

ССКЗД – Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.

Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005.

Туркин А.И. Кӧні тэ олан? Сыктывкар, 1977.

Туркин А. О взаимоотношениях коми и саамского языков // *Linguistica Uralica*. 1994. № 1. С. 19–27.

УД – Сорвачева Л.М., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990.

УЭК – Душенкова Т.Р., Егоров А.В., Ившин Л.М., Карпова Л.Л., Кириллова Л.Е., Титова О.В., Шибанов А.А. Удмурт-зуч кыллюкам. Ижевск, 2008.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.

Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

Цыпанов Е.А. Пейоративная лексика в произведениях Ивана Куратова // И.А. Куратов: опыт осмысления жизни и творчества. Сыктывкар, 2014. С. 107–114.

Цыпанов Е.А. Незафиксированные отэтнотонимические слова-пейоративы в коми языке // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск, 2015. С. 334–342.

Цыпанов Е.А. Гриб дождевик и его названия в коми языке // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 1. С. 86–89.

Черных В.А. Понятие о слове // Современный коми язык. Лексикология. М., 1985. С. 6–34.

Чугаев Н. Ло шудаён, коми морт! // Войвыв кодзув. 2013. 12 №. 5–7 лб.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.

Шебырев А. Кын Опонь // Войвыв кодзув. 2013. № 12. 25–28 лб.

Шлопова Л.Н. Бранная лексика в удорском диалекте коми языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001. С. 289–292.

Этуш В. Всё, что нажито... М., 2012.

Юхнин В. Мураши тракт // Войвыв кодзув. 2017. № 1. 73–80 лб.

Яатс И. Клавдий Попов о зырянах (1874) // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Йошкар-Ола, 2004. С. 238–241.

ЯОС – Ярославский областной словарь. Учебное пособие. Ярославль, 1991.

Jacobson R. Linguistics and poetics // Style in language. N.Y.; L. 1960.

Fokos-Fuchs D.R. Syrjänisches Wörterbuch. T I, II. Budapest, 1959.

Rédei K. Neuere Beiträge zu den juraksamojedischen Lehnwörtern in der syrjänischen Sprache // Linguistica Uralica. XXIX 1993 № 4. S. 277–283.

Szabó M. Orosz magyar zsebszótár. Budapest, 1989.

Uotila T.E. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Helsinki, 1942.

Wiedemann F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register. St. Petersburg, 1880.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
<i>Айбабина Е.А.</i> Наименования процесса выпадения снега в коми языке	6
<i>Гуляева Н.И.</i> Коммуникемы в коми языке: функционально-семантический аспект	14
<i>Лудыкова В.М.</i> Частнооценочные прилагательные в высказываниях коми языка.....	32
<i>Мусанов А.Г.</i> Заселение верхней Печоры по топонимическим данным....	38
<i>Некрасова Г.А.</i> Конкуренция пролативных суффиксов в коми языке: опыт корпусного исследования.....	53
<i>Некрасова О.И.</i> Коми-пермяцкие деепричастия: формы, значения, функции.	64
<i>Понарядов В.В.</i> Вокализм второго слога в пермском праязыке.....	109
<i>Попова Э.Н.</i> Общее особенное в синтаксисе разговорной речи коми и пермских русских говоров.....	117
<i>Пунегова Г.В.</i> Качественно-количественные характеристики гласных в коми языке (в сопоставлении с русским языком).....	127
<i>Ракин А.Н.</i> Структурные особенности метеорологической лексики удмуртского языка	140
<i>Сажина С.А.</i> Местоимение в языке кировских пермяков	152
<i>Федосеева Е.Н.</i> О некоторых коми-зырянско–коми-пермяцких лексических расхождениях.....	176
<i>Цыпанов Е.А.</i> Опыт исследования пейоративной лексики коми языка: отонимические образования.....	190

УДК 811.511.132'373'367.625:551.5

Айбабина Е.А. Наименования процесса выпадения снега в коми языке // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 6–13. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

В статье рассматривается лексика коми-зырянского языка, номинирующая процесс выпадения снежных осадков. Выявлены различные виды семантической мотивации наименований, используемых как в безлично-предикативных конструкциях, так и в составе двучленных предикативных единиц.

Ключевые слова: коми язык, диалекты, литературный язык, метеорологическая лексика, глаголы

УДК 811.511.132'367'37

Гуляева Н.И. Коммуникемы в коми языке: функционально-семантический аспект // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 14–31. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

В статье проанализированы коммуникемы в коми языке, выделены и описаны их функционально-семантические типы, выявлены особенности их функционирования. Установлено, что коммуникемы в коми языке широко распространены в качестве связующего компонента в речи коммуникантов, способствующих достижению ими установленных целей, улучшению процесса общения.

Ключевые слова: коми язык, синтаксис, коммуникемы, функционально-семантические типы, эмоционально-оценочные коммуникемы, вопросительные коммуникемы, побудительные коммуникемы, этикетные коммуникемы, коммуникемы утверждения / отрицания, контактоустанавливающие коммуникемы, хезитативы

УДК 811.511.132'367.623'366.55

Лудыкова В.М. Частнооценочные прилагательные в высказываниях коми языка // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 32–37. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

В статье впервые анализируются оценочные прилагательные коми языка: выделены их семантические подгруппы; рассмотрены словантенсификаторы, сочетающиеся с оценочными прилагательными; отмечена их роль для выполнения коммуникативных задач говорящего субъекта.

Ключевые слова: коми язык, имя прилагательное, синтаксис, семантика

УДК 94:81'373.2:325.11(470.13)

Мусанов А.Г. Заселение Верхней Печоры по топонимическим данным // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 38–52. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

В статье на основе топонимических данных анализируются основные направления расселения Верхнего Припечорья: южное (юго-восточное), распространяется с Камского (Вишерского) бассейна Пермского края, фиксируется в речных названиях и представлен гидронимами финно-пермского (преимущественно восточнофинского) происхождения; западное (юго-западное), связанное, главным образом, с миграцией населения с территорий Вычегодского, Сысольского, Вымского, Мезенского бассейнов, наблюдается в ойконимии и микротопонимии, в названиях средних и незначительных рек, озер.

Ключевые слова: топонимическая система, верхняя Печора, субстрат, семантика, история заселения, гидронимия, ойконимия

УДК 811.511.132'373.611

Некрасова Г.А. Конкуренция пролативных суффиксов в коми языке: опыт корпусного исследования // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 53–63. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

В статье описываются результаты корпусного исследования употребления пролативных суффиксов в современном коми языке. Выявлено соотношение суффиксов при выражении пространственных и непространственных значений, установлены их семантические предпочтения. Определены основные тенденции развития вариативности и семантических изменений суффиксов.

Ключевые слова: коми язык, падеж, пролатив, просекутив, транзитив, конкуренция грамматических форм

УДК 811.511.132'367.625.4

Некрасова О.И. Коми-пермяцкие деепричастия: формы, значения, функции // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 64–108. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

В статье исследуются деепричастия (конвербы) коми-пермяцкого языка. Определяются опорные формы деепричастий, особенности выражения временного отношения между финитной формой и деепричастием (одновременность – разновременность), рассматриваются неопределен-

ные и определенные деепричастия, односубъектные / разносубъектные конструкции, синтаксические функции деепричастий, процессы перехода в другие части речи.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, деепричастие, деепричастный оборот, конверб, сказуемое, адвербиализация, переход в другие части речи, двойное отрицание, одновременность, разновременность, обстоятельство

УДК 811.511.13'342.4

Понарядов В.В. Вокализм второго слога в пермском праязыке // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 109–116. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

В статье производится реконструкция системы гласных второго слога в пермском праязыке и описываются правила диахронического преобразования пермской прасистемы в языках-потомках. Устанавливаются позиционные условия, предопределившие расщепление рефлексов. Исследование проведено в соответствии с методологией сравнительно-исторической компаративистики.

Ключевые слова: пермский праязык, историческая фонетика, гласные второго слога

УДК 811.161.1'282.3'367-25

Попова Э.Н. Общее особенное в синтаксисе разговорной речи коми и пермских русских говоров // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 117–126. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

Работа посвящена рассмотрению и анализу особых (специфических) синтаксических конструкций (*да коді (код) да, да мый да, ли коді (код) ли, ли мый ли* и т.д.), характерных для коми-зырянской и коми-пермяцкой речи – близкородственных коми языков. Исследование позволило выявить, что аналогичные конструкции (*да кто да, да че да, да как да, ли кто ли, ли как ли* и т.д.) фиксируются в пермских русских говорах. Путем сопоставительного анализа выявлены черты их типологического сходства, а также предпринята попытка выяснить природу их происхождения в разносистемных языках. Работа представляет материал для интерпретации отдельных явлений коми и русского диалектного синтаксиса.

Ключевые слова: коми языки, разговорная речь, пермские русские говоры, диалектный синтаксис, особые (специфические) синтаксические конструкции

УДК 81'342.41=511.132=161.1

Пунегова Г.В. Качественно-количественные характеристики гласных в коми языке (в сопоставлении с русским языком) // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 127–139. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

В работе проанализированы и описаны акустические характеристики гласных коми языка в сопоставлении с данными формантных значений гласных в русском языке. Исследуемый материал позволил выявить расположение формантных значений гласных в исследуемых языках на артикуляционной плоскости и описать степень их фонетического сходства или различия. Формантные значения F I – F II позволили выделить группы с высоким, средне-высоким, средним, средне-низким и низким расположением формант на спектре. Частотные характеристики формант исследуемого экспериментально-фонетического материала послужили основанием для более точного определения артикуляционного ряда и подъема гласных в коми и русском языках.

Ключевые слова: гласные звуки, формантные значения гласных, акустические характеристики, артикуляционные характеристики, подъем гласного, ряд гласного, спектр, спектральная картина, голосовой источник, спонтанная речь, ранг гласного

УДК 811.511.131'373.611:551.5

Ракин А.Н. Структурные особенности метеорологической лексики удмуртского языка // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 140–151. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

Работа представляет собой структурно-словообразовательный анализ метеорологической лексики удмуртского языка. В статье выделяются и рассматриваются три структурных типа метеонимов: однословные названия (непроизводные и производные), композиты или сложные слова, составные обозначения. Непроизводные метеонимы состоят из корневых морфем, многие из них являются немотивированными древними словами. Все без исключения производные названия являются суффиксальными образованиями. Сложные слова представляют собой двучленные обозначения в слитном или дефисном написании и занимают промежуточное положение между однословными названиями и метеонимами, состоящими из двух и более слов. Составные обозначения образованы по 19 структурным моделям с использованием знаменательных частей речи, причастий, деепричастий и служебных слов.

Ключевые слова: удмуртский язык, метеорологическая лексика, структурные типы, однословные метеонимы, композиты, составные названия

УДК 811.511.132'367.626

Сажина С.А. Местоимение в языке кировских пермяков // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 152–175. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

В статье рассматривается специфика системы местоимений верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка. Предметом изучения являются морфологическая структура и особенности функционирования личных, усилительно-личных, указательных, вопросительных, отрицательных, неопределенных, обобщенно-определятельных, взаимных местоимений. Эмпирическую базу исследования составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в район проживания кировских пермяков в период с 2002 по 2012 г.

Ключевые слова: коми язык, коми-пермяцкий язык, верхнекамское наречие, язык кировских пермяков, морфология, местоимение

УДК 811.511.132'373

Федосеева Е.Н. О некоторых коми-зырянско–коми-пермяцких лексических расхождениях // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 172–189. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

Статья посвящена анализу отдельных случаев лексических пермяцко-зырянских расхождений. В ней рассмотрены слова, изоглоссы которых образуют границу, разделяющую коми-пермяцкие и коми-зырянские диалекты. В работе предпринята попытка выяснить причины возникновения этих расхождений.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, коми-зырянский язык, диалект, лексика, лексическое расхождение

УДК 811.511.132'373.4

Цыпанов Е.А. Опыт исследования пейоративной лексики коми языка: отонимические образования // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар, 2019. С. 190–219. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).

Статья посвящена вопросам изучения одного из основных разделов эмотивной лексики коми языка – пейоративов, как лексем, так и пейоративных значений существительных, возникших на основе вторичной номинации в ходе исторического развития лексики. В работе даны особенности структуры лексического значения слов такого вида, которая достаточно четко отражает специфику национального семантического фрагментирования на базе народных представлений о характерах и типах людей, реже жи-

вотных. Более подробно рассмотрена группа нейтрально коннотируемых этнонимов, исторически сформировавшихся в коми устной речи на основе различных слов, адресованных соплеменникам-коми в различных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: коми язык, лексические средства языка, эмотивная лексика, пейоративы, развитие вторичных значений, метафорический перенос этноним → пейоратив, развитие полисемии и омонимии

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
КОМИ И ПЕРМСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Подписано в печать 25.11.2019.
Уч.-изд. л. 13,12. Усл. печ. л. 13,25. Тираж 300 экз. Заказ № 19-9870.

Информационно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми научного центра УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с готового
оригинал-макета в соответствии с качеством предоставленных материалов
167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

